РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)

ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ РГЭУ (РИНХ)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Монография

Ростов-на-Дону
Изд-во РГЭУ (РИНХ)
2017

УДК 327:339
ББК 66.4:65.5
А 585

Научная редакция:
А.У. Альбеков, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ
Г.Г. Матишов, д.г.н., академик РАН
А.М. Старостин, д.п.н., профессор

А 585 **АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ**. Кол. моногр. Научн. ред.: А.У. Альбеков, Г.Г. Матишов, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. – 400 с.

ISBN…

В монографии анализируются новые концептуальные подходы к феномену глобализации, а также репрезентируются новые методы и методики оценки и прогноза проявлений глобализации в различных аспектах и ее проекции на региональном и локальном уровне (глокализация).

Монография подготовлена на основе материалов докладов и сообщений «Круглого стола» с международным участием «Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики», проведенного 14-15 декабря 2017 г. в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ).

ISBN…

© РГЭУ (РИНХ)
© Альбеков А.У., Матишов Г.Г.,
Старостин А.М., кол.авторов

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке, политике, экономике, в общественном мнении достаточно устоялся и занял свое место концепт «глобализации общества». В последние годы в глобальных процессах обозначились серьезные разрывы, турбулентные проявления, что прежде всего коснулось функционирования экономических и политических институтов, обеспечивающих глобализацию и связанного с сужением их функций.

Данные проявления обозначают разными терминами, которые отражают различные версии в понимании природы наблюдаемых глобальных дисфункций в управленческой сфере: «деглобализация», «глобальная перестройка», «переход к альтернативным моделям глобализации»[1]. В связи с этим необходимо более четко определиться: с чем на самом деле мы имеем дело, и каковы могут быть дальнейшие конструктивные шаги.

С одной стороны, результаты исследований и различных интерпретаций процесса глобализации концентрируются в полидисциплинарной области научных исследований, получивших название «глобалистика»[2].

Следует отметить, что «глобалистика» на сегодняшний день представляет не ***меж***дисциплинарную, а ***много***дисциплинарную область исследований. Хотя сама проблема глобализации и требует перехода на междисциплинарный уровень, но современная матрица науки не способствует этому. В то же время проблема сборки научно-дисциплинарных образов глобализации в целостный образ поставлена. Однако примеров сборки на сегодняшний день очень мало и они нас не вполне устраивают.

---

[1] Глобальная перестройка. (Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой). – М.: Изд-во «Весь мир», 2014; *Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: Изд-во РИСЭН, 2008; *Старостин А.М.* Альтернативные модели глобализации с позиций философской инноватики // В моногр. *А.М. Старостин.* Summa philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.

[2] Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.–СПб., 2002.

Другой аспект в развитии глобалистики связан с определенным «забеганием» вперед прикладных аспектов по отношению к фундаментальным.

И, наконец, следует подчеркнуть наличие существенных моментов политико-идеологического воздействия, способствующих лоббированию взглядов, интересов, подходов отдельных крупных государств, союзов государств, крупных ТНК и репрезентации выдвигаемых ими образов и концептов глобализации в качестве универсальных и «подлинно глобальных».

В этом плане на передний план в социальной теории, коль речь заходит о становлении глобальных форм социального бытия, выходят концепции, анализирующие *качественную* (а не только количественную) динамику социальных изменений. Следует отметить, что еще в начале 90-х гг. XX в. в свод востребованных социальных концепций, отражающих прежде всего глобальную социальную динамику и ее истоки, вошли разные версии доктрины общества риска (Э. Гидденс, У. Бек)[1], в которых подчеркивалось, что если в классическом индустриальном обществе в центре внимания стояли вопросы накопления богатства и способов его более справедливого распределения, то в эпоху развитой (глобальной) современности – это безопасность.

Что касается традиционной сферы политики, деятельности Правительства, то оно теряет часть власти, поскольку, согласно У. Бека, основные риски исходят из «субполитики» – действий крупных компаний, научных лабораторий. Именно в субполитической системе «действуют структуры нового общества в направлении конечных целей прогресса в знании, вне парламентской системы, не в оппозиции к ней, а просто ее игнорируя»[2]. Следует заметить, что за четверть века после появления этой доктрины значимость ценностей глобальной и локальной безопасности только возрастала. Точно так же, как растет число факторов рисков и угроз. К числу ведущих из них относится крупномасштабная террористическая деятельность, вышедшая на пороги применения оружия массового поражения и уничтожения (ядерное, биологическое, химическое), а также экстремальные природные катастрофы, влекущие глобальные последствия (быстрые климатические изменения, извержение вулканов, астероидная опасность).

Между тем, международная практика, основанная, начиная с 70-х гг. XX в. («Римский клуб») на научных моделях и классических концепциях глобалистики, показала, что попытки глобального управ-

[1] *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. – СПб.: Питер. 2002. С. 493–496.
[2] *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. С. 223.

ления, основанные на координации действий государств, крупных корпораций и влиятельных международных организаций, имеют низкую эффективность. Об этом пишут идеологи «Римского клуба», анализируя последствия событий по прошествии 30 лет после выхода эпохальных «Пределов роста»: человечество уже расходует примерно на 20 % больше, чем допускает уровень самоподдержания… Оно уже вышло за пределы и находится в неустойчивой области. Однако во всем мире понимание этой проблемы удручающе слабое»[1].

Подводя предварительные итоги сказанному, подчеркнем два обстоятельства: во-первых, нарастание когнитологического дефицита в области понимания сущности и механизмов глобальных проблем; а, во-вторых, недостаточность и противоречивость усилий государств и межгосударственных акторов в сфере выстраивания системы глобального управления.

В этом контексте в качестве нового направления предлагается концепция «альтернативной глобалистики», где в качестве основы выдвигается исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке ***меж***дисциплинарного взгляда на нее.

В целях реализации поставленных фундаментальных проблем и их реализации в прикладных подходах и разработках в РГЭУ (РИНХ) организован Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации. Он предназначен осуществлять следующие функции:

– Обеспечение проведения фундаментальных и прикладных исследований и разработок в области междисциплинарных исследований глобальных и глокализационных процессов.

– Организацию подготовки рекомендаций по внедрению передовых методов и приемов управления, улучшению организации органов государственной власти и местного самоуправления субъектов Российской Федерации, в компетенции которых находятся вопросы оптимизации и контроля трансграничных потоков товаров, услуг, информации, рабочей силы, туризма, действий неправового и теневого характера.

– Проведение нормативно-исследовательских и экспериментальных работ, экспертных заключений, подготовка материалов для

[1] *Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л.* Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ, 2012. С. 19–20.

корпораций, бизнес-структур по организации информационной и управленческой деятельности в сфере глобальной и глокальной деятельности: структур управления, должностных инструкций, методических документов, подбора и обучения персонала.

– Участие в разработке образовательных программ и методических материалов в области глобальных процессов и глокализации и содействие их продвижению в учебный процесс и подготовке бакалавров, специалистов, магистров, аспирантов РГЭУ (РИНХ).

Развертывание деятельности Института позволит не только понять критически важные для нашего региона процессы глобальной природы, но и принять меры предупреждения угроз и рисков такого рода и подготовить кадры, обладающие компетенциями глобального управления.

Предлагаемая монография является первым срезом деятельности Института. Она призвана конкретизировать его деятельность применительно к решению задач, имеющих важное значение в области анализа, прогноза, разработки рекомендаций, касающихся протекания глобальных и трансрегиональных процессов.

I
СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИСТИКА КАК НАУЧНЫЙ КОНСТРУКТ И ИДЕОЛОГЕМА. МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Старостин А.М.,
докт. полит. наук, проф., директор
Института междисциплинарных проблем
глобальных процессов и глокализации
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИСТИКА В АСКРЕПТИВНОЙ, ДЕСКРИПТИВНОЙ И ЭССЕНЦИАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИЯХ

Обращаясь к анализу проблем современной глобальной динамики, отражаемых в современной глобалистике, подчеркнем, что она определяется в фундаментально-научном аспекте исчерпанием исследовательского потенциала секторного (монодисциплинарного) и полидисциплинарного научного подхода к глобализации и необходимостью выдвижения концептов (паттернов), базирующихся на междисциплинарном подходе. В ценностно-идеологическом плане картина социально-глобальной эволюции, замкнутая на социалистические, либералистские, анархистские, консервативные подходы претерпела кризис и перестала выполнять оптимальные социально-ориентирующие функции для обоснования перспективных экономических, социальных и политических решений стратегического уровня на государственном и межгосударственном уровнях.

В глобально-управленческом аспекте исчерпаны схемы политико-экономической регуляции, основанные на глобальных образах «биполярности» и «однополярного мира», «глобальной иерархии», а стратегические схемы полиархического глобального управления и взаимодействия пока не выработаны, либо только вступили в фазу первичной апробации[1].

[1] *Старостин А.М.* Глобальная и глокальная данджерология как междисциплинарное направление // В сб. «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы». – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 343-350.

В аспекте локально-социальной и личностной идентичности исчерпаны возможности социализации по типу традиционного общества и общества модерна, начинают преобладать регулятивы идентичности многосоставного и многоуровневого характера, что скорее дезориентирует социальные группы и индивидов, не создает дальнесрочные перспективы развития личностного и социального характера.

Все отмеченные аспекты требуют своего когнитивного и управленческого переформатирования и введения в русло сбалансированного когнитивно- и ценностно-ориентирующего стратегического видения.

Вместе с тем, это не только создает ощущение объемной и разнонаправленной картины современной глобализации, но и наличия в ее составе разнородных компонентов, ориентированных на репрезентацию феноменологии глобальных процессов, ее сущностных составляющих и прикладных моментов различной направленности.

Это требует определенного упорядочения имеющегося материала, дабы не смешивать между собой доказанные факты и положения с мифологическими конструкциями и суждениями по-существу. Применительно к такому многообразному содержательному и логическому конгломерату принято классифицировать разные его составляющие на аскрептивные, дескриптивные и эссенциативные элементы. Поясним, что имеется в виду. Терминологически под аскрептивным подходом, аскрептивным дискурсом имеется в виду ориентация на компоненты целеполагания, конструирования, которые конечно не могут быть не замкнуты на групповые и корпоративные интересы или специфику деятельностной позиции субъекта (когнитивная, управленческая, коммуникативная, технологически-преобразовательная). Отсюда и термин – аскрептивный – предписывающий, направляющий.

Необходимость выделения данного аспекта обусловлена достаточно быстрым и объемным включением в оборот политических дискуссий и в состав политических и экономических решений на глобальном уровне целого ряда основополагающих для современной глобалистики моделей и гипотез, не прошедших всесторонней апробации и верификации: «устойчивое развитие», «исчерпаемые ресурсы», «перенаселенная планета», «озоновые дыры», «парниковый эффект», «глобальное потепление». Они были выдвинуты в последние несколько десятилетий, однозначно интерпретированы на уровне доминирующих в экономическом и военно-политическом отношении государств и влиятельных международных организаций. Был подписан ряд протоколов и соглашений на межгосударственном уровне (Рио-де-Жанейро, Монреаль, Киото и др.) и принят к регулятивному исполнению и координации.

Однако большая часть этих решений либо не принята значительной частью научного сообщества из-за недостаточной эмпирической и верификационной базы либо признана тенденциозной[1].

Можно называть данные суждения мифоподобными, идеологизированными или метафорическими. Но, основываясь на них, кое-кто успел «наварить» экономический и политический капитал. По отношению к аскрептивному дискурсу, который в основе своей содержит незавершенные или однобокие научные изыскания, следует относиться и критически, и иметь под рукой альтернативную научную базу.

Аскрептивный дискурс дополняется дескриптивным – описательным, дающим весь спектр глобальных проявлений, который может содержать альтернативные проявления. Достаточно напомнить, что современная глобалистика начиналась с каталогизации и описания достаточно большого числа глобальных проблем человечества. Они имеют различные причины: космологические, экологические, экономические, социокультурные. Описание и изучение этих проблем далеко не закончено, точно так же как не всегда ясны причины, их породившие и степень их пролонгированности и проявленности во времени и пространстве (циклические и непериодические, повторяющиеся и спонтанные и т.п.). Данный тип дискурса в глобалистике, несомненно, ведет к эссенциальному[2] – сущностному, направленному на выявление закономерности, тенденции. Здесь производится обобщение однородных и разнородных феноменологических характеристик. И, конечно, именно здесь концентрируются наиболее значимые концепты глобалистики: «биосфера», «ноосфера», «глобализация», «глокализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация» и др. Определенно значимыми выступают социальные концепты, в которых отражается типологически целостная модель социума, динамика развития которого выводит цивилизацию на глобальный уровень: «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», «коммунизм», «глобальная цивилизация», «космическая цивилизация», «общество массового потребления», «общество всеобщего благоденствия» и др. Без таких сущностных конструкций холистского уровня невозможна корректная систематизация семейства глобальных проблем, их объяснение и прогнозирование.

---

[1] См.: *Кокин А.В., Кокин А.А.* Современные экологические мифы и утопии. СПб., 2008; Городницкий А.М. Тайны и мифы науки. В поисках истины. М.: Изд-во Эксмо, 2014.

[2] См.: Эссенциализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 1173-1174.

Оценивая с приведенных методологических позиций современное состояние глобалистики, следует дать репрезентацию собственной позиции, собственного подхода. Мы исходим, оценивая когнитивную ситуацию в современной глобализации, как невышедшую пока из системы альтернативных моделей. Это связано как с неоформленностью интенций самого глобализирующегося социума, так и с когнитивными сложностями, замкнутыми на дескриптивный и эссенциальный дискурсы. Основные сложности здесь связаны с несформированностью методологии междисциплинарного и других видов интегративного дискурса и с неотрефлексированностью методологии глобального опыта.

Имея это в виду, тем не менее, дадим репрезентацию концепта «альтернативная глобалистика».

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему).

Основания альтернативных моделей глобализации

a) продолжение секторного подхода (прежде всего макроэкономического и геополитического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности	b) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне	c) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Федоров, Циолковский, Т. Де Шарден, Вернадский, Карданцев) как становление космической цивилизации I уровня

Схема

В качестве приоритетной модели нами видится эволюционно-антропологическая («новая антропологическая революция»), в рамках которой происходит смена фундаментальных установок организации социальной жизни на уровне массового социального бытия (переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации духовного капитала). Ее существенные проявления и предпосылки уже просматриваются в организации жизнедеятельности значительного слоя людей нескольких наиболее развитых стран мира. Существо изменений заключается в скачкообразном переключении деятельности, характерной для так называемого «креативного класса». Но при этом востребуются и принципиально новые технологии, в том числе соци-

ально-гуманитарные. И явно обозначаются установки на развитие и расширенное воспроизводство прежде всего человеческого капитала, а не промышленного потенциала, финансового капитала и других, отчужденных от живой человеческой, прежде всего духовной деятельности, видов капитализации труда и других видов деятельности.

В этом аспекте актуальной видится разработка расчетной модели «порогов роста», позволяющей наметить авангардные и периферийные социальные кластеры, в рамках которых возможен переход к фазе самореализации в массовом слое на личностном и групповом уровне.

Большая детализация о сказанном требует более пространных суждений, которым мы посвятим следующие статьи.

Обращаясь к рассмотрению современной глобальной динамики с учетом уже имеющегося когнитивного опыта, и, прежде всего, имея в виду контекст альтернативных подходов и их оснований, обозначим основные коллизии современной глобальной динамики (глобальный контекст и детерминанты его неустойчивости).

а) Прежде всего, это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века и связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира». В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к ***глобальной демократии***. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что может также занять 25-30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации.

б) Не следует упускать из вида, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным ***процессом государствообразования***. За период с конца 40-х годов (около 65 лет) число государств в мире выросло более чем втрое. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточно-европейской социалистической системы[1]. Именно государствообразующий процесс способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополи-

[1] *Губарев П.Ю., Медяник И.А., Самыгин С.И., Старостин А.М.* Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. – М.: М.: РУСАЙНС, 2017.

тическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада.

в) Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального контекста выступают ***цивилизационные факторы***, возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияло как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских религиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал.

г) следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста ***культурно-антропологических факторов***. Они связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества за послевоенный период на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15-20%) – на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25-30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что, скорее всего, отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием на обеспечение мотивов и потребностей высокого уровня.

Заключая сказанное о современном состоянии и дальнейших путях развития глобалистики, подчеркнем тот факт, что ее многоверсионность, наличие альтернативных подходов, значимая проблемность и недосказанность – это нормальный путь эволюции представлений о сложном и очень специфичном объекте познания, несоизмеримом по ряду параметров с обычными, включенными в практику человеческого познания объектами. И путь этот очень длительный. Тем более, что сам объект еще находится в процессе своего становления.

Урсул А.Д.,
заслуженный деятель науки РФ, докт. филос. наук,
директор Центра глобальных исследований,
профессор факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова, академик АН Молдавии
(г. Москва)

БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Глобальный кризис антропогенного происхождения, угрожающий человеческой цивилизации, усиливается в результате обострения мировых проблем и других негативных социальных и социоприродных процессов[1]. Угрозы и опасности обрели общепланетарный характер и масштаб (что, например, демонстрирует экологическая проблема) и уже невозможно выйти из общецивилизационного кризиса без широкого использования новых способов и механизмов обеспечения безопасности цивилизации.

До недавнего времени развитие и безопасность рассматривались как отдельные направления теоретических исследований, исходя из предположения, что развитие и обеспечение безопасности – это два самостоятельных процесса, представляющих относительно независимые экзистенциально-деятельностные сферы. Однако появление в отечественной и зарубежной литературе ряда публикаций[2] свидетельствует

[1] *Колин К.К.* Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6–12; *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de.* Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: LynnieRienner, 1998. 236 p. С. 139–146.

[2] *Бартенев В.И.* Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97; *Бартенев В.И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. №3. С. 37–50; *Романович А.Л.* Развитие и безопасность. М.: Ступени, 2003. 386 с.; *Урсул А.Д.* Взаимосвязь безопасности и развития в контексте универсального эволюционизма // Национальная безопасность / notabene. 2009. № 5. С. 51–64; *Amer R., Swain A., Öjendal J.* The SecurityDevelopment Nexus: Peace, Conflict and Development. London: Anthem Press, 2012. 228 p.; *Chandler D.* The Security-Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy // Journal of International Relations and Development. 2007. Vol. 10. No. 4. Pp. 365–386; Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodlogies. Ed. by Hintjens H., Zarkov D. London: Routledge, 2015. 324 p.; *Hettne B.* Development and Security: Origins and Future // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No 1. Pp. 31–52; *Jackson P.* Handbook of International Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 475 p.; *McNeish J.-A., Lie J.H. S.* Security and Development. New York: Berghahn Books, 2010. 159 p.; *Saliba-Couture Ch.* Les liens entre

о том, что в ходе междисциплинарных поисков научное сообщество начало осознавать их имманентную взаимосвязь.

Важно понять, объяснить и предвидеть трансформации и распространение понятия «безопасность» в пространстве научного знания и выявить его связь с понятием «развитие», которое гораздо раньше появилось и шире используется. Не менее важно в междисциплинарно-глобальном ракурсе выявить основания, лежащие в фундаменте экспансии проблемы и понятия «безопасность» в пространстве научного знания и значение объединения с понятием «развитие» в концепции устойчивого развития. Кроме того, наблюдается глобализация понятия «безопасность»; оно включается в глобальные исследования и на этом пути открываются возможности становления новых областей глобального направления науки.

Безопасность в самом широком смысле характеризует устойчивый способ бытия того или иного объекта, сохранение его в условиях внутренних и внешних негативных воздействий. Обеспечение безопасности выражает возможность и способность объекта к самосохранению и дальнейшей эволюционной самоорганизации при негативных воздействиях, угрозах и опасностях[1]. Безопасность всегда ориентирована на сохранение объекта, а развитие – на его изменение. Но сохранение и изменение – это самые общие экзистенциальные характеристики материи (материальных систем), которые имеют прямое отношение к обсуждаемой здесь проблеме. Взаимосвязь «прогрессивных инноваций» и «позитивной преемственности» проявляется и в переходе к устойчивому развитию, причём уже наименование этого типа развития включает в себя взаимосвязь упомянутых выше характеристик (принципов) эволюции.

Исследование взаимосвязи этих принципов в различных областях привело к выводу о том, что должна быть определённая мера между развитием и безопасностью систем на самых различных уровнях[2]. В англоязычной литературе пока наиболее близкий по смыслу термин именуют «связка безопасность – развитие» (*security – development*

---

sécurité et développement. De l'évidence à l'ambiguïté. Paris: L'Harmattan, 2012. 242 p.; Security and Development in Global Politics: Critical Comparison // Ed. by J. Spear and P. Williams. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2012. 334 p.

[1] *Урсул А.Д.* Взаимосвязь безопасности и развития в контексте универсального эволюционизма // Национальная безопасность / notabene. 2009. № 5. С. 52–56.

[2] *Урсул А.Д.* Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. №1. С. 85–104; *Урсул А.Д.* Устойчивое развитие и проблема безопасности // Безопасность. 1995. № 9. С. 58–65; *Chandler D.* The Security-Development Nexus and the Rise of Anti-Foreign Policy // Journal of International Relations and Development. 2007. Vol. 10. No. 4. Pp. 365–386.

nexus)[1]. Однако «связка» как термин выражает лишь взаимосвязь понятий «развитие» и «безопасность», а понятие «мера» претендует, сверх того, на их имманентную взаимосвязь и даже оптимальное соотношение. Автор статьи иногда использует также понятие системы «развитие – безопасность».

Эта мера (в философском смысле) определяет способность той или иной системы к максимально возможному поступательному развитию при необходимой и достаточной степени обеспечения её целостности и безопасности. С этих позиций предпочтение отдаётся эволюционным процессам, в которых «гарантируется» безопасность социальной или социоприродной системы в определённом достаточно узком коридоре, именуемом «коридором безопасности». При этом наиболее безопасной оказывается система, обладающая способностью к самосохранению на базе поступательного развития, а оно реализуется только в случае, если происходит в коридоре безопасности.

Безопасность как проблема возникает в основном тогда, когда упомянутая мера нарушается и необходимо тратить больше ресурсов (энергии, усилий, финансов и т.п.) на обеспечение безопасности, поскольку она становится приоритетной для выживания конкретной системы. Поэтому существуют объективные основания и условия возникновения проблемы безопасности в ходе жизнедеятельности того или иного социального организма (системы). Если субъект обеспечения безопасности адекватно осознаёт эту проблему, ему необходимо принимать соответствующие меры по ее обеспечению.

Попытка поставить и исследовать эту проблему была предпринята копенгагенской школой международных отношений в рамках теории секьюритизации[2]. В этой теории, вызвавшей оживлённую дискуссию в зарубежной и отечественной литературе, секьюритизация рассматривается как деятельность по искусственному дискурсивному формированию угроз безопасности.

---

[1] *Бартенев В.И.* Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97; *Бартенев В.И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. №3. С. 37–50; *McNeish J.-A., Lie J.H. S.* Security and Development. New York: Berghahn Books, 2010. 159 p; *Mavrotas G.* Security and Development. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. 246 p.; *Ott K., Thapa P.* Greifswald's Environmental Ethics. Greifswald: Steinbecker Verlag Ulrich Rose, 2003. 342 p.; Security and Development in Global Politics: Critical Comparison // Ed. by J. Spear and P. Williams. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2012. 334 p.

[2] *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de.* Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: LynnieRienner, 1998. 236 p.

Рассмотрим значение термина «секьюритизация» (от англ. *security*) в исследованиях проблем безопасности. Хотя в отечественной литературе, в отличие от англоязычной, этот термин пока не стал общепринятым, есть попытка назвать общую науку о безопасности секьюритологией[1].

Теория секьюритизации утверждает, что любая проблема, которую предполагается трансформировать в проблему безопасности, для начала подлежит обсуждению в широкой аудитории с привлечением к ней различных политических сил. Тем самым запускается процесс секьютеризации: значимость проблемы существенно возрастает, сама проблема обретает статус угрозы, для противодействия которой признаётся правомерность любых чрезвычайных мер, прежде всего, со стороны государства. Чаще всего этот процесс инициирует именно государство.

Теория секьюритизации породила или только укрепила мнение о том, что проблемы безопасности не носят объективного характера и в основном или даже целиком зависят от субъективного фактора. Высказывается точка зрения, что никаких объективных критериев, позволяющих отделить вопросы безопасности от всех остальных, не существует, что практически любая актуальная политическая проблема может интерпретироваться как проблема безопасности. Впрочем, субъективно-деятельностное видение безопасности предлагалось и ранее, до появления теории секьюритизации[2].

Как следует из теории секьюритизации, деятельностная интерпретация проблемы безопасности происходит на основе субъективных факторов и оснований, которые могут быть ложными (примеры: война в Ираке, обвинение России администрацией Обамы в кибератаках и т.п.). Поэтому появление той или иной проблемы безопасности можно считать субъективно-объективным деятельностным процессом.

В связи с тем, что в последнее время происходит умножение угроз и опасностей, то не столько по субъективным, а гораздо больше по объективным причинам растёт число соответствующих проблем и понятие безопасности эволюционирует в самых разных направлениях. Можно сказать, что речь идёт об объективной тенденции «секьюритизации» как реальном росте проблем безопасности в современной модели неустойчивого развития. Происходят и качественные трансфор-

---

[1] *Ярочкин В.И.* Секьюритология. Наука о безопасности жизнедеятельности. М.: Ось-89, 2000. 400 с.

[2] *Рац М.В., Слепцов Б.Г., Копылов Г.Г.* Концепция обеспечения безопасности. М.: Касталь, 1995. 88 с.

мации, и количественное увеличение фрагментов реальности и объектов, которые вовлекаются в научные исследования в контексте безопасности и до тех пор, пока цивилизационный процесс не трансформируется в устойчивое развитие, какого-то предела здесь заранее установить невозможно.

Благодаря этой «расширительной» тенденции секьюритизации стали возникать ранее не существовавшие особые понимания безопасности в пространстве научного знания. Очевидно, что в основе подобного тренда лежит рассмотренная выше взаимосвязь развития и безопасности. Этот процесс экспансии проблем безопасности и повышения их роли в современном неустойчивом глобальном мире (и науке в целом), имеющий объективные основания, можно назвать процессом секьюритизации в его самом широком смысле.

Важно обратить внимание и на значения другого термина – «развитие». Так, в докладах руководства ООН встречается тезис, что «нет безопасности без развития, как и развития без безопасности»[1]. Нужно иметь в виду, что в данном случае имеет место упрощённое понимание этого термина, принятое в западной литературе, как поступательного социально-экономического развития, либо даже ещё более узко, как экономического роста. В ряде публикаций западных авторов в области международных и мирополитических исследований понятие «развитие» понимается ещё более узко – в смысле помощи развивающимся странам либо как содействия международному развитию[2]. Впрочем, достаточно специфическое видение развития характерно не только для западных, но и для отечественных авторов, например, в ряде публикаций по национальной безопасности[3].

Развитие в философском смысле – векторное, или направленное (и, как правило, необратимое) изменение содержания объекта (про-

[1] UN Report of the Secretary General. In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All. General Assembly, 59th Session, UN Doc. A/59/2005, 21 March. New York. 2005. P. 5.

[2] *Бартенев В.И.* Включение проблем мира, безопасности и качества управления в глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 3. С. 7–32; *Бартенев В.И.* Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97; *Бартенев В.И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. №3. С. 37–50.

[3] Общая теория национальной безопасности: учебник / под ред. А.А. Прохожева. 2-ое изд. М.: РАГС, 2005, 344 с.; *Прохожев А.А.* Человек и общество: законы социального развития и безопасности. М.: Академия, 2009. 410 с.

гресс, регресс и т.п.); по сути, это синоним эволюции в широком смысле[1]. Безопасность даже в традиционной «силовой» её интерпретации не совместима с регрессивной ветвью развития, поскольку обеспечивается только за её пределами. Поэтому важно обращать внимание на смысл не только понятия «безопасность», но и понятия «развитие»; оба эти понятия, особенно в конкретной области, необходимо употреблять в одинаковом смысле.

Поскольку существует неразрывная взаимосвязь «безопасность – развитие», то имеет место и встречный процесс, получивший в западных публикациях наименование «девелопментализация безопасности» (наряду с «секьюритизацией развития»). Использование терминов «девелопментализация» и «секьюритизация» здесь вынужденное, в русском языке аналогичных по содержанию терминов не существует, а при попытке их создать получается нечто ещё менее приемлемое в редакционном плане.

При узком (например, в «силовом варианте») понимании безопасность фактически отделяется от развития, которое понимается в основном как прогрессивное движение. В деятельности силовых структур основное внимание уделяется проблеме обеспечения национальной или других видов безопасности, а проблема развития (социально-экономического и иных форм) остаётся вне поля зрения, т.к. она оказывается в компетенции других государственных и общественных структур. По этой причине исследования в области безопасности (*security studies*) и исследования в области развития (*development studies*) проводились в значительной степени параллельно и практически без связи друг с другом.

Выявленная взаимосвязь между развитием и безопасностью требует мульти- и междисциплинарного синтеза этих областей научного поиска. В свете изложенного выше, в связи с тем, что понятие безопасности связано с сохранением любой системы (во всяком случае, в биологическом и социальном смысле), вопросы безопасности существуют (и уже выявляются) практически в очень многих сферах деятельности. И это видно по тем проблемам, которые в растущей степени затрагивают вопросы обеспечения экологической, энергетической, продовольственной, информационной, образовательной и многих других сфер безопасности: насчитывается уже не один десяток ее видов или особенных форм. Ещё несколько десятков лет назад многие сферы деятельности не были связаны с обеспечением безопасности, а теперь

[1] *Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во Московского университета. 2012. 616 с. С. 27-28.

ситуация кардинально изменилась, и это требует не только осознания новых форм опасностей и угроз, но и предотвращения причин их появления, создания инновационных систем обеспечения безопасности, в особенности в связи с переходом к устойчивому развитию (УР).

Ещё в первом обстоятельном научном обосновании концепции устойчивого развития – широко известной книге «Наше общее будущее» – было дано определение понятия УР, которое стало почти общепринятым. Оно обращено к будущему: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[1]. Здесь также сформулирована основная цель перехода к устойчивому развитию: выживание и обеспечение существования человечества на будущие неопределённо долгие времена.

Сохранение биосферы и коэволюция с ней цивилизации должны будут создать те базовые условия и перспективы, которые сформируют совершенно новую систему «общество – природа», реализующую стратегию устойчивого развития. Это должно обеспечить наше общее будущее на планете, а в космической перспективе – и за её пределами. Сохранение биосферы планеты Земля также является одной из основных целей перехода к устойчивому развитию.

Как видим, решение этого вопроса связано с изменением способов обеспечения безопасности как отдельного объекта, так и всех объектов (и субъектов) в уникальной системе биосферы Земли. Причём необходимость смены основного «механизма» обеспечения безопасности напрямую связана с изменением способа взаимодействия общества и природы при переходе к устойчивому развитию[2]. Это также пример того, как уже на глобальном уровне изменяется взаимосвязь (мера) безопасности и развития, обеспечивая дальнейшее существование цивилизации.

Выживание человечества и сохранение биосферы под натиском деструктивных глобальных процессов в перспективе должно развора-

[1] Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 376 с.

[2] *Урсул А.Д.* Глобальные феномены и способы социоприродного взаимодействия // Политика и общество. 2013. № 12. С. 734–754; *Урсул А.Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 45–68; *Урсул А.Д.* Перспективы экоразвития. М.: Наука, 1990. 269 с.; *Урсул А.Д.* Устойчивое развитие и проблема безопасности // Безопасность. 1995. № 9. С. 58–65; *Урсул А.Д., Романович А.Л.* Безопасность и устойчивое развитие (философско-концептуальные проблемы). М.: МГУК, 2001. 224 с.

чиваться через общепланетарный переход к устойчивому развитию. В этом случае на смену преобладающим регрессивным глобальным процессам эволюции придёт позитивно ориентированное глобальное развитие, каким сейчас в идеале видится переход к устойчивому развитию. Этот переход призван, прежде всего, разрешить обостряющееся противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности[1].

Стратегия этого типа развития как нарождающегося системно-эволюционного позитивного движения к глобальной устойчивости предусматривает не только обретение человечеством целостности в ходе глобализации, но также предотвращение и защиту от традиционных и новых глобальных (а в перспективе и космических) опасностей и угроз. Поэтому принятие мировым сообществом стратегии перехода к устойчивому развитию – это особый и наиболее важный пример своего рода глобальной «секьюритизациия развития». Если переход к устойчивому развитию обеспечивает решение экологической и других глобальных проблем, то поворот вектора глобализации на цели этого развития будет способствовать выживанию цивилизации и сохранению биосферы[2].

Как отмечается[3], в перечень недавно принятых Целей устойчивого развития (ЦУР) не вошло в качестве самостоятельной цели обеспечение мира и международной безопасности в существенно большем объёме, чем это предусматривает Цель №16 («Содействовать созданию мирных и свободных от социальных барьеров обществ в интересах устойчивого развития, обеспечивать доступ к правосудию для всех и создавать эффективные, подотчётные и основанные на широком участии учреждения на всех уровнях»[4]).

Именно цель обеспечения мира и международной безопасности стала предметом наиболее продолжительных и ожесточённых дебатов

---

[1] Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ № 440 от 01.04.96 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

[2] *Романович А.Л.* Развитие и безопасность. М.: Ступени, 2003. 386 с.; *Романович А.Л., Урсул А.Д.* Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.; *Урсул А.Д.* Глобальные феномены и способы социоприродного взаимодействия // Политика и общество. 2013. № 12. С. 734–754; *Урсул А.Д.* Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 6. С. 856–873.

[3] *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Цели устойчивого развития и вопросы безопасности // Национальная безопасность / notabene. 2016. № 4. С. 438–445.

[4] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. 46 с. // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/post2015 (дата обращения: 14.03.2017).

в рамках Открытой рабочей группы Генеральной Ассамблеи ООН по целям в области устойчивого развития. В ходе дебатов высказывалась точка зрения, что Генеральная Ассамблея ООН, где будут обсуждать ЦУР – не место для обсуждения проблем мира и безопасности, поскольку данные вопросы правильнее ставить в СБ ООН. Высказывались и другие мнения (контраргументы) в пользу того, чтобы не включать проблемы мира и безопасности в качестве одной из целей перехода к УР[1].

Между тем уже в первом докладе Целевой группы ООН по задачам развития на период после 2015 г. «Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех»[2], опубликованном в июне 2012 г., были предложены четыре основных измерения глобального видения стратегии устойчивого развития: всестороннее социальное развитие; экологическая устойчивость; всестороннее экономическое развитие; поддержание мира и глобальной безопасности.

В последние годы всё чаще высказывается идея расширения «деятельностной» базы (системы) УР, введения значительно большего числа измерений – направлений деятельности. Многие учёные отмечают узость принятого ранее трёхкомпонентного подхода к УР и предлагают преобразовать его во всеобъемлющую теорию[3]. Известный американский учёный Р. Кейтс также полагает, что нынешняя концепция устойчивого развития нуждается в дальнейшем расширении и развитии[4].

Проблему расширения измерений в системе УР обсуждал и автор статьи[5]. Думается, что «треугольник» экономики, социальной сферы и экологии может трансформироваться не только в «квадрат устойчивого развития», а в многоугольник со всё увеличивающимся числом вершин. По сути, речь идёт о новом, более кардинальном системном подходе в трактовке глобальной устойчивости. На наш взгляд, наступает принципиально новый этап видения грядущей «устойчивой рево-

[1] *Бартенев В.И.* Включение проблем мира, безопасности и качества управления в глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 3. С. 14-19.

[2] Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех // URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/untaskteam_undf/unttreport_ru.pdf (дата обращения: 14.03.2017).

[3] *Ott K., Thapa P.* Greifswald's Environmental Ethics. Greifswald: Steinbecker Verlag Ulrich Rose, 2003. 342 p. С. 14-46.

[4] *Kates R.W. with National Academies Committee on Facilitating Interdisciplinary Research.* Facilitating Interdisciplinary Research, Washington DC: National Academy Press, 2005. 253 p. С. 24–36.

[5] *Урсул А.Д.* Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 6. С. 856–873.

люции», поскольку первым можно считать принятие стратегии самого перехода от нынешнего неустойчивого цивилизационного развития к устойчивому развитию как общемировому процессу.

В связи с вышеупомянутыми попытками расширения концепции и стратегии устойчивого развития уместно обратить внимание на то, что при таком дополнении следует исходить из общих «деятельностных» оснований классификации «измерений» УР, что далеко не всегда имеет место. Но это уже отдельная проблема исследования концепции устойчивого развития, выходящая за рамки статьи, и она связана с разработкой критериев и индикаторов этого типа развития[1].

Измерение, касающееся мира и безопасности, на взгляд автора, важнее всех прочих. Ведь как отмечается в уже упомянутом докладе «Превращая в реальность будущее, которого мы добиваемся для всех», не менее одной пятой населения мира живёт в странах, страдающих от насилия, политических конфликтов, нестабильности и социальной уязвимости. Причём в странах с высоким уровнем насилия или уязвимости не достигнута ни одна из ранее принятых Целей развития тысячелетия.

Однако в ходе предварительных дебатов реализовать четырёхмерное видение УР не удалось. Все цели по-прежнему распределены по «обычным» трём измерениям, которые акцентируют внимание на развитии, а не на безопасности. Взаимосвязь (мера) безопасности и развития существенно нарушена в ЦУР, что ставит под угрозу их успешную реализацию.

Между тем в первой статье Устава ООН сказано, что эта международная организация преследует цель поддержания международного мира и безопасности и должна принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру[2]. Поэтому проведённые дискуссии по поводу ЦУР, в ходе которых выдвигались несущественные и конъюнктурные соображения отдельных стран или их коалиций отнюдь не в пользу всеобщего мира и глобальной безопасности, представляются далёкими от желания создавать мирные условия для эффективного глобального перехода к УР. При этом на протяжении всей 70-ой сессии Генассамблеи ООН, в которую был включён саммит по УР, многие лидеры государств говорили, что устойчивое развитие невозможно без мира и обеспечения безопасности.

Однако итог дискуссии показал, что осознание этого факта странами-членами ООН ещё не приобрело необходимого масштаба

[1] *Урсул А.Д.* Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 6. С. 856–873.
[2] Устав ООН.

и общепланетарного уровня. Сиюминутные, зачастую не существенные либо надуманные «контраргументы» отдельных стран против включения проблем мира и глобальной безопасности в число измерений ЦУР оказались важнее общего устойчивого будущего, выживания человечества. Современное «глобальное сознание» человечества как единого целого, которое в какой-то форме демонстрирует ООН, ещё находится на начальном уровне становления и идеи устойчивого развития фактически там занимают периферийное место.

Невольно складывается впечатление, что к переходу на путь устойчивого развития с точки зрения обеспечения безопасности мировое сообщество было готово в большей степени после Второй мировой войны, во времена формирования и начала функционирования ООН, чем в годы подготовки и принятия Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. Но в середине прошлого века ещё не было идеи устойчивого развития, а теперь есть даже стратегия «устойчивого перехода», но нет должного осознания имманентной взаимосвязи развития и безопасности.

Вместе с тем проблемы расширения «фазового пространства» измерений УР и выработки индикаторов тесно связаны с формированием глобального управления. Под глобальным управлением можно понимать, согласно А.Д. Богатурову, «…процесс, в ходе которого, в отсутствие верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей»[1]. Начиная с этого тысячелетия, мировое сообщество через ООН стало формулировать цели своего будущего развития, вначале как Цели развития тысячелетия, а затем и как Цели устойчивого развития, тем самым активно участвуя в становлении глобального управления через нормативно-целевое прогнозирование.

Основная идея поворота глобальных процессов с участием человека на путь УР заключается в том, чтобы существенно уменьшить их негативные эффекты и усилить позитивные последствия, что возможно лишь с помощью нового вида управления, имеющего глобальное содержание и масштаб[2].

[1] *Богатуров А.Д.* Понятия и методология анализа // Современная мировая политика: Прикладной анализ. уч. пос. / под ред. Богатурова А.Д. М.: Аспект-Пресс, 2010. 592 с. С. 537.

[2] Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: Институт Европы РАН; Нестор-история, 2013.100 с.; Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г Барановского, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН. 2015. 314 с.

В настоящее время важно сформировать такую концепцию, а затем и теорию глобальных процессов и систем, которая не просто описывает в глобальном ракурсе происходящие в мире объективные и стихийные процессы, но и направляет их в нужное для человечества прогрессивно-поступательное русло. При этом в отличие от теории международных отношений и мировой политики глобальные исследования акцентируют внимание не столько на трудностях становления глобального управления, сколько на идеальном образе будущего. Впрочем, такое прогностическое видение характерно для большей части глобальных исследований, особенно в связи с введением в их предметную область проблем устойчивого развития.

Новая концепция выживания и глобальной безопасности должна соединять в одно целое новый потенциально планетарный тип развития и безопасность мирового сообщества, т.е. благоприятствовать течению любых позитивных мировых и глобальных процессов через переход к УР как наиболее безопасному развитию[1]. Поэтому важно так соединить (прогрессивное) развитие и безопасность, чтобы они как можно меньше противоречили друг другу, создавали бы социальную и социоприродную системную среду, где обеспечение безопасности реализовывалось бы через устойчивое развитие с соблюдением оптимального соотношения (меры) между ними.

Эта идея в какой-то степени начала реализоваться на национальном уровне в России, например, в законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в статье 18 которого сказано: «Концептуальные положения в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости стратегии национальной безопасности Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации»[2]. Процитированное положение было перенесено в данный закон из предыдущей Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.[3] Нужно отметить, что в той Стратегии был

[1] *Романович А.Л., Урсул А.Д.* Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.; *Урсул А.Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 45–68; *Урсул А.Д.* Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 6. С. 856–873.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // URL: http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html (дата обращения: 14.03.2017).

[3] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 14.03.2017).

сделан акцент на обеспечение безопасности через устойчивое развитие. Однако в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1], принятой пять с половиной лет спустя, обеспечение безопасности видится через защиту и устойчивое развитие, т.е. эти способы оказались в определённом смысле если не приравнены, то совмещены. И понятно почему: отдельно взятая страна не сможет обеспечить национальную безопасность через устойчивое развитие, когда другие страны к этому ещё не готовы и намерены продолжать обеспечивать свою безопасность традиционными способами. Пока наша страна и мировое сообщество в целом серьёзно не продвинулись по пути устойчивости, национальные цели и интересы необходимо в основном реализовать в ныне действующей модели неустойчивого развития (НУР).

Поэтому принципиально важно осознать положение о связи безопасности и развития, о необходимости обеспечения безопасности через УР всеми государствами планеты и прежде всего странами-членами ООН. На это важно обратить внимание в рекомендательных документах для этой организации, особенно связанных с переходом к устойчивому развитию.

При переходе к устойчивому развитию безопасность перестаёт быть одним из условий развития, как в модели НУР, а становится его необходимой составной частью. И наоборот: развитие, в данном случае нерегрессивное, оказывается неотъемлемым компонентом обеспечения безопасности, что получает своё выражение в формуле «безопасность через устойчивое развитие»[2]. В будущей модели УР безопасность станет преимущественно обеспечиваться не благодаря защите, а через развитие. Причём это будет самоподдерживающееся сбалансированное, т.е. УР, которое не будет порождать и существенно умножать опасности, угрозы, негативные последствия и т.п. В новой модели цивилизационного процесса реализуются иные принципы и самого развития, и обеспечения безопасности государства, общества и личности, составляющие целостную и всё более гармоничную систему, способствующую сохранению человечества и природы.

Расширение понятия и концепции безопасности по пространству научного знания идёт многими путями, и один из них связан с процессами глобализации. Это подводит к осознанию существования проблемы безопасности каждого из глобальных процессов, а также способ-

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html (дата обращения: 14.03.2017).

[2] *Урсул А.Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 46-54.

ствует формированию понятия «глобальная безопасность». Но и сам процесс её обеспечения выступает как глобальный, так же как обеспечение безопасности каждого отдельно взятого процесса или системы.

Формирующийся глобальный мир всё больше наполняется новыми угрозами и опасностями общепланетарного масштаба, вызывающими глобальные кризисы, обостряющими мировые проблемы и даже ведущими к всеобщим катастрофам. Умножение вызовов, угроз и опасностей в ходе развёртывания глобальных процессов означает, что обеспечение безопасности во всех её формах и видах оказывается одной из главных общечеловеческих целей, ценностей и проблем XXI в., связанных с выживанием и дальнейшим развитием цивилизации[1].

Поскольку глобальные процессы и системы рассматриваются нами с выходом за пределы наиболее исследованных их форм, важно обратить особое внимание на то, что некоторые из них имеют преимущественно негативное, а другие – преимущественно позитивное содержание и направленность. Глобальные процессы либо ускоряют ход истории, либо его замедляют и даже ведут к глобальной катастрофе. Если такое случится, то независимо от того, чем это вызвано, устранять ужасающие последствия в общепланетарном масштабе будет некому. Именно эта особенность глобального измерения безопасности настоятельно требует превентивных действий, развития новых способов и технологий, которые позволили бы предотвратить разного рода глобальные угрозы и опасности. Именно поэтому в глобалистику и глобальные исследования необходимо вводить проблему связи развития и безопасности, которая обретает здесь свои когнитивные особенности.

Глобалистика в настоящее время представляет собой формирующуюся, пока в основном теоретическую, научную дисциплину, и вместе с тем – междисциплинарно-интегративное научное направление, акцентирующее внимание на изучении глобальных процессов и систем в их взаимодействии с человечеством[2]. В узком смысле глобалистика изучает общемировые проблемы и глобализацию, или даже

---

[1] *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.; *Урсул А.Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 45–68; *Урсул А.Д.* Перспективы безопасного будущего: Направления разработки концепции устойчивого развития // Национальная безопасность / notabene. 2014. № 6. С. 856–873.

[2] *Ильин И.В., Урсул А.Д.* Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Московского университета. 2013. 568 с.; *Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен: Диктус, 2014. 468 с.

только глобализацию[1], однако с этим трудно согласиться. Ведь процессы, составляющие в своей совокупности систему глобализации, изучают многие научные дисциплины: глобальная экономика, глобальная география, глобальная экология, глобальная история и т.д. Между тем глобальные исследования и глобалистика, объединяясь в единый «глобальный кластер» научного знания, обращаются к исследованию в глобальном измерении различных феноменов в их отношении к человеку и человечеству. Критерием разделения той или иной глобальной дисциплины от соответствующего направления (раздела) глобалистики выступает предметное поле, область научного поиска. Глобалистика акцентирует внимание на видении исследуемых объектов как потенциальных либо существующих общемировых феноменов, а глобальные дисциплины продолжают расширять своё традиционное предметное поле, обретающее в современных условиях глобальный масштаб и измерение.

Также важно осознавать, что обеспечение глобальной безопасности не может быть сведено к обеспечению безопасности каждого глобального процесса и всей их совокупности. В ходе обеспечения безопасности в её глобальном измерении важно уделять внимание региональному, национальному, локальному уровням и т.п., поскольку угрозы и опасности, переходя с нижнего на более высокий уровень, могут интегрироваться и выступать в качестве триггерно-синергетического фактора, способного вызвать негативные последствия, в том числе и катастрофы, на глобальном уровне. Вместе с тем обеспечение глобальной безопасности потребует адекватного учёта взаимосвязи (системы) «безопасность – развитие» не только в пространственном отношении, но и в содержательно-деятельностном, прежде всего в том смысле, чтобы каждому направлению и сфере деятельности была гарантирована «своя» безопасность.

Поэтому по каждому из направлений глобализации должна формироваться соответствующая глобализационная безопасность: безопасность экономической глобализации, безопасность экологической глобализации и т.п. Причём глобальная безопасность не только складывается из совокупности различных видов и направлений глобализационной, но и представляет собой нечто целостное в системно-синергетическом ракурсе. Это требует координации и интеграции усилий мирового сообщества по формированию глобального управления, одной

[1] *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., доп. и пер. М.: Проспект, 2016. 448 с. С. 12-45.

из важных задач которого является необходимость перевода глобализационных процессов на путь устойчивого развития.

Недостаточно просто направить глобализацию по траектории устойчивого развития, на что уже нацеливают ряд документов ООН: всё глобальное развитие, по крайней мере, в своей «антропогенной» части, должно реализовывать цели и принципы этого наиболее безопасного типа развития. Глобализация, транслируя универсалии и устанавливая различные связи в социуме, на этапе перехода к устойчивому развитию нуждается также в использовании механизмов глобального управления, имеющих общечеловеческую гуманистическую ориентацию. Это потребует координации и интеграции усилий мирового сообщества по формированию глобального управления. И хотя оно необходимо не только для реализации стратегии устойчивого развития, всё же одна из его основных функций будет связана с эволюционным движением к глобальной устойчивости.

Процесс глобализации науки развёртывается в самых различных направлениях, в частности, через расширение «глобального научного поля». Глобальные исследования уже формируются как особый научный кластер – глобальный кластер научного знания. Сюда можно добавить новое глобальное знание, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» и это знание включается в структуру ещё не глобализированной в целом конкретной области науки.

Новое глобальное знание генерируется, помимо того, в отдельных областях знания, использующих термин «глобальный» в самых различных его значениях (даже в математике). В глобальных исследованиях этот термин используется в трёх основных значениях: 1) охватывающий весь земной шар, планету в целом как космический объект; 2) распространяющийся на Вселенную, всё мироздание в целом; 3) универсальная черта либо закон, характеризующие определённую совокупность исследуемых феноменов.

Ввиду множественности смыслов термина «глобальный» возникла проблема изучения и упорядочения этого «глобально-терминологического хаоса», однако это задача будущего научного поиска.

Рассмотренные выше взаимосвязи безопасности и глобальных процессов в их эволюции находят своё отражение в науке. Эти проблемы только начали изучаться, поэтому сейчас важно выяснить, какие направления и области науки могут и будут этим заниматься. Пока обсуждаемая проблематика не вписывается ни в одну из ныне существующих научных дисциплин и носит отчётливо выраженный

не только мультидисциплинарный, но и интегративно-междисциплинарный характер. Поэтому следует ожидать усиления интегративных процессов между глобальными исследованиями и науками о безопасности, взаимного трансфера знаний из одних областей в другие, в результате которого появятся меж- и трансдисциплинарные исследования.

Упомянутые выше глобальные процессы можно разделить на уже реально существующие, актуальные, и потенциально глобальные (пример – устойчивое развитие), которые могут стать глобальными в будущем. Далеко не каждый международный или мирополитический процесс является даже потенциально глобальным, либо может стать таковым в далёком будущем. Если мировая политика и международные исследования акцентируют внимание на определённой области социальных процессов и лишь отчасти – социоприродных взаимодействий, то глобалистика – на всех вышеупомянутых глобальных процессах (но что касается природных процессов, то лишь в аспекте их взаимодействия с человеком и обществом). Глобалистика претендует на исследование гаммы глобальных процессов в таком широком ракурсе.

Ранее некоторые отечественные исследователи считали глобалистику и глобальные исследования синонимичными понятиями. Однако со временем стало очевидно, что глобалистика как область научного поиска представляет собой «концептуальное ядро» глобальных исследований, систему научного знания, изучающую глобальные процессы и системы, выявляя их законы и тенденции развития в отношении к существованию и развитию общества[1]. Объектом изучения глобалистики выступают не только глобализация и глобальные проблемы, но и ряд других глобальных систем и процессов, а её предметом – законы и тенденции эволюции глобальных феноменов в отношении их к человеку и всей цивилизации. Глобалистика, в отличие от глобальных исследований, это не просто область междисциплинарных либо мультидисциплинарных научных исследований, «аттрактор», притягивающий к себе глобальные феномены, а отдельная научная дисциплина, знаменующая появление в науке специфических глобальных объектов (глобальные процессы и системы), использующая глобальный подход и комплекс методов, среди которых особое место занимают глобальное моделирование и системно-эволюционный способ исследования.

[1] *Ильин И.В., Урсул А.Д.* Глобальные исследо вания и эволюционный подход. М.: Изд-во Московского университета. 2013. 568 с.; *Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен: Диктус, 2014. 468 с.; *Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A.* Global Studies. Textbook. Saarbrücken: Lambert Academic Pablishing, 2016. 288 p.

В отличие от междисциплинарной глобалистики, глобальные исследования носят мультидисциплинарный характер. Появляются работы, посвящённые различным новым исследовательским междисциплинарным направлениям самой глобалистики – политическая глобалистика, информационная глобалистика, образовательная глобалистика; таких направлений насчитывается уже более двух десятков[1]. Так, например, при взаимодействии политических наук и глобальных исследований появился раздел глобалистики, изучающий глобальные политические процессы и формирование глобальной политической системы, с акцентом на проблемах глобального управления.

В свете вышеизложенного к списку междисциплинарных направлений глобалистики можно присоединить и «секьюритологическую глобалистику» и глобальную секьюритологию, а вот развернутся ли глобальные исследования в этих направлениях, покажет будущее.

В предварительном порядке можно предложить ориентировочную характеристику этой междисциплинарной области глобалистики. Секьюритологическая глобалистика – это раздел глобалистики, который претендует на исследование социальных и социоприродных глобальных процессов и систем в контексте проблемы безопасности и акцентирующий внимание на обеспечении глобальной и других видов безопасности через переход к устойчивому развитию.

В условиях умножения глобальных вызовов и угроз необходимо переходить от ликвидации чрезвычайных и иных негативных последствий антропогенной деятельности к предотвращению катастроф и превентивно-упреждающим мерам, что и предполагает движение к глобальной устойчивости. Одной из главных составляющих УР-преобразований (как деятельности по переходу к устойчивому развитию) должны стать опережающие решения и практические действия, которые позволяли бы, прежде всего, отодвигать экологическую и другие потенциальные глобальные катастрофы на более отдалённые времена, а со временем, на более высоком уровне цивилизационного развития – устранять угрозы и опасности.

Если в модели неустойчивого развития основное внимание уделяется «защитно-силовым» средствам, то в новой цивилизационной модели обеспечение безопасности должно достигаться в основном через поступательное развитие, консенсус, коэволюцию, опережающие решения и действия. При этом в новой модели также уменьшается

[1] *Ильин И.В., Урсул А.Д.* Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Московского университета. 2013. 568 с.; *Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A.* Global Studies. Textbook. Saarbrücken: Lambert Academic Pablishing, 2016. 288 p.

(либо даже устраняется) раздвоение социальной деятельности на ту, которая занимается собственно развитием (созиданием, творчеством и т. д.) и обеспечением безопасности этой основной деятельности. В модели УР противоречие между обеспечением безопасности и развитием постепенно разрешается в пользу устойчивого развития, которое становится безопасным во многих отношениях.

Без обеспечения связи развитие – безопасность достичь в полной мере Целей устойчивого развития будет достаточно проблематично. В ходе обсуждения и подготовки Целей устойчивого развития произошёл «перекос» в сторону развития в ущерб обеспечению мира и безопасности. Идея и концепция устойчивого развития в результате формирования ЦУР сильно деформированы и поэтому вряд ли можно надеяться на эффективное их выполнение.

Вполне вероятно, что при подведении итогов выполнения этих Целей, рассчитанных до 2030 г., будет констатирована неполная их реализация, особенно в зонах военных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций. Такой неутешительный прогноз следует из того, что в принятых в 2015 г. ЦУР не была в должной мере поставлена цель обеспечения международного мира и глобальной безопасности.

Мировое сообщество, в том числе в силу теоретических недоработок стратегии УР, оказалось не подготовленным к этому процессу. Обеспечение глобального мира и безопасности едва ли не каждой цели необходимо было ввести, имея в виду не просто традиционное, но и более широкое понимание безопасности. Важно было осознать и принять в качестве «аксиомы», что безопасность и УР не просто имманентно взаимосвязаны, но и представляют единую целостную экзистенциально-эволюционную деятельностную систему.

По сути, отказ от повышения уровня секьюритизации системы ЦУР означает, что устойчивое развитие на уровне ООН пока не осознаётся в качестве самого безопасного пути развития цивилизации, а лишь как «частично безопасное» развитие, т.е. безопасное в ряде некоторых направлений и сфер деятельности. Такое понимание нового типа развития обусловлено также и тем, что в качестве приоритетных выделена уже представляющаяся традиционной деятельностная триада УР: экономика, экология и социальная сфера. Однако успешная реализация ЦУР уже требует дальнейшего расширения направлений и форм «устойчивого перехода», как минимум, до числа и уровня основных направлений глобализации, т.е. наиболее эффективно действующего комплекса глобализационных процессов. Без такого «глобального расширения» деятельностного движения к «социобиосферной устойчивости» невоз-

можно формировать оптимальные системы социальной и социоприродной глобальной безопасности. Предлагаемое расширение концепции УР будет вести и к обеспечению безопасности каждого из этих направлений в силу взаимосвязи между развитием и безопасностью.

По мнению автора, методологические упущения, возникшие при формулировании ЦУР, отчасти обусловлены тем, что с последнего десятилетия прошлого века серьёзно не обновлялась теоретическая база концепции устойчивого развития. Она осталась такой же, как во времена принятия этой новой стратегии выживания человечества. Почему-то в прежнем руководстве ООН (речь идёт о периоде, когда генсеком был Пан Ги Мун) возобладала точка зрения, будто теоретические основы устойчивого развития уже созданы и теперь важна лишь их практическая реализация. Это была явная методологическая и организационная ошибка. Но даже выявленные трудности и неудачи в практической реализации стратегии УР не привели к выводу о назревшей необходимости совершенствования концептуальных основ устойчивого развития. К сожалению, в какой-то мере это также недоработка или даже «вина» современной науки в целом, которая пока должным образом не осознала важность глобального перехода к УР и продолжает по инерции прогнозировать будущее в основном в рамках модели неустойчивого развития.

Несмотря на упомянутые и другие упущения в осмыслении нашего общего глобального будущего, становится всё более очевидным, что формирование качественно нового – глобального уровня безопасности всего человечества во взаимодействии с природой будет происходить только через переход к УР в самом широком понимании. Это также следует из необходимости формирования нового социоприродного способа решения глобальных проблем при одновременном ослаблении негативных последствий глобализации[1]. Новый способ взаимодействия общества и природы не только сможет обеспечить выживание цивилизации, но и станет определять стратегическую перспективу устойчивого развития человечества. Такая долговременная перспектива поступательного развития появится при качественно новом уровне и масштабе обеспечения безопасности – общепланетарном, в котором фокусируются и объединяются все существующие и исторически предшествующие уровни этого обеспечения, но уже в новой модели «устойчивой эволюции» цивилизации.

[1] *Урсул А.Д.* Глобальные феномены и способы социоприродного взаимодействия // Политика и общество. 2013. № 12. С. 734–754; *Урсул А.Д.* Перспективы экоразвития. М.: Наука, 1990. 269 с.

Делягин М.Г.,
научный директор Института проблем
глобализации (ИПРОГ), докт. экон. наук,
издатель журнала «Свободная мысль»
(до 1991 – «Коммунист») (г. Москва)

ГЛОБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И РОССИЙСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Суть глобального экономического кризиса проста: капитализм, существующий за счет расширения рынков и исключительно в ходе этого процесса, создал, наконец, глобальный, то есть всеобъемлющий рынок и уперся в его принципиальную ограниченность. Это произошло, несмотря на все усилия по расширению емкости рынка при помощи кредитной экспансии, захвата большинства социалистических экономик, роста долгов и построения информационного общества.

Ограниченность глобального рынка уже положила конец традиционному технологическому прогрессу, основанному на усложнении и удорожании технологий в интересах крупнейших монополий (открытие новых технологических принципов практически прекратилось, идет лишь коммерционализация старых открытий). Такой прогресс невозможен без расширения рынка, создающего пространство для углубления разделения труда. Утратив возможность расширения рынков, капитализм лишился возможности обеспечивающего рост доходов технологического прогресса и повис в воздухе.

Колоссальные усилия по созданию новых рынков, развернувшие в 70-е годы развитие человечества от изменения реального мира к созданию мира развлечений, переключению творческой энергии человека с созидания на развлечения и, далее, к трансформации человеческого сознания и трансформации самого человека (так как таким путем создавать новые рынки оказалось проще), в целом исчерпали свои возможности. Масштабы создаваемых таким образом рынков недостаточны для поддержания технологического и социального прогресса, и после периода присвоения «социалистического наследства» в конце 80-х – 90-х гг. развитые страны Запада вступили в период деградации, – пока социальной.

Наиболее ярко она выражается в формировании глобального управляющего класса. Упрощение коммуникаций, сплачивая представителей управяющих систем (и государственных, и корпоративных) на основе общности образа жизни, способствует созданию глобального класса собственников и управленцев. Он противостоит разделенным государственными границами обществам в качестве не только

владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи), но и глобальной, всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс (интернациональная олигархия, или «новые кочевники») не привязан ни к одной стране и не имеет никаких обязательств, враждебно противостоя не только обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более, территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой.

Государства, попадая в смысловое и силовое этого класса, переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, переходя на службу глобальным сетям, объединяющим представителей финансовых, политических и технологических структур. Такое управление пренебрегает интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, жертвует ими ради интересов глобального класса, а порой прямо подавляет их, что выглядит (и ошибочно трактуется) как резкое снижение эффективности.

Описанные последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с разными, но еще недавно исключительно эффективными системами управления, как США и Китай, – и везде драматически снижают качество управления, если исходить из прежней, «вестфальской» системы мотиваций.

Глобальный управляющий класс сочетает колоссальную мощь с практическим отсутствием ответственности перед внешними для него социальными силами (у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, и он является своим собственным мажоритарным акционером), что является признаком феодализма и общей глобальной социальной деградации как стратегически значимой и практически всеобъемлющей тенденции.

Существенно, что, помимо технологического прогресса, достижение предела расширения глобального рынка подорвало и конкуренцию: глобальные монополии (руководство и высший топ-менеджмент которых и обслуживающих их структур объединились в глобальный управляющий класс) начали загнивать, и снизить ставший пагубным уровень монополизации оказалось невозможным.

Загнивание монополий непосредственно проявляется в сжатии коммерческого спроса, превращающем этот спрос в главный дефицит эпохи и порождающем отчаянную борьбу за него, – прежде всего, при помощи протекционизма. После обострения кризиса в конце 2008 – начале 2009 г. Россия одна из «большой двадцатки» не усиливала

протекционистской защиты своей экономики, пока нас не поправили санкциями.

Усиление протекционизма означает уже близкий распад большинства глобальных рынков на макрорегиональные и переход от глобализации к локализации, что обернется разрывом ряда технологических цепочек и Глобальной депрессией. Она будет страшнее Великой депрессии 30-х: тоже будет порождать войны, но войны не положат ей конец (Вторая мировая укрупнила макрорегионы, собрав пять предвоенных в два послевоенных, а содержанием Глобальной депрессии, по крайней мере, вначале будет распад глобального рынка).

Главная тенденция кризиса – снижение доходов. Повысить их в массовом порядке уже не удается – и глобальный бизнес уже переходит к получению привычной прибыли сокращением издержек.

Россия пока сталкивается с этим в основном через попытки подрыва государственности для покупки нашей нефти не у государства и корпораций, а, по сирийскому, иракскому и ливийскому образцам, в разы дешевле – у полевых командиров. Но это стремление отражает основу будущего мира: раз увеличение доходов станет невозможным, развитие переформатируется на снижение издержек.

Это изменит все социальные институты, традиционно ориентированные именно на повышение доходов. Прогресс пойдет не вширь, а вглубь, повторяя изменение вектора приложения усилий человечества (информационные технологии разворачивают его от изменения окружающего мира к изменению восприятия этого мира). Это впервые создаст возможности по-настоящему устойчивого развития, так как развитие за счет снижения издержек снижает давление на окружающую среду.

Русскому миру этот фундаментальный разворот дает сразу два преимущества, – которыми мы, впрочем, отнюдь не обязательно сумеем воспользоваться.

Прежде всего, в период наибольшего прогресса (в том числе социального) – с середины 30-х до конца 50-х годов – наше общество развивалось именно на основе снижения издержек.

Уникальность созданной в ходе индустриализации «сталинской» экономики заключалась не только в централизованном планировании и разделении денежного оборота на наличный и безналичный, обслуживающие соответственно потребление населения и развитие экономики. Сказочную эффективность этой модели обеспечила, прежде всего, ориентация не на рост доходов (естественный для рынка), а на снижение издержек.

Помимо теоретической недопустимости подчинения социалистического хозяйства капиталистической максимизации прибыли, причина такой ориентации – скудость ресурсов и крестьянская привычка экономить.

Граничным условием было выполнение плана производства в натуральном выражении, целевой функцией – снижение издержек. При невыполнении плана это снижение не вознаграждалось, но его поощрение при выполнении плана было проработано с немецкой тщательностью (перевыполнение плана поощрялось не всегда, так как нарушало сбалансированность народного хозяйства).

Предприятие получало фиксированную часть экономии. Ее половина делилась поровну между изобретателем и руководителем, под свою ответственность реализовавшим его предложение. Другая половина также делилась поровну – между всеми работниками вне зависимости от их вклада в снижение издержек. Данная модель кровно заинтересовывала коллектив в поддержке «умников», которые превращались в аналог куриц, несущих золотые яйца для всех. Это формировало не представимый ныне психологический климат, объединяющий людей в единую семью, нацеленную на рост эффективности.

Результаты реализации этой модели шокируют. Так, себестоимость знаменитой трехлинейки Мосина, массово выпускавшейся более полувека – с 1891 по 1943 годы (что означало высокую отлаженность технологического процесса), – за последние три года производства была снижена еще в 1,6 раза!

Советская модель была убита во второй половине 50-х технологическим прогрессом: научно-техническая революция, усложнив производство, сделала невозможным планирование резко выросшего числа критически значимых товаров «в штуках».

Натуральные показатели вынужденно уступили место стоимостным, позволяющим объединять разнородные товары (подобные обобщения на основе натуральных показателей были нелепы, как, например, учет военной техники в миллионах тонн). А опора на стоимостные показатели переориентировали экономику со снижения издержек на рост дохода. Эта цель была рыночной, капиталистической по своей природе; ее преследование привело к перерождению социалистического мировоззрения в обычное капиталистическое.

То, что ориентация на рост дохода объективно, в силу устремлений монополий (порождаемых индустрией), способствует завышению издержек, обусловило пресловутый «затратный характер» позднесоветской экономики.

Глобальный кризис возвращает советский тип хозяйства в мировую повестку дня. Корпорации, в том числе и глобальные, лишаются возможности наращивать доходы приемлемым для себя темпом, – и стремление к прибыли делает новым стандартом снижение издержек при достижении граничных производственных результатов.

Эффективность информационных технологий, позволяя производить необходимые человечеству блага существенно меньшим количеством людей, делает «лишним» средний класс развитых стран, который быстро беднеет. А ведь именно он дает критически значимую часть совокупного глобального спроса; его крах лишает производство сбыта и превращает привычный капитализм в распределительную систему, – пусть даже организованную по-другому, чем при социализме.

В то же время развитие компьютерных технологий уже позволяет прямо планировать производство и распределение основных производимых и потребляемых человечеством товаров и услуг. Понятно, что речь идет лишь о важнейших товарах и услугах, – но, в конце концов, рынок всегда жил «в порах» централизованно планируемой системы, и даже в конце 30-х годов в СССР тогдашний «малый бизнес» – потребкооперация – давал 6% промышленного производства (включая большинство потребительских товаров, причем это не мешало доминированию пострыночных ценностей солидарности и справедливости).

Таким образом, советскую модель экономики, основанную на сокращении издержек в противовес традиционному капиталистическому наращиванию доходов, ждет возрождение, – хотя на основе новых мотиваций и социальных организмов.

В частности, главная угроза Глобальной депрессии заключается в утрате ряда привычных технологий, которые станут слишком сложными и дорогими для макрорегиональных рынков, на которые распадется глобальный. Это касается и технологий жизнеобеспечения: так, прекращение совершенствования антибиотиков, например, за десятилетие вернет нас в средневековье, когда любая царапина может стать смертельной.

Выход – дешевые и простые технологии, развивавшиеся вне монопольной логики завышения издержек, прежде всего в рамках советской «оборонки» (единственного места в мире, где огромные деньги выделялись на исследования без обещаемого результата). Часть из них основана на воздействии не материальными инструментами, а различными колебаниями, часть – на мобилизации скрытых возможностей организма. Сверхпроизводительность делала их «закрывающими» целые отрасли – и потому неприемлемыми не только для традиционных

монополий, но и для озабоченных социальной стабильностью государств. Они сохранились и развиваются «в порах» общественных организмов, – и падение уровня монополизации, крах традиционной модели технологического прогресса и разрушение привычной социальной защиты в Глобальной депрессии позволяют им стать основой нового пути развития человечества, новым технологическим базисом и фундаментом новой социально-экономической формации.

Россия и здесь имеет огромные возможности: эти технологии развиваются в основном именно у нас не только по историческим причинам, но и в силу их соответствия специфике именно русской культуры (так же, как традиционные инженерные науки соответствуют культуре немецкой).

Реализация этих возможностей сыграет огромную роль в созидании коммунистического общества, которое, в отличие от социализма, будет развиваться уже на новой технологической базе, недоступной капитализму в силу самой его общественной природы.

Ротенфельд Ю.А.,
докт. филос. наук, проф.,
ЛНАУ (ЛНР, г. Луганск)

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И НОВЫЙ ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ И ГЛОКАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

1. Понятийное мышление

Вопрос о выборе исходных понятийных средств для осмысления процессов действительности – это самый важный вопрос, поскольку он касается способности нашего мышления, имеющего *принципиально понятийный характер*, познавать природный и социальный мир с объективных точек зрения. Поэтому вопрос о новом языке для исследования междисциплинарных глобальных и глокальных процессов – это вопрос о том, какие понятия мы должны ввести в социально-гуманитарные науки сегодня в качестве своих самых первых начал.

Рассмотрим три, выделенные Р. Карнапом, группы понятий:

Первая группа – это (абсолютные) классификационные понятия, т.е. понятия обычного разговорного языка, при помощи которого мы называем вещи, их свойства, обозначаем различные идеи.

Вторая группа – это (относительные) конкретно-научные сравнительные понятия, т.е. понятия, с использования которых начинаются

конкретные науки. Это – тяжелое и легкое, длинное и короткое, богатое и бедное и т. д.

Третья группа – это количественные понятия. Они появляются тогда, когда в любом из сравнительных понятий в качестве единицы измерения берется «меньшее», что позволяет перейти к осмыслению «большего» при помощи чисел, раскрывающих отношения между величинами.

Эту классификацию научных понятий Рудольф Карнап дает в своей книге, в которой он собирает не только понятия науки, но и понятия повседневной жизни в три основные группы. При этом «более эффективными для выражения информации являются сравнительные понятия»[1]. Хочу заметить, что выделенные Р. Карнапом в особую группу количественные понятия, на самом деле, не являются особой группой, а являются ничем иным, как сравнительными понятиями. Поэтому предлагаю вести разговор не о трех, а о двух группах понятий: классификационных и сравнительных. При этом сравнительные понятия я разделяю на два вида: *конкретно-научные* и *конкретно-всеобщие* сравнительные понятия разных видов.

Обращает на себя внимание принципиально важная связь между множеством конкретно-научных сравнительных понятий *градационного вида*, таких как тяжелое и легкое, длинное и короткое, богатое и бедное, как началами конкретных наук и двумя, выделенными Аристотелем конкретно-всеобщими сравнительными понятиями *градационного вида*, как началами научной философии – «Соотнесенным» и «Противоположным», направленными на интеграцию знаний.

Если же пойти дальше, то можно обратить внимание на принципиально важную связь между множеством конкретно-научных сравнительных понятий *ортогонального вида*, таких как меновые и потребительные стоимости, потенциальная и кинетическая энергия, электрическое и магнитное поле, рабство и феодализм и множеством других понятий конкретных наук. И конкретно-всеобщими сравнительными понятиями *ортогонального вида*, то есть понятиями научной философии, смыслы которых мы находим в учениях Пифагора и Гераклита[2].

---

[1] *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки.- М.: Прогресс, 1971. С. 97-99.

[2] *Ротенфельд Ю.А.* Возродить школу разума: к истории становления понятийного мышления в науках. Неизбежность нелинейного мира: Прилож. к журналу «Философские науки». Монография. К 100-летию со дня рождения В.С. Готта. – М.: Гуманитарий, 2012. С. 146-164.

2. Язык рассудка и язык разума

Раскол между гуманитарным и естественнонаучным знанием, как раз, и определяется различием в использовании понятийных средств. Классификационными понятиями, т.е. словами обычного языка, многие из которых неоднозначны, пользуются представители гуманитарного знания. Тогда как языком (началами) современных естественных наук выступает множество конкретно-научных сравнительных понятий разных видов, что, в конечном счете, не только разделило познание по предметам, но и раскололо культуру на две части: гуманитарную и естественнонаучную. Причем, кроме классификационных и сравнительных понятий, в том числе и чисел, конкретные науки стали использовать математические абстракции.

Различие в подходе к выбору начал удачно отразил в своей картине «Афинская школа» Рафаэль. В ее центре фигуры Платона и Аристотеля. Платон указывает пальцем на небо, тогда как Аристотель – на землю. Если следовать за Платоном, который в качестве начала философии выбирал классификационные понятия – оказываемся в лабиринте рассудочного мышления, обусловливающего *плюрализм мнений*. Если следовать за Аристотелем, выбравшим сравнительные понятия – выходим на оперативный простор кумулятивной научной философии с ее *диктатурой истины*.

Так, в «Метафизике» Аристотель выдвигает четко обозначенные объективные «причины и начала». Это четыре вида противолежания, как называл конкретно-всеобщие сравнительные понятия Стагирит. Это «противоречащее», «соотнесенное», «противоположное», «лишенность и обладание», а также первое «откуда» и последнее «куда», которые обусловлены разного рода возникновением и уничтожением»[1].

При этом один из аристотелевских видов противолежания – «противоречащее» – мы разделили на две части – на два совершенно самостоятельных сравнительных понятия: «Тождественное»: А = А. И «Различное»: А и не-А. Тогда как «лишенность и обладание» отнесли к «Соотнесенному» в качестве его частного случая, когда меньшая сторона приобретает нулевое значение.

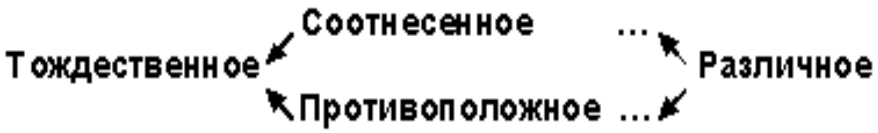
Такой передел обусловлен разными функциями выделенных Аристотелем мыслительных средств. «Противоречащее» имеет отношение к речи и связанному с ней непротиворечивому рассудочному мышлению. Что же касается остальных видов противолежания, то они обусловливают природные и социальные связи, возможность их изме-

[1] Аристотель. Соч. в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. М., «Мысль», 1975. С. 121-168.

рения, счет и, в конечном счете, разумное мышление – мудрость, как знание общего.

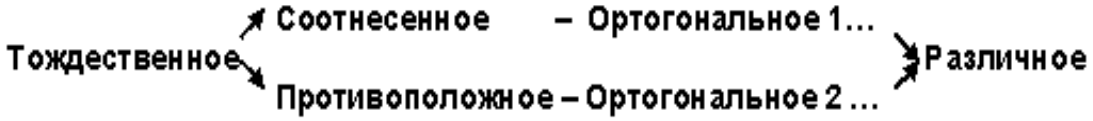
3. Три ступени в развитии ума

Случилось так, что выбирая начала, философы пошли не за Аристотелем, а за Платоном. Поэтому с тех самых пор философия все дальше заходила в лабиринт рассудочного мышления. Тогда как выделенные Аристотелем виды противолежания, напротив, выводили философию на оперативный простор философской науки. При этом каждое из сравнительных понятий (будь то конкретно-научное или конкретно-всеобщее понятие) давало наблюдателям одинаковые для всех объективные точки зрения, что, в конечном счете, привело бы их не только к пониманию тех или иных отношений, но и к взаимопониманию.



Аристотелевские виды противолежания
в нашем расположении

Продолжая дело древнегреческих мыслителей, мы собираем выявленные ими более сложные конкретно-всеобщие сравнительные понятия и объединяем их в единую систему. Так, у Пифагора мы находим его знаменитую теорему, связывающую под прямым углом две градации (Ортогональное 1 Пифагора). Тогда как у Гераклита мы находим гармонию лука и лиры (Ортогональное 2 Гераклита), связывающую под углом 90 градусов две пары противоположностей. В результате получаем кумулятивный ряд конкретно-всеобщих сравнительных понятий[1].



Натуральный ряд сравнительных понятий

Благодаря понятию «ортогональное» можно осмысливать не только все ритмы природы, но и различные общественные процессы. В результате мы дополняем язык классификационных понятий, обу-

[1] *Ротенфельд Ю.А.* Проблема тождества и различия в античной и современной философии // Филос. науки. 1989. № 5. С. 22-31.

словливающий рассудочное мышление, языком сравнительных понятий, обусловливающих разум и философскую мудрость, направленную на познание общего.

Современные социальные и гуманитарные науки не используют конкретно-научные и конкретно-всеобщие сравнительные понятия разных видов. Тогда как мой подход к разуму и мудрости, основанный на переосмыслении роли сравнительных понятий (сравнить с тремя основными группами понятий по Р. Карнапу) и нацеленный на создание общезначимой научной картины мира, выводит гуманитарное мышление из тупика. Важным здесь является то, что деление языковых средств на классификационные, конкретно-научные и конкретно-всеобщие сравнительные понятия градационного и ортогонального и других видов, позволило провести демаркацию между тремя принципиально разными ступенями в развитии человеческого ума: рассудком, разумом и мудростью.

Рассудок оперирует языком классификационных понятий. Он связан с классификацией фактов и явлений, с систематизацией разнообразных знаний на основе отношений тождество и различие как предельных абстракций отождествления и различения.

Разум задействует не только классификационные, но и конкретно-научные сравнительные понятия градационного, ортогонального и других видов, числа, арифметические и другие математические абстракции. Он связан с конкретно-научным осмыслением природы и социального мира.

Мудрость стоит над рассудком и разумом благодаря тому, что помимо классификационных, конкретно-научных сравнительных и количественных понятий, помимо различных математических абстракций, она включает в мышление язык конкретно-всеобщих сравнительных понятий.

Мир для нас таков, каким мы способны его воспринять, классифицировать и описать посредством классификационных, конкретно-научных и конкретно всеобщих сравнительных понятий разных видов. Недаром говорят, что «границы нашего языка определяют границы освоенного нами мира»[1].

[1] *Витгенштейн Людвиг.* Логико-философский трактат.
http://modernlib.ru/books/vitgenshteyn_lyudvig/logikofilosofskiy_traktat/read

Три ступени умственного развития

За многовековую свою историю гуманитарии не научились использовать язык конкретно-научных и конкретно-всеобщих сравнительных понятий, а, значит, они не сумели освоить ни разум, ни тем более мудрость – Софию. Мы ликвидируем этот недостаток гуманитарного мышления, показав путь восхождения от рассудочного мышления к разуму и мудрости.

Муза Д.Е.,
докт. филос. наук, проф., член-корр.
Крымской Академии наук, Донецкий
педагогический институт (ДНР, г. Донецк)

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?

Тема диалога культур (цивилизаций) прочно вошла в мировой политический и общественный дискурс. К примеру, в ключевом документе ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятом на Генассамблее 25.09.2015 года с очевидностью заявлена цель под номером 17 – «Партнерство в интересах устойчивого развития».

Тем не менее, проблема оснований этого партнерства, а по своей сути – диалога, пока неотрефлексирована с надлежащей мировоззренчески аксиологической полнотой. Напротив, пока дискретное человечество, по мнению У. Бека, так и не перешло от «исключающей дифференциации» (логика «или – или») к «включающей дифференциации» (логика «и то, и другое»)[1]. Даже на фоне конституирования космополитического мировоззрения с его фигурами.

В этой ситуации уместно взглянуть на ресурсы цивилизационных исследований под углом зрения их рецептурности, обращенной к материи глобального политического.

Представляется, что здесь верен тезис В.В. Ильина, утверждающего в качестве аксиоматических положений следующее: «в истории не существует ортоидного прогресса; человечество диспергировано по ценностным ландшафтам; жизневоспроизводственные локусы цивилизаций связаны пространственно-временной связью, но не эволюционной преемственностью»[2]. Данная аксиоматика, между тем, сегодня развернута в представление о том, что алгоритм цивилизационного развития суть ничто иное, как

Кроме того, мир, как напророчествовал С. Хантингтон XXI веку – суть плюральность культурно-цивилизационных целостностей, живущих в режиме перманентной конфронтации[3], причем реалий, до конца

[1] *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. С. 5 – 7.
[2] *Ильин В.В.* Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009. С. 19.
[3] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 185 - 278, 288 – 431.

не опосредованных глобализацией[1], что сегодня – на фоне явного сопротивления глобализации по всему миру – стало вполне очевидным фактом. Поэтому «онтология исключительности» поставлена под вопрос, а в противовес ей выдвигается принцип имманентной сопряженности человека (культуры) и «другого» («других»)[2].

Собственно в российской науке ещё в 90-е годы усилиями нескольких крупных теоретиков – академика Б.С. Ерасова, профессоров А.С. Панарина и В.Л. Махнача, эта проблемная ситуация была преодолена. Причем с опорой на воссоздание целой нити культурно-цивилизационных исследований: Н.Я. Данилевский – К.Н. Леонтьев – О. Шпенглер – евразийцы – А.Д. Тойнби – П.А. Сорокин – С. Эйзенштадт – школа «Анналов»[3]. Именно в их работах категория «цивилизация» (и сама проблематика с нею связанная) стала ориентиром в деле выработки комплексного представления о культурно-историческом процессе и межцивилизационных взаимодействиях. В том числе, в его гео-формациях, включая русскую, синстскую, индо-буддийскую, исламскую, западную, латиноамериканскую и африканскую цивилизации.

В рамках этой работы состоялось (быть может) главное мировоззренческое и теоретическое обобщение, касающееся диалогичности цивилизационного уровня: *задача цивилизации – наладить тесную коммуникацию отдельных этнических культурных миров, поместить их в общее духовное, экономическое, информационное пространство, в котором существовал бы единый метаязык, а специфические этнокультурные импульсы конвертировались в форму универсального цивилизационного творчества*»[4] (курсив мой – М.Д.).

При этом для русской цивилизации мыслитель в качестве диалоговой стратегии выделил «пушкинскую парадигму» как культуротворческую программу по упразднению *цивилизационного раскола*, образовавшегося в эпоху Петра I. Она подразумевала не только соединение «большой», письменной (восточнохристианской) и «малой», устной (народной) традиций, но и диалог с Западом о проекте Просвещения.

---

[1] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

[2] *Скворцов Л.В.* Цивилизационные размышления: концепции и категории постцивилизационной эволюции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 253 – 259.

[3] Сегодня разумеется развивается и западная традиция цивилологии, представленная именами Ф. Фернандо-Арместо, Р. Осборна, Дж. Сакса, Н. Фергюсона, Й. Тернборна, А. де Бенуа и мн. др.

[4] *Панарин А.С.* Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996. С. 109.

В этом актуальной задачей для А.С. Панарина являлась задача по нахождения формулы преодоления нового раскола, обнаружившегося в нашем обществе в 90-е гг. XX в. Герменевтика «Бориса Годунова», проделанная им, говорит о том, что «народ безмолвствует» в силу того, что ему предлагают два заемных, «то есть оторванные от нашей действительности, учения – коммунизм и либерализм». Напротив, Пушкинский «завет» гласит: наша собственная духовная традиция выработала смысловой культурологический и моральный экстракт: *правду-справедливост*ь[1].

Только в этом створе выхода из «вавилонского пленения западничества» и инверсии к восточнохристианской суперэтнической традиции ему виделся путь преображения русской цивилизации, её внутренний, а затем и внешний культурный диалогизм.

Собственно сегодня этот взгляд артикулируется как вполне справедливый, поскольку алгоритм цивилизационного развития заключается в том, что «цивилизационная матрица формируется в ответ на формирование регионального аттрактора и распространяет свое влияние на сферу действия этого аттрактора»[2].

В свою очередь, рассматривая мирополитические реалии, А.С. Панарин указывал на вертикально-горизонтальное распределение социокультурного «вещества» и движения духовных энергий по осям: Север – Юг и Восток – Запад, полагая, что именно такая компоновка позволит уловить «кривизну» исторического процесса. Далее, в соответствии с установками цивилизационной теории он видел структуру истории как взаимодействие разнообразных по истокам, культурным кодам, политической организации и технической оснащенности цивилизационных миров. Наконец, немного-немало в его работах прослеживается надежда реформирования истории со стороны Востока. А именно: «У Востока есть только один шанс достойно ответить на вызов Запада: преобразовать его духовно, преобразуя вместе с ним и самое себя и все человечество»[3].

Но за этим последним утверждением кроется глубинное измерение культурно-цивилизационного процесса, а именно, целый ряд проблемных узлов: реальная коммуникативная асимметрия цивилизаций и культур, причем как следствие «вызова» Запада и конституирование не-Запада за счет уникального преломления фактичности модернизации

[1] *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 57.
[2] Глобальная геополитика. Колл. монография / Под редакцией И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Издательство Московского университета, 2017. С. 141.
[3] *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательский центр «Логос», 1998. С. 216.

(где-то модернизации как вестернизации, где-то как модернизации без вестернизации). Но что более важно, поиск западными интеллектуалами рефлексивного рецепта модернизации: 1) коммуникативной социологией (Ю. Хабермас, Н. Луман); 2) рефлексивной социологией (Э. Гидденс, У. Бек, С. Леш) пока незавершен. Своеобразный итог этих студий фиксация обстоятельства: Запад, создавший «вулкан» глобальных опасностей, никак «не благодетель, а проблема для остального человечества»[1].

Рассматривая это сюжет, нужно отметить что ранее данную проблему выявил и описал А.С. Панарин. Ему принадлежит более жесткая версия проблема «похищения истории», включая «похищение России». В частности, в своей работе «Россия в циклах мировой истории» (1999) он структурно описал ситуацию в рамках которой:

а) динамика модерна, прежде всего его идеологических конструкций – либерализма и марксизма создали свои модели похищения, дифференцировав все общества, выделив референтную группу – «средний класс» и «пролетариат», и организовав тем самым разрыв между Большой историей и народной повседневностью;

б) конституировалось «открытое» общество, навязываемое по всему миру, в своей практике касается не только экономики, но и сфер идеологии, образования, культуры, демонстративно призывая не-Запад открыться его «плодотворному» влиянию;

в) возник технологический ratio, лишенный любви, выхватил из под опеки великих культур Востока – природу, с её механизмами самоорганизации, и бросив её в «топку» Прогресса, при этом неотрефлексировав грядущие «пределы роста»;

г) оформилась мораль успеха, тиражируемая повсеместно, мораль, которая атакует и выводит из игры трудовую (аграрного и промышленного обществ) мораль, по сути ничего не предлагая взамен[2]. Разве что сюжет юноши Эдипа, как клише культурного постмодернизма и современных социальных практик.

В усилении этой герменевтики отрицательного опыта Запада, его не-диалогизма, хочу напомнить один аргумент Р. Даля. В частности следующее его положение, касающегося судьбы демократии: «Для граждан демократических государств было бы весьма разумным осознать, что на протяжении ближайшего будущего многие, если не большинство стран мира не станут демократиями. Огромная вариатив-

[1] *Ионов И.Н.* Модернизация и коммуникативная асимметрия // Цивилизации. Вып. 10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; [Институт всеобщей истории РАН]. М.: Наука, 2015. С. 99.

[2] *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 42 – 174.

ность типов режимов в недемократических странах требует четкого членения различных видов эмпирических и моральных оценок и твердого отказа от дуализма манихейского типа»[1].

Само по себе это требование ценно, но если его интерпретировать в терминах неспособности Запада решить проблему «другого» (таким решением не является пересаживание его институтов и ценностей, представляемых как универсальные, лишая иные общества и культуры их самобытности).

Иное дело отечественная цивилизационная парадигма, в лице того же А.С. Панарина четко заявившая свою позицию, а именно: *принцип плюрализма мировых культур (цивилизаций)* означает, что «каждую из них нужно рассматривать как носительницу спасительного разнообразия, как воплощение того или иного альтернативного варианта не в духе взаимоисключения, а в духе дополнительности»[2]. Это онтологическое допущение позволяет вообще реализовывать как теорию, а за нею и практику многополярности.

И никто иной, как А.С. Панарин одним из первых предложил прогностику этого перехода. Итак, «замкнувшийся круг модерна» или переход западных социокультурных ценностей в свою противоположность («анти-модерн»), поставили перед незападными цивилизациями *задачу духовно-нравственного реформирования истории*. Иначе: перехода инициативы от Запада – к Востоку. Из Океана – на Континент. При этом понятие «Восток» включало в себя «периодическую систему элементов восточного опыта»: конфуцианского, даосского, идуистско-буддийского и исламского. Главная проблема Востока – породить общий синтетический язык для духовной реформации истории (=перевода в неутилитарный, неэмпирически-потребительский и неноминалистический фазис).

На этом пути особую роль должна сыграть Россия как евразийская цивилизация, соединяющая в себе структурно-осевые координаты «континента Евразии». Именно она способна инициировать (на основе культурного наследия Византии, как евразийской империи и цивилизации) создание полноценного «евразийского союза». Но прежде должны оформиться частные «союзы» России и Китая, России и Индии, России и стран, входящих в мусульманскую цивилизацию[3].

Само конституирование союзных отношений предопределено этикоцентризмом культурных традиций этих цивилизаций. Они прин-

[1] *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 482.
[2] *Панарин А.С.* Тайна железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 219.
[3] *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.

ципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна (постмодерна) – *наживы* и *страха*. Их культурные коды содержат т.н. моралистический монизм, или систему космо-, эко-, и культуроцентричных координат. Для них инвариант – подчинение экономической и технической деятельности такой гармоничной модели бытия, где совестливость и ответственность, прилежание и солидарность – суть инварианты.

Именно они, в виде «вызовов» со стороны западной постхристианско-постпросвещенческой технологически-рыночно-урбанистской цивилизации, обращены к мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-даосской и русской цивилизациям. В потенциале – латиноамериканской и африканской. Именно они – при онтологическом плюрализме – сохранили «культуру диалога культур» (И.М. Маликов, А.А. Гезалов), которая, нужно надеяться, сделает мир более устойчивым, безопасным и справедливым.

Шепелев М.А.,
докт. полит. наук, проф., ЮЗГУ (г. Курск)

ГЕОИСТОРИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Геоистория является концептуальной основой для понимания пространственно обусловленной логики мирового развития, базирующейся на применении «геометодологии» в историческом познании «вселенной международных феноменов». Своё воплощение она нашла в концепции Х. Маккиндера, изложенной им в 1904 г. в знаменитом докладе «Географическая ось истории». А. Грабовски вообще видел в геополитике «метод исторического познания». Также геоистория получила развитие, в частности, в трудах О. Шпенглера, К. Шмитта, А. Тойнби, Ж. Готтмана, Н. Спайкмена, Д. Мейнинга, историков «школы Анналов» и представителей школы мир-системного анализа, а также Л.Н. Гумилёва и его последователей. В основании геоистории лежит осознание того, что захват земли является первым основанием цивилизации и её истории, на котором устанавливается пространственный порядок. Собственно, из захвата земли вытекает создание городов и возведение укреплений, война и мир, союзы, дипломатия и их правовое регулирование. В этом смысле мировая история есть история становления и развития пространственного порядка и, в том числе, его глобализации[1].

[1] *Сулима Е.Н., Шепелев М.А.* Геонаучная парадигма подготовки магистров международных отношений // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. С.164.

В русле геоистории каждый отдельно взятый период господства исторически определённого способа захвата и раздела земли образует отдельную геополитическую эпоху. Смена этих эпох, всегда принимавшая форму геополитической революции, обусловлена противоречиями между способами захвата и раздела земли, и проявлялась в переходе от одного пространственного политического порядка к другому.

Первая геополитическая эпоха – это эпоха городов-государств (Шумер), представлявших собой первую форму цивилизованного бытия человечества, сложившейся к середине IV тыс. до н.э. в Месопотамии – крупнейшей орошаемой речной долине Среднего Востока, расположенной вблизи центров зарождения сельского хозяйства. Конец ей положила Первая геополитическая революция (центр – Аккад, лидер – Саргон Древний), сломавшая барьеры, прежде ограничивавшие цивилизованное существование организованными и руководимыми жрецами общинами в рамках отдельных городов-государств; и означавшая возникновение широкомасштабной сухопутной военно-политической экспансии, которая одновременно была и первой формой территориальной интеграции. Следствием этого революционного преобразования мироустройства стала Вторая геополитическая эпоха – эпоха территориальных империй и сухопутной экспансии, продолжавшаяся со времени создания Аккадской державы Саргона Древнего до появления Римской империи.

Вторая геополитическая революция (центр – Рим, лидеры – Гней Помпей, Октавиан Август) знаменовала собой превращение контроля морских коммуникаций в инструмент интеграции пространства и формирования нового геополитического порядка, т.е. превращение Средиземного моря в ядро единого цивилизационного пространства – Pax Romana. В сущности речь шла о захвате моря с суши посредством его окружения и формирования «кольцеобразной» системы, как её называл В.П. Семёнов-Тян-Шанский. То, что тогда имел место именно «захват моря с суши», с очевидностью вытекает из характера морских войн античности и средневековья, которые по сути были ни чем иным, как переносом принципов сухопутных битв на морские сражения. Корабли в них были не более чем продолжением суши: два или более корабля сходились друг с другом и находившиеся на них солдаты вступали в обычный бой. Третья геополитическая эпоха «захвата моря с земли», эпоха средиземноморского мира, продолжалась до открытия Мирового Океана и Нового Света.

До XV в. талассократии были в основном периферийными акторами в мировом историческом процессе, несмотря на успехи фини-

кийцев, Афин или Карфагена. С другой стороны, противоборство теллурократий и талассократий носило сугубо локальный или региональный характер. Великие географические открытия способствовали изменениям положения теллурократических и талассократических государств и цивилизаций в современной мировой системе, поляризуя различия их интересов и образуя тем самым общепланетарное геополитическое и цивилизационное противоречие. Как отмечает Х. Маккиндер в докладе Королевскому географическому обществу (1904 г.), «важнейший результат обнаружения пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды заключался в том, что он должен был связать западное и восточное каботажное судоходство Евро-Азии, даже хотя бы таким кружным путем, и таким образом в определенной степени нейтрализовать стратегическое преимущество центрального положения, которое занимали степняки, надавив на них с тыла. Революция, начатая великими мореплавателями поколения Колумба, наделила христианский мир чрезвычайно широкой мобильностью, а Мировой океан, окружающий разделенные и островные земли, стал географической условием высокой концентрации талассократической мощи»[1].

Х. Маккиндер в ряду других исследователей подчеркивает революционный характер открытия и покорения Мирового океана. Связанные с этим события составили Третью геополитическую революцию конца XV – середины XVII в. (центр – Атлантическая Европа, лидеры – Фердинанд и Изабелла, Елизавета Тюдор). Происшедшая тогда коренная трансформация мировой системы, связанная с открытием Нового Света, созданием заморских колониальных империй и переходом части человечества к «морскому существованию», породила глобализацию противоречия между силами Суши и Моря.

Именно в этот период в развернувшейся внутриевропейской борьбе за открывавшийся новый мир, вынуждавшей соперников определенным образом делить землю и распределять её между собой, сформировалось глобальное линейное мышление. Самой первой подлинно глобальной была знаменитая линия, проведенная в соответствии с буллой папы Александра VI «Inter caetera divinae» от 4 мая 1494 г., которая была уточнена испано-португальским договором о разделе мира, заключенным 7 июня 1494 г. в Тордесильясе. При этом уже в тексте Тордесильясского договора, разделившего Океан по подобию сухопутных границ, была допущена оговорка в пользу будущей «свободы» моря. В дальнейшем нарастание противоречий в борьбе за захват земли привело к появлению нового типа разделительных линий –

[1] *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Полис. - 1995. - № 4. – С.167.

«линий дружбы». Последние предполагали, что договоры, мир и дружба относятся лишь к Европе, т.е. к Старому Свету, к области, расположенной по эту сторону линии, тогда как по ту сторону расположены ничейные земли, где допустим любой разбой (пиратство, государственный или индивидуальный грабеж, нападение на государства, с которыми по ту сторону линии поддерживается мир).

Между европейскими государствами развернулась борьба за захват земли в Новом Свете и за свободную, расположенную за пределами Европы землю, при этом существовавшие способы захвата земли и осуществлявшиеся территориальные изменения оставались в рамках существовавшего пространственного порядка и даже являлись средством его поддержания. На этом фоне англичане, став с середины XVI в. «морскими партизанами», воспользовались свободой, предусматривавшейся «линиями дружбы» и грандиозным захватом земли, а затем – новой «свободой морей», чтобы осуществить великий захват моря. Но при этом в их сознании стирались четкие границы между государством и индивидом, общественной и частной жизнью, а также между войной и миром и между войной и пиратством. Закрепление международно-правового разделения суши и моря как различных пространственных порядков и их равновесия связано с Утрехтским миром (1713 г.), обозначившим переход от стихийной к упорядоченной свободе морей.

В дальнейшем свобода морей получала свои границы и даже своё содержание через интересы английского ведения войны на море, а именно через право и свободу ведущей войну силы контролировать торговлю нейтральных стран. В сущности британское господство на море основывалось на том, что тот, кому принадлежало море, владел также и землей. Так что, по удачному выражению О. Шпенглера, «границами Англии в самом деле были побережья всех крупных морей»[1]. Международно-правовое оформление эта тенденция получила, например, в принципе интернационализации всех больших морских проливов, за которым скрывалось стремление беспрепятственно использовать их английскими военными судами. Собственно, одним из таких проливов для Британии, руководствовавшейся стремлением обеспечить беспрепятственные связи между разбросанными частями империи, стало и Средиземное море, тогда как для средиземноморских государств оно представляло собой жизненное пространство. Уже в средиземноморской политике Британии проявилось стремление использовать универсалистские правовые принципы и понятия в качестве

[1] *Шпенглер О.* Политические произведения / Освальд Шпенглер; пер. с нем. В.В. Афанасьева. - М.:«Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – С.38.

инструмента интервенционизма. Так противоположность стратегического мышления талассократий и теллурократий выразилась в противопоставлении международно-правового пространственного мышления и международно-правового мышления коммуникациями и проливами.

В целом четвертая геополитическая эпоха – это талассократическая эпоха «захвата земли с моря», эпоха глобализации мира на основе преобразования одной локальной цивилизации – западной талассократической – в глобальную. Это нашло воплощение, в частности, в обозначившейся уже к началу XX в. тенденции универсализация международного права, выразившейся в постепенном отказе от разграничения территорий европейских государств и заморских колоний, что в итоге привело к разрушению принципа ограниченной войны. Именно на рубеже веков либеральное глобалистское экономическое мышление, основанное на вере во всемирную свободу торговли, было распространено на правовую сферу, а это способствовало поступательному движению экономики к единому рынку, предполагающему не только преодоление государственно-политических границ, но и определенный стандарт внутригосударственного устройства (например, введение каждым государством некоего минимума конституционного порядка; обеспечивающего отделение публично-государственной сферы от частной), или, как выражается К. Шмитт, «единство стандарта либерального государственного строя»[1].

Четвертая геополитическая эпоха длилась до нач. XXI в., когда явно обозначился новый геополитический фактор, сопоставимый и даже превосходящий открытие Мирового океана по масштабам своего воздействия на мироустройство. Речь идёт об открытии Космоса, в котором наш Юрий Гагарин стал Христофором Колумбом новой эпохи, а СССР и США в первой «космической гонке» выступили в роли условных аналогов Испании и Португалии.

Подобно тому, как Третья геополитическая революция охватила т.н. «долгое XVI столетие», так и начавшаяся Четвертая геополитическая революция будет представлять собой довольно длительный комплекс широкомасштабных коренных преобразований, так что мы находимся лишь в её начале. Предпосылки Четвёртой геополитической революции:

1) подъем Незапада, восстанавливающий нарушенное 500 лет назад установлением западного лидерства глобальное геополитическое и геокультурное равновесие;

[1] *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum / Карл Шмитт. - СПб.: Владимир Даль, 2008. – С.323.

2) открытие Космоса, сопоставимое по своему масштабу с открытием Мирового океана также 500 лет назад, и растущее соперничество великих держав за его освоение, сопровождающееся развитием новых технологий контроля над пространством и его эксплуатации;

3) завершение американской политической гегемонии (1990-2014) и вступление Запада во вторую стадию цивилизации (по О. Шпенглеру), означающую наступление примерно 200-летней эпохи гражданских войн, или «смутного времени»;

4) кризис легитимности универсалистского правового порядка, сложившегося в период первой стадии цивилизации в истории Запада и приведшего к замене прежнего ограничения войны тотальной войной, с перспективой глобальной гражданской войны, что противоречит жизненным интересам находящихся на подъеме незападных держав

Наступление длительного «смутного времени» в истории Запада, которое будет происходить не в условиях замкнутой «ойкумены», как это было в эпоху Древнего Рима, а в глобализированном мире, на фоне подъема незападных цивилизаций и обострения противоречий по линии Запад – Незапад, приведёт к утрате Западом господствующего положения в мировой системе, что и создаст необходимые условия для её трансформации из современного состояния в постсовременное, и соответственно – для перехода от Модерна к Постмодерну. Единственный шанс Запада сохранить своё господство в мировой системе и саму современную мировую систему – это погружение в состояние затяжной смуты не только западной цивилизации, но и всего мира, т.е. глобальная гражданская война.

Следует, таким образом, ожидать, что первая половина XXI в. может стать решающей «точкой бифуркации» в мировой истории. Здесь существует две альтернативы: Вариант 1: Незапад найдет в себе силы и желание использовать кризис Ультрамодерна для перехвата исторической инициативы и осуществления новой геополитической революции, которая «закроет» проект Модерна и оставит Запад наедине с его внутренними проблемами. Вариант 2: Запад сможет реализовать сохраняющийся шанс удержать мировую систему в траектории собственного цивилизационного развития за счёт разжигания противоречий между цивилизациями и государствами Незапада и втягивания их в глобальную гражданскую войну.

Особенностью складывающейся ситуации является то, что основное геополитическое противоречие, которое С. Хантингтон обозначил как противостояние Запада и остального мира, т.е. Незапада, принимает форму борьбы за контроль над Космосом. В отличие

от Мирового океана, Космос – бескрайнее пространство, а доминирование в Космосе (под которым подразумевается надземное пространство выше 100 км над уровнем океана) обеспечивает доступ к информации обо всем, что происходит на нашей планете, являясь ключом к тотальному мировому господству.

Разворачивающееся в контексте Четвертой геополитической революции борьба за космическое господство открывает возможность создания нового пространственного порядка на Земле, основанного на разделении «земного цивилизованного пространства» и открытого для свободной экспансии Космоса. Согласно К. Шмитту[1], в Новое время, к середине XVII в. было создано и поддерживалось сосуществование двух пространственных порядков: в первом господствовало специфическое международное право, во втором – естественное состояние, свободная конкуренция или анархия. Это сосуществование позволяло обеспечить ограничение, упорядочение и гуманизацию войны в Европе (и шире – на Западе) как центре современной мировой системы за счёт вынесения её на периферию. Разрушение этого порядка посредством переноса морской войны в континентальную сферу, универсализации европейского права и отмены разделения «цивилизованного пространства» и «пространства свободной конкуренции» привело к тому, что на смену ограниченной войне пришла глобальная тотальная гражданская война, превратившаяся ныне в основную проблему для человечества. Освоение Космоса и вынесение межгосударственного соперничества в космическое пространство даёт шанс на достижение на этой основе нового ограничения войны, но теперь уже в масштабах всей планеты. В таком случае околоземная орбита, например, может превратиться в новую «линию дружбы» – линию разграничения пространств порядка и анархии, ограниченной войны и «нового пиратства» (последнее, связанное с ведением разведки и эксплуатацией космических природных ресурсов, возможно, будет именоваться «свободным предпринимательством»).

[1] *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum / Карл Шмитт. - СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.

Самыгин П.С.,
докт. социол. наук, проф., РГЭУ (РИНХ)
Самыгин С.И.,
докт. социол. наук, проф., РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время представления о глобальных политических процессах во многом складываются под воздействием ряда влиятельных конспирологических концептов, распространяющихся, в том числе, и посредством средств массовой информации. Благодаря многочисленным публикациям в прессе, книжной продукции, художественным фильмам и сериалам произведениям конспирологов удалось выйти на большой экран, обрести массового читателя, став, в конечном итоге, неотъемлемым компонентом современной массовой культуры. Как отмечает крупнейший отечественный специалист в области конспирологии А.Г. Дугин, она постепенно становится легитимным стилем, своего рода модой, причем имеются определенные основания утверждать, что интерес к конспирологическим концептам является не просто «краткосрочным увлечением, но и устойчивой социологической тенденцией»[1].

Популярность теорий заговора в современном мире обусловлена вовсе не тем, что конспирологам удалось открыть какие-то объективные закономерности, которые ранее были скрытыми, а размытостью самого образа мира в современную эпоху, общей ситуацией нестабильности и неопределенности, в том числе, и в сфере политики. Именно в представлениях о политической сфере жизни общества конспирология получает очень широкую и благодарную массовую поддержку, что обусловлено самой природой власти, сущностью механизма ее осуществления. Все дело в том, что даже в самых демократических и транспарентных обществах большинство политических решений, так или иначе, принимаются за закрытыми дверями» и даже вездесущим СМИ в большинстве случаев не удается проникнуть за этот занавес.

В конечном итоге, отмечает А.Г. Дугин, все это приводит к тому, что существующая в политической сфере «вполне реальная и прагматически объяснимая зона тени разрастается у активных наблюдателей

[1] *Дугин А.Г.* Конспирология. М., 2005. С. 4.

до невероятных размеров» и рождаются мифы о всевозможных «заговорах»[1].

Несмотря на перманентный рост популярности произведений современных конспирологов, в рамках современного научно-политологического сообщества практику подготовки и применения конспирологических концептов чаще всего относят к паранаучной деятельности. Это обусловлено тем обстоятельством, что получение подтверждения существования конспирологической практики крайне затруднено ввиду отсутствия надежных документальных свидетельств и релевантных методов, позволяющих четко определить детерминанты политических конспирологических институтов и формируемых ими политических решений. В реальности наиболее затруднительным делом является поиск конкретных доказательств того, что те или иные глобальные, региональные, локальные политические события действительно обусловлены действием конспирологических факторов. Необходимо отметить, что на отнесение конспирологии официальной политической наукой к сфере паранауки сама конспирология отвечает тем, что научно-политологические изыскания, за небольшим исключением, объявляет сферой производства наукообразных мифов, которые сами выступают как «прикрытие» сложной сферы реальной политики. С точки зрения конспирологов, политическая наука якобы упрощает, схематизирует, идеализирует реальную политику, показывая ее в качестве результирующей столкновений различных сил, цели которых редко осуществляются (даже частично), тогда как политика, если следовать конспирологической трактовке политического процесса, давно уже «кодируется» либо в одном, либо в немногих центрах влияния[2].

Растущая популярность конспирологических концептов, корни которой следует искать в глубинных социальных и психологических потребностях человека, обуславливает актуальность их научного изучения, в контексте анализа воздействия конспирологических концептов на современные представления о политических процессах. Несмотря на наличие действительно слабых мест в конспирологических конструкциях, к числу которых следует отнести в первую очередь представления о существовании тайной, не институционализированной, власти, проводящей единую политику в течение долгого времени, что выглядит весьма маловероятным, поскольку отсутствие институтов

[1] *Дугин А.Г.* Конспирология. М., 2005. С. 5.

[2] *Кадурина Н.В., Самыгин П.С.* Конспирологические концепты и их влияние на формирование образов политических процессов в современном мире. Ростов н/Д.: СКАГС, 2011.

и высокая степень секретности блокирует информационные потоки между такими властителями и делает сомнительной их способность к совместной деятельности по единому плану долгое время, конспирологические концепты продолжают оказывать сильное влияние на массовое сознание, формируют образы, представления о политических процессах, которые могут сильно отличаться от их официальной версии. Весь этот комплекс проблем недостаточно разработан и нуждается в дальнейшей глубокой теоретической разработке.

Что касается глобальных политических процессов, то наибольшее воздействие на формирование их образов в массовом сознании оказали и продолжают оказывать такие влиятельные конспирологические концепты как масонский заговор, еврейский заговор, мондиалистский заговор, а также заговор банкиров или экономический заговор. Необходимо отметить, что в изображении некоторых конспирологов все эти концепты оказываются слитыми воедино, и таким же образом изображается их воздействие на политический процесс, что нередко формирует у широкой общественности достаточно противоречивые представления о политических событиях прошлого и настоящего. Если обобщить все эти, а также многие другие, не упомянутые в диссертационном исследовании конспирологические концепты, то можно сделать вывод, согласно которому, общей идеей, проходящей «красной нитью» через многочисленные научные изыскания отечественных и зарубежных конспирологов, является обусловленность современных глобальных политических процессов деятельностью разветвленной сети тайных организаций, которая имеет наднациональный характер и преследует цель построения мира по единому образцу.

В видении глобальных политических процессов с точки зрения конспирологических концептов в настоящее время можно обнаружить две преобладающие трактовки. Согласно первой, современный глобальный политический процесс определяется Соединенными Штатами: наряду с формальным руководством этой страны, в ней существуют также различные тайные, секретные и полусекретные организации, которые в значительной степени способны влиять как на американское руководство, так и на мировые политические процессы. Значительная часть современных конспирологов, таким образом, рассматривают Соединенные Штаты Америки как страну, оказывающую определяющее воздействие на глобальные политические процессы, а различные тайные организации внутри самих США как те центры, где реально делается мировая политика, принимаются стратегические решения, от которых зависит будущее мирового сообщества. В то же время, суще-

ствует и другая трактовка, согласно которой глобальная политика определяется различными тайными, секретными и полусекретными организациями, рассредоточенными по всему миру и не обязательно связанными с Соединенными Штатами.

Конспирологическая интерпретация политического процесса в целом базируется на признании доминирующей роли в нем тайных организаций. Существование последних в принципе не отрицается и исследователями, не относящимися к конспирологическому лагерю: существование таких секретных или полусекретных организаций как Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям или Бильдербергский клуб, в настоящее время подтверждено документально. Дело в том, что антиконспирологи, в отличие от апологетов теории заговора, не считают, что эти тайные общества способны осуществлять контроль над национальными правительствами ведущих государств мира и манипулировать глобальными политическими процессами. Их противники, напротив, не сомневаются в том, что члены этих обществ не только осуществляют самый тщательный контроль над многими крупными мировыми корпорациями и банками, но и обеспечивают ротацию основных высокопоставленных правительственных должностных лиц, которые в свою очередь, осуществляют именно ту политику, которая задумывается и поощряется данными тайными организациями. Оказывая существенное влияние на национальные выборы и национальные политику разных стран, а также на глобальную политику, эти общества, вместе с тем, оказываются удивительно недоступными для каких бы то ни было исследований, как со стороны правительственных органов, так и со стороны средств массовой информации. При этом конспирологи все-таки убеждены, что конечной целью данных латентных обществ является создание «единого мирового правительства с постоянным централизованным социальным контролем и утратой всеми странами национального суверенитета»: рассматриваемая цель становится в настоящее время все более реальной благодаря возрастающему корпоративному и финансовому контролю над правительствами и экономикой отдельных стран[1].

Конспирологическая парадигма, таким образом, направлена на формирование определенных представлений, образов политического процесса, базирующихся на рассмотрении всего происходящего в политике как запрограммированных действий, которые осуществляются в соответствии с замыслами членов латентного Мирового правительства, стремящегося к установлению своего мирового господства.

[1] *Сенченко Н.И.* Кто делает мировую политику? М., 2010. С. 197.

Конспирологи пытаются внедрить в массовое сознание представления о том, что происходящие в современном мире глобальные политические процессы, все, что так или иначе связано с глобализацией, новым мировым порядком, Мировым правительством, обусловлено деятельностью тайных братств, организаций и групп, «на которых лежит печать старых орденов масонства, круглых столов и зловещего Ордена иллюминатов». Апологеты теории заговора пытаются «разглядеть» истоки современных латентных обществ в секретных организациях древности, которые «плели свои заговорщические сети на протяжении всей истории человечества»[1].

Необходимо отметить, что сопоставление традиционных, научных и конспирологических концептов и их интерпретаций зачастую приводит к прямо противоположным заключениям. Наиболее яркие примеры – это реконструкция таких крупных событий XX века как Первая и Вторая мировые войны, социалистические революции, «холодная война», террористические атаки в США 11.09.2001 и т.д.

Так, к примеру, эмоциональное воздействие событий 11 сентября, по мнению И.А. Яблокова, вызвало множество самых разнообразных конспирологических гипотез, о многих из которых западные СМИ с удовольствием поведали, стараясь придать им эффектный и яркий образ[2]. Средства массовой информации, транслируя подобные конспирологические версии, тем самым способствуют укоренению в сознании жителей разных стран мира представлений о том, что политические процессы, важнейшие события политической истории являются не простым стечением обстоятельств, вызваны не объективными факторами общественного развития, а выступают в качестве заранее спланированных мероприятий, осуществляемых «мировой закулисой», различными тайными обществами, стремящимися к мировому господству.

Указанные общемировые тенденции, связанные с активным проникновением в массовое сознание, в повседневную жизнь жителей различных стран мира конспирологических конструкций, в целом характерны и для современного российского общества. Конспирологические интерпретации политического процесса в России в настоящее время широко представлены не только во всевозможных книгах и газетных статьях, но и в сети Интернет, где они размещены на сотнях различных сайтов, что, учитывая все возрастающее воздействие

[1] *Сенченко Н.И.* Кто делает мировую политику? М., 2010. С. 198.

[2] *Яблоков И.А.* Конспирологические мифы антисемитского характера и их бытование в современном западном медиапространстве // Тирош – труды по иудаике. Вып. 9. М., 2009. С. 180–181.

глобальной сети на массовое сознание, не может не способствовать формированию соответствующих представлений о политических событиях в нашей стране у значительной части ее населения. На формирование представлений о российском политическом процессе влияют практически все наиболее влиятельные конспирологические концепты, от традиционных уже классических теорий иудейско-масонского заговора, до современных мондиалистских концепций. В большинстве из них заложена общая идея, согласно которой в течение ряда последних десятилетий различные тайные общества через своих «агентов влияния» осуществляли и продолжают осуществлять деструктивную деятельность, направленную на ликвидацию России как самостоятельного суверенного государства.

Белов А.В.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

РАЗВИТИЕ Ю.А. ЖДАНОВЫМ ИДЕЙ УЧЕНИЯ В.И. ВЕРНАДСКОГО О БИОСФЕРЕ И НООСФЕРЕ

В истории духовной культуры было не столь много деятелей науки, которые способны сравниться с Владимиром Ивановичем Вернадским (1863–1945) по широте кругозора научной мысли, мощи ума, разносторонности интересов и творческой активности в самых разных областях человеческой деятельности. С конца XIX века его внимание привлекала все возрастающая техническая мощь человечества, которая по масштабам своей деятельности необратимо изменила весь лик Земли и являлась сопоставимой с естественными геологическими процессами. В начале XX столетия В.И. Вернадским создано учение о биосфере и ее эволюции, в котором он попытался подсчитать суммарное количество живого вещества в ней, роли отдельных видов в превращении энергии в биосфере Земли, исследовать процесс поглощения солнечной энергии с помощью хлорофилла зелеными растениями суши и водорослями Мирового океана, схематично очертить важнейшие тенденции в эволюции биосферы, связанные с экспансией жизни на поверхности Земли и усилением ее преобразующего влияния на среду, возрастанием масштабов и интенсивности биогенных миграций атомов, появлением качественно новых геохимических функций живого вещества, завоеванием жизнью новых минеральных и энергетических ресурсов, определением путей перехода биосферы в ноосферу.

Результаты исследований В.И. Вернадский изложил в книге «Биосфера» (1926) и в многочисленных научных статьях.

Огромное влияние на Юрия Андреевича Жданова (1919-2006) оказала книга В.И. Вернадского «Биогеохимические очерки», опубликованная в 1940 году. Этот «замечательный труд» во многом определил философские воззрения и экспериментальные начинания молодого ученого. В конце 1940-х гг. о творчестве В.И. Вернадского наше общество знало меньше, чем о трудах историка Фукидида. С первой научной статьи «Влияние человека на природные процессы» (журнал «Октябрь» 1947 г., июль), пронизанной идеями учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, техносфере и экологии и до последних работ начала XXI века Ю.А. Жданов всячески пропагандировал и развивал учение своего «духовного учителя».

Кратко характеризуя суть этого учения, можно сказать о нем следующее. Для обозначения огромной массы населяющих нашу планету живых организмов В.И. Вернадский использовал термин «*живое вещество*» как «*совокупность живых организмов, в ней живущих*», а под «*биосферой*» понимал ту ее оболочку, которая сформировалась и функционирует при определяющем воздействии живого вещества – микроорганизмов, растений, животных и человечества. Биосфера – особая «пленка жизни», т.е. нижняя часть атмосферы для обитания насекомых и птиц; поверхность суши и, прежде всего, плодородные почвы для жизни растений, животных и людей; гидросфера, где в глубинах Мирового океана пребывают живые организмы; и верхняя часть литосферы, где встречаются живые бактерии до глубины двух километров. Обнимающая весь земной шар биосфера, по мысли В.И. Вернадского, «*заселена*» живыми веществами, но она же состоит и из вещества *косного* (атомы, химические элементы, кварцы, газы, горные породы и т.д.).

Помимо живых и косных веществ в биосфере огромную роль играют разнородные природные вещества (почвы, илы, поверхностные воды и т.п.), состоящие из живых и косных природных тел, одновременно сосуществующих, образующих сложные закономерные косноживые структуры, которые В.И. Вернадский называл «*биокосными* природными телами», а саму биосферу «сложным планетным биокосным природным телом». «Между косным и живым веществом есть, однако, непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество биосферы, и обратно. Этот биогенный ток атомов вызывается живым веществом. Он выражается в их непрекра-

щающемся никогда дыхании, питании, размножении и т.п.»[1], – утверждал В.И. Вернадский. Между ее косной безжизненной материей и живыми веществами, ее населяющими, идет непрерывный «энергетический обмен», состоящий «в движении атомов, вызванном живым веществом. Этот обмен в ходе времени выражается закономерно меняющимся, непрерывно стремящимся к устойчивости *равновесием.* Оно проникает всю биосферу, и этот *биогенный ток атомов* в значительной степени ее создает… В связанной с ним энергии проявляется резко планетное, космическое значение живого вещества»[2].

Ю.А. Жданову, высказавшему «гипотезу о ренессансном характере его (В.И. Вернадского – *А.Б.*) творческого гения», особенно импонировали те рассуждения ученого, в которых туго стянуты магистральные проблемы общественного бытия: культура как необходимое продолжение развития природы, подчинение и переработка сил природы сознательной деятельностью людей, внутренняя противоречивость этого процесса, включающего конструктивную и деструктивную составляющие, диалектику социального, природного и культурного.

В книге В.И. Вернадского «Размышления натуралиста» Ю.А. Жданов нашел понятие «*энергия человеческой культуры*», которое до него не было подвергнуто научному анализу. Поставив эту энергию в один ряд с такими видами энергии, которые формируют лик Земли, как энергия Солнца, радиоактивный распад, химические превращения и энергия живых организмов, В.И. Вернадский дал ей следующую характеристику: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать *энергией человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу»[3]. Имея своими особенностями, во-первых, создание новых условий местопребывания человека в биосфере и, во-вторых, постепенное возрастание ее связи с разумом (хотя многие ее проявления стихийны и бессознательны), культурная биогеохимическая энергия включает в себя: *собственно энергетический*, подчиненный законам сохранения и термодинамики, причинному детерминизму, и *информационный* аспекты. Они повсюду наблюдаются в живой природе, ибо «организмы, функционируя на основе систем генетической и иной информации, одновременно осуществляют внутренний и внешний энергетический обмен». Для деятельности человека возрастает «объем энергетической составляющей,

[1] *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 18.
[2] Там же. С. 15-16.
[3] *Вернадский В.И.* Размышление натуралиста: в 2 кн. Кн. II. М., 1977. С. 95.

так как «хитрость разума» позволяет ему использовать любые энергетические ресурсы материи, но …возрастает роль информационной компоненты… На этой основе формируются средства для решения выдвинутой Вернадским задачи сознательного направления организованности ноосферы. Его страстное стремление к разумному самоуправлению людей» нашло свое выражение в намерении создать «научный мозговой центр» человечества[1]. Реальным и вещественным способом бытия энергии человеческой культуры В.И. Вернадский считал производительные силы общества (земледелие, животноводство, промышленность).

Как видим, центральная идея учения В.И. Вернадского о строении биосферы состоит в том, что – *жизнь* – высшая форма развития материи на Земле охватывает всю биосферу, определяет и подчиняет себе другие формы. Лучистая энергия исходит от Солнца. Зеленые листья растений улавливают солнечную энергию, вводят ее в кругооборот веществ на планете и создают бесконечное разнообразие жизни на Земле. Своим дыханием и своим питанием, своим разложением и своей смертью, а также длящейся два миллиарда лет непрерывной сменой поколений, своими рождением и размножением живые организмы порождают грандиознейшее планетное явление – миграцию химических элементов в биосфере, движение атомов. Жизнь определяет состав и динамику химических элементов, оказывает решающее воздействие на распределение, миграцию, концентрацию и рассеяние химических элементов атмосферы, природных вод и твердой оболочки Земли. «Она определяет судьбу углерода, кислорода, фосфора, калия, кальция, магния, стронция, серы, азота, микроэлементов. Рассматривая жизнь как космический процесс, В.И. Вернадский сделал захватывающую и перспективную попытку по-новому прочитать Периодическую таблицу химических элементов Д.И. Менделеева и связать периодический закон с закономерностями биологической миграции атомов, с сущностью живого. Многокилометровые толщи известняков, угольные месторождения, железные руды – все это проявления деятельной силы жизни. История нашей планеты не случайно также определяется уровнем развития жизни: протерозой, палеозой, мезозой, кайнозой. Эти эпохи характеризуют не только формы жизни на земле, но и ее геологическую летопись, ее планетарную судьбу. В этом проявляется глубокая диалектическая закономерность: высшая форма движения материи,

[1] *Жданов Ю.А.* Концепция культуры в трудах В.И. Вернадского // Ю.А. Жданов Избранное: в 3 т. Т. II. Ростов-на-Дону, 2009. С. 244-245.

базируясь, основываясь на низшей, подчиняет ее себе»[1]. «Всюдность жизни», по выражению В.И. Вернадскому, ее воздействие на неорганический мир, ее бренность и в то же время ее постоянное возрождение, подобно птице Феникс, непрерывно формируют облик нашей планеты, и эта «всюдность жизни», ее деятельная способность – основное отличие планеты Земля от Луны, от Марса, Венеры и других планет Солнечной системы.

И даже возникновение жизни на Земле В.И. Вернадский рассматривал не как одномоментный акт случайного и благоприятного сочетания атомов и молекул, но понимал как длительное формирование биосферы – целостного единства живой и неживой материи. «Эволюционный процесс живых веществ непрерывно в течение всего геологического времени охватывает всю биосферу и различным образом, менее резко, но сказывается на ее косных природных телах». Описывая эволюцию видов и их воздействие на косные вещества, В.И. Вернадский заявлял, что «уже по одному этому мы можем и должны говорить об *эволюционном процессе самой биосферы*». Иначе говоря, «*эволюция видов переходит в эволюцию биосферы*»[2]. Фактически эволюционирует биосфера как целое, где видообразование является моментом развития целого.

Скачок из биосферы в ноосферу Ю.А. Жданов связывал не только с формированием энергии культуры, но и новым типом наследования – «тотипотентностью любой клетки»… Этот фундаментальный научный факт лежит в основе «наследственного воспроизведения всех уровней организации биосферы: популяций, видов, ценозов, экосистем. Из него вытекает поражающий воображение императив: целостность организма обусловлена наличием в каждой клетке полной генетической информации об организме в целом… Единичное (клетка) должно нести в себе информацию о всеобщем, потенцию к развитию до всеобщего (целостного организма), чтобы осуществить свою специализированную функцию в рамках всеобщего»[3]. «Весьма условно в рамках биосферы можно выделять отдельные части: *часть может оказаться сложнее целого*», – такой философский вывод сделал из этой глубокой мысли В.И. Вернадского, важной для понимания процесса эволюции, Ю.А. Жданов и проиллюстрировал его следующим примером. Скажем, лист дерева представляется нам его частью, но

[1] *Жданов Ю.А.* Учение о биосфере в свете диалектической концепции развития // Ю.А. Жданов Избранное: в 3 т. Т. I. Ростов-на-Дону, 2009. С. 319-320.
[2] *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 19-20.
[3] *Жданов Ю.А.* Концепция культуры в трудах В.И. Вернадского // Ю.А. Жданов Избранное: в 3 т. Т. II. Ростов-на-Дону, 2009. С. 250-253.

из отрезанного листа можно вырастить все растение со стеблем, корнем, цветками. Значит, «лист содержит в себе информацию обо всем живом организме, и сверх того он является его частью. Дело в том, что к живому организму уже нельзя применять рассудочные категории части и целого. Тем не менее, в рамках биосферы необходимо выделить ту элементарную клеточку, функциональную единицу, исходную ячейку, которая содержит в себе основные специфические свойства биосферы, способы ее функционирования, противоречия движения. Такой функциональной клеточкой биосферы является, по-видимому, *биогеоценоз*: специфическая система живых и неорганических компонентов, связанных между собой обменом веществ и энергии»[1].

Человеческий разум, согласно В.И. Вернадскому, не только является итогом эволюции биосферы, но и в недалеком будущем станет определять характер и направленность ее культурного развития, тем самым и обусловит новый этап культурного бытия человечества. Культура в своем новом статусе явится как ноосфера. Скачок из биосферы в ноосферу, связанный с сознательной деятельностью человека, следует рассматривать не просто преодолением очередного кризиса общественного развития, а *сменой оснований* истории человечества. Специально этой проблеме Юрий Андреевич посвятил статью «Грядущее основание бытия», в которой считал, что «таким основанием может стать феномен ноосферы и понятие ноосферы, утвержденное в сознании человечества в первую очередь в результате усилий научного гения В.И. Вернадского»[2].

Ю.А. Жданов подчеркивал, что, по убеждению В.И. Вернадского, человек действует и как *космическое* существо. Иначе говоря, через данные своей науки он пришел к глубочайшей философской проблематике о разуме, мышлении, о человеке и его культуре.

[1] *Жданов Ю.А.* Учение о биосфере в свете диалектической концепции развития // Ю.А. Жданов Избранное: в 3 т. Т. I. Ростов-на-Дону, 2009. С. 322.
[2] *Жданов Ю.А.* Грядущее основание бытия // Ю.А. Жданов Избранное: в 3 т. Т. I. Ростов-на-Дону, 2009. С. 364.

Штомпель О.М.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ИННОВАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современный социум втягивается в особую фазу глобального развития развития, одной из характеристик которой становится всеобщая инновизация, отсюда и возникновение в теоретическом дискурсе нового термина – «инновационное общество». Само экономическое развитие порождает движение общества от традиционных ценностей к ценностям индивидуализации и самовыражения, что дает мощный толчок к инновизации сознания и культуры[1].

В культуре инновационного социума перестают действовать социокультурные системы, жестко детерминирующие жизнедеятельность индивида. Общество «виртуализируется» (Д. Иванов), институциональные связи «размываются» и, по мнению А. Турена, социум превращается из «институционально-регулируемого целого» в хаотическую «площадку» возникновения и развития конфликтов из-за достижения символических благ. Человек в этих условиях перестает быть лишь элементом социальной структуры и получает большую степень свободы в выборе индивидуальной траектории развития. В связи с этим усиливается роль культуры, которая из «охранительницы устоев» превращается в активный фактор социокультурного формообразования и обновления. Соответственно, возрастает и значимость духовного мира личности в социальной, политической и экономической динамике. Недаром в современных экономических исследованиях происходит отказ от концепции «экономического человека» к моделям человека «исторического», «психологического», «культурного» и т.п.

Цивилизационный сдвиг в глобальном развитии свидетельствует, в первую очередь, о том, что современная культура переориентировалась на перманентное обновление, на ценности инновационного развития. При этом «инновационный транс», в который погружается мир, свидетельствует о наступлении «эры кризисов», связанных с ускорением социокультурного развития, все усложняющейся дифференциацией, непрерывной инновизацией различных сфер жизни общества – в результате утрачивается тождество человека с самим собой и единство социума. В результате социальные, экономические и культурные

[1] См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.

подсистемы подвергаются постоянному изменению, а, следовательно, находятся в состоянии непрерывного кризиса.

Таким образом, современное общество, где базовым социокультурным механизмом производства и трансляции культуры является не традиция, а инновация во всех сферах жизнедеятельности человека, находится в состоянии бесконечной «гонки за новизной», в результате чего ситуация оказывается вполне адекватной диалектической формуле: «старое отживает, но еще не отжило, а новое возникает, но еще не возникло». Иначе говоря, социум конца XX–начала XXI вв. является перманентно кризисным, переходным, транзитивным и все более рискогенным. Непрерывный процесс разрушения господствовавших в обществе старых, давно апробированных социальных практик, технологий, культурных норм, правил и способов поведения сопровождается возникновением новых, что неизбежно порождает кризисные явления.

Однако многочисленные случаи «инновационного хаоса», возникающего в ходе модернизационной инновизации, свидетельствуют о явной недостаточности технократического подхода к инновациям. Дело в том, что рыночная культура основана на принципах индивидуализма, прагматизма, универсализма. Человек в этой экономике рассматривается в качестве существа, действующего без участия сакральных сил и созданные им вещи воспринимаются как его личная собственность. Здесь господствует безличная универсальная товарная форма обмена. Вещь, предназначенная для обмена, не содержит в себе сколько-нибудь скрытых особых символических значений, она обладает вполне ясно выраженной потребительской стоимостью. Обезличенность и рациональный подсчет прибыли и потерь пронизывали собой товарные отношения.

Рациональность западного человека – своеобразного максимизатора прибыли – благодаря глобальной экспансии рыночной экономики во все регионы мира универсализирует принципы менеджерской инноватики и некритически переносит их на специфическую культурную почву, что часто и приводит к хаотизации социокультурной жизни, разрушению традиции.

С социокультурной точки зрения, в инновационном процессе участвует не абстрактный «экономический человек» со своей калькуляцией прибыли и потерь, а реальный индивид, обладающий уникальным сплавом различных типов рациональности, т.е. интериоризированных ценностей культуры. Отсюда и возникает необходимость формирования специфической социокультурной методологической парадигмы, позволяющей релевантным образом исследовать сложные, нелинейные социокультурные системы возникновения и развития инноваций.

Музыка О.А.,
докт. филос. наук, проф.,
ТИ им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
(г. Таганрог)

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Неустойчивость и усилившаяся частота разрушения порядков в современном мире превращается в норму, а процессы в режиме с обострением становятся преобладающими, изменяя структуры и конфигурации социумов. Как подчеркивает В.С. Капустин[1], стохастичность (вероятность, случайность) основных социокультурных процессов периодически всплескивается «эффектами кумуляции» (эффектами направленного взрыва), ломающими все прогнозы и предвидения. Жизнь становится непредсказуемой, а восприятие действительности – эмерджентным. Аналогией «взрыва» в данном случае может стать «футурошок» (понятие, введенное А. Тоффлером), т.е. лавинообразный поток изменений, неусвоенный современниками и формирующий у них так называемую «болезнь перемен», усиливающую чувство потерянности и неспособности рационально воспринимать окружающую обстановку.

В контексте представлений о глобализации сегодня речь идет о глобальном кризисе, обусловленном разными причинами, ставящими под сомнение и благополучие человечества, и само существование на планете. Но, в то же время, по мнению Н.М. Калининой[2], это переход в точку бифуркации, в состояние выбора нового пути, а кризис – это сложное состояние, в котором одновременно присутствуют и конец, и будущее начало. Но драматизм ситуации, с которым собственно и связывается понятие кризиса, проявляется в тот момент, когда будущее еще не осознано, когда оно нежеланно, а воображение рисует только негативные последствия, связанные с крахом прежнего, привычного состояния.

Инертность мышления, чаще всего, не позволяет в этом состоянии открыться навстречу будущим возможностям и перспективам; сознание цепляется за старые формы своего бытия, поскольку просто не знает, как распорядиться своею свободой. В единый образ у современного человека сливаются глобальные процессы и кризисы. Под глобализацией он понимает и угрозу национальной безопасности, и проблему терроризма, и экологическую катастрофу, а также общность ценностей,

[1] *Капустин В.С.* Синергетика социальных процессов: Учебное пособие.- М.,1998.
[2] *Калинина Н.М.* Проблемы глобального мира: утрата и обретение смысла // Вызовы современности и ответственность философа: Мат-лы круглого стола, Бишкек, 2003.

моды, культурных образцов и др. «Каждый хочет превратить глобализацию в свою глокализацию (придать своим локальным ценностям универсальное значение, то есть сделать их глобальными) и не допустить превращения глобализации в чужую глокализацию»[1].

Проблема состоит в том, что, во-первых, сознание не в состоянии расщепить это многослойное разнообразие глобализации и дать адекватную оценку реальности, а во-вторых, подобное состояние усиливается и подогревается социокультурными процессами, характеризующимися скоростью изменения обстановки, интенсивностью воздействия на среду, динамичностью, инновационностью и взаимозависимостью.

С точки зрения постнеклассической науки именно под глобализацией понимается современный изменяющийся мир. Показательно, что в конце XX и начале XI вв. человечество заговорило на языке глобализации. Проблема глобализации находится в центре внимания аналитиков всего мира, однако однозначного определения феномен глобализации еще не получил. «Глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффектным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет[2].

Глобализация как событие есть такое новообразование, которое познающий субъект наделяет смыслами, значениями и мысленно связывает между собой в единое целое разрозненные единицы, принадлежащие различным явлениям.

Сливаясь в единый грозный образ, в одном ряду стоят: глобальные проблемы, глобальный кризис, глобальные процессы, глобализация как следствие имперских амбиций, глобализация как угроза национальной безопасности, как побуждение терроризма, как приоритет открытости перед замкнутостью, глобализация как организованная реакция международного сообщества на неуправляемость мирового развития, на повышение эффективности использования мировых сырьевых и энергетических ресурсов, глобализация как стандартизация товарного ряда и сокращение производственного разнообразия, глобализация как общность ценностей, моды, культурных образцов и т.д.[3]

Особенностью постнеклассической глобальной реальности является ее сложно-эволюционирующий, открытый, нелинейный характер.

---

[1] *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Глобализация и синергетическая философия истории // Общественные науки и современность. М. 2006 г., №1.

[2] *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 40.

[3] *Капустин В.С.* Глобализация и социосинергетика // Глобализация: синергетический подход / Под общ. ред. В.К. Егорова. – М.: РАГС, 2002, с. 202.

Эта реальность наиболее адекватно отражается комплексом наук о самоорганизации и универсальном эволюционизме. Эти направления выступают своего рода методологическими парадигмами, позволяющими выявить свойства и особенности формирующегося глобального мира.

Новые стратегии исследования опираются как на традиционные методы, так и на методы общей теории систем, всей системной методологии, значительно расширяющей эвристические возможности научного объяснения эволюции открытых, нелинейных систем. Постнеклассический подход к глобализации, как подчеркивает К.Х. Делокаров, преодолевает не только узость физиколистско-сциентистской методологии, но и делает значительный шаг в сторону парадигмы целостности, поскольку ставит вопрос об учете ценностно-целевых аспектов пи построении тех или иных моделей глобализации[1].

Глобализация представляет собой противоречивое единство двух процессов – глобализации по «горизонтали», или естественной глобализации, и глобализации «по вертикали», или управляемой, «искусственной» глобализации[2].

В чем отличие естественной и искусственной глобализации? Естественная глобализация или самоорганизация – атрибутивная черта человеческой цивилизации, она связана с природой человека как социоприродного существа. Человек всегда стремится к расширению своего культурного горизонта, коммуницируя с другими людьми и культурными традициями. Возможности естественной глобализации связаны с развитием коммуникативных технологий. Но так как актуализация глобализационной тематики в конце XX – начале XI в. Вызвана геополитическими и геостратегическими причинами, речь идет преимущественно об искусственной глобализации, поскольку она отражает главным образом интересы ведущих индустриальной развитых стран мира и навязывается миру «сверху». В связи с этим можно говорить о трех смыслах глобализации, выделенных К.Х. Делокаровым[3].

---

[1] *Делокаров К.Х.* Постнеклассические концепты и глобальные трансформации // В кн.: Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы международного междисциплинарного семинара / Под общ. Ред. Астафьевой О.Н. – М.: МАКСПресс, 2008. – 240 с., с.203.

[2] *Делокаров К.Х.* Философия в эпоху глобализации: проблемы и противоречия // Философия: Курс лекций. – М., 2001. С.446.

[3] *Делокаров К.Х.* Постнеклассические концепты и глобальные трансформации // В кн.: Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы международного междисциплинарного семинара / Под общ. ред. Астафьевой О.Н. – М.: МАКСПресс, 2008. – 240 с., с. 204.

Смыслы глобализации. В первом, глубинно-метафизическом смысле, глобализация предстает как стремление человечества сохранить себя в условиях системного кризиса, защитить себя от угроз со стороны усиливающих свое влияние глобальных проблем. Человечество не может выжить, если объединившись вокруг некоторой системы ценностей, не решит глобальных проблем, прежде всего – не допустит экологической катастрофы. Во втором смысле, глобализация – это «вестернизация», т.е. универсализация базовых ценностей техногенной цивилизации.

В третьем смысле глобализация выступает как «американизация», т.е. как универсализация не столько ценностей западной техногенной цивилизации, сколько принципов американизма. Все чаще в современной науке говорится о синергетическом видении глобализации, включающем в себя определенные циклические, волновые процессы, периодичность их спадов и подъемов, в каждом из которых посвоему осуществляется регуляция протекающих в нем процессов. Популярность приобретает социосинергетическая интерпретация феномена глобализации, что является продолжением, расширением и углублением постнеклассического подхода. Речь идет о возможностях социосинергетики, предлагающей базовые модели, язык, новые методы и понятия, дающие надежду выхода на необходимый уровеньпонимания особенностей и специфики развития, современных социокультурных явлений и процессов.

Социосинергетическая теория глобализации пытается объяснить не только наблюдаемый в настоящее время процесс глобализации, но и открывающие возможности для прогнозирования характера этого процесса в будущем. Социосинергетика дает возможность посмотреть на состояние глобального кризиса, к которому подошло человечество XXI века, не только с позиции разрушения, но и созидания. Есть мнение, что глобальный кризис заставляет человека пересмотреть свое отношение, как к окружающей действительности, так и к самому себе, к своей линии поведения и одновременно может сопровождаться развитием творческого импульса, требующего своей незамедлительной реализации. На пути преодоления проблем глобализации социосинергетика выступает как междисциплинарное направление в исследовании экстремальных неравновесных процессов в сложных динамических социальных системах, которая сможет положить начало переосмыслению причин глобальной угрозы выживанию человеческого рода и переориентации мировой социальной практики.

Особую актуальность приобретает именно проблема «выживания», свидетельствующая о вхождении человеческой цивилизации в фазу экологического кризиса и подчеркивающая, прежде всего, усиливающийся риск гибели человечества. Говоря о выживании человечества, необходимо трансформировать всю систему взаимоотношений человека с природой и обществом и признать, что основные цели жизнедеятельности человека, его потребности и интересы выходят далеко за рамки экологических проблем и не могут ими ограничиваться. Речь идет о значении социокультурных факторов в общественной жизни индивида, усиливающихся под воздействием тенденции глобализации. Очевидно и то, что в своих крайних формах проявления именно глобализация выступает одним из факторов усиления многих глобальных проблем. Социосинергетика пытается объяснить общественную жизнь при помощи научно-философских глобальных методов, сочетающих и научную рациональность, и философское самоуглубление относительно проблемы социальной самоорганизации. В контексте социосинергетики учитывается, что социальная самоорганизация включена в единый процесс самоорганизации природы, является его продолжением, но в более сложных проявлениях, поскольку испытывает сильное влияние субъективного фактора – сознания и воли человека. Помимо воли огромное влияние на решение глобальных проблем оказывает сознание и осознание человека. В преодолении угрозы выживанию или достигнутому качеству жизнеустройства, а также в стремлении к большому благополучию люди включают силы, обеспечивающие решение имеющихся проблем. Эти силы, по мнению В.Л. Романова[1], являются основанием процессов, именуемых организацией и управлением, сущность которых заключается в сознательных действиях, направленных на достижение целей субъектов этих действий.

Важно учесть то, что человек находится в состоянии вечного поиска, в условиях незавершенности процесса самоорганизации, в условиях ограниченности временного существования обусловливающих и обеспечивающих мотивационную организованность и направленность на трудовую деятельность, т.е. можно сказать, что человек и человеческое сообщество в целом стремится к достижению устойчивой организации.

Одним из актуальных вопросов рассматриваемых социосинергетикой является проблема парадокса взаимоотношения управления, социальной организации и социальной самоорганизации, особенно когда

[1] *Романов В.Л.* Глобализация в реальности и сценариях развития // Глобализация: синергетический подход. Сб-к научных трудов. М., 2002. С. 127.

речь заходит о выборе глобализационного сценария будущего. Так как управление всегда связано с сознательной организацией, а самоорганизация понимается как отторжение всякого вмешательства со стороны внешнего управленца, создается впечатление несовместимости этих процессов, что дает основание многим скептикам отрицать возможность управления самоорганизующейся системы, особенно когда речь идет о самоорганизации социума. По мнению В.Л. Романова, раздельное представление глобализации как самоорганизующегося и организуемого социального процесса условно. На любую, тем более жесткую организацию индивиды и их сообщества отвечают самоорганизацией либо поддерживающей эту организацию, либо включающей силы сопротивления. При этом организация поддерживается только в том случае, если она и ее управляющий центр продуцированы самоорганизацией и ею контролируются. Сопротивление будет неизбежно вызвано, если происходит отчуждение субъекта от самоорганизующейся системы или организация изначально противостоит процессу самоорганизации, превращает общество в объект тотального управления, преследуя при этом только собственные цели. В подобных рассуждениях необходимо обратить внимание на роль субъекта как организатора, управленца или участника процесса, которая будет существенно влиять в конечном итоге на выбор пути развития системы и ее ближайшее и отдаленное будущее.

Противоречие между самоорганизацией и управлением будет до тех пор сохраняться, пока управленец выступает по отношению к самоорганизующейся системе в роли внешнего наблюдателя. Когда же он «забирается» внутрь самоорганизующейся системы, ситуация меняется радикально. Теперь его деятельность становится важной составляющей процесса самоорганизации. Влияя на отбор возможных сценариев развития системы (возникающих в результате бифуркации), притом в желательном для него направлении, бывший внешний наблюдатель становится участником управления самоорганизацией системы[1]. В этом случае необходимо учитывать и то, что открытым системам нельзя навязать насильно путь развития, учитывая роль механизма обратной связи, с одной стороны усиливающей внешнее воздействие на систему, а с другой уменьшающее действие управляющих параметров.

[1] *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Глобализация и синергетическая философия истории // Общественные науки и современность. М., 2006. № 1.

Рябова Л.В.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

О ПРАКТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ВЫСОКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ

Как представляется, философия – это древнейшая форма духовной культуры, это определенный способ понимания мира и способ выражения этого понимания. Во-первых, философия – это высокая теория, теоретический способ осмысления духовной жизни, то есть теоретическая рефлексия по поводу современного ей, философии, духовного состояния мира. Гегель говорил о том, что сова Минервы вылетает в сумерки, и философские учения появляются на закате эпохи, как ее духовная квинтэссенция и фундаментальный интеллектуальный итог, то есть философию можно трактовать как высокую суть интеллектуальной культурной и духовной жизни определённой исторической эпохи.

Но можно ли говорить о практической философии? Откроем любой учебник по философии и обязательно обнаружим там раздел, который называется «Предназначение философии» или «Функции философии», как правило, там пересекаются гносеологическая, методологическая, критическая, футурологическая, мировоззренческая, воспитательная, жизнеориентирующая и т.п. функции. Для того чтобы рассказать о практическом и даже прикладном смысле философии, можно подробно раскрыть эти функции. Не станем этого делать и ограничимся только вопросами о философии в обыденной жизни, (а она там встречается), и охарактеризуем особое место философии в образовательном пространстве.

Итак, философия и обыденность, включенность философии в повседневность, проявление её посредством образа жизни.

В одном из последних интервью с Майей Плисецкой великую балерину спросили, в чем её жизненная философия? Она ответила, что люди бывают хорошие и плохие и этого достаточно знать, чтобы строить с ними отношения. Получается, что когда на обыденном, повседневном уровне говорят о жизненной философии, то имеют в виду индивидуальные убеждения, жизненные правила, жизненное credo.

Заметим, что не только в обыденном дискурсе, но и в философии как особой сфере познания и миропонимания давным-давно проводилось разделение философии на теоретическую и практическую. Уже Аристотель, великий систематизатор современного ему знания, пола-

гает учение о первых причинах и началах всяческого бытия, метафизику, теоретической философией, а этику, которой он посвятил несколько трудов, практической философией, поскольку в этике речь идет о поведении людей, о нормах и правилах такого поведения, о добродетелях и пороках, о том, как быть счастливым и т.п. Этика практична потому, что речь в ней идет о человеческом общении, об организации и устройстве человеческого общения, а так же о целях, смыслах, ценностях и способах человеческого существования, о практике индивидуальной жизни вообще. Социальной жизни у Аристотеля посвящена политика, а этика скорее характеризует правила индивидуального жизнеустройства.

Следует добавить, что и эстетика – практическая философия, так как её предмет – реальное чувственное переживание, имеющее вполне реальные причины чувство прекрасного, вкус, как способность различать прекрасное и безобразное, и искусство, как практическая сфера создания прекрасного.

Философия и теоретическая и практическая – это, как уже было замечено не только способ понимания мира, но и способ выражения этого понимания. Философские произведения бывают разными не только по идейному содержанию, но и по форме – трактаты, эссе, философские повести, художественные произведения с включением философских идей – это устная речь – философские беседы, диалоги, доклады и сообщения. Для древних греков философское общение – это духовное пиршество. Для современных людей – философская конференция, симпозиум или конгресс.

Однако философские идеи можно не просто разными способами излагать, но в соответствие с этими идеями можно выстраивать собственную жизнь и воплощать эти идеи в поступки и поведение. В соответствие с этим появляется возможность говорить об образе жизни как особом философском произведении.

И, соответственно, стиль индивидуальной жизни можно истолковать как особый тип практической философии, а жизнь отдельных персон может быть понята как практически выраженная философия. Тому множество примеров в культурной истории человечества. Это и Сократ – миф на все времена, это – пророки и святые, это – А.С. Пушкин – наше всё, это Л.Н. Толстой – наше национальное достояние. Для потомков эти персоны интересны не только их произведениями, но и жизнью и судьбой, которая сама по себе есть произведение философское. В связи с этим анализ и интерпретация биографических текстов

разного уровня и происхождения представляет несомненный культурологический и философский смысл.

Когда говорим об индивидуальной жизни как культурном феномене и стиле жизни как практической философии, то во внимание принимается проявленность во вне, телесная и психологическая данность, которую могут видеть, наблюдать другие люди. А.Ф. Лосев, выдающийся специалист по античной философии и культуре в одной из своих ранних работ под названием «Диалектика мифа» писал следующее: «Личность есть всегда телесно данная интеллигенция, телесно осуществленный символ. Личность человека, например, немыслима без его тела, – конечно, тела осмысленного, интеллигентного, тела, по которому видна душа. Что-нибудь же значит, что один московский ученый вполне похож на сову, другой на белку, третий на мышонка, четвертый на свинью, пятый на осла, шестой на обезьяну. Один, как ни лезет в профессора, похож целую жизнь на приказчика. Второй, как ни важничает, все равно – вылитый парикмахер. Да и как еще иначе могу я узнать чужую душу, как не через ее тело? Даже если умрет тело, то оно все равно должно остаться чем-то неотъемлемым от души; и никакого суждения об этой душе никогда не будет без принимания в расчет ее былого тела. Тело – не простая выдумка, не случайное явление, не иллюзия только, не пустяки. Оно всегда *проявление* души, – следовательно, в каком-то смысле сама душа».

Для античной культуры естественная мысль о том, внешность – это телесно воплощенная суть личности, выраженная физически душа. Эта идея встречается у многих античных авторов, у Платона и Аристотеля в частности. При том, что это внешность взрослого, сложившегося, определившегося человека. У Аристотеля есть соображение о том, что дитя и юноша – люди в возможности, потому и внешность не определена. В диалогах Платона можно найти ряд фрагментов о том, как душа подбирает себе тело, подходящее ей по сути.

Что касается русской культуры, то здесь внешности особо не доверяют: чужая душа – потемки, по одежке встречают, умного с хваленым не разгадаешь, чтобы понять человека, с ним нужно пуд соли съесть и т.п. В русской культурной традиции поступок ценится выше всякого рода внешних проявлений.

Но, впрочем, поступки и события всегда рассматривались как выражение жизненной философии личности. В «Ветхом завете» читаем: «По делам их узнают их». У философов – экзистенциалистов – поступок – однозначное выражение жизненного выбора и очевидность человеческой сущности. В самом деле, можно говорить о некоторых

знаковых поступках известных персон, которые исчерпывающе характеризуют их воззрения. Например, Сократ идет на смертную жертву во имя собственных убеждений; Альберт Швейцер оставляет блестящую карьеру европейского ученого, уезжает в Африку и становится там врачом потому, что этот поступок абсолютно соответствует его глубокой религиозной вере и христианским убеждениям, он едет лечить людей, как поступал его учитель Иисус Христос.

Заметим, что в разные культурно-исторические периоды отношение у поступку как безусловному свидетельству убеждений бывает не однозначным. Так, античная культура требует поступка, как выражения и подтверждения убеждений. От человека требуют совпадения его взглядов и линии поведения (тому множество свидетельств в античной культуре). Новое время уже позволяет не совпадать поведению с убеждениями (об этом можно прочитать у Бэкона в «Опытах нравственных и политических», у Ж.-Ж. Руссо в «Исповеди» и в педагогических работах. В частности, в трактате «Эмиль, или о воспоминании» Руссо формулирует свои педагогические идеи и одновременно признает, что в силу личных особенностей он совершенно не подходит для их реализации и очень бы хотел, чтобы его убеждения и идеи осуществил кто-нибудь другой.

Можно еще заметить, что воплощением жизненно-практической философии часто оказывается судьба и личная история. Люди часто пытаются разными способами обозначить свое присутствие в мире и заявить о себе. Это естественное человеческое стремление, на которое имеет право любой, если находит средства для самовыражения и воплощение. Ж.-П. Сартр надеялся на то, что «мир, из которого я уйду, будет уже совсем не тот мир, в котором меня никогда не было».

Современные люди, самые разные, получили сегодня такое удивительно средство заявить о себе, как интернет. Хотелось бы понять, универсален ли интернет как средство социальной памяти, или же он ограничен, как все предшествующие ему средства коммуникации (речь, письменность, книгопечатание, средства массовой информации)? И если интернет все же ограничен и не совершенен, то какого свойства эти несовершенства: технического, или же связаны с несовершенством человеческого существа?

Практический смысл философии определяется и ее местом в образовательном пространстве. Образование является высшей культурной ценностью. Образование – дело молодых. А вопросы о том, кто я, для чего живу, в чем смысл моей жизни, в чем смысл вселенной, кем мне приходятся другие люди, животные, что означает для меня приро-

да, что означает для меня смерть, существует ли первоначало мира и есть ли Бог, возникают у человека в ранней юности. В юности впервые формируется метафизическая потребность – потребность искать ответы на предельные вопросы бытия. В подростковом и студенческом возрасте потребность в самопознании, учреждении собственной индивидуальности, в выяснении смысла жизни и вселенной является особенно острой. Но по мере взросления и вовлечения в повседневность эти вопросы отступают на второй, третий, четвертый план и, как кажется, исчезают совсем. У взрослого человека, чьей специальностью не является философия, метафизические вопросы возникают лишь в кризисные, переломные моменты его собственной личной судьбы. В этом смысле философские проблемы могут быть названы великими вопросами второкурсников.

Великие вопросы требуют своевременного и адекватного ответа. Удовлетворить метафизическую потребность способны религия и философия. Философия, в отличие от религии, считает, что истинная, разумная, полнокровная и счастливая жизнь возможна здесь и сейчас, в этом мире. Это не потусторонний идеал, возможный лишь после божественного преображения мира. Конечно, выбор между религией и философией личное дело каждого и зависит от индивидуальных духовных и интеллектуальных предпочтений. Но исторически сложилось так, что на протяжении последних двух с половиной тысяч лет философия остается неотъемлемым элементом образования и воспитания взрослеющего человека и по сей день преподается в вузах. Что же представляет собой философия как элемент современного гуманитарного образования?

Как явление духовной культуры, как сфера интеллектуального поиска философия – океан. Но в океане всегда есть остров – философия как учебная дисциплина. Границами этого острова выступают современные определенному времени представления о совершенном человеке, о том, что он может знать, что должен делать, на что надеяться, каким ему быть, и каковы должны быть его духовные горизонты. Как учебная дисциплина, философия представляет собой некий набор идей и учений, соответствующих современным представлениям о том, что должен знать человек, чтобы считался образованным, и поданный в определенном идеологическом ракурсе.

Учебный курс философии обычно представляет собой либо историю философских идей, как они формировались со времен античности и до современности, либо изложение содержания основных разделов структуры философского знания (онтологии, гносеологии, социальной

философии, философии морали, философии науки, философии искусства и т.п.), либо изложение философских проблем, представляющихся наиболее значительными в контексте современного состояния общества. Но независимо от того, как выстраивается учебный курс философии (исторически или по проблемам), философия как учебная дисциплина имеет ознакомительный характер, сообщает сведения о философах и их концепциях. При такой направленности преподавания вполне логичным представляется использование тестов, как формы контроля знаний. Заметим, что тестирование по философии превращает ее в кроссворд или шараду, ориентировано на формальное запоминание неких сведений, и оставляет за пределами обучения интеллектуальный и духовный поиск, на самом деле составляющий душу философии и ее главную ценность для взрослеющего и формирующегося человека.

Представляется, что преподавание философии должно гармонично сочетать, как сообщение сведений о философах и их идеях, так и обучение навыкам личного философствования. Для этого следует использовать не тесты, но философские дискуссии, диалоги, беседы, сочинение творческих философских работ (философских писем, эссе, перечней оригинальных философских вопросов по определенной теме и т.п.). Соответственно и способы преподавания философии адекватны ее содержанию как учебной дисциплины.

Центральная фигура в философской педагогике – философ-учитель. Согласно Ницше, философ имеет значение ровно в той мере, в какой он может подавать пример. Но он должен давать пример своей видимой жизнью, а не только книгами, то есть как учили философы Греции: выражением лица, осанкой одеждой, пищей, привычками и более, чем речью, а тем паче писаниями (См.: «Шопенгауэр как воспитатель»). Вполне созвучна этой идее и мысль Юнга о том, что к воспитателю предъявляются серьезные моральные требования: он сам должен быть воспитан. Если это не так, то неизбежно придет день, когда ученик повторит не то, чему воспитатель его учил, но то, чем последний является (См.: «Феномен одаренности»).

Если трактовать философию как искусство, то есть личностный способ понимания, переживания, освоения и выражения мира, то приведенные идеи не вызывают сомнения.

Образ философа-учителя, как человека, обладающего особыми качествами, сложился в античности.

В отличие от архаических культур, античность уже знает учительскую иерархию, нижнюю ступень которой занимает учитель грамоты, который приравнивается к ремесленнику, а высшую – Учитель

жизни – философ, являющийся искателем мудрости и экспертом по человеческому счастью. Основываясь на работах исследователей античной культуры и философии (Боннара, Лосева, Тахо-Годи, Богомолова, Асмуса, Адо, Реале, Антисери), анализируя тексты античных философов и биографов (Платона, Аристотеля, Диогена Лаэртского, Ксенофонта) можно увидеть, что мудрость, как особое мастерство, умение понимать устройство мира, является высшей ценностью античного мира. И, поскольку мудрость дает счастье, для обладания ею можно пойти на любые жертвы (Платон).

В отличие от жреца, философ не является полномочным представителем богов, он выступает от собственного имени, и, будучи в наибольшей степени причастным к мудрости, является ее проводником (коммуникатором) и демонстратором для нефилософского большинства. Философ привносит сакральное знание в мир профанов. Поэтому Платон видит философа наверху социальной иерархии, а поскольку, по Аристотелю, философ обладает высшим знанием – знанием первых причин и начал, он, соответственно, выше наставников в конкретном деле, то есть венчает собой иерархию учительскую.

В глазах современников, философ, так же как и жрец в архаических культурах, отмечен необычностью, оригинальностью, особым призванием, это человек исключительный. Философ живет напоказ, демонстрируя философию своим поведением. Учительство античного философа есть действо, представление, игра. Философ – экспериментатор над собой. Из собственной повседневности он творит модель образа жизни. Если жрец сообщает волю богов, а его способ жить не предполагает подражания, то философ требует от ученика : «Живи как я». Живой урок потому считается важнее писаных правил, и философии учат, в первую очередь, как образу жизни, и лишь во вторую, как интеллектуальному методу.

Итак, можно видеть, что философ в античном мире – колоритная в личностном смысле и весьма значимая в социальном смысле фигура.

Но кто же философ сегодня? Попытаемся наметить некоторые черты облика философа в современной культуре. Современный философ понимает свое социальное предназначение весьма противоречивым образом, и сама эта противоречивость, естественно, отражает духовные искания эпохи. Конечно, начиная с античности, философ во все времена осознавал, принимал и утверждал свое учительское предназначение, и был восхваляем или осуждаем в связи со своим учительством. Практически каждый философ – учитель, и не только по высшему предназначению, но и просто по ремеслу. А преподающий фило-

соф с неизбежностью приходит к пониманию учительской роли философии и философа как духовного наставника. Современность, однако, ставит под сомнение учительские амбиции философа.

Можно выделить ряд позиций в отношении современных философов к сложившейся в веках учительской роли философии и философа. Так, позитивистски (и марксистки) ориентированный философ, как правило, отрицает учительскую роль философии как устаревшую и желает быть ученым, дающим объективное знание, или видит себя методологом науки.

Философ-неотомист Ю. Бохеньский не только сомневается в учительских правах философа по отношению к нефилософскому миру, но и протестует против учительства в собственно философской среде, полагая, что определение того или иного философа на роль гуру по отношению к своим собратьям тормозит развитие философии, которая в этом случае вырождается в чистое комментирование сказанного или написанного гуру.

С позиции постмодернистского обществознания (З. Бауман), философ сегодня архаическая фигура, поскольку современный этап развития социально-гуманитарного знания исключает установление универсальных законов, чем всегда занималась философия, и предполагает лишь систематическое комментирование повседневной жизни, которым занимается социология. Такая позиция представляется уязвимой в связи с тем, что философия не только наука и методология, но еще и мировоззрение, универсальная картина мира, включающая в себя ценностные ориентиры. В этом качестве она никогда не может быть заменена социологическим комментарием к миру. Если социолог-комментатор, то философ – Учитель, но в связи с тем, что главной ценностью нашего времени, нуждающийся в осмыслении, становится индивидуальность в ее уникальности и единственности, а учить может тот, кто знает эту индивидуальность, перед философией возникает проблема методологического характера: как может философия, в силу своей природы ухватывающая всеобщее и останавливающееся перед уникальным, постичь актуальную сегодня индивидуальность? Стремясь преодолеть свою ограниченность в возможности постижения уникального, философия (например, экзистенциализм, феноменология) начинает пользоваться языком, более напоминающим образный язык искусства, чем понятийный язык науки.

Бязрова Дж.Б.,
канд. филос. наук, доц.,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОГРЕССА

В современном научном дискурсе вопросы перспектив общественного развития осмысливаются все в меньшей степени в их связи с традиционным (в духе универсалистского Просвещения), пониманием прогресса. Попытка характеристики новой эпохи, анализа ее возможных закономерностей с совершенно иными принципами и механизмами исторического развития, объективно приводит ряд авторов к формированию новых, альтернативных концепций прогресса.

Императивы же перехода к новой эпохе различными авторами видятся и оцениваются также по-разному. Известный ученый Н.Н. Моисеев считает, например, что такой императив имеет экологический характер, поскольку именно угроза экологической катастрофы вынуждает человечество изменить траекторию и цель своего развития.

Эту мысль Н.Н. Моисеев излагает следующим образом: «...около десяти тысяч лет назад начала формироваться та система взаимоотношений между людьми, между обществом и биосферой, которую мы сегодня называем цивилизацией. Она дала людям новый уровень благосостояния, продлила время их жизни и многое, многое другое. Но сейчас ее возможности развития с том ключе, который был выкован неолитической революцией, близки к исчерпанию. Человечество ожидает новый экологический кризис общепланетарного масштаба, и причина тому – те положительные обратные связи, порожденные цивилизацией, которые на каком-то этапе истории начали стремительно разрушать биосферу»[1].

Здесь надо сделать важную оговорку. Неолитическую революцию Н.Н. Моисеев считает «началом современной истории», «последней глобальной бифуркацией накануне писанной истории»[2].

Если в эпоху палеолита, по исторической схеме Н.Н. Моисеева, шло формирование человека как биологического вида, то в эпоху неолита человек впервые начинает развиваться уже как существо социальное, на его развитие впервые начинает оказывать влияние не только природные, а технологические, то есть внеприродные факторы.

[1] *Моисеев Н.Н.* Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 32.
[2] Там же. С. 6-7.

В результате неолитического кризиса человек «полностью выделился из остального живого мира, начав формировать искусственный кругооборот веществ. Так называемую вторую природу»[1].

В начале неолитической эры человек усовершенствовал технологию обработки камня и создал метательное оружие. В результате человек за относительно короткое время сделался абсолютным гегемоном в животном мире. Используя возможности новой техники (прежде всего в целях более эффективной охоты), он быстро уничтожал крупных копытных – основу своего рациона – и тем самым поставил свой биологический вид на грань голодного вымирания. Иными словами, человека могла постичь судьба любого вида, сделавшегося монополистом в своей экологической нише: он должен был либо погибнуть, либо найти другую нишу.

Выход был найден, и при этом совершенно неожиданный. Человечество изобрело земледелие, а спустя время и скотоводство. В результате неолитического кризиса человек «полностью выделился из остального живого мира, начав формировать искусственный кругооборот веществ. Так называемую вторую природу»[2].

Прямое следствие неолитической революции – рождение собственности и общества потребления. Теперь, спустя десять тысяч лет, возможности цивилизации потребления, порожденной «неолитической революцией», оказались близки к исчерпанию. Человечеству в целях самосохранения необходимо искать новые пути развития. В противном случае возможна борьба за исчезающие ресурсы оскудевшей планеты Земля между различными группами людей и государств, часть которых обладает ядерным оружием, с далеко не очевидным мирным и благополучным исходом.

По мнению Н.Н. Моисеева, единственный путь сохранения человека в составе биосферы – это «путь коэволюции, т.е. такого изменения образа жизни людей, который согласовывал бы их потребности с возможностями сохранения биосферы в канале эволюции, породившей феномен человека»[3]. Причем эту проблему нельзя решить чисто техническими средствами, поскольку это будет означать следование прежней цивилизационной парадигме. «Необходимо качественно изменить природу общества, необходима новая цивилизация с иным мировоззрением, для которой совокупность экологических императивов

[1] *Моисеев Н.Н.* Указ. соч. С. 8.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 32.

будет столь же органически присуща, как и стремление к сохранению жизни человека»[1].

Контуры этой альтернативной цивилизации пока довольно туманны и неясны, и это признает сам Н.Н. Моисеев, но он уверен, что иного пути не дано, поскольку само человечество объективно не заинтересовано в глобальной борьбе за ресурсы планеты с применением, возможно, и ядерного оружия.

Высказывает сомнения в адекватности современным реалиям общепринятой идеи прогресса и известный американский социолог русского происхождения Г. Шанин.

По его мнению, идея прогресса, понимаемого как «движение от плохого к хорошему, от незнания к знанию», «от нищеты, варварства, деспотизма и невежества к процветанию, цивилизации, демократии и разуму»[2], упрощая и вульгаризируя многие действительно сложные социокультурные процессы в различных обществах, «сделалась мощной идеологией, то есть преградой коллективному знанию... Служение прогрессу превратилось в весомое основание для деятельности экспертов по развитию и политиков, реформаторов, считающих себя справе игнорировать иные взгляды, иных людей, все противоречащее их собственному мироощущению, превращая большинство населения (для его же блага, разумеется) в объект манипулирования ... В конечном итоге идея прогресса превратилась в могущественную идеологию порабощения»[3].

Критикуя концепции прогресса, Г. Шанин не указывает на конкретную альтернативу, но говорит лишь о ее необходимости. Но скорее всего идее единого прогресса Г. Шанин склонен противопоставить идею множественности социальных структур, каждая из которых имеет свою модель поведения и развития.

На место одностороннего умозрительного прогрессистского глобализма приходит столь же односторонний описательный эмпиризм: «Как часто случается, когда глобальная концепция начинает сдавать своей позиции, на смену ей не скоро приходит новое целостное видение ... те же, кто готовы понять и принять без паники крушение тотальной теории, которой человечество и мыслители, принадлежащие к разным лагерям, были привержены более двух столетий, должны, по-видимому, начать анализ заново, именно с точки распада этой метамодели: с вопросов человеческого содержания личного выбора»[4].

---

[1] *Моисеев Н.Н.* Указ. соч.
[2] *Шанин Г.* Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С.33.
[3] Там же. С. 35-36.
[4] Там же. Указ. соч. С. 36.

Есть авторы, которые видят альтернативу прогрессу в так называемой «консервативной революции». Их исходные посылки во многом сходны с посылками Моисеева и Шанина: «Развитие и прогресс а одном отношении есть регресс в другом. До XX века прогресс шел за счет природы. Теперь он пошел за счет культуры и человека. Он становится преимущественно техническим, при этом техника дематериализуется, «софизируется» и обретая собственную траекторию движения, все дальше расходится с благом человека как целостного живого существа. Ориентация на прогресс в таком его качестве превращается в опасную идеологию – прогрессизм»[1].

Консерватизм противостоит прогрессизму как идеология устойчивого развития, идеология сохранения целостности и антропологической идентичности человека.

Консервативная революция имеет прежде всего ценностное, а не социально-политическое содержание, она не имеет отношения к политической борьбе, она лишь выражает определенного рода антипрогрессистскую ориентацию: «консервативная революция никогда не победит, и пугать ею то же самое, как пугать утопающего, что он сгорит. Ориентация на контрмодернизм является необходимой крайностью для экологического и биополитического движений, их глубинным уровнем в полемике с крайностями модернизма»[2].

«Все, чувствующие себя живыми, понимающие, куда ведет технологическая стихия, должны бороться за будущее человечества и культивировать идеологию выживания. Универсальный эволюционизм и прогрессизм ее подмывают, а опорой являются контрмодернизм и циклизм, ориентация на бытие, а не на становление. Таков, по-видимому, сущностный смысл консервативной революции в отношениях человека с миром и с самим собой»[3].

«Консервативные революционеры» считают, что развитие техники, в частности, компьютеризация, содержит опасность освобождения человека от чувств, духовности, гуманизма, превращения его в «робота нулевого поколения»[4]: «Надо посмотреть правде в глаза: «передовая», прогрессивная часть человечества трансформируется в исходный материал построения информационно-компьютерного мира... Первыми ласточками здесь можно считать виртуальных наркоманов, «при-

[1] *Кутырев В.А.* Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 140.
[2] Там же. С. 141.
[3] Там же. С. 143.
[4] Там же. С. 141.

нимающих» этот вызов эмпирически, на практике»[1]. Следовательно, необходим своего рода духовный, сущностный поворот – «консервативная революция». «Экологическое движение за сохранение природы необходимо распространить на культуру и человека»[2].

В то же время с целью большей экологической и духовной безопасности человека необходим контроль, регулирование научно-технической деятельности. «На пути саморазвития технонауки надо ставить гуманитарные фильтры, границы между свободной игрой мысли, экспериментами и практикой... Надо признать право на существование «науки для духа», выделяя на научно-игровую деятельность определенные средства. Параллельно многократному возрастанию опасностей от нерегулируемого творчества, важно заботиться о формировании ответственности за его последствия как у самих творцов, так и исполнителей... Идеология консервативной революции создает для этого необходимый духовный климат. Так продлимся... »[3].

Налицо, как мы видим, тенденция к сдерживанию и даже возможному отказу от научно-технического прогресса как возможной угрозе безопасности и самому существованию человека. Здесь, по сути, мы имеем антисциентистскую экологокультурологическую концепцию того же плана, что и у Н.Н. Моисеева. Это не случайно. Такие построения, такие концепции – знамение нашего времени. При всей своей ограниченности такого рода концепции обладают и позитивным содержанием.

Совершенно очевидно, что при всей неопределенности альтернативных концепций прогресса (или концепций развития, альтернативных прогрессу) их авторами движет тревога за современное состояние и возможные перспективы человечества, стремление уберечь человечество от ложных путей и указать более верные векторы развития. Можно сказать, что при всей теоретической спорности данных концепций их гуманистическая направленность на защиту духовности и культуры несомненны. В этом их ценность.

[1] *Кутырев В.А.* Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 141.
[2] Там же. С. 143.
[3] Там же.

Кожевников Н.Н.,
докт. филос. наук, проф.,
Данилова В.С.,
докт. филос. наук, проф.,
СВФУ (г. Якутск)

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА НА ОСНОВЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ И СЕТЕВЫХ РАВНОВЕСИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИСТИКИ

По нашему мнению, наиболее перспективным является развитие методов глобалистики в контексте представлений о системе координат мира, возникающей посредством самоорганизации на основе предельных равновесий, обусловленных детерминистическим «порядком-хаосом» и охватывающей все уровни иерархии мира. В мире не может не быть системы координат возникшей естественным путем, относительно которой происходит его дальнейшее развитие. Несмотря на всю его сложность, он удивительно организован, целесообразен, оптималлен, устойчив; все его уровни связаны общекосмическим круговоротом вещества, энергии, информации.

Любой объект мира (природное или культурное образование) может быть рассмотрено с точки зрения предельных динамических равновесий. Все эти образования стремятся к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному (*I* – предел), коммуникационно-сетевому (*C* – предел) и предельному ритму мировой гармонии (*K* – предел) никогда их не достигая вследствие противодействия окружающей среды.

Однако каждому этапу процесса изменения любого природного или культурного образования можно сопоставить промежуточные динамические равновесия *F, H, G* связанные с *I, C, K* калибровочными соотношениями. Ячейка *F, H, G* соответствует калибровочным узлам динамических равновесий и оптимальным и устойчивым ритмам мировой гармонией.

Основная идея естественной системы координат мира. «Все природные и культурные образования и их структуры могут быть связаны с предельными фундаментальными равновесиями трех типов (*I, C, K)*. Этим пределам сопоставляются координатные оси, по которым и осуществляется эта связь. Процесс состояний природного или культурного образования соответствующего его развитию (изменению) можно

представить, как перемещение ячейки *F, H, G* в соответствующем феноменологическом пространстве»[1].

Первое идентификационное предельное динамическое равновесие обусловлено тем, что любой объект (природное или культурное образование) стремится к самоидентификации. Элементарные частицы связываются в химические элементы, газовые туманности превращаются в звезды, планетарные системы, галактики. Живое существует в виде отдельных организмов, особей, популяций, обладающих значительным биотическим потенциалом.

Второе предельное равновесие – коммуникационно-сетевое. Особь, индивид – определяются через потоки информации, которыми все уровни живого обмениваются между собой; личность – через систему взаимоотношений диалога; культуры – через диалоги и взаимоотношения соответствующих уровней. Человек не может не коммуницировать, это его естественное состояние. Коммуникационно-сетевое равновесие рассматриваемого объекта делает его способным взаимодействовать со всеми сферами сущего: от мира неживого до сферы духовного.

Третье предельное равновесие связано с ритмами мировой гармонии. Все устойчивые природные или культурные образования опираются на ритмы динамических равновесий. Человек связан более чем ста циркадианными ритмами с окружающей его средой, определяемых периодами вращения Земли, Солнца и т.п. Все выдающиеся религиозные тексты, произведения литературы, искусства имеют глубокие внутренние ритмы, соотнесенные с ритмами мировой гармонии.

Подавляющее большинство рассмотренных выше пределов остаются недостижимыми, оставаясь в промежуточных динамических и сетевых равновесиях.

Рассмотрим процессы глобализации с позиции трех фундаментальных предельных равновесий (идентификации, коммуникации, предельного ритма мировой гармонии), которые образуют друг с другом единое гармоничное целое. Такой подход позволяет взглянуть на глобальные процессы с точки зрения фундаментальных предельных равновесий, что обеспечивает эйдетическое объединение образно-понятийных начал. С точки зрения логоса, многое может быть опущено, искажено, спрятано, но если постоянно возвращаться к предельно-равновесным параметрам системы координат, то все особенности

[1] *Nikolay N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova* The world coordinate system on the basis of limit dynamic equilibriums // European Journal of Philosophical Research - 2016, Vol. 5, Is.1, pp.18-26.

и свойства рано или поздно будут выявлены, что обеспечит полноценное, всестороннее исследование рассматриваемых процессов. Именно такой подход позволяет исследовать всю сложность окружающего нас мира.

Идентификация – первичное понятие, без которого никакая глобализация невозможна. Глобализироваться может только что-то определенное, предварительно сформировавшееся, без этого глобальные процессы приведут к хаосу и беспорядку. В основе всех действительно значимых продуктов человеческого духа лежит уникальная самоидентификация. Многие природные или культурные образования не смогли осуществить подобную идентификацию, но её можно завершить мысленно, получить соответствующую модель, что даст необходимые ориентиры, которые обеспечат целостность и всесторонность процесса исследования.

Кроме того все природные или культурные образования в природе, социуме, гуманитарной сфере стремится к коммуницированию. Для индивидуума диалог предшествует монологу. Культуры могут существовать только потому, что они коммуницируют. Цивилизации также должны коммуницировать и это единственный путь для дальнейшего развития человечества. Система координат на основе предельных динамических равновесий может сделать эту коммуникацию максимально полной, укомплектованной по всем возможным типам взаимодействий.

Однако только идентификация и коммуникация не могут обеспечить устойчивого взаимодействия человечества. Для этого необходим третий компонент системы координат мира – устойчивые ритмы мировой гармонии. Ритмы могут объединять самые различные объекты и образования мира, поскольку способны проникнуть в любую сферу, социума, духа, охватить любые процессы и явления. Все оптимальные равновесные состояния этих процессов имеет свои ритмы, и чем они ближе к фундаментальным ритмам мировой гармонии, тем эти равновесия устойчивее. Любой ритм стремится ко все большей устойчивости, что ведет и ко все большей устойчивости соответствующего природного и культурного образования. Определяющим здесь становится иерархия и оптимизация ритмов и ритмокаскадов.

Человечество глобализирующегося мира все теснее взаимодействует с культурно-цивилизационными сетями, включающими в себя научные, образовательные, информационные, экономические, финансовые и другие их разновидности. Такие сети будут устойчивыми если их ячейки будут определяться описанными выше пределами, то есть

каждая такая ячейка уравновешивает в своих пределах идентификацию сети, её коммуникацию и внутренние ритмы, изоморфные ритмам мировой гармонии. Эти сети связаны с системой координат мира посредством калибровочных отношений, а основной моделью исследования на их основе станут культурно-цивилизационно сетевые модели.

Все глобальные процессы тяготеют к своим предельным равновесиям никогда однако их не достигая и поэтому они являются удобным объектом исследования с точки зрения системы координат мира. С одной стороны в организации ячеек этих сетей могут быть использованы рациональные понятия, ясно осмысленные концепции, четкие ритмы, когнитивное мышление. С другой стороны все иррациональное, ориентированное на интуицию, непроясненное, но охваченное определенной целостностью также может быть включено в эти ячейки. Такие сети связанные с системой координат мира создают бесконечные противовесы, которые необходимы во всех сферах современной человеческой деятельности.

Культуры, религии, экономика имеют свои идентификацию, коммуникацию, ритмы и циклы, что связывает их с системой координат мира.

Культура, религия и её предшественник миф тесно связаны с идентификацией. Они всегда опираются на самобытное. На макроуровне – это набор основных характерных черт, основных элементов и знаков. Однако поскольку все вышеупомянутые пределы тесно связаны друг с другом на различных уровнях – на микроуровне идентификация определяется культурным кодом, характеризуемым ритмическим взаимодействием культуры и цивилизации

Все эти сферы духовной деятельности человека имеют свои устойчивые и оптимальные механизмы коммуникации. Для культуры их обеспечивает цивилизация, для религий – церковь. Цивилизация и церковь проявляют себя на макроуровне как система из основных процессов соответствующих типов деятельности. Таким образом, взаимосвязанный социум будет развиваться прогрессивно и эволюционно, на основе устойчивых и оптимальных институтов, что позволит ему избежать революционных потрясений. В условиях планетарной и общечеловеческой взаимосвязи всех современных процессов такие потрясения разрушат геосферы (атмосферу, биосферу), заморозят океан, уничтожат человечество. На микроуровне цивилизация также определяется цивилизационным кодом – ритмическим взаимодействием основных знаков (элементов) культуры и цивилизации.

Ритмы и ритмокаскады принизывают весь мир и то, что он не погиб, а продолжает успешно эволюционировать говорит о том, что устойчивых и оптимальных ритмов связанных с мировой гармонией много. Человек вовлечен более чем в сто циркадианных ритмов, которые определяются вращением Земли, Солнца и другими циклическими процессами. Культура – цивилизация – культурно-цивилизационные волны (ритмы) образуют культурно-цивилизационно-сетевую ячейку, которая способна обеспечить их дальнейшее развитие. Экономические процессы имеют свои ритмы, например, циклы Н.Д. Кондратьева (К-циклы или К-волны) – периодические сменяющиеся подъёмы и спады современной мировой экономики продолжительностью 48–55 лет. Предел, обусловленный предельными ритмами мировой гармонии, становится «осью», вокруг которой мифологии и религии «вращаются» уже много тысячелетий.

В зависимости от того, какие сети мы выбираем и каким образом они оказываются связанными с человеком, возникает тип конструируемой и используемой онтологии. Система координат взаимодействует с открытыми системами, имеющими тенденцию к самоорганизации, саморазвитию, диалогу. Именно открытость этих систем позволяет им обеспечить взаимосвязь с системой координат мира, участниками процесса, регулируемые параметрами порядка. Взаимосвязь системы координат мира с природным или культурным образованием радикально изменяет представления о последнем, позволяя взглянуть на него с разных сторон.

Современный универсализм опирается на общепланетарный синтез различных сфер человеческой деятельности, концепцию открытой рациональности, предполагающей взаимодействие научных и вненаучных подходов, когнитивных и ценностных параметров знания, тесную взаимосвязь объяснения и понимания, западного и восточного типов мышления, рациональных и иррациональных методов познания. Возникает фундаментальное равновесие «уникальное-универсальное» как для человека, так и для всего человечества. С одной стороны каждый человек должен развить свое естественное бытие, дополнив его социальным и духовным, сделав уникальным. С другой стороны, биологическое, социальное и духовное, в каждом человеке неразрывно переплетенное и взаимодействующее с аналогичными синтетическими началами в других людях, формирует бытие в планетарном масштабе. Эти идеи позволяют по-новому синтезировать философские идеи Запада и Востока. Сквозной идеей китайской и индийской философий

идущих из глубокой древности вплоть до настоящего времени можно считать идеи Великого равновесия, Мировой гармонии.

Устойчивая взаимосвязь человека и человечества с природной координатной системой – является необходимым условием их дальнейшего развития. Только в этом случае человечество не погубит биосферу, но сможет развиваться гармонично, оптимально и практически неограниченно долго. Мир спасут не пришельцы, не красота, его спасет опора всей дальнейшей деятельности человечества на систему координат мира.

Коротец И.Д.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОРАЗМЕРНОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Глобальная культурно-информационная организация противоположна современной системе, поскольку она представляет собой интегрированную целостность локальных суверенных государств. Их локальность статуируется изнутри на основе потребностей конкретного сообщества и извне, выражая способность конкурировать с другими участниками взаимодействия. В системе монополярного мира система международных отношений внешне напоминает глобальную политическую сеть, на самом деле ею не являясь. В то же время стихийно происходит глобальное объединение многих процессов, таких, как экономика, наука, информатика, шоу-бизнес, отдельные секторы политики, спорт, образование и другие. Но содержание этой интеграции может удовлетворить только некоторых участников процесса. Для пропорциональной глобализации требуется сознательное, управляемое выравнивание целостной интеграции, соответствующее глобальной, планетарной культуре.

Наша интерпретация политической структуры основана на предположении, что в нынешних социально-культурных условиях принципиальным моментом осмысления ситуации в мире в целом и в каждом корпоративном сообществе, в частности, является формирование адекватного доминантного паттерна, соответствующего конфигурации информационно-глобальной культуры. В сетевой целостно-экологической парадигме мировоззрения информационно-глобального общества паттерн мы поним как универсальное ядро (матрица, конфигурация, сущность, основа, доминанта, универсальное основание) любой системы –

сети, которое пронизывает все элементы и уровни целого, повторяется тем или иным образом в пространстве всей сети и определяет все ее основные свойства. Демократия, например, возможна за счет гражданской формы воспроизводства «среднестатистического» человека, паттерн которого за счет наличия персональных ресурсов и правовой организации их движения позволяет организовывать систему как персоны, так и демократически-рыночного общества в целом.

В этом случае понимание специфики того или иного дискурса будет заключаться в адекватной интерпретации определенных социально-культурных явлений и соответствующей коммуникативно-вербальной формы и установления их единства при построении целостности. Любому специалисту в области обществоведения понятно, насколько подобная форма осмысления условна и субъективна, а верификация ее в высшей степени затруднена. В то же время формирование толерантного коммуникативно-деятельностного пространства в современном «непримиримом» мире представляется задачей еще более сложной, а в существующей коммуникативно-дискурсной системе – просто невозможной. Можно утверждать, что в той части планеты, где идет война, существует терроризм, или обострены конфликты, господствуют неадекватные дискурсы, которые не позволяют создавать позитивные коммуникативные предпосылки для восстановления соразмерности социально-политического пространства или, тем более, для создания новой интегративной структуры, позволяющей разрешить наличную конфликтность.

Из этого обстоятельства вытекают следствия, в соответствии с которыми участники общения создают собственные дискурсы, которые противоречат друг другу. В процессе попыток создания единой коммуникативной системы противоречия дискурсов не разрешаются и диалог как форма нахождения общих позиций оказывается невозможным. При отсутствии диалогового общения выход из положения возможен на основе ресурсов эристических форм коммуникации, которые позволяют одной из сторон одержать победу за счет насильственно-коммуникативного навязывания своих дискурса и тезиса. Если же эристическая агрессия и насилие отвергаются оппонентами и диалог не возникает, то общение становится безрезультатным, а в ситуации конфликтности отношений – конфликтогенным. В подобной ситуации возникает потребность не только в том, чтобы технологизировать переговорный процесс, но и осуществить адекватную интерпретацию конкурирующих дискурсов для того, чтобы ими можно было пользоваться позитивно-инструментальным образом.

Для ответа на эти вопросы необходимо посмотреть на историю развития промышленного общества с позиций общества информационного или, точнее, экологического. Промышленно-рациональный и либеральный прогресс западной культуры породил ментальность, в которой, как в сознании любого общества, можно выявить позитивное содержание уровня, адекватного культуре и содержание утопическое, эпифеноменальное, которое возникает из-за неопределенности границ любого наличного социального пространства. Например, величайшим по социальным последствиям заблуждением марксизма, а, следовательно, промышленного общества, являлась идея о возможности создания коммунистических отношений на основе его ресурсов посредством универсализации класса пролетариев. Эта утопия возникла естественным образом как иллюзия достаточности ресурсов капитализма для создания общества с равенством всех его членов в отношении культуры. В то же время переход от промышленного общества к информационному данную проблему не разрешил, и она опять актуализируется в связи с естественным развитием глобальной структуры, которая на новом уровне воспроизводит проблему равенства стран авангарда и арьергарда, культур информационной и доинформационной.

В основе противоречия дискурса промышленного общества можно увидеть противоречие его основного паттерна: ценности либерализма и консерватизма классического промышленного общества несовместимы. Если на проблему ценностей этих главных идеологий промышленного общества, которые выражают его сущность, посмотреть как на целое, границы которого уже ясны за счет формирования информационной культуры, то можно предложить следующую интерпретацию. В основе концепции либерализма лежат ценности прав и свобод человека. Эти ценности, соотнесенные с неравенством сословного общества, которое они отрицают, носят универсально-абсолютный характер. Если же их ориентировать в пространстве рыночных отношений, то они приобретают как содержательную, так и идеологическую векторную определенность. С точки зрения содержания либеральные ценности связаны с теми социально-культурными ресурсами, которые имеются на данной ступени развития общества. На ранней стадии первоначального накопления капитала ресурсы минимальны, в современном обществе они позволяют говорить об обществе всеобщего благоденствия и т.д.

В идеологическом измерении либерализм колеблется от позиций «диктатуры крупной буржуазии», ценности либерализма интерпретирующей как высшее достижение развития общества, до идеологии

«диктатуры пролетариата», отрицающей ценности либерализма в отношении наемной рабочей силы.

Консерватизм, в свою очередь, интерпретирует общественный процесс как сферу свободной конкуренции, ценностью которой является возможность максимизировать результативность сильнейшего. В обязанности последнего входит задача нейтрализации прав и свобод своих конкурентов и минимизации эффективности их деятельности. Частичным образом данные противоречия в реальности разрешаются. В то же время как бы мы не интерпретировали процесс возможности интеграции данных ценностей в единое пространство, указанное принципиальное противоречие сохраняется. В либеральном дискурсе заключены две абсолютно разные структуры. Одна, выражаемая в ценностях традиционного в общем антисословного либерализма, ориентирована на статуирование человека в качестве общественного существа, которое обладает условиями самостоятельной деятельности в соответствии с общими, а значит, абстрактными, нормами. Другая структура, выражающая паттерн рыночного взаимодействия, позволяет человеку, обладающему ресурсами, действовать в соответствии со своими персональными интересами, нейтрализуя при определенных условиях своих конкурентов, стремясь их ресурсы превратить в свои собственные.

Объединение этих двух структур показывает, что в основе их синтезированного целого мы не можем не найти паттерн ресурсообладания. В том случае, если человек обладает ресурсами, либеральная структура позволяет ему осуществлять собственное воспроизводство, и данный паттерн работает нормально. В этом случае либеральный дискурс соответствует объективному положению дел и может использоваться в культурно-коммуникативном отношении адекватно. В том случае, когда человек ресурсами не обладает, либеральная структура оказывается бесполезной и даже антигуманной, поскольку вытесняет его за границы конкуренции, лишая возможности осуществлять воспроизводство, предполагаемое либерально-конкурентным паттерном. В данном случае либеральный дискурс изменяет свою внутреннюю структуру и поворачивается другой стороной – в коммуникативном пространстве субъект, лишенный ресурсов, получает «право» на бессубъектность и вытесняется за границы социо-культурного пространства.

В принципе, те же структурные пропорции можно отнести и к корпоративному воспроизводству. В замкнутом локальном пространстве любая корпорация самостоятельно структурирует соответствие прав и ресурсов своих субъектов, формируя то или иное целостное

воспроизводство. Размыкание локальной структуры вовне: военная, экономическая и, в предельном развертывании, культурная экстериоризация вовлекает корпоративные ресурсы в новое, более разветвленное пространство. Изменение конфигурации пространства движения ресурсов приводит к модификации их свойств, ценности, способов воспроизводства и т.д. В идеале равноценность конкурентных структур позволяет сохранить равноценность ресурсов и осуществлять воспроизводство в прежней форме. При менее содержательной форме конкуренции любая корпорация, вовлекаемая в расширенное пространство движения ресурсов, сталкивается с неизбежной девальвацией собственных ресурсов.

Можно утверждать, что в процессе развития рыночного общества конкурентноспособные корпорации при расширении пространства ресурсодвижения получают преимущество и фактически присваивают ресурсы менее развитых корпораций за счет данного аспекта устройства рыночного воспроизводства. За счет этого механизма множество противоречий развитых стран было вытеснено за их корпоративные пределы в мировое экономико-политическое пространство. Выравнивание пространства стран «золотого миллиарда» в настоящее время осуществляется чрезвычайно сложно за счет неравновесности подобных пространственных структур в ареале проживания всего остального человечества. Мы далеки от призыва к «экспроприации экспроприаторов», но данная ситуация является объективной, вокруг нее вращается вся мировая политика и без разрешения данного противоречия никакой равновесной глобальной структуры возникнуть не может.

Таким образом, спекулятивность либерального дискурса заключается в том, что он адекватен по отношению к участникам коммуникаций с равными конкурентными возможностями. Сниженность ресурсно-конкурентного потенциала субъектов общения при господстве либерального дискурса ставит их в неравное, а, зачастую, в безвыходное положение. Следует вывод: в неравновесном культурном пространстве использование либерального дискурса в качестве коммуникативной основы выступает средством экспансии ресурсоносителей в отношении безресурсных субъектов и не может считаться достаточным условием для равноправного, тем более, конструктивного общения.

Отмеченные закономерности паттерна конкурентного воспроизводства ресурсов характерны для развитого индустриального общества. Человечество, можно сказать, «смирилось» с данным положением дел при помощи нескончаемых войн и разгула терроризма. Становление информационного общества, по идее, потребует разрешения

данных противоречий. В то же время эти проблемы еще не актуализировались в общественном сознании и еще ждут своего часа.

Мы уже высказывали свое мнение о том, что информационные технологии не могут осуществляться в пространстве, состоящем из локальных суверенных элементов. Развитие информационного общества связано с процессом глобализации – преобразования локальной культурно-политической структуры в универсальную, в которой границы будут иметь иной смысл, нежели в современном мире. По идее, глобализация и информационный способ преобразования ресурсов выступают двумя сторонами одного и того же процесса, который имеет один и тот же содержательный паттерн. Но этот смысл нам еще не ясен. В настоящее время актуальным является определение тех принципов, которые могут быть позитивной основой пока многочисленных и разрозненных процессов интеграции различных корпораций в единое мировое пространство. В общем и целом, можно утверждать, что универсальные стереотипы, в отличие от локальных, должны быть достаточными для организации пространства на основе принципа консенсуса – согласия всех участников коммуникации по поводу той или иной пространственной конфигурации.

Исследование либерального дискурса показало, что его коммуникативные ресурсы ограничены пространством общения субъектов с равными ресурсными возможностями. Ресурсная неравновесность пространства общения приводит к поляризации дискурса, которая превращает его в технологию ограничения коммуникативного потенциала участников со сниженной конкурентоспособностью в области ресурсов.

Процесс глобализации, кроме указанного обстоятельства, предполагает наличие набора иных, нелиберальных дискурсов, которые для некоторых участников общения выступают в качестве естественного, достаточного или дополнительного эпидейктического основания. Для того, чтобы создать структуру позитивной глобальной организации, необходимо перейти к социальному пространству, конфигурация которого основана на универсальных паттернах.

Универсальность паттернов должна иметь такие ресурсы, которые позволят естественным образом интегрировать в единую сеть корпорации, в настоящее время находящиеся в антагонистическом отношении к макропространству.

Создание универсальных паттернов потребует объединения локальных форм, господство которых в настоящее время создает неразрешимые противоречия процесса глобального объединения. Универсализация паттернов может происходить либо на основе равенства,

добровольности и кооперации субъектов интеграции, либо на основе господства и подчинения, а значит, конфронтации и насилия. Соответственно, формирование интегральной конфигурации социального пространства может осуществляться на основе различных дискурсных ресурсов: для экологически-интегративного способа универсализации потребуется создание нового универсального дискурса; для глобализации в традициях модерна, скорее всего, будут использоваться, как и сейчас, ресурсы той или иной модификации либерального дискурса. Лидерами процесса глобализации выступают развитые страны постиндустриального мира. Эта ситуация соответствует основным нормам культуры Запада, она же определяет доминантные параметры коммуникативного пространства и соответствующего дискурса.

Использование либерального дискурса при осуществлении глобализации создает неразрешимое противоречие, поскольку локальный либеральный дискурс абсолютизируется. Абсолютизация частичного дискурса и системы ценностей, его определяющих, неоправданно расширяют его ресурсные возможности. Культурная соразмерность при абсолютизации либерального дискурса нарушается: ценности, определяющие глобальную коммуникацию со стороны лидеров, носят либеральный характер, все процессы оцениваются в категориях свободы, равенства и права; действительное же межкультурное взаимодействия в протогеопространстве осуществляется на основе жесткой конкуренции. Конкурентоспособность, в конечном итоге, создается за счет использования информационных технологий и геопространство становится ареной борьбы за овладение технологическими основами информационной культуры. В то же время стихийное стремление к заимствованию информационных паттернов разрешает социально-культурные проблемы лишь частично, автоматически разрушая традиционную допромышленную или квазипромышленную культурную организацию.

Из этого противоречия возникают основы культурно-политического экстремизма. Либеральный дискурс, ориентированный на права человека и свободу, в той ситуации, которая локальной корпорации угрожает утерей идентификации, воспринимается членами страдающего сообщества как враждебный и не только ложный, но и издевательский. Поскольку в современном мире либеральному дискурсу практически невозможно противопоставить оппозиционный дискурс, содержащий ресурсы, достаточные для конкуренции в коммуникативном пространстве, ситуация для оппозиции оказывается безвыходной или, в лучшем случае, воспринимается таковой. В определенных пространствах эта ситуация приводит к развитию экстремистской оппозиции,

во многих других – к существованию потенциальной оппозиции, которая сдерживается стереотипами подчиненного положения корпорации в пространстве модерна.

Вывод из этих обстоятельств следующий**:** для создания конфигурации коммуникативного пространства, в котором может формироваться позитивная геоинформационная культура, интегрирующая локальные корпорации в единую структуру, необходим дискурс с ресурсами, позволяющими разрешить межкультурные противоречия доинформационного общества.

Можно предположить, что субъектная организация процесса формирования этого нового интегративного дискурса не может не выходить за границы стереотипов модерна, поскольку данная культурная интерпретация не позволит преодолеть экспансии либерального дискурса из-за того, что он на сегодняшний день обладает приоритетным ресурсным потенциалом. Скорее всего, экологическое мировоззрение, которое создается в современном ментальном мире, обладает необходимыми ресурсами для движения в пространстве постмодерна с целью перехода к пространству информационной культуры.

Поцелуев С.П.,
докт. полит. наук, доц.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ДИЗАСТРОЛОГИЯ КАК СУБДИСЦИПЛИНА В ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Идея дизастрологии как особой науки не является чем-то совсем новым. В своё время, для обозначения области исследования природных и техногенных катастроф, советским ученым Н.В. Шебалиным были предложены термины «катастрофоведение» или «хазардология»[1]. Появился и учебник по катастрофоведению, где указываются признаки и виды природных, техногенных и природно-техногенных катастроф, а также характеризуются меры по их прогнозированию и предупреждению[2]. Что же касается термина «дизастрология», то он позаимствован автором данных заметок у болгарского социолога Ралицы Берберовой[3]. Она понимает под дизастрологией комплексную дисциплину, которая изучает стихийные бедствия со всех точек зрения,

[1] *Шебалин Н.В.* Закономерности в природных катастрофах. М.: Знание, 1985.
[2] *Ваганов П.А.* Катастрофоведение: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
[3] *Берберова Р.* Природни бедствия в България – състояние и тенденции. София: Нов български университет, 2012.

включая управление соответствующими рисками. Однако в отличие от упомянутого катастрофоведения, болгарский ученый делает акцент на исследовании экологических, социально-экономических и политических последствий природных катаклизмов, а также на оценке социокультурной составляющей причин экологических катастроф и политических решений, с ними связанных.

Социальные катастрофы как неизбежность и обыденность

Можно еще дальше расширить предметное поле дизастрологии, включив в него не только природные, но и социальные катастрофы. Онтологической предпосылкой такого методологического шага является прогрессирующее усложнение социальных явлений, стабильный (если не сказать прогрессирующий) дефицит политического контроля над ними и как следствие – усиливающаяся взаимосвязь природных и социальных катастроф. Неслучайно У. Бек назвал констатацию рисков современного общества «симбиозом естественных и гуманитарных наук, обыденной рациональности и рациональности экспертов, интереса и факта», что предполагает междисциплинарный дискурс как «взаимодействие поверх переживающих серьезные трудности научных дисциплин»[1]. Такой же дискурс требуется и в изучении самого разного рода катастроф. Причем одного математического их описания (вроде общей теории катастроф В.И. Арнольда[2]) здесь явно будет недостаточно.

Слово *disaster* имеет др.греч. корни и буквально значит «быть под несчастливой звездой», а синонимичный этому слову термин «катастрофа» тоже греческого происхождения (др.греч. καταστροφή) и первоначально значил ниспровержение, уничтожение, гибель, а также поворот, конец жизни, смерть. Причем слово καταστροφή восходит к театральному лексикону, где оно «обозначает точку в драме, в которой события устремляются к месту опустошения, подготавливая, таким образом, раскрытие смысла финальной сцены»[3]. Этот древний смысл в семантике καταστροφή символичен – с ним перекликается современное состояние человеческой цивилизации. Ведь актуальные события «глобализованного» мира рискуют, как и события в греческой драме, обрести свою «точку опустошения» и тем самым обнажить смысл финального акта человечества – катастрофический смысл.

---

[1] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 18.
[2] *Арнольд В.И.* Теория катастроф. 3-е изд., доп. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990.
[3] *White H.* Catastrophe, Communal Memory and Mythic Discourse: The Uses of Myth in the Reconstruction of Society // Myth and Memory in the Construction of Community: historical patterns in Europe and beyond. Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt/M.; New York; Wien: PIE Lang, 2000. P. 53.

Катастрофы издавна привлекали внимание представителей религиозного и философского знания, но с возникновением социальных наук в современном их смысле стихийные бедствия стали предметом более объективной и менее пафосной рефлексии. Социально-философская, социологическая и политологическая мысль традиционно связывала катастрофы с революциями и допускала, что в основе политических порядков лежат социальные катастрофы. Отсюда вытекала двусмысленность концепта и феномена «революции» как тотального несчастья, обрыва и разрушения традиции, но, с другой стороны, – как толчка в развитии и, возможно, счастливого шанса на новые, более справедливые порядки. В этом смысле сами революции казались попыткой осмыслить и понять катастрофу, причем попытку фатально неудачную, громоздящую лишь временные решения и структуры, рождающую абсурды и – главное – завершающуюся новой катастрофой.

Дизастрология – это не данджерология,
хотя и смежная с ней дисциплина

Дизастрологию не следует путать с данджерологией, хотя они и тесно связаны друг с другом. Под «данджерологией» автор данного термина А.М. Старостин подразумевает «науку об опасностях, угрозах и рисках человеческого существования и способах их парирования и минимизации»[1]. Сама идея нам представляется весьма интересной – каким бы рискованным ни казался термин, как, впрочем, и концепт «дизастрология». Оба этих направления вдохновлены классической работой У. Бека, которая с течением времени только выигрывает в своей актуальности. Причем в книге немецкого социолога намечено и главное отличие данных субдисциплин. Суть этого отличия – в разном отношении дизастрологии и данджерологии к социальному времени.

В отличие от катастроф как угроз, главным образом, уже свершившихся и реализовавшихся в настоящем, угрозы и риски как предмет данджерологии «основывается частично на продлении обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом ‘возрастании риска’»[2]. Соответственно, «центр сознания риска лежит не в настоящем, а в будущем»[3].

[1] *Старостин А.М.* Научные и информационные версии данджерологии: когнитивные и ценностнообразующие стратегии // Научные исследования и разработки. URL: http://www.a-factor.ru/archive/item/25-nauchnye-i-informatsionnye-versii-dandzherologii-kognitivnye-i-tsennostnoobrazuyushchie-strategii (Дата посещения: 17.10.2017)
[2] *Бек У.* Общество риска ... С. 22.
[3] Там же.

Данджерология делает акцент на прогноз, предвидение, гипотезу, предположение, упреждающие действия, тогда как дизастрология – на конкретный анализ фактов (когда и где произошло бедствие, сколько жертв, каковы масштабы разрушений и т.п.), на поиск объективных причин произошедшего, а также на конкретный план по устранению последствий. Конечно, это различие в акцентах не следует абсолютизировать: у произошедшей катастрофы могут быть отдаленные последствия (подобно тому, как у землетрясения – афтершоки). И относительно этих последствий «дизастрологу» тоже нужны гипотезы и прогноз рисков. С другой стороны, для точной оценки потенциальных угроз и рисков «данджеролог» нуждается в строгом анализе уже имеющего ущерба от опасных тенденций.

Собственно англоязычным аналогом термина «дизастрология» является выражение «disaster studies». По меньшей мере, с 90-х годов прошлого века на Западе возникают научные центры[1] и научные издания[2] с использованием данного и сходных концептов. Примечательно, что американский политолог Роберт Сталлинг, руководитель «Disaster Research Center» при Делавэрском университете так же, как и У. Бек, акцентирует различие между анализом катастроф и анализом рисков. По его словам, «социальный смысл времени имеет решающее значение для различия между бедствием и риском и пониманием самого риска. Когда мы изучаем катастрофы, мы спрашиваем людей, что они сделали. Когда мы исследуем риски, мы спрашиваем их, что они делают сейчас относительно неопределенного будущего»[3].

Вместе с тем из этого различия в предмете и методах двух упомянутых дисциплин вытекает их разная степень уязвимости для политических манипуляций и спекуляций. Данджерология в большей мере, чем дизастрология, рискует оказаться ресурсом мистификации общественного дискурса (абстрактная угроза взрыва Йеллостоунского вулкана есть в этом плане показательный пример, когда всего один конкретный сюжет может стать многолетней золотой жилой для фейковых новостей в «эпоху постправды»). В целом, данджерология в боль-

[1] См.: Institute for Disaster Studies. URL: http://disasterstudies.unc.edu/ (Дата посещения: 12.11.2017).

[2] См.: Australasian Journal of Disaster and Trauma Studies. URL: http://trauma.massey.ac.nz/welcome.shtml (Дата посещения: 17.10.2017).

[3] *Stallings R.A.* Sociological Theories and Disaster Studies. The inaugural Distinguished Lecture on Disaster and Risk at the Disaster Research Center, Department of Sociology and Criminal Justice, University of Delaware, Newark, 17 April 1997. URL: http://dspace.udel.edu/bitstream/handle/19716/135/PP249-Sociological%20Theories.pdf?sequence=1 (Дата посещения: 17.10.2017).

шей мере, чем дизастрология, дает поводы для политических и экономических манипуляций с фактами. Имеем ли мы сегодня глобальное потепление или только непонятное изменение климата? Или временное глобальное потепление приведет, в конце концов, к глобальному похолоданию? Является ли это изменение эффектом циклических природных процессов, независимых от деятельности людей, либо *climate change* есть человеческий продукт в условиях новой геологической эпохи – антропоцена[1]? Ответы на все эти вопросы зависят не только от научных парадигм и моделей, но также от того факта, кто продает, а кто покупает нефть и газ (и, соответственно, оплачивает «научные» изыскания).

Повышенные мистические «риски» как бы заданы в данджерологии ее когнитивными рамками: долгосрочный прогноз о рисках относительно легко перетекает в пророчество, реальная угроза – в угрозу фиктивную, управляемый риск – в неминуемую катастрофу. Слегка перефразируя У. Бека, можно сказать, в данджерологии «рискам присуще нечто ирреальное», потому что в науке о рисках на место настоящего выдвигается будущее как «нечто несуществующее, как конструкт, фикция в качестве ‘причины’ современных переживаний и поступков»[2]. Пародийной картиной мистифицированной науки о рисках может служить идея «дэнжерологии» Алексея Маврина из романа «Псоглавцы»[3]. Там действуют некие «дэнжерологи» – мифические ученые, исследующие паранормальные артефакты вроде чудотворных икон. Пародируя википедийную статью, Маврин различает религиозную и светскую версии дэнжерологии[4], а к последней присочиняет ФБР, НКВД и «Аненербе» – в полном соответствии с фейковым контектом российских «мистических» телеканалов.

Как политически обжить катастрофу?

Катастрофу можно «обжить» в философской рефлексии или религиозном экстазе[5]. Тем самым можно придать ей смысл и освободиться от страха перед ней. Но в политическом гешефте, как правило, действуют люди, не исполненные метафизических страхов, зато пре-

[1] *Steffen W., Grinevald J., Crutzen P., McNeill J.* The Anthropocene: conceptual and historical perspectives, Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences, 2011. Vol. 369. P. 842-867.
[2] *Бек У.* Общество риска ... С. 22.
[3] *Маврин А.* Псоглавцы. СПб.: Азбука, 2011.
[4] Дэнжерология // Циклопедия. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Дэнжерология (Дата посещения: 10.11.2017)
[5] См., к примеру: *Порус В.Н.* Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24-36.

следующие свой властный интерес. И они тоже могут по-своему «обжить» катастрофу. С учетом этого момента, есть резон различать дизастрологию как комплекс мульти- и междисциплинарных исследований и дизастрологию как политологическую субдисциплину. На эту мысль тоже наводит У. Бек, замечая, что «в обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции»[1].

В самом деле, по многим признакам, человеческая цивилизация вступает в длительную эпоху перманентных катастроф, которые существенно изменят существующий социальный и политический ландшафт. Это предвидел и У.Бек еще в 80-х годах прошлого века. По его словам, «общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение»[2]. Соответственно, изменятся нынешние представления о политике, актуальные моральные ценности и жизненные приоритеты масс людей. Главным приоритетом станет выживание индивидов и сообществ. Это необязательно будет означать возвращение в средневековье. Такое будет невозможно уже хотя бы потому, что техническая цивилизация никуда не денется. Но есть риск того, что подобное развитие событий принесет с собой разные формы модификации либо деконструкции современных политий. В связи с этим встает задача осмыслить типы и виды социальных катастроф и сценарии их развития, вообще осмыслить феноменологию «катастрофного дискурса», в частности, его политические функции.

Примером такого рода подхода может служить статья американского историка и литературного критика Хейдена Уайта, посвященная анализу мифической конструкции стихийного бедствия в пользу поддержания национальной идентичности. Как пишет автор статьи, «мифическая репрезентация сцены бедствия драматизирует эту сцену посредством фабулизации событий, которые тем самым оказываются причинами или, скорее, следствиями некоего морального конфликта»[3]. И если с научной точки зрения страдание всегда есть вопрос шанса на выживание, то миф «трансформирует лик бедствия (disaster) в вид катастрофы»[4]. Г. Уайт рассматривает на примере схода оползня в окрестностях Неаполя в 1998 г., каким образом публикации итальянской газеты «Республика» обеспечили интерпретацию стихийного бедствия в «наци-

[1] *Бек У.* Общество риска ... С. 14-15.
[2] Там же. С. 15.
[3] White H. Catastrophem. ... P. 52.
[4] Ibid. P. 53.

ональном духе». «Республика» широко освещала эти события с самого начала, и это сопровождалось учреждением целого архива личных историй о происшедшем, рассказанных разными лицами, имевшими к событию прямое или косвенное отношение. В конечном счете, несчастье оказалось встроенным в национальное самосознание итальянцев, и сделано это было посредством мифической драматизации реального бедствия, благодаря переводу «природного бедствия» в «национальную катастрофу». Так политика обжила катастрофу.

Щеглов Б.С.,
докт. филос. наук, проф.,
РОСНОУ (г. Таганрог)

ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях постнеклассической науки и глобального характера социальных изменений настоятельно требуются принципиально иные ментальные ориентации человека в рамках его жизнедеятельности. При этом тема рациональности в различных формах поведения и действия, как и в стремлении к соучастию в сотворении новых смыслов, становится одной из главных в духовной жизни человека. Проблема состоит не только в том, чтобы сформировать принцип рациональности в качестве последовательности образцов деятельности, но и в том, чтобы обозначить своеобразные ориентации, соразмерные человеческому существу с точки зрения необходимого и возможного в отношении к самому себе, к созданному им миру, ко всему тому, что имеет выход на проблему, которая в постнеклассической науке ориентирована на ключевое понятие «жизнь». В настоящее время речь идет об осмыслении предельно допустимых нагрузок в отношении человека и мира, и если перевести этот тезис в русло социальной прагматики, то речь пойдет об оптимизации и эффективности отношений человека и мира, общетеоретическое выражение которых будет содержательным моментами рациональности, то есть рациональное, а значит, эффективное и оптимальное.

Ориентация на целесообразность остается доминирующим направлением в поиске определяющего принципа рациональности. Степень рациональности определяется оптимальным соотношением элементов целостного деятельностного подхода и его результативностью. Сфера духовной жизни не исключение. В ней также господствует целесообразность и оценка всякого рода духовных интенций с точки

зрения их результативности. Это и есть технологическая трактовка рационального. Ее конкретная форма, способы выражения рациональности могут быть определены установлением разумом цели конкретной деятельности человека в рамках намеченной им прагматической деятельности до разумного использования результатов подобной деятельности.

Само определение рационального как конструирования значимых жизнеобразующих структур активности человека предполагает выявление степени вписанности самого человека в мирообразующие взаимосвязи, взаимодействия, причем такой постоянной вписываемости, в рамках которой возможно возникновение смысла социальности. Связывая природу рационального с возникновением смысла в рамках социальности, следует подчеркнуть предопределенность рационального по отношению к любым исходно сконструированным схемам, которые сами лишь являлись продуктами в ранее сложившихся типах рациональности. Обратим внимание на то, что вопрос о рациональности философии – это вопрос о переходе как некотором акте еще не рационализированного рационального при том условии, что сам акт является рождением некоторого нового смысла. Вопрос об осмыслении проблемы рациональности трансформируется в вопрос о поиске тех точек соприкосновения, в рамках которых происходит качественное изменение духовных ценностей человека в контексте постнеклассической рациональности.

Однако важно учитывать, что происходит тогда, когда один тип рациональности заменяется другим, каковы условия, которые накладывают ограничения на сами изменения рациональности, позволяющие говорить об их радикальной смене.

В современной философии обычно речь идет об определенных универсальных характеристиках человеческого бытия, к которым можно отнести следующее: топологические многообразные пространственные отношения и размеренность; локальное состояние реальности; многообразие временных размеренностей любых видов социальной реальности, включая многомерность самого понятия социального времени; многообразие инвариантов в любых состояниях социальной реальности; техническое многообразие связей и отношений в искусственно создаваемых системах; многообразие форм человеческих отношений и способность существования различных социальных явлений; различие ментальных структур и духовных образований в общественной жизни; построение глобальных схем некоторых будущих состояний жизнедеятельности самого человека.

Любой тип рациональности включает такие характеристики социального бытия, базируется на них и расставляет приоритетные акценты при построении схем социального мироздания.

Обратим внимание на то, что десубстанционализация человеческого разума через многообразные формы теоретического мышления и его относительности в сфере противоречия общественной жизни привели к представлениям о собственной культурной обусловленности самой рациональности, способом существования и критерием оценки которой выступала общественно-историческая практика. Последняя мыслилась как форма социального бытия человека и одновременно служила истоком всех вновь создаваемых феноменов общественной жизни, включая и предполагаемую социальную рациональность. Последнее фактически мыслится как функция, рассматривающая социальные реальности на основе ранее сложившихся форм и типов рациональности. В этой связи, поскольку фактором, инициализирующим различия и разнообразные состояния общественной жизни в рамках стабильности и неравновесия, выступает прогрессирующая человеческая активность в форме преобразующей деятельности, то и рациональность оказалась преимущественно технической, и в итоге – речь идет о некоторой технической или экспериментальной программе, подлежащей реализации в рамках указанных характеристик.

Постановка проблем постнеклассической рациональности была обусловлена солидными по своей значимости изменениями в обществе и его структуре, демонстрирующими нарастающую зависимость динамики научного познания от различного рода социальных и культурных воздействий. С другой стороны, вследствие серьезных успехов в области социального познания, современная методология социально-гуманитарного познания все в большей мере ориентируется на социально-историческую точку зрения, гуманитарную направленность в рамках осознания методологической составляющей в процессе социально-гуманитарного познания. Сами процессы гуманитаризации вообще и гуманизации в рамках постнеклассической науки вызвали в последнее время серьезные трансформации в понимании и формировании гносеологических моделей социальных прогнозов. Особое место в этой связи принадлежит различным подходам к пониманию характера рациональности в социально-гуманитарном познании эпистемологических изменений, в рамках которых подчеркиваются переходы к проблемам парадигмального характера с учетом позиций В.С. Степина и В.С. Швырева.

На первый план выходит некоторая аналогия по соотношению классической и постнеклассической рациональности в рамках социально-гуманитарного познания:

1. Классическая рациональность основывается на вере во всевластие человеческого разума и объективность универсального миропорядка и, в конечном счете, направлена на создание универсально-социальной концепции, охватывающей все стороны общественной жизни в рамках человеческого социума. В постнеклассической же рациональности утверждается универсальность субъективности, а поэтому она не является строго теоретичной, ибо рациональное описание и нормативы конкретных сторон социальной жизни могут складываться в относительно целостный образ.

2. Определенным критерием научности в классической рациональности выступает построение такой реальности идеальных объектов, которые не могут быть созданы на уровне массового сознания социальных субъектов. На наш взгляд, в этой ситуации исследователь «поднимается» над массовым сознанием, а позиция чего-либо абстрактного в этом смысле дает возможность рассматривать истинность конструирующих сентенций. Постнеклассическая рациональность ориентирована на исследование оснований специализированного научного знания с учетом структур повседневного мира.

3. В рамках классической рациональности социальное познание с выбранной схемой достижения цели фактически определяет действие как либо рациональное, либо нерациональное. В подобной ситуации проблематизируется социальная эффективность самого понятия «рациональность». При этом исследование различных форм рациональности, которым в действительности соответствуют реально действующие субъекты, позволит рассматривать их как некоторые синонимы вариативности самого поведения познающего субъекта в соответствии с многообразием индивидуальных человеческих миров.

4. В рамках классической рациональности следует говорить о максимальной эффективности или строгости по отношению к проблеме выявления значимости понятия, поскольку классическая и неклассическая наука утверждают, что в рамках определения того или иного концептуального аппарата необходимо прежде всего стремиться к ликвидации некоторой расплывчивости, многозначности тех или иных терминов. В рамках постнеклассической рациональности термин служит для обозначения нового понятия, обладает своеобразной сферой значения. Трудности исследователя в этом случае связаны с уточнением и нахождением этой сферы посредством изучения вопроса

о концентрации тех значений, которые будут связывать формирование самого объема и содержания понятий с тем изначальным содержанием, которое в конечном счете будет представлено в человеческом опыте.

5. Постнеклассическая рациональность утверждает, что в современных условиях человек вынужден в некоторых стандартных ситуациях знать стандартную форму поведения и некоторые стратегии поведения принимать на веру.

Постнеклассическая рациональность нашего времени соответствует определенным социальным запросам на соответствующие методологии социального анализа, позволяющие обеспечивать так называемый диалог культур, культурные трансформации и культурное посредничество. Однако следует иметь в виду, что современное социально-гуманитарное познание должно опираться на принципы взаимодополнительности, так как обращение к классической науке предполагает обращение именно к классическим вариантам эвристических и регулятивных проблем, представляющим интерес для современной постнеклассической науки. При классическом реалистическом подходе упорядоченное структурирование социального пространства полагается на некоторую целостность действительности и в конечном счете обнаруживает ту связанность, которая налагается не только на общество в целом, но и на его отдельные социальные структуры. Постнеклассическая рациональность перемещает свой акцент на те, может быть, не всегда в реальном виде обозначенные моменты, которые в итоге определяют характеристики человека по отношению к некоторым наиболее важным окружающим факторам; то есть при такой постановке вопроса речь идет прежде всего об институциональных моментах; в данном случае особое значение приобретают познавательные, экономические и политические структуры[1].

[1] *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-17; Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003. 160 с.

Бережная Н.В.,
докт. филос. наук, проф.
ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАДИКАЛИЗМА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЭВОЛЫ

Теория элитаризма, предложенная итальянским мыслителем-традиционалистом Юлиусом Эволой, становится все более привлекательной в свете сложных и неоднозначных геополитических процессов начала XXI века (кризис идеи мультикультурализма, новой миграционной волны, острых мировых военных конфликтов и т.п.). Призывы Ю. Эволы к новой радикальной переоценке ценностей, которые могут привести к эскалации идей расовой и национальной исключительности, следует также подвергнуть серьезной философской критике.

Современные тенденции к развитию неонационалистических и, откровенно фашистских, идеологических устремлений заставляют все научное философское сообщество обратиться к критике идей революционного радикализма, либерального толкования элитаризма и нигилизма[1].

Сама реакционность рассматривается Эволой в положительном контексте как антагонизм коммунистической революции[2]. Реакция – это не анархия, не беззаконие, бесчестие или позор[3]. Эвола оправдывая реакционизм, формулирует апологетику национализма и призывает к активным действиям, утверждая, что на националистическую болезнь следует реагировать заранее, купируя очаги этой болезни, прижигая язвы, тогда можно было бы говорить о возможности избежать общеевропейские и мировые бедствия[4].

Само понятие реакции Эвола связывает с идеей консервативной революции как возврату к отправной точке как обновляющей силы[5]. Эвола делит консерваторов на истинных и ложных[6]. Истинные консерваторы, по мнению автора, должны отстаивать высшие образцы нравственности, права, традиций, общеисторических идей и принципов[7].

---

[1] *Юдин К.А.* Традиционализм барона Юлиуса Эволы: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7. С. 113-128.
[2] *Эвола Ю.* Традиция и раса. – Новгород: Толерантность, 2007. С. 25-26.
[3] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 6.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 7.
[6] *Эвола Ю.* Фашизм: критика справа. – М.: Реванш, 2005. С. 61.
[7] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ: АСТ Москва:Хранитель, 2007. С. 8.

В отличие от марксистки теории классовой борьбы и классовой идеологии, Эвола отрицает любую привязку консервативной идеологии к какому-либо классу (в частности к буржуазии как экономическому классу). Необходима некая общая концепция сохранения современной цивилизации, которая будет опираться на высшие ценности и интересы[1].

Новая консервативная идеология, предлагает Эвола, должна основываться на надклассовой системе ценностей, «высших ценностях». Согласно концепции революционного консерватизма, ложный консерватизм преследует и ложные цели, опираясь на поддержку экономических классов[2].

Проблему бесплодности ложного консерватизма следует решать, считает Эвола, незамедлительно. Как К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о том, что классовые отношения изжили себя, также и Эвола отмечает, что частные формы продления жизни исчерпали свою жизнеспособность и отжили свой век[3].

Таким образом, Эвола создает концепцию революционного консерватизма. «Для истинного революционного консерватора вопрос состоит в сохранении верности принципам, а не тем учреждениям и институтам прошлого, которые являются лишь частными формами выражения этих принципов, пригодными в конкретное время для конкретной страны»[4].

Индикационно показательным в этом контекстуальном пространстве является концепция известного итальянского мыслителя-традиционисте Юлиуса Эволы. Теория, которую выстраивает Эвола в рамках концепции революционного консерватизма, зиждется на системе так называемых «высших ценностей».

Система ценностей характеризуется им как обладающая «вечной актуальностью». Он провозглашает «высшие принципы», которые позволят обеспечить в революционный период сохранение преемственности фундаментальных оснований релятивных социально-исторических и культурно-экономических факторов.

Эвола говорит не только о переоценке ценностей, как это делает, к примеру, Ф. Ницше, но и об уничтожении всех существующих ныне социальных структур и институтов, т.к. социальные структуры и в современных контекстах требует особого к себе внимания и мер по их

---

[1] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Там же. С. 8-9.
[2] *Юлиус Эвола, Рене Генон, Фритьоф Шуон.* Касты и расы. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. – 168 с.
[3] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Там же. С. 9.
[4] Там же.

сохранению и развитию[1]. На самом деле, идея высших ценностей является главной в работах Ф. Ницше, который также не конструирует всю систему ценностей на классовых или национальных различиях.

Все ценности в своей основе имеют у Ницше «Wille zur Macht», то есть волю к власти как воплощенную волю в жизни. «Огромные силы освобождаются от оков: но они находятся в противоречии друг к другу; раскованные силы взаимно уничтожают себя.

В демократическом строе общества, где всякий – специалист, нет места для “зачем?”, “для кого?”. Нет сословия, в существовании которого многообразные формы страдания и гибели всех отдельных находили бы свой смысл»[2]. Радикальная переоценка ценностей в трактовке Эволы, возможна только того, что действительно исторически недейственно, отжило свой век.

Бессмысленно в кризисную эпоху судорожно искать новые идеи, которые легко могут привести к авантюрам и еще большим проблемам. «В этом суть подлинного консерватизма, где охранительный и традиционный дух сливаются воедино»[3].

Таким образом, сущность революционного консерватизма тесно связана с проблемой переоценки ценностей, создания системы «высших ценностей». При этом для высших ценностей, к которым следует отнести принципы истинного Государства, imperium (imperium – лат. империя, правительство)[4] и auctoritas (auctoritas – лат. власти)[5], иерархии, справедливости; функциональных классов и категорий ценностей; политического уровня как порядка, превосходящего общественно-экономический уровень, и т.п., не существует перемен, становления и развития. Вечные ценности имеют нормативный, а не исторический характер.

---

[1] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ: АСТ Москва:Хранитель, 2007. С. 7.

[2] *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: «REFL-book», 1994. С. 25.

[3] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ:АСТ Москва:Хранитель, 2007. С. 9.

[4] *Хансен Х.Т.* Политические устремления Юлиуса Эволы. – Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010. – 176 с.

[5] *Mark Sedgwick.* Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. — New York: Oxford University Press, 2004.

Мозговая Т.И.,
канд. филос. наук, доц.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ТЕОРИЯ ЭЛИТАРИЗМА И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЭВОЛЫ

В основной философской концепции Эвола выстраивает радикально критический метод, манифестируя крайне правую социально-политическую позицию[1]. Он объявляет себя не революционером, а реакционером, так как термин «революция», считает он, идеологически привязывается к коммунизму[2]. Итальянский традиционалист формулирует основную проблему – поиск человека, способного отграничиться от идеологии либерализма, демократии, коммунизма, то есть от любых тенденций социального гуманизма[3]. Какова главная политическая цель? Таковой является создание непримиримой реакционной оппозиции: «Чёткое деление на друзей и противников… Будущее принадлежит тому, кто имеет мужество занять радикальную позицию – позицию “абсолютных отрицаний” и “высших утверждений”»[4].

Элитаризм Эвола рассматривает в отношении с бонапартизмом и макиавеллизмом. При этом он подробно ссылается на идеи немецкого мыслителя Роберта Михельса. Михельс в своей работе «Политические партий. Социологический анализ олигархии. Тенденции современной демократии»[5] отмечает, что «Democracy leads to oligarchy, and necessarily contains an oligarchical nucleus»[6]. В первую очередь Михельс говорит о партийной олигархии, ее неизбежности «в жизни партии, в связи с ростом этой олигархии на пути демократии возникают проблемы, которые наглядно проявляются в политической жизни всех ведущих воюющих наций»[7].

Анализируя в пятой главе своей работы «Люди и руины» элитаризм, Эвола показывает его неразрывную связь с бонапартизмом,

---

[1] *Юдин К.А.* Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эволы и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1(17). С. 52-62.
[2] *Эвола Ю.* Традиция и Европа. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. С. 8.
[3] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 5.
[4] Там же. С. 6.
[5] *Michels Robert.* Political Parties. A Sociological Stady of the Oligarchical. Tendencies of Modern Democracy / Batoche Books, Ontario. Canada. 2001. P. 6.
[6] Там же.
[7] Там же.

и макиавеллизмом, причем все эти формы, считает он, проявляются и в современных политических условиях[1].

Попытки толкования элитаризма всё чаще приводят к тому, что мы признаем некую исключительность политического лидера, его гениальные и высшие личностные качества. Однако эта позиция не принимается Эволой, который считает, что мы «не способны признать их (лидерские политические качества) за тем, кто выражает собой традицию и особую «духовную расу» и чьё величие, в отличие от первого, зиждется на принципе, идее, на высшей безличности»[2].

Таким образом, и бонапартизм, и макиавеллизм, и элитаризм – все они останавливаются на уровне индивидуализма, не могут поднять до уровня «высшей безличности», за которую ратует Эвола. Для него элитаризм основывается, прежде всего, на общечеловеческих ценностях, а не на личных интересах и гениальности конкретного правителя.

Островский С.В.,
канд. филос. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

ХОРОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хорология – сжатый во времени рыночной глобализации, характеризуется ростом гетерогенности социального пространства.

Схематично необходимость усиления гетерогенности субъектов рыночной цивилизации можно представить следующим образом:

Хорологическое расширение
рыночной цивилизации
по закону неравномерности
↓
Рост гетерогенность
социально-экономического пространства
↓
Гетерогенность субъектности
в эпоху глобализации

Известно, что хорологическому распространению капиталистических отношений свойственна неравномерность, которая проявляется

[1] *Котов С.В.* Творчество Юлиуса Эволы и актуальные концепты фашизма // Северо-Восточный научный журнал. 2007. № 1. С. 17-19.

[2] *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. Пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. – М.: АСТ:АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 72.

постоянно, однако в разных формах. Неравномерность, с нашей точки зрения, следует понимать как диалектику революционирующих и консервирующих тенденций капитала как специфического способа производства. На это обстоятельство обратил внимание К. Маркс, анализируя капитализм XVIII-XIX вв.

Полагаем, диалектику революционизирующих и консервирующих тенденций рынка К. Маркс анализирует в терминах «цивилизующих тенденций», «цивилизующих влияний» капитала. Действительно, говоря о цивилизующем влиянии капитала как тенденции капитала преодолеть «национальную ограниченность и национальные предрассудки…, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни», К. Маркс в то же время подчеркивает, – «Однако из того, что всякую подобную границу капитал рассматривает как ограничение и поэтому идеально выходит за ее пределы, вовсе не следует, что капитал преодолел ее реально»[1].

Реальное преодоление традиционного воспроизводства социальности – это развитие производственных сил как «многообразия производства» и соответствующего расширения потребностей. Что означает лишь идеальное преодоление традиционных ограничений? Идет ли речь о мысленном, воображаемом преодолении, о преодолении «в представлении»? Нет, также как и превращение истории во всемирную историю – это есть «совершенно материальное, эмпирическое устанавливаемое дело» (Маркс).

Суть подобного преодоления связана с утверждением специфически капиталистической формы общения между народами, то есть формы мирового рынка. С образованием этой формы «всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото»[2]. Преимущества производства, основанного на стоимости, состоит в том, что последняя не исключает никакой потребительской стоимости из своего движения, для нее нет ничего такого, что выступало бы как более высокое, «как правомерное само по себе»[3].

Однако лишь идеальное преодоление традиционной ограниченности и «национальных предрассудков» (в том числе и «советских», «социалистических») вовсе не означает переворот в способе производства. «Когда промышленная нация, производящая на основе капитала… производит обмен с китайцами и поглощает стоимость в денежной или

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1861 гг. Ч. 1. М., 1980. С. 391.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 292.
[3] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. Ч. 1. М., 1980. С. 391.

товарной форме их процесса, … когда оно втягивает их в сферу обращения своего капитала, то сразу видно, что для этого и в результате этого самим китайцам не нужно производить в качестве капиталистов»[1] (подчеркнуто автором), и поскольку капитал обладает способностью идеально преодолевать локальную, традиционную ограниченность, поскольку возможно господство в отраслях реального сектора экономики предшествующих капиталу способов производства.

Пространственное развертывание буржуазной формации, осуществляемое по законам «идеального преодоления», приводит к тому, что процесс втягивания докапиталистических форм производства в товарное обращение опережает (масштабами и сроками) переход к товарному производству. Это опережение образует специфическую черту капиталистического развития «догоняющих» эшелонов буржуазной формации. Для России XIX в., например, как это было показано Гефтером М.Я., было специфично то, что в образовавшейся «зазор» между товарным производством и товарным обращением вклинивалась, опосредуя и в то же время расширяя его, латифундия. Сложившись, система «латифундия-надел» своим существованием создавала порочный круг, выйти из которого к «свободному» капитализму чисто эволюционным путем оказалось невозможным и в начале XX века[2]. Одной из самых глубоких закономерностей пореформенной эпохи в России является, как отмечает М.Я. Гефтер, то, что: «… Проскакивание через этап «свободного» капитализма, ускорив внедрение и рост верхушек капитализма, тем самым – не рядом, не параллельно – удерживало, более того, интенсифицировало… крепостничество. Именно поэтому конфликт буржуазного развития с крепостничеством превращался в конфликт внутри первого, в столкновении разных вариантов самого капитализма»[3].

Аналогичное консервирование докапиталистических и рождение квазикапиталистических экономических отношений зафиксировано в отношении так называемых «развивающихся стран» в XX в.[4] Было убедительно показано: капитал делает даже натуральную замкнутость формой, опосредующей свой собственный жизненный цикл. Он воспроизводит традиционность в качестве своего условия. Но тогда и традиционная натуральная замкнутость теряет самодовлеющий характер,

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. Ч. 1. М., 1980.
[2] *Гефтер М.Я.* Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск. 1972. С. 87.
[3] *Гефтер М.Я.* Указ. соч. С. 93.
[4] См. работы Широкова Г.К., Симонян Н.А., Андреева И.А. и др.

так как она становится моментом опосредования капиталистического отношения. В таком качестве традиционность становится функциональным элементом системы рыночных отношений.

В поле глобализации происходит инверсия в развитии производительных сил капиталистической периферии. Напомним, что методологически конкретное, дифференцированное понимание общественных производственных сил различает: материально-технические; социальные; идеальные производительные силы. Экономика, согласно этому пониманию, представляет собой хотя и решающую в конечном счете, но все же особую сферу целостного совокупного общественного процесса. Далеко не все факторы и условия, необходимые для функционирования общественного производства, воспроизводятся в его собственных пределах. «Увеличение производительной силы, основанное на разделении и комбинировании труда», т.е. «социальные производственные силы труда»[1] развиваются не только в процессе самого производства, но и вне его, как результат процессов внеэкономического перераспределения собственности на факторы труда и соответствующего перераспределения экономических функций «за спиной» производственного процесса (войны, революции, радикальные реформы, концентрация и распыление собственности, наследования и т.п.). Анализ социального процесса адекватен лишь тогда, когда в нем органически увязаны такие противоположности как закон и случай, объективная тенденция и волевой акт (озарение или глупость).

Социальный и духовный элементы производительных сил формируются в пределах всего общественного процесса и, претерпевая изменения вне труда, вступают в его акт уже не в том виде, в каком они вышли из его предшествующего акта. В той степени, в которой анализ собственно экономических проблем (в нашем случае «реального сектора экономики») имеет дело с такого рода факторами и условиями труда и их воспроизводством в рамках всего общественного целого, он, если претендует на адекватность, *перестает быть* исследованием только экономических сфер и *превращается в анализ всего общества в целом*. Исследованию подлежит прежде всего «общество в целом, что само является всеобщим условием производительной деятельности индивида»[2].

Диалектика причинно-следственных связей фундаментальных элементов общественных производительных сил, выявленная еще в XIX в. применительно к индустриальному состоянию общественного

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 269.
[2] Там же. С. 17.

производства в полной мере реализована в постиндустриальную эпоху. Так, продолжая определять в глобальной размерности социальные производительные, возникающие в результате разделения и комбинирования труда, материальные производительные силы в отдельных, включенных в мировую систему хозяйства национальных отраслевых комплексах, напротив, сами развиваются под влиянием социальных факторов труда. То есть сначала изменяется международное разделение и комбинирование труда и место в нем национальной экономики, и только потом под влиянием этого сдвига формируются соответствующие этим новым условиям отрасли и в них отвечающие их природе материальные элементы производительных сил[1].

Эта инверсия, обратная зависимость между развитием материальных и социальных факторов труда, образует основное противоречие развития производительных сил стран периферии капиталистического мира – *противоречие* между *отсталой* (по меркам «ядра» системы) *внутренней структурой и более развитыми внешними функциями* в мировой рыночной цивилизации.

Поэтому интенсивное, инновационное развитие материальных производительных сил «центра» капиталистической системы вовсе не предполагает в качестве своего условия такого же развития материальных производительных сил «периферии». Необходимыми и достаточными условиями для капитала всегда являлся только контроль за трудовыми и сырьевыми ресурсами «кооптированных» в «семью цивилизованных стран» членов – «младокапиталистических стран». Так индустриальные производительные силы вплоть до распада колониальной системы были строго локализованы.

Хорологическое развитие капиталистической системы предполагает таким образом формирование специфических иноукладных органов капитала, образующихся из взаимосвязей мирового рынка. Поскольку «зазор» между функциями и отсталой структурой (обычно это «расщепленная» многоукладность) требует опосредования, постольку речь идет об образовании специфических форм производственных отношений, которые возникают из потребностей капитала и уже в качестве продукта капитала им же самим и воспроизводятся. Иноукладные формы капитала, видимо, можно идентифицировать как «*вторичные и третичные*, вообще *производные, перенесенные*, непервичные произ-

[1] Феноменология явления всесторонне изучена применительно к так называемым развивающимся младокапиталистическим странам (третий эшелон капиталистической формации). Применительно к модернизирующейся России господствуют преимущественно не концептуальные, а эмоциональные оценки.

водственные отношения» (Маркс)[1]. В этой социально-экономической форме развитие идет по законам капитализма, но *структура субъекта развития не становится* капиталистической. Речь идет о *регрессии капитала*, сопровождающейся разложением традиционных (в том числе «советских») социально-экономических форм в младокапиталистических странах.

Вопрос о том, можно ли разложение оценивать однозначно как признак, черту капиталистического преобразования субъекта[2] как его пресловутое «переходное» состояние теоретически можно снять. Однозначно лишь разложение. Практически снять вопрос труднее, поскольку зазор между функциями и структурой заполняют интересы посредников – социально-экономических субъектов опосредования, торгово-банковского, посреднического капитала, который в постсоветский период обрел самодовлеющее значение.

Регрессия капитала до состояния его иноукладной формы, воспроизводящей традиционные (по отношению к капиталу) социально-экономические формы на новой рыночной основе позволяет понять недостаток капиталистического развития, фрагментарность модернизации как собственный продукт капиталистической формации, обусловленный противоречиями ее хорологического существования. Так, единственным однозначным, бесспорным результатом фрагментарной модернизации стало воспроизводство хорологической асимметрии «центр – периферия» внутри социально-экономического пространства России. Самый передовой торговый, банковский капитал Москвы и других центров – самая «дикая», отсталая периферия, воспроизводящая на рыночной основе даже рабство.

Явление регрессии капитала, таким образом, позволяет понять «недостатки» социально-экономического субъекта-субстрата не только как результат сопротивления косной традиционности цивилизирующей миссии капитала, требующей «переходного периода» для своего преодоления, а как законченное состояние иноукладной формы капитала, реализующей его функции в тех или иных специфических, локальных, эмпирически многообразных условиях. Поэтому, адекватное обсуждение (не говоря уже о менеджменте модернизации) проблем социальной трансформации предполагает не только выбор методологической макросхемы, но и микроанализ того, что происходит в каждом из особенных регионов страны.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 173.

[2] Эффективно, рационально, логистически организованный вывоз металлолома, но … не таков его сбор.

Действительно, какую именно иноукладную форму положит капитал для реализации своей функции, в какое именно «вторичное» псевдотрадиционное отношение регрессирует капитал «центра» зависит как от уровня развития самого капитала «центра» (условного в данном случае), так и от множества локальных эмпирических условий. Но в любом случае будет иметь место «капиталистическая эксплуатация без капиталистического способа производства» (Маркс), реализация функций капитала без образования адекватного социального субстрата: (в лучшем случае это простое воспроизводство традиционного на новой основе, а в худшем – разложение субстрата).

В методологическом режиме формационной концепции было зафиксировано, что воспроизводственный процесс младокапиталистических обществ не является целостным.

Здесь, как правило, существует так называемая «расщепленная» многоукладность: отдельные фазы воспроизводственного цикла (производство, распределение, обмен, потребление) традиционного (по отношению к собственно капиталу) социально-экономического уклада соединены не с последующей фазой воспроизводственного процесса данного же цикла, а функционально подчинены соответствующей фазе воспроизводства исторически более позднего, доминирующего в глобальной экономической системе уклада, и тем самым изымаются из единого потока воспроизводства традиционного (докапиталистического или некапиталистического) уклада. Возникает особый тип многоукладной структуры, при которой доминирующий уклад – капитал – нарушает органическое единство фаз воспроизводственного процесса подчиненных укладов, втягивая ту или иную из них, но *не в фазу производства*, в свое движение и тем самым утверждая свою власть над всей системой хозяйства. Происходит унификация обмена и потребления, но растет гетерогенность распределения и производства.

Так в системе транснациональной корпорации (ТНК) могут воспроизводиться на новой основе любые социально-экономические формы, например, рассеянная мануфактура в сельском хозяйстве модернизирующейся страны.

Укоренение ТНК в аграрной сфере *отчуждает* у непосредственного производителя *всю сферу его рыночных связей* и формирует принципиально новые технологические условия его производительной деятельности (например, путем предоставления кредитов для приобретения современных средств производства). И этим новый мануфактурный тип организации в аграрной сфере отличается от традиционного, опирающегося на доиндустриальные производительные силы. Но сходство

состоит в том, что за производителем закрепляется функция физического труда, а средства производства, которыми он располагает, принадлежат ему лишь номинально.

Новая, модернизированная система производства начинает функционировать как сырьевое звено, организованное по принципу рассеянной мануфактуры, единого производственного комплекса, интегрированного не в национальное хозяйство, а в систему межстрановых хозяйственных связей, подчиненную капиталу ТНК.

Характерной чертой такой мануфактуры является то, что ТНК свободно идут на массовое разорение своих «младших партнеров», с которыми они связаны «контрактными» отношениями, сразу как только меняются условия производства и присвоения прибавочной стоимости (типичная форма – «контроль за качеством»). Так проявляется одна из форм «регрессии капитала»: не модернизировать производство в его целостности, предполагающей наемный труд, а эксплуатировать традиционного производителя, превращаемого в частичного работника мануфактуры при номинальном подчинении ему некоторых средств труда.

Идеальное преодоление традиционного посредством механизма расщепленной многоукладности делает капиталистическую мировую систему гибкой, и значит, устойчивой, т.к. она жестко не связана с адекватным субъектом-субстанцией, т.е. она может функционировать без органичной для капитала социально-политической и культурной среды. В глобальный формат существования «центр – периферия» встраиваются социальные структуры, в которых нет основ капитализма, любые общества адаптируемы к капиталистической экономике.

Неудивительно, что так называемая догоняющая модель развития нигде не сформировала капитализма западного образца, который с научной точки зрения представляется утопией нормативной методологии, результатом формально-абстрактно понятой неравномерности социального развития (темп локального развития) в формате парадигмы линейно-поступательного развития общества[1].

Капитализм успешно сочетает функции мировой системы с исторически конкретным локальным западноевропейским и североатлантическим ядром существования[2].

---

[1] См. подр.: *Островский С.В.* Методологические проблемы формационного анализа развивающихся стран капиталистической ориентации / Автореф. канд. дисс. Ростов н/Д., 1987.

[2] См. подробнее: *Фурсов А.С.* Колокола истории. Ч. I. М., 1996. С. 27.

II
СЕКТОРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Саямов Ю.Н.,
проф., зав. каф. ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель проекта «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму» (15-07-00001а) (г. Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СУВЕРЕНИТЕТ И МЕНЯЮЩАЯСЯ КОНФИГУРАЦИЯ МИРА

Вслед за известным французским учёным Гастоном Шарлем Масперо принято считать, что конец изолированного существования народов и начало их общей глобальной истории наступили примерно 36 веков тому назад, когда египетский фараон XVIII династии Тутмос I предпринял завоевательный поход в Сирию и достиг Месопотамии[1]. Тем самым впервые был переброшен мост между двумя великими цивилизациями древности и открыт отсчет истории международных отношений.

Исходя из того, что определение понятия международных отношений должно, как представляется, включать указание на принадлежность их участников к разным государствам или международным организациям, что, собственно, и образует международный характер их отношений, может быть предложена следующая формулировка: «Международные отношения – это многообразные факторы, события, процессы, нормы и потоки, принадлежащие разным государствам или международным организациям, пересекающие национально-государственные границы или вступающие во взаимодействие на отдельно взятой территории».

Эволюция международных отношений с древности до наших дней обнаруживает, что основным способом их осуществления до недавних времён служили почти исключительно войны и завоевательные

[1] Гастон Шарль Масперо (1846–1916) – французский учёный, исследователь древних цивилизаций. См.: *Масперо Г.* Древняя история. Египет, Ассирия. 3-е изд. пер. с фр. М., 1905; Масперо Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Пер. с фр. Т.1, М., 1916.

походы. За примерно 36 веков существования международных отношений лишь 294 года, т.е. немногим более 5% всего времени, были годами без больших войн. За это время в войнах и конфликтах погибло в общей сложности не менее 3,5 млрд человек[1].

История формирования международных отношений берёт своё начало с первых цивилизаций древности, которые были цивилизациями речными, образовавшимися на плодородных долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Ганга, Янцзы. За периодом речных последовал период морских цивилизаций, который охватывает 25 столетий – с финикийской колонизации Средиземного моря и основания Карфагена до Великих географических открытий. Начавшийся вместе с Новым временем и Великими географическими открытиями период океанических цивилизаций охватывал уже весь земной шар. Построение, в котором всемирная история подразделяется на три больших периода речных, морских и океанических цивилизаций, предложил выдающийся русский учёный-географ Лев Ильич Мечников, считающийся отцом русской геополитики[2], в книге «Цивилизация и великие исторические реки», вышедшей в Париже в 1889 г., спустя год после смерти автора[3].

Формирование первой геополитической системы международных отношений, которой стал Вестфальский порядок, происходило в мире, в котором средневековые территориальные споры и военные конфликты заменялись более масштабными противоречиями в процессе образования новых государств, стремившихся к суверенности. Вестфальский мир (1648), заключённый по итогам кровавой Тридцатилетней войны, утвердил принципы суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела других государств как основу для построения международных отношений в послевоенной Европе, а затем и в глобальном масштабе.

Принципы Вестфаля, претерпев со временем некоторые изменения, продолжают и сегодня определять суверенитет государства как основу, на которой строятся международные отношения, что зафиксировано в Уставе ООН.

После Великой французской революции 1789 г. начинается растянувшийся почти на четверть века период перекройки международных отношений в ходе войн Наполеона и насильственной унификации Европы под его началом. Эта попытка, как известно, потерпела крах.

---

[1] См.: *Лобер В.Л.* Международные отношения: понятие, структура, историческая логика развития. www.XServer.ru On-Line библиотека http://www/xserver.ru/user/mopsi/. 06.11.2017

[2] См.: *Евдокимов В.И.* Отец русской геополитики // НГ-наука. 2013. № 8. С. 12.

[3] См.: *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013.

Изменившиеся политические и международные отношения диктовали необходимость их нового системного урегулирования. Этим занялся Венский конгресс 1815 г., создавший Венскую систему международных отношений, которую также называют системой Европейского концерта, имея в виду достигнутое согласие основных государств-участников, её гарантов. Впервые было сформулировано понятие «великие державы» применительно к России, Австрии и Великобритании, которые вместе с Пруссией создали значимый прецедент, взяв в «клуб победителей» побеждённую Францию в целях достижения единства и стабильности основных государств Европы. Венская система, в рамках которой утвердилась многосторонняя дипломатия, стала почти на 40 лет – до начала Крымской войны – прообразом системы коллективной безопасности в Европе[1].

Совершенно иной характер имела пришедшая ей на смену после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Победители в этот раз не только не пригласили в свой клуб побеждённую Германию, но и постарались создать для неё и других проигравших стран и новых государственных образований дискриминационные условия. Россия, ставшая советской в результате произошедшего изменения социального строя, вообще выбыла из послевоенного урегулирования, а новая система международных отношений с самого начала приобрела антироссийскую направленность.

Вышедшие на мировую арену Соединённые Штаты Америки, которые за время войны превратились из должника Европы в её основного кредитора, закрепили вместе с Великобританией и Францией своё лидерство в новой системе. Мир перестаёт быть европоцентристским, превращаясь в глобальную систему. Его новой чертой в это время становится попытка создания универсальной организации. Однако образованная по Версальскому договору Лига Наций не отвечала этой задаче, будучи политически пристрастной и по существу подконтрольной Франции и Великобритании структурой. Исключение из урегулирования России и Германии – базовых игроков на европейской и мировой сцене, а также дискриминационное отношение основных держав к новым образованиям, проигравшим в войне странам и другим государствам «второго сорта» сделало Версальско-Вашингтонскую систему изначально несбалансированной и нестабильной, что не сокращало,

[1] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: Учебное пособие / *П.А. Цыганков, Г.А. Дробот, М.М. Лебедева и др.* / Под ред. П.А. Цыганкова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2009.

а, напротив, увеличивало возможность следующего мирового конфликта.

Он не заставил себя долго ждать, разразившись в 1939 г. Начало Второй мировой войны обозначило конец Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которая просуществовала всего 17 лет.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, сформированная союзниками по антигитлеровской коалиции, первоначально не мыслилась как биполярная. На волне общей антифашистской борьбы союзники, несмотря на разногласия, были готовы ещё в Ялте и отчасти в Потсдаме вместе создавать послевоенный мир. Эти устремления реализовались путём учреждения подлинно универсальной Организации Объединённых Наций в октябре 1945 г. Однако опасения перед накопленной военной мощью Советского Союза и англосаксонские планы уничтожения глобального соперника посредством появившегося у американцев атомного оружия вскоре подвигли сменившееся руководство США и Великобритании к размежеванию. Между Западом и Востоком опустился «железный занавес» и началась «холодная война», инициированные недавними западными союзниками. Оба термина запустил в оборот Черчилль, который произнес в 1946 г. в Фултоне – на родине нового американского президента Трумэна – речь, ставшую отправной точкой для формирования блокового противостояния в глобальном масштабе.

Возникшая биполярная система международных отношений имела на одном полюсе США со своими союзниками, создавшими в 1949 г. военный блок НАТО, и на другом – СССР, вокруг которого образовывалось сообщество стран народно-демократической и социалистической ориентации. Советский Союз, выступивший в 1960 г. на 15 сессии Генеральной Ассамблеи ООН инициатором принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам и много сделавший для их освобождения, обрёл десятки сторонников из числа новых независимых государств. Конфигурация Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений дополнилась Движением неприсоединения, которое образовали не присоединившиеся к двум блокам государства. Вместе с выходившими на международную арену молодыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки они составляли так называемый Третий мир, в котором две сверхдержавы вели борьбу за влияние.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений на протяжении более 45 лет удерживала мир от новой глобальной кон-

фронтации и, как принято считать, прекратила своё существование в 1991 г. вместе с одним из её полюсов – Советским Союзом. Однако постбиполярный мир отнюдь не стал ни более стабильным, ни более безопасным. Напротив, в нём множились политические и военные конфликты, велись активные боевые действия, и напряжённость достигала уровня, сравнимого с самыми опасными кризисными ситуациями в международных отношениях прошлой биполярной эпохи.

Конец эры биполярности означал, наряду с прочим, что кардинально изменившееся положение дел в мире потребует разработки новых внешнеполитических подходов, стратегий и концепций. Это касалось практически всех основных игроков на мировой арене, если не всех государств вообще, формирующих собственную внешнюю политику.

США имели разработанную и представленную в августе 1991 г. Стратегию национальной безопасности (СНБ-91), которая через несколько месяцев оказалась устаревшей, поскольку не предусматривала распад СССР. Администрация президента Джорджа Буша-старшего поспешила воспользоваться ситуацией, чтобы закрепить преимущественные позиции для своей страны и использовать появившиеся благоприятные условия для формирования нового мирового порядка, о котором президент США говорил, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 12 сентября 1990 г. В новых условиях главной задачей США стало предотвращение появления на мировой арене противника, сопоставимого с Советским Союзом.

В ноябре 1992 г. новым президентом США был избран демократ Уильям (Билл) Клинтон. При его администрации была сформирована и провозглашена «концепция расширения демократии», которая предусматривала укрепление «трансатлантического ядра» посредством развития партнёрских отношений со странами Европейского сообщества, включение бывших социалистических стран, кроме России, в сферу трансатлантического влияния, проведение «гуманитарных акций» по урегулированию конфликтных ситуаций в мире. Эта концепция, получившая название «доктрины Лейка» (по имени помощника президента США по национальной безопасности), закрепляла геополитические итоги распада СССР и американское лидерство в мире, одновременно обеспечивая стратегические приоритеты США в плане расширения использования американской силы в международных отношениях и сохранения американского присутствия в Европе и на других континентах. Говоря о «единстве демократического мира», Клинтон имел в виду достижение консенсуса с другими странами на американских условиях и их вовлечение в реализацию интересов США в роли младших партнё-

ров. Эта внешнеполитическая линия администрации Клинтона получила название «навязанного консенсуса».

На Россию было развёрнуто массированное наступление Запада в вопросе о расширении НАТО на Восток. Противодействуя этому намерению, президент Б.Н. Ельцин потребовал на саммите «семёрки» в Неаполе 8–10 июля 1994 г. соблюдения устных обязательств лидеров стран НАТО о нераспространении НАТО на Восток, которые были даны М.С. Горбачёву на переговорах об объединении Германии летом 1990 г. Не отрицая факта этих обязательств, администрация Клинтона отказалась их выполнять под предлогом того, что они были даны президенту СССР, а не президенту России, назвав при этом требования Ельцина нереалистичными. Состояние вооружённых сил и экономики России в это время, к сожалению, не позволяло отстоять свои позиции и не допустить расширения НАТО на Восток. 1 декабря 1994 г. в коммюнике НАТО было заявлено о начале процесса расширения НАТО на Восток. Президент Ельцин, выступая 5 декабря 1994 г. в Будапеште на саммите по безопасности и сотрудничеству в Европе, констатировал, что расширение НАТО на Восток подрывает систему европейской безопасности, нарушая договорённости Парижского саммита 1990 г., и меняет «холодную войну» на «холодный мир». Взамен он предложил совместное создание концентрической системы безопасности с участием НАТО, ЕС, ОБСЕ и СНГ, но не был услышан. Расширение НАТО на Восток уже было для Запада решённым делом, и остановить его Россия возможности не имела. Стремясь во что бы то ни стало добиться для себя односторонних преимуществ, Запад невольно заставил Россию задуматься о цене и истинном смысле «западной дружбы», в объятия которой она так неосмотрительно бросилась, наивно поверив «другу Биллу» и иным «друзьям», искавшим в этой «дружбе» только собственные интересы и выгоду.

Подписавший 30 мая 1995 г. на саммите НАТО в голландском Нордвейке соглашение о присоединении нашей страны к программе НАТО «Партнёрство ради мира» (ПРМ) министр иностранных дел России А.В. Козырев 5 января 1996 г. был отправлен в отставку. Период безоглядного следования России в фарватере вашингтонской внешней политики завершился. Назначенный вместо него академик Е.М. Примаков вступил в решительную борьбу против расширения НАТО на Восток и, не имея возможности остановить этот процесс, добился его определённого ограничения на российских условиях. Формируя независимую внешнюю политику России, Примаков последовательно выступал против диктата Вашингтона и американской «свободы рук»

во внешней политике. Новая концепция независимой внешней политики России, ориентированной на национальные интересы страны, получила название «разворота Примакова», после того как в 1999 г., направляясь с визитом в США, он распорядился развернуть самолет над Атлантикой в обратную сторону, когда узнал, что США начали бомбить Югославию.

Становление и применение американской «концепции нового интервенционизма» произошло под эгидой президента Клинтона, который в ноябре 1996 г. был избран на второй срок. Эта концепция предполагала, что наряду с операциями по поддержанию мира (peace-keeping operations) могут осуществляться также операции по принуждению к миру (peace-enforcement operations). В стратегию национальной безопасности США было включено положение о «новом интервенционизме» (new interventionism), подразумевавшее право США и их союзников на вмешательство во внутренние дела других стран в гуманитарных целях. Появился термин «несостоявшиеся государства» (failed states), под которыми понимались страны, не способные обеспечивать мир и порядок на собственной территории. Вмешательство в их дела администрация Клинтона считала целесообразным проводить в контексте деятельности ООН, но допускала и самостоятельные акции в обход ООН с участием НАТО.

Действия администрации Клинтона ввели посредством создания ряда прецедентов «новый интервенционизм» в практику международных отношений. Применение концепции «нового интервенционизма» в отношении Югославии без мандата ООН, но с участием НАТО и с применением массированных бомбардировок, повлекших жертвы среди мирного населения, не имело достаточного обоснования, и было расценено в мировом сообществе как международный разбой и произвол распоясавшегося гегемона. Такое развитие событий ещё недавно было бы невозможным в условиях сдерживающей силы биполярности. События в Югославии и вокруг неё усилили атмосферу нестабильности в Европе и опасения государств в отношении собственной безопасности.

Военные действия в Югославии завершились расчленением недавно ещё единого и процветавшего государства. Нападение США и НАТО на балканскую страну ознаменовало новый этап в международных отношениях, на котором стало реальностью военное вмешательство Запада во внутренние дела независимого государства за пределами своих границ и зоны ответственности без санкции Совета Безопасности ООН. Это означало прямое и грубое нарушение международного права.

Вместо принципа нерушимости национального суверенитета инициаторы агрессии пытались утвердить принцип избирательной легитимности, подразумевавший, что в отношении отдельных государств может допускаться принудительное ограничение их суверенитета силой.

Принцип избирательной легитимности, неоднократно применённый впоследствии США и их союзниками в отношении таких независимых и вполне состоявшихся, богатых государств, как Ирак, Ливия и Сирия, создал опасную практику, угрожающую любому государству, которое не сможет себя защитить причинением агрессорам неприемлемого ответного ущерба. Выбор стран, подвергшихся агрессии, лежит на поверхности. Югославия мешала Западу как мощная сила на Балканах, занимавшая к тому же третье место в мировой торговле оружием и военным снаряжением. Ирак, Ливия и Сирия располагали огромными запасами нефти, к которым Запад получил доступ в результате агрессии. Не следует, поэтому, удивляться ускоренному перевооружению России и сетовать на тяжесть расходов на оборону, которые могли бы быть направлены на другие цели. Это сегодня – цена выживания независимого государства, располагающего огромными природными богатствами, на которые открыто зарятся хищники, желающие ими обладать[1].

Поворот России в сторону проведения независимой, ориентированной на национальные интересы внешней политики вызвал за океаном обеспокоенность и сопротивление. В течение примерно десяти лет после краха биполярности США удавалось удерживать мир в формате своего однополярного доминирования, пользуясь отсутствием противовеса, способного уравновесить их влияние. США отдавали себе отчёт в том, что американское лидерство в оболочке глобализационного проекта может быть осуществлено только при обеспечении определённых условий для этого. В политическом плане необходимо было добиваться отмены в той или иной форме права вето, которым располагают при принятии решений в Совете Безопасности ООН его постоянные члены. Для реализации этой задачи США предпринимали попытки соответствующего реформирования ООН, которые, однако, несмотря на настойчивость, не увенчались успехом американской дипломатии.

Этой же цели была призвана послужить инициатива занявшего президентское кресло в 2017 г. республиканца Дональда Трампа, предложившего в сентябре нынешнего года в своём выступлении

[1] *Путин В.В.* Выступление на Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации при международных организациях 9 июля 2012 г. // Международная жизнь. 2012. № 7. С. 2.

на Генеральной Ассамблее ООН принимать решения в Совете Безопасности ООН простым большинством голосов.

Другая политическая задача для США заключалась в том, чтобы через прецеденты и давление добиться утверждения в международном праве новой нормы о допустимости принудительной смены неугодных режимов, которые являются или могут быть признаны опасными для мирового сообщества. Эту задачу предполагалось решать в отвечавших внешнеполитическим целям США контекстах посредством информационных манипуляций для создания необходимого общественного мнения. В военном плане ставилась задача добиваться сокращения ядерных потенциалов и обычных вооружений России, а также Китая и других возможных конкурентов до уровня, не представляющего опасности для США. В экономическом плане было необходимо сохранять «Вашингтонский консенсус» как основу для выстраивания национальных экономик на принципах, навязанных США.

Не сумев добиться своих целей, американские политики принялись бездумно сеять в отношениях США и России ядовитые семена вражды и ненависти, которые могли прорасти всходами новой глобальной катастрофы, чреватой гибелью всего человечества. В условиях, когда президент Трамп, поддавшись опасному тренду, пригрозил в сентябре 2017 г. непослушной американской воле Северной Корее ни много, ни мало как полным уничтожением этой страны с её населением, превышающим 25 млн. человек, стало ясно, какой реальной угрозе подвергается мир, откуда она исходит и как необходима мобилизация общих усилий, чтобы преодолеть новые вызовы во имя мирного будущего и совместно работать над достижением целей устойчивого развития вместо перспективы совместно погибнуть в результате безумства ядерных амбиций.

В бесконечных войнах складывалось понимание высшей экзистенциальной ценности для человечества – мира как состояния без войны и сопутствующих ей жертв и разрушений. Мир ipso facto становился терминальным смыслом конфликта. Базовыми ценностями международных отношений стали Вестфальские принципы и остаются в настоящее время[1]. В них берут своё начало ценностные идеи мирного сосуществования, достижения безопасности и сотрудничества государств в целях поддержания мира в Европе и во всем мире. Неконтролируемый распад международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, мог бы иметь своим следствием суверенитет

[1] *Цыганков П.А.* Участники международных отношений // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 230.

только для тех, кто готов и имеет достаточно силы, чтобы преступить нормы международного права и законности.

Борьба за суверенитет, его утверждение в мире, меняющиеся представления о значении суверенности государств – всё это позволяет рассматривать распространение принципа суверенитета в мире как глобальный процесс, который имеет особую ценность и основополагающее значение для формирования международных отношений в различные геополитические эпохи.

Швец Л.Г.,
докт. полит. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

ГЕНДЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Реалии современного мира, втянувшегося в интенсивный процесс глобализации, требует всестороннего анализа его истоков и причин, движущих сил. Тогда более ясно будут обозначены обстоятельства переломной, кризисной ситуации в глобализации на современном этапе и дальнейшие ее перспективы.

По своему исходному импульсу глобализация обусловлена выходом человеческой цивилизации на новый уровень распространения и регуляции экономических и социо-природных процессов. Социально-политический смысл глобализации связан прежде всего с эмансипацией основных крупных социальных макрогрупп: социально-классовых, расовых и этнических, гендерных, демографических и формированием новых отношений и институтов, позволяющих демократизировать их отношения.

Первоначально обозначились эти процессы в социально-классовом формате, а далее вовлекли в свое русло и другие форматы организации и взаимодействия социальных групп. Это вызвало внимание и последующую специализацию, оформление новых научных парадигм. К их числу нужно отнести гендерную парадигму, ярко заявившую о себе в современной социологии, политологии, психологии, философии. Часто говорят, имея в виду парадигмальный контекст этих исследований, о гендерологии, гендерологическом подходе. Имеется в виду не только ракурс анализа, но и, в определенной мере, метод, методология подхода. В этом плане вполне уместно говорить о гендерологической проекции глобализации, что означает не только последствия глобального характера на гендерные отношения, но и обратный

ход – воздействие на глобализацию в гендерном формате, включая и кризисные проявления[1].

Не претендуя на обобщенную картину гендерной проекции глобализации (для чего еще может недоставать серьезных исследовательских материалов), обозначим ряд направлений, в рамках которых это наиболее остро обозначилось.

Если брать общий контекст гендерных изменений, то речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями[2].

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960–1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоциируются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда. В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки потенциального соперничества мужчин и женщин были социально жестко фиксированы. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельностей. В сфере трудовой дея-

[1] См. подробнее: *Тикнер Э.* Мировая политика с гендерных позиций. – М.: Культ. рев., 2006. С. 311-317.

[2] *Кон И.С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб.: Изд-во С-Петерб. унта, 2011. С. 8–31.

тельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть.

Также произошла семейная революция. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху.

Далее, в политических изменениях, происходящих в современном мире, в качестве одной из ведущих характеристик выступает демократизация. В ее рамках не только возрастает удельный вес в принятии решений и политическом влиянии больших социальных групп и интересов большинства, но и репрезентация малых социальных групп, учет интересов различных меньшинств. Имеют место и процессы, в рамках которых происходит перепозиционирование статуса и интересов крупных групп, которые до поры до времени выступали как меньшинства. Наиболее наглядный и значимый процесс связан с повышением социально-политической роли женщин. По-существу данный процесс развернулся только в XX веке и набрал значительный ход к его концу – началу XXI в.

Это обусловлено прежде всего эволюцией самой власти. Не будем ограничивать анализ эволюции власти только политической сферой. Хотя именно в политической сфере уже давно обозначено эволюционное движение, связанное с дифференциацией и взаимным уравновешиванием и взаимным контролем, которое именуется разделением властей или разделением ветвей политической власти.

На этом пути не только выстроены различные модели балансирования и специализации канонических ветвей политической власти, но и вполне четко проявились области взаимного влияния одной ветви власти на другую, поскольку субординационный порядок в таком взаимодействии либо исключен (паритет властей), либо ограничен.

В то же время хотелось бы провести аналогию в другом измерении эволюции власти. Широко известно, что в 30-е гг. XX в. в сфере

развития экономической власти четко обозначилась тенденция разделения на власть – собственность и власть – управление, которая впоследствии получила название «революции менеджеров».

Данная тенденция впоследствии обозначилась и в сфере политической власти, где ориентация на общесоциальные интересы и стандарты в «обществе массового потребления» не только потребовала существенного усиления функций государственного управления, но и впоследствии привела к концепциям и практике «государственного менеджмента».

Такой важнейший компонент политической власти, как управление, вычленился и в какой-то мере обособился из слитного, спаянного с другими компонентами власти состояния.

Аналогичные процессы обозначились применительно к влиянию вообще и политическому влиянию в структуре политической власти, в частности.

В связи со сказанным следует отметить следующее. Анализ эволюции политической власти с точки зрения ее основных компонент показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где вступают в действие более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Наиболее явно данные тенденции проявляются как раз на уровне местного самоуправления и муниципального управления.

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния. И, тем самым, можно активизировать процессы форматирования аутентичных в гендерном отношении форм властных и иных политических отношений (участие, представительство, самореализация).

Партнерство женщин и мужчин в политике является источником более полной и представительной демократии, создания реальных возможностей учета многополюсных интересов в обществе.

Мировой опыт парламентаризма показывает: если в законодательном органе 10 % мест занимают женщины, это облегчает принятие законов в защиту детей. Если 20–30 % мест заняты женщинами, то все программы, отражающие интересы всего женского населения, реализуются намного быстрее и эффективнее. Не случайно ООН во всех документах придерживается строгого принципа – без участия и наделения властными полномочиями женщин не могут быть найдены надежные

решения в обществе, которому угрожают социальные, экономические или иные проблемы.

Следует подчеркнуть, что на уровне крупномасштабных, глобально-гендерных проявлений просматривается не только гендерная асимметрия в смысложизненных стратегиях, но и стремление ее переконструировать.

С одной стороны, значительно большая доля альтруизма и консерватизма, проявляемой в женских смысложизненных стратегиях, с другой – индивидуализма и эгоизма, а также предприимчивости и инновационности – в мужских стратегиях. В принципе такая диспозиция достаточно ясно была обозначена уже в классических гендерологических исследованиях. Но это явно недостаточно для последующей конкретизации. А последующее движение может быть, с одной стороны, заострено на типичные социальные и психологические ситуации, где человеку приходится менять свою жизненную стратегию под давлением прежде всего внешних обстоятельств и конфликтных ситуаций (получение профессии, устройство на работу, смена места жительства, кризисы в семье, потеря работы и источников существования и т.п.), что характерно для сторонников адаптивистского подхода. В отличие от этого сторонники развивающего подхода полагают, что изменение жизненных стратегий связано с точками и трудностями роста и сопутствующих им вызовам, кризисам, конфликтам, что продолжается в течение всей жизни.

Конкретизируя сказанное, следует напомнить, что уже в исследованиях Э. Маккоби и К. Жаклин, касающихся базовых проявлений доминантности (агрессивной, эгоистической, манипулятивной, социальной) было введено понятие контрдоминантности. Под ней понималось нежелание индивида быть управляемым, манипулируемым. Исследовательницы установили, что, к примеру, девочкам свойственно именно такое поведение – они не доминируют над мальчиками, но и не подчиняются им.

«В целом же исследования доминантности выявили удивительное сочетание наличия и отсутствия различий между полами: нет больших различий по доминантности, но нет и сходства, а есть своеобразие полов в проявлении различных форм этой доминантности»[1]. Иными словами, фактически до вступления в стадию взрослости никто никем не помыкает и каждый живет по своим правилам, что позволяет выстраивать относительно аутентичную смысложизненную стратегию прохождения детства и юности. Однако уже на завершающем этапе

[1] *Бендас Т.В.* Гендерная психология. СПб., 2008. С. 224.

этой стадии начинаются существенные тендерные перекосы, встраивание одной тендерной группы в «правила игры» другой: «Кэрол Гиллиган, образовательный психолог из Гарвардского университета, продемонстрировала влияние тендера на социальное поведение... Она сделала крупное открытие (1990): мальчики и девочки прибегают к разным стратегиям в принятии моральных решений. Поэтому, игнорируя тендерное различие, мы приходим к неполной картине человеческого поведения... Она обнаружила отчетливую тенденцию: маленькие девочки вступают в жизнь уверенно и энергично, но их самоуважение улетучивается в подростковом периоде... В результате к 20 годам девочкам приходится бороться за то, чтобы вернуть себе силу личности, которой они располагали десятью годами раньше»[1].

Что касается периода зрелости, то здесь поле смысложизненных стратегий в тендерном аспекте становится наиболее дифференцированным и даже поляризованным, поскольку существенно изменяется поле тендерных ролей в публичной и частной жизни для мужчин и женщин. Скорее всего это связано с существенной асимметрией занятости мужчин и женщин в публичной и частной (семейной) сферах. Женщине, по-существу, приходится перепрыгивать с одного жизненного «эскалатора» на другой, которые к тому же движутся с разными скоростями. Поэтому женские смысложизненные стратегии приобретают явно выраженный бинарный характер. Желание же сосредоточиться по-преимуществу на публичной сфере, профессиональном росте и карьере существенно сказывается на социально-демографических последствиях и воспитании детей.

Мы ранее особо рассмотрели дифференциацию семейно-демографических установок мужчин и женщин и их проявления в ценностно-мотивационной сфере[2], что показало необходимость существенной государственной социальной поддержки российских женщин в их потребности реализовать себя в семейной сфере. Но в то же время не оказаться «замороженными» в реализации других жизненных стратегий. Пока эти процессы развиваются весьма вяло. Есть смысл более четко контролировать эти процессы, используя, к примеру, методику роста человеческого капитала в тендерной проекции.

Применительно к *среднему* зрелому возрасту, который в России склонны обозначать крылатым выражением «баба – ягодка опять»,

[1] *Масионис Дж.* Социология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. С. 177.
[2] *Швец Л.Г.* Смысложизненные поиски в гендерном измерении // Цивилизационная парадигма в философии и смысложизненная рефлексия. Сб. трудов научной конференции с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 108-110.

можно подчеркнуть не только физиологическую, но и духовно-нравственную рекурсию, зачастую даже массовую потребность начать жизнь по новому сценарию: «Женщины, потратившие много лет на семью, находят период среднего зрелого возраста особенно затруднительным. Дети вырастают и уже требуют к себе меньше внимания, а мужей поглощает работа, так что возникают периоды, которые трудно заполнить. У многих разведенных женщин возникают и серьезные финансовые проблемы. По всем этим причинам в годы средней зрелости все больше женщин возвращается к учебе и выбирают себе новую карьеру»[1]. Здесь в самый раз стоит обозначить как проблему для женщин формирование институтов и технологий «третичной социализации», поскольку мужчины в массовом порядке (кроме увольняемых из служб – военной и правоохранительной) с этой проблемой не сталкиваются и в выстраивании смысложизненных стратегий на этой стадии вряд ли нуждаются в такой степени.

Что касается гендерного аспекта стадии преклонного возраста, то для российской современной действительности это по-преимуществу женщины. Как отмечают авторы большого комплексного социального исследования «Гендерные стереотипы в меняющемся обществе»[2], основное время этой группы пенсионного возраста «в основном тратится на инструментальную и материальную поддержку молодых членов семьи как трудоспособных, так и детей»[3].

В то же время занятость в публичной сфере этой когорты невелика: «Свободное время неработающих пожилых людей с сохранным жизненным потенциалом – это в значительной степени невостребованный ресурс нашего общества»[4]. И дело касается не только экономической невостребованности, но и резкого сокращения горизонта личностного развития. Какие уж тут смысложизненные стратегии? Тем не менее, эта ниша также может заполняться, что, несомненно повлечет за собой и рост продолжительности жизни. Ибо желание жить, видение перспектив мобилизует личность. В развитых странах мира уже пытаются решать эту проблему путем организации досуга, туризма, различных форм творческой деятельности и общения. У нас, очевидно, все это еще впереди.

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, во-первых, значимость развития исследований в ракурсе выявления тендерной специфики

[1] *Масионис Дж.* Социология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. С. 191.
[2] Там же. С. 245.
[3] Там же.
[4] Там же.

в проблемах политической власти и демократизации, трансформации семьи, смысложизненных поисков, стратегий, сценариев. Это обогащает наши представления о роли и месте человеческого капитала в глобализирующемся обществе. В то же время дает новые основания и выявляет факторы, позволяющие корректировать развитие этого общества. А, во-вторых, мы можем прояснить и выявить оптимальные траектории развития соответствующих институтов (государство, семья, образование, культура), с помощью которых организуются процессы первичной, вторичной и даже третичной социализации с учетом тендерного контекста.

Сущий С.Я.,
докт. филос. наук,
ИСЭГИ ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону)

МИР XXI ВЕКА: СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

Динамика современной цивилизации представляет множество разнонаправленных трендов, определяющих развитие основных сфер и сегментов социальной реальности, от соотношения ведущих геостратегических, экономических и научно-технологических центров до особенностей современного социокультурного процесса. Именно противоречивость и разномасштабность данных трендов, их темповые различия вкупе с меняющейся во времени системной успешностью ведущих стран мира, цивилизационных ареалов и международных объединений (как субъектов глобальной динамики) задают нелинейный характер будущего развития человечества.

Иными словами будущее поливариантно. И заключает возможности осуществления самых разных сценариев мирового развития. Но очевидно, что помимо своих содержательных характеристик, данные варианты существенно различаются и по степени своей практической реализуемости. Размеры публикации заставляют сфокусироваться на самых вероятных сценариях мировой динамики и только на центральных характеристиках этих глобальных трендов.

Центральным событием мира-системы с начала XXI в. является очередная смена финансово-экономического эпицентра мировой системы. На данную позицию последовательно выдвигается Китай, который уже с первой половины 2010-х гг. фактически является крупнейшей экономикой мира и с каждым годом по объемам ВВП (рассчи-

танного по ППС) все более ощутимо наращивает свое превосходство над США.

С 15-20-летним временным отставанием от Китая аналогичным маршрутом комплексной социально-экономической модернизации движется Индия, демонстрирующая в последние годы темпы экономического роста, даже более высокие, чем Поднебесная и уже в настоящее время по своим «валовым» показателям, ставшая третьей экономикой мира.

Причем, речь идет о весьма устойчивых тенденциях, остановить которые усилиями конкурирующих мировых центров будет едва ли возможно. Центральная причина бессилия все еще действующего глобального лидера заключается в том, что «большая война» уходит (и уже практически ушла) из арсенала возможных средств сохранения им своей доминанты. США остаются основным застрельщиком глобальной гонки вооружений. Однако имея самые мощные в мире вооруженные силы и невероятный военный бюджет, Америка не может решить военным путем даже проблему маргинальной Северной Кореи[1], не говоря уже о том, чтобы «загнать в угол» таких геостратегических соперников, как Китай или Россия.

Конечно, набор технологий, используемый для удержания лидерства, содержит и много других способов и технологий (в т.ч. самых «неджентльменских»). Но степень эффективности их на порядок ниже, чем у традиционного силового метода (нанесения прямого вооруженного поражения конкуренту) и они в состоянии лишь несколько затянуть процесс пересменки глобальных лидеров.

Работают на данный процесс и нарастающие системные проблемы самой Америки. С начала XXI в. часть мирового экспертного сообщества многократно хоронила доллар. Отпевавшие американскую валюту каждый раз ошибались со сроками и уже предпочитают не называть конкретных дат. Что логично, в современных сложноструктурированных мировых финансах и глобальной экономике у доллара есть множество зацепок и подпорок, не позволяющих некоторым числом простых действий убрать его с позиции мировой валюты.

[1] «Не может» - означает, что системные ограничения, которыми в современном мире обставлен подобный потенциальный вооруженный конфликт стали таковы, что Америка, способная усилиями одной авианосной группы уничтожить все живое в территориальных пределах Северной Кореи, вынуждена ограничиваться лишь детальной демонстрацией мускулов, грозными декларациями и многолетней перебранкой с северокорейским руководством. Либо действовать сугубо экономическими методами давления, минимальную эффективность которых случай Северной Кореи иллюстрирует самым наглядным образом.

Однако проблема остается. Если страна, имеющая 20 трлн. долга, продолжает активно брать взаймы, потому что не хочет/не может жить по средствам – 2-3 года или даже 10-15 лет большого значения не имеют. Она все равно уже не расплатится. И ее руководство знает об этом. Собственно потому и продолжает брать в долг дальше, рассчитывая уже только на глобальный форс-мажор. Но такой, чтобы не сломал саму Америку, т.е. случился где-нибудь «снаружи». Как это было во время двух мировых войн или распада СССР и социалистического блока[1]. Хотя практически невозможно представить себе, чем бы мог являться подобный глобальный форс-мажор (учитывая, что большая война, как уже было сказано, к тому же без участия американцев, имеет почти нулевую вероятность).

Впрочем, если политическая элита США, похоже, внутренне смирились с подобным перманентно дефицитным способом функционирования страны, то значительное число американцев положение вечного «должника», едва ли не принципиально живущего «не по средствам» серьезно тревожит. Даже несмотря на то, что сами они пользуются всеми возможностями, открываемыми подобным способом существования. Появление в президентском кресле Д. Трампа – свидетельство этого беспокойства и желания вывести страну на колею бездефицитного финансирования своих расходов[2].

Но даже если предположить, что Америке удастся выйти из сложившейся колеи, уже накопленный долг (ко второй половине

[1] Может быть, это одна из причин того иррационального энтузиазма, с которым в последние годы американская элита втянулась в холодную войну с Россией. Обрушить Китай очевидным образом не удается. Не получается даже сколько-нибудь ощутимо затормозить его поступательное социально-экономическое развитие. Россия, в 2014 г. бросившая открытый вызов Западу, представляется, куда более слабым игроком, системное поражение которого, может, как это уже было в конце XX в. при распаде СССР, дать серьезные бонусы победителям. Хотя, как представляется, в существующей мировой ситуации даже подобный практически нереализуемый сценарий не в состоянии стать «палочкой-выручалочкой» Америки. Поскольку бонусы победителя, усилив позиции США, не снимают проблему долга. Не говоря уже о том, что значительная, если не большая часть плодов такого катастрофического для России сценария может достаться тому же Китаю.

[2] И Трамп это хорошо понимает. Подготовленный его администрацией проект федерального бюджета страны на 2018 г., как и предложения, сделанные на долгосрочную перспективу, предусматривают историческое сокращение расходов. По сути, речь идет о попытке за 10 лет (к 2027 г.) выйти к бездефицитному бюджете. Прежде всего, через жесткое сокращение широкого спектра социально ориентированных статей. Но реализовать данный стратегический план будет предельно сложно. Особенно с учетом того, что уже через три года в Америке может появиться новый президент, способный перечеркнуть основные начинания Трампа, как последний поступил с результатами работы Б. Обамы.

2020-х гг. он может достичь 25 трлн. дол.) останется на «балансе» страны. Реструктуризация и множество финансовых техник будут заметно облегчать это долговое иго, но полностью избавиться от него США едва ли удастся даже в долгосрочной перспективе.

И самое главное: если Америке, в конце концов, удастся избежать не только полноценного но даже мягкого (облегченного) варианта дефолта, проблема сохранения мирового лидерства не станет менее острой. Поскольку в стратегическом соревновании с Китаем у нее нет серьезных ресурсов для экономического самоускорения. Устойчиво опережающий темпоритм развития Поднебесной, а теперь уже и второго азиатского гиганта уже в среднесрочной (15-20-летней) перспективе существенно изменят диспозицию эпицентров глобальной экономической мощи. В середине века в мире появится страна, располагающая куда большими совокупными финансово-экономическими возможностями, чем США[1]. И подобная мощь, естественно, не ограничится экономикой, но будет иметь весомую геополитическую, технологическую и даже социокультурную проекции.

К этому времени, доллар если и не «рухнет», то в любом случае будет настигнут группой других валют и утратит б***о***льшую часть своей исключительности. К середине века роль мировых денег с большой вероятностью будет выполнять целый пул валют, в сложных долевых сочетаниях присутствующих в различных регионах планеты и сегментах глобальной экономики. Данное обстоятельство, в свою очередь сделает невозможным сохранение эксклюзивных финансовых возможностей все еще существующих у США в настоящее время.

Тем самым, к середине века полицентричность возобладает не только в мировой экономике, но и в финансах. Однако многоядерной, с очень большей вероятностью, к этому времени может оказаться и структура геостратегического ландшафта планеты. Уже в середине 2010-х гг. согласно специалистам ЦРУ военный потенциал США, России и Китая был сопоставимым (соответственно 100%, 87 и 83%).

Учитывая стремительные темпы роста военного бюджета КНР[2], не приходится сомневаться, что военные расходы (по ППС), а с ними и общая военная мощь Поднебесной через 20-30 лет, как минимум,

[1] Согласно расчетам специалистов, к этому времени ВВП Китая будет превосходить соответствующий показатель США в 2-2,5 раза. Но больше американской на 20-30% будет и экономическая мощь Индии.

[2] Только за последнее десятилетие, в 2006-2016 гг. он вырос почти в 4 раза, с 55 до 215 млрд. долларов. Для примера, за этот же период военные расходы США выросли лишь на 15% (с 529 до 611 млрд).

будут не уступать американским[1]. Очевидно и то, что Россия, чье присутствие в клубе мировых держав в настоящее время обеспечивается, почти исключительно ее военным потенциалом, также сделает все, чтобы сохранить свою военную мощь. Учитывая же ее успешный трехвековой опыт в этой сфере, данная задача с большой вероятностью будет выполнена. Весьма вероятно присоединение (или существенно приближение) к этой тройке в середине века и второй азиатской «супердержавы» Индии.

Среди части экспертов распространена точка зрения, что даже став экономическим гигантом, Китай будут не в состоянии занять позицию глобального лидера человеческой цивилизации. Прежде всего, потому, что эпицентром инновационной деятельности останется Запад. Однако если обратиться к наукометрическим показателям или статистике финансирования инновационных разработок, догоняющий тренд китайского научно-технического комплекса (НТК) становится вполне очевиден[2]. В известной мере, данное утверждение можно сделать и в отношении индийского НТК.

Вопрос только в сроках, когда системный паритет старых и новых мировых инновационных центров обозначится даже в сегменте «уникальных» разработок, связанных с наиболее актуальными направлениями изучения и освоения мира (космос, микромир, информационные технологии, молекулярная биология и т.п.).

Данный процесс может не уложиться к середине века, потребовав ряда дополнительных десятилетий, что совсем немного по меркам «большой» истории. Но в любом случае дистанция между старыми и новыми средоточиями мирового технологического прогресса будет сокращаться и во второй половине столетия научно-исследовательский монополизм коллективного Запада, с большой вероятностью будет ликвидирован.

Итак, мир середины – второй половины XXI в. полицентричен не только в экономике и торговле, но и в размещении по планете эпицентров военно-политической мощи и научно-технологического развития.

---

[1] На это указывают и многие «частные» показатели. К примеру, ожидаемое появление у Китая к 2035-2040 г. ряда авианосцев, сводящих к минимуму способность США обеспечивать свое эксклюзивное стратегическое доминирование в отдаленных регионах планеты за счет появления в их пределах авианосных групп.

[2] Согласно существующим прогнозам к 2030 г. из 15 млн инженерно-технических и научных работников 4,5 млн человек (30%) будут представлять Китай, который к этому времени выйдет на первое место в мире и по объёму финансирования научно-технических разработок (25% от общемировых затрат).

Ощутимое лидерство Запада может сохраниться разве что в некоторых сегментах социальной практики и, в частности, в области смелого (иногда до радикализма) социального экспериментирования, ведущего к трансформации многих традиционных человеческих институтов, структур, ценностных ориентиров.

Оценка такого рода социального новаторства за пределами Запада зачастую является настороженно-отрицательной (в т.ч. со стороны «незападного» экспертного сообщества). И вполне оправданно. Но нельзя забывать и о том, что существуют некоторые устойчивые векторы социальной эволюции, сопровождающие человечество на всем протяжении его истории. Среди них смягчение форм социальной (межстрановой, межгрупповой и т.п.) эксплуатации; рост горизонтальной мобильности; расширение и «демократизация» вертикальных социальных лифтов; освобождение отдельной человеческой личности от всех форм государственного (и любого коллективного) давления / насилия; создание условий для раскрытия творческих возможностей всё большего числа членов общества (в том числе через развитие системы массового, а затем и всеобщего образования); сближение прав и социально-ролевых возможностей мужчин и женщин.

В Новое время именно Запад являлся цивилизацией, в которой данные тренды развивались опережающим темпом, что по сути и предопределяло ускоренное социально-экономическое развитие, позволившее западной цивилизации занять место системного локомотива всей человеческой цивилизации.

Очевидно, что роль полигона социального экспериментирования, территории испытания и «обкатки» разнообразных новаций Запад может сохранить и в долгосрочной перспективе. Тем более, что такого рода новаторство (как и любое другое), нередко оказывается сопряжено с большими издержками и не всегда приводит к положительным результатам. И потому, как уже было сказано, с большой настороженностью воспринимаются как элитой, так и массовым общественным сознанием других социокультурных ареалов планеты.

Таким образом, надежда части экспертов на формирование человечества «без границ и наций», актуализированная в конце XX в. распадом мировой системы социализма, не оправдалась и в качестве сколько-нибудь практически реализуемой перспективы выносится за горизонт XXI века (т.е. выходящую за рамки и сколь-нибудь корректного научного прогноза).

Очевидно и то, что ни ООН, ни любая другая международная организация до конца этого столетия не смогут играть роль глобального

политического дирижера, способного взять на себя функции мирового правительства. Мир останется политически разъединенным, а значит высоко конкурентным, поскольку нормальной политикой руководства каждой страны будет всемерное отстаивание своих государственных/национальных интересов.

Однако, как представляется, комплексный полицентризм мировой системы создаст определенные условия для смягчения форм межгосударственной конфронтации. История свидетельствует, что в первую очередь склонны нарушать соглашения и установленные международные правила сильнейшие. А если речь идет о мировом гегемоне, ожидать от него обуздания собственного национального эгоизма вообще не приходится. Появление внешних оппонентов сопоставимых по силе, становится едва ли не единственным надежным способом заставить всех придерживаться сообща выработанных правил повеления, будь то развитие и распространение отдельных военных технологий или нормы международной торговли.

Несколько эпицентров глобального развития – лучшая гарантия их взаимного сдерживания и выработки общепринятых (главное «общевыполняемых») правил международного общежития. При этом, на наш взгляд, мировая система не окажется в будущем жестко разделенной на зоны влияния, как полагают некоторые современные исследователи.

Да действительно, у каждого из мировых игроков во второй половине XXI в. может отчетливо оформиться ареал его приоритетного присутствия. Но глобализация, тренд на всепроникающее взаимное присутствие различных центров силы, будет работать против формирования зон жесткого монопольного доминирования. Каждый из регионов, представляющих мировую периферию, будет находиться в зоне облучения ряда (или разом всех) мировых акторов, удельное соотношение которых будет варьировать от страны к стране.

Необходимо учитывать и то, что у новых азиатских центров глобального доминирования не будет европейского психологического комплекса силового превосходства/доминирования, выработанного в период пребывания ведущими странами Запада в качестве колониальных империй. Что позволит устанавливать гораздо более равноправные формы социально-экономического взаимодействия (торговли, инвестирования, строительства) с развивающимся миром, нежели те, что все еще продолжают практиковать США и Европа. Успешный опыт Китая по распространению своего финансово-экономического присутствия в Африке, тому наглядное подтверждение.

Менее жестким может стать соперничество и в геостратегическом плане. Есть основания полагать, что после утраты значительной части своих лидерских функций и возможностей, США сбросят и скорость своего военно-технологического развития, раскручивающего глобальную гонку вооружений. А в условиях новых международных договоренностей, жестко ограничивающих или прямо запрещающих развитие многих новых видов вооружений едва ли найдется другой глобальный центр, пожелавший бы их нарушить, чтобы уйти в отрыв, обеспечивая себе значимое превосходство. Комплексный полицентризм мировой системы будет сводить практически к нулю вероятность подобного «побега» любого из центров силы.

Очевидно и то, что не сбываются прогнозы, высказанные специалистами Клуба-2045, согласно которым динамический контур человечества к середине XXI в. примет форму экспоненты, т.е. мировая цивилизация в своем развитии ускорится настолько, что в течение короткого времени перейдет в новое качественное состояние. И обладая совсем иными системными характеристиками, кардинально изменятся основные сферы социальной реальности, параметры как общественного бытия, так и каждой отдельной человеческой жизни.

Однако, есть серьезные основания полагать, что несмотря на огромные успехи науки в области биологии, медицины, информационных и космических технологий, человечество середины – второй половины XXI в. в целом сохранит свой узнаваемый облик. Что конечно не исключает возможность кардинальных перемен земной цивилизации в более отдаленном будущем.

Макаренко В.П.,
докт. полит. наук, докт. филос. наук, проф.,
директор Центра политической концептологии
Института философии и социально-
политических наук, гл. научн. сотр.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Необходимость переосмысления проблемы государственных интересов объясняется множеством фактов и тенденций современности. В СССР официальная точка зрения сводилась к постулату: интересы общества, государства и индивида совпадают. На деле за «совпадением» скрывалось абсолютное господство бюрократии над населением страны. С этой точки зрения советское государство не нуждалось в обосновании своих интересов. Сегодня понятие государственных интересов используется государственным аппаратом и его обслугой для обоснования особого положения в обществе. Но различия и конфликты между интересами бюрократии и государственными интересами во множестве актов соприкосновения правительства с гражданами и всем населением попросту не фиксируется. Такой статистики нет. Бюрократия стремится представить эти различия и конфликты несущественными. Поэтому строгий смысл понятия «государственные интересы» в системе бюрократических отношений, государственного формализма, политического рассудка и политического отчуждения остается неопределенным.

В России в нулевые годы установился авторитарно-бюрократический режим. Теперь произвол вершины политической бюрократии абсолютно довлеет над интересами населения страны. В результате произошло повторное (на протяжении последней сотни лет) отождествление интересов общества, государства и бюрократии. Большинство населения страны пока не в состоянии осознать принципиальную противоположность между собственными интересами и интересами различных отрядов государственной бюрократии.

Эту проблему хорошо сформулировал еще в 1955 г. И.А. Дедков: «Если Октябрьской революции пришлось ломать государственную машину царизма, то это была игра в бирюльки по сравнению с той махиной, которую, возможно, придется убирать с пути будущему. Опирающаяся на сложившееся доверие масс махина советского и партий-

ного аппарата почти не допускает разрушения. Помимо прочего во главе частей ее механизмов стоят люди опытные и поднаторелые. Противопоставить им опыт и знания в должной степени немыслимо. Компенсация должна последовать за счет энергии, смелости, гибкой тактики, дерзких помыслов и трезвого, расчетливого ума. Главная задача перед возможными переменами вырвать народные массы из-под влияния власти, вселить в сердца смелость и вольность духа, противопоставить интересы правящего и трудящегося, т.е. лишить опоры. Лишенная опоры в народе власть теряет смысл»[1].

Однако народные массы из-под влияния власти до сих пор не вырваны. В целях теоретической фиксации противоположности интересов бюрократии и населения я с 1980-х гг. разрабатываю теорию бюрократии. В свежем двухтомнике обоснован концепт «сжирубешенства»[2]. Его ярким примером может служить конфликт между Россией и Украиной после событий декабря 2013-февраля 2014 гг. на Майдане Независимости в Киеве. Соответствует ли этот конфликт интересам населения обеих стран? Я пока не видел смельчака, который бы публично доказал такое соответствие. Но глубоко убежден: если бы развязывание конфликта между Россией и Украиной было поставлено на референдум населения обеих стран, а в процессе его организации и проведения было бы исключено влияние государственного аппарата на индивидов, то никакого конфликта не произошло бы. Но конфликт продолжается до настоящего момента. Значит, господствующие меньшинства обеих стран («новые русские» и «новые украинцы», если использовать политический жаргон) и их политические и идеологические представители продолжают эксплуатировать в своих интересах общий для России и Украины феномен связи власти и собственности и силового предпринимательства. Продолжают применять право войны и мира в собственных целях, которым подчинена государственная пропаганда. При этом риторика государственных интересов используется противоборствующими силами для достижения данных целей. Принимающие участие в боях и других насильственно-пропагандистских действиях лица и группы верят этой пропаганде, поскольку она позволяет им реализовать свои собственные имперские амбиции и материальные интересы.

---

[1] *Дедков И.* Дневник. 1953-1994. – М.: Прогресс-Плеяда, 2005, с.14

[2] См.: *Макаренко В.П.* Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. – Ростов н/Д.: изд. ЮФУ, 2013; Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2. – Ростов н/Д.: изд. ЮФУ, 2015.

Такая ситуация становится нетерпимой. В этом докладе я дам обзор теоретических предпосылок внутри- и внешне-политического «сжирубешенства», которое выступает в упаковке государственных интересов.

Полчища насекомых. Указанная проблема поставлена более ста лет назад Максом Вебером статьях о России, в которых обсуждались русские революции 1905 г. и 1917 г. как первая попытка перехода России к демократии. Причины краха первой попытки указаны Вебером по горячим следам событий. Российские революции XX века обострили проблему бюрократии, составными частями которой являются подпроблемы повторяющихся конфликтов между бюрократией и обществом, специфики политического режима, политической бездарности первых лиц государства и взаимосвязи российского империализма, интеллектуализма и национализма. Ни одна из этих проблем до сих пор не решена. Поэтому вторая (за столетие) попытка установить демократию, предпринятая правительством России в конце XX века, тоже закончилась установлением авторитарно-бюрократического режима. В данном контексте проблема переосмысления понятия и практики достижения государственных интересов с помощью исключения интересов правительства и бюрократии становится ключевой.

Сто лет спустя. Проблема опять решена в пользу бюрократии. Но теперь с использованием понятия «национальные интересы» (НИ), которые стали интеллектуально-политической модой России в 1990-е годы. Для идеологического прикрытия процесса воспроизводства советской номенклатуры после 1991 г. был проведен ряд «круглых столов» в академических журналах на тему о связи НИ с политической историей страны и политикой нынешнего руководства России. Б.В.Межуев наметил несколько тем при обсуждении природы НИ: история данного понятия в русской общественно-политической мысли; переход от идеологии к прагматизму в деятельности правительства и других политических сил России при осознании и реализации НИ; современные интерпретации НИ.

Оставляя в стороне обзор множества проблем, подчеркну, что в 1990-е гг. сложилось два основных направления в современной российской идеологии: национал-консерватизм и национал-либерализм. Хотя они ведут между собою дискуссии, оба исходят из отождествления национальных и государственных интересов России. Это тождество выражается в постулатах: государство может быть автономно от частных интересов; верхи и низы современного российского общества заинтересованы в морально-политическом консенсусе; национально мыс-

лящей элите приписывается решающее влияние на формирование НИ; усиление государства автоматически влечет за собой укрепление положения страны в мировой системе; с этом перспективой связано усиление государственного регулирования внутри страны. Поэтому требуется тотальный пересмотр всех аргументов «за» и «против» государства.

Исходный пункт переосмысления. Оба направления в трактовке НИ исходят из приоритета внешней политики над внутренней. Отождествляют интересы государства с интересами общества. НИ не рассматриваются во взаимосвязи с социальной структурой современной России, в которой существует пять базовых социальных слоев. Однако связь данных слоев с внешней политикой не обсуждается. А деформация государственных интересов под влиянием ведомственных интересов ВПК систематически не описана, бюрократические интересы госаппарата не выделены в особый предмет исследования, а сама проблема НИ не рассматривается во взаимосвязи с универсальным процессом кризиса государственности в мире и в России. Феномен власти-собственности тоже не выделен в особый предмет исследования, хотя переплетение власти с собственностью связывает различные исторические эпохи и формы власти в России – монархическую, коммунистическую и современную.

Таким было мое резюме 15-летней давности. В дискуссии по проблеме НИ в России можно обнаружить все составные концепты консервативной идеологии (традиционализм, органицизм, собственность, семья, нация, империя). Эти концепты выступают в виде идеологического гибрида с современным либерализмом, для которого положение об иерархическом социальном порядке и сильном государстве является центральным. Следовательно, разделение современной политической мысли России на консервативную, либеральную и социалистическую потеряло смысл. Дискуссия о природе НИ России может рассматриваться как отражение интересов высших эшелонов политической, экономической и идеологической бюрократии современной России. Проблема заключается в интеграции всех аргументов против либерализма, консерватизма и социализма для доказательства ложности посылок обеих сторон, участвующих в дискуссии.

Для решения проблемы появились предпосылки уже в 1990-е годы. Например, в дискуссии историков было показано, что на протяжении последних 150 лет (т.е. при монархической, советской и нынешней власти) государственные интересы России были и остаются раздвоенными на интересы властной элиты и интересы населения страны. Первые всегда господствовали над вторыми. То же самое происходит в со-

временной России. Об этом свидетельствуют факты: воспроизводство номенклатуры в нынешних властных и экономических структурах; рост государственного аппарата после 1991 г. (сегодня в России чиновников больше, чем в прежнем СССР); рост хозяйственного и этнополитического национализма; рост роли силовых структур и средств манипуляции общественным мнением в политических процессах.

Поэтому можно согласиться с мнением: нынешний интерес большинства российских ученых и политиков к проблеме НИ объясняется стремлением найти идеологическое оправдание существующих ныне границ Российского государства: «Имея дело с империей, субъект национального волеизъявления выделить достаточно сложно»[1]. Факт воспроизводства империи в нынешней России тоже зафиксирован. Внутренняя и внешняя политика Российской империи в ее монархической, советской и нынешней формах была и остается связанной с техникой сокрытия ее действительных интересов. О них господствующие меньшинства России предпочитают не говорить, а добиваться с помощью любых средств. В этом смысле представители разных поколений руководства России всегда находили между собой общий язык на основе неписанного правила: чем больше власть самостоятельна, тем более НИ подменяются интересами господствующих меньшинств. На протяжении последних 150 лет государственные интересы России определялись произволом господствующего меньшинства. Оно называло «государственными интересами» свои собственные мнения, произвол и расчет во всех направлениях внутренней и внешней политики. Реализацией так понятых интересов всегда занимался государственный аппарат, находящийся вне общественного контроля.

Наций в европейском смысле слова в России в России до сих пор нет. Прежде всего, потому, что нации как гражданское и правовое тело складываются на стадии формирования гражданского общества и правового государства. Ни того ни другого в России не было. Поэтому русские считали «нациями» нерусских. В этом отношении русское общество нередко остается реакционнее самой власти. Кроме того, государственные интересы России никогда не совпадали с целями большинства населения страны, повышения качества жизни и модернизации. Значит, и национальных интересов российского общества как множества индивидов до сих пор не существует.

Для доказательства данного положения можно учитывать мнения некоторых участников дискуссии. Понятие НИ является пережиточным, архаичным, эмоционально заряженным и неопределенным. Оно

[1] *Митрохин С.С.* Политика государства и ценности общества // Полис. 1997. № 1. С. 35.

редуцирует политическое поведение к примитивным эгоистическим интересам и придает последним ауру естественности и моральной оправданности. Тем самым понятие НИ непригодно для научного анализа, является консервативной утопией[1]. Это понятие может быть предметом только исторического исследования, в процессе которого изучаются причины его становления, идеологическая и политическая роль в функционировании механизма власти. Для познания современного общества понятие НИ не годится.

Приведенные точки зрения отличаются от позиции большинства российских политиков и ученых. Большинство считает понятие НИ приемлемым с теоретической и практической точек зрения. Этот факт подтверждает, что большинство ученых продолжает участвовать в механизмах манипуляции обществом. Анализ роли науки в царской, советской и современной России тоже показывает, что нет оснований доверять большинству ученых, особенно в сфере философии и социальных наук.

Для переосмысления проблемы государственных интересов целесообразнее суммировать положения, противостоящие позиции большинства: НИ в России не было и нет; государственные интересы России были и остаются властно-бюрократическими; НИ отражают эгоистические мотивы поведения, не являются естественными и не имеют морального оправдания; понятие НИ может использоваться как средство исторического исследования механизма власти; универсального понимания социальных интересов не существует, поскольку общее благо всегда индивидуализировано; поэтому понятие НИ непригодно для анализа современного общества.

Существуют ли концепции, позволяющие усилить исходные положения и дистанцироваться от отождествления интересов населения России с российским государством, его господствующими меньшинствами и всеми звеньями государственного аппарата?

Пересмотр общего понятия «интерес». Концепция А. Хиршмана позволяет дистанцироваться от представления о «нормальном» капитализме, с которым могут сравниваться другие социальные системы[2]. Теорию капитализма М. Вебера (подчеркивающего роль национально-государственной экономики) и теории капитализма Ф.Хайека и

[1] См.: Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика (материалы круглого стола) // Мировая экономика и международные отношения. 1997, № 7, с. 66; *Капустин Б.Г.* «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996, № 3.

[2] См.: *Макаренко В.П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., Вузовская наука, 2000.

М. Фридмана (акцентирующие позитивную роль «свободного рынка») нельзя считать надежными при оценке современных социально-экономических трансформаций. Прежде всего потому, что интересы и социальные институты, сложившиеся в условиях европейского капитализма, не являются универсальной формой таких трансформаций.

Между тем точка зрения о существовании «нормального» капитализма, с которым могут сравниваться другие социально-экономические системы, пока еще господствует в научном сообществе России. Ее распространенность свидетельствует о том, что социальные науки России не отказались от участия в процессах политической манипуляции. Поэтому напомню те положения А. Хиршмана, которые опровергают указанную точку зрения.

Подход А. Хиршмана является развитием идеи М. Вебера о том, что любые социальные события и процессы являются непредвиденными следствиями ранее принятых решений. Никто из создателей капитализма не стремился к его воплощению как социального проекта. Вожди Реформации разрабатывали протестантскую этику для достижения индивидуального спасения. Труд в ней был мирским вариантом религиозного аскетизма и преследовал трансцендентные цели. Если же люди ставят перед собой земные цели (как предлагают либералы) и реализуют их в традиционных формах общности (на чем настаивают консерваторы), то возникает капитализм, в котором зло господствует над добром.

С формулировкой этого положения связана новая интерпретация генезиса капитализма и его духа. А. Хиршман показал, что социальные болезни (кризисы, войны, революции) есть нормальное состояние общества и расплата за непоследовательность поведения индивидов и социальных институтов. Концепция естественных прав человека и вся парадигма социального познания Нового времени отражает данную непоследовательность. Для критического отношения к ней более важно не противопоставлять фигуры (Вебера – Марксу и т.д.) и идеологии (либерализм – консерватизму и т.д.), а изучать *моменты общего между ними*. Только таким образом можно установить последовательность взаимопереплетения социальных теорий, принадлежащих к различным идеологиям. Однако ученые пренебрегают систематическим анализом данной проблемы. Поэтому *социальные теории до сих пор обслуживают, а не опровергают весь набор существующих идеологий*.

История социального знания Нового времени показывает, что все попытки создания новых теорий для усовершенствования управления обществом и государством заканчиваются крахом или ведут к неожиданным последствиям. Терминология социальных наук, возникших в

Новое время, претендует на объективность и нейтральность. Однако оценки в ней до сих пор предшествовали выделению предмета теоретического исследования. Познавательные концепции современной социальной мысли связаны с нормативными постулатами. По этой причине социальное знание не освободилось от христианского принципа Надежды. Социальная наука пока еще связана с религией. Окончательный разрыв с нею остается делом будущего. В значительной степени это объясняется тем, что социальное знание не разорвало все связи с господствующими группами и властвующими элитами. Ориентация на анализ поведения подвластных отражает сервилизм социальных наук.

Наиболее ярким примером указанных тенденций является категория интереса. Она все еще является базисом всей системы социальных наук (экономии, социологии, истории, психологии, политологии) и политики (либеральной, консервативной, марксистской, социалистической). Однако эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание. Причем ссылка на интересы всегда содержит консервативный момент, от которого пока не смогла освободиться ни одна идеология. Если даже интересы мотивируются религией, моралью и политикой, они не являются нормой социального развития.

Дело в том, что страсти своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству в Новое время выступают под прикрытием интересов, претендующих на «объективность». Квалификация материальных интересов как предвидимых, постоянных и безвредных ведет к неожиданным следствиям. Определение собственности и денег как наиболее сильной социальной связи есть самая опасная форма идеологии, которую человечество пока не смогло преодолеть. Поэтому все теории социального развития и модернизации базируются на нормативных основаниях. Однако ни интересы, ни идеи, ни их констелляции не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации.

Конкуренция тоже не может рассматриваться как норма социального развития. Конкуренция распадается на элементы социальной критики и разрыва индивидами социальных связей. В результате происходит раздвоение экономических и политических мотивов поведения индивидов. Любая их связь снижает потенциал социальной критики. Это относится ко всем формам прямой и обратной детерминации экономического и политического поведения. Снижение потенциала критики объясняется вытеснением наиболее активных и последовательных ин-

дивидов из любых форм социальной организации. Такое вытеснение соответствует интересам управленческого и государственного аппарата.

Институционализация права на выход из различных организационных и политических форм порождает социальный конформизм. Он выражается в стремлении к индивидуальному успеху, становлении групп интересов, групповом вертикальном и горизонтальном продвижении. При демократии социальное пространство критики ограничивается индивидами и группами, находящимися в безвыходном положении. Это снижает потенциал критики, порождает ленивые монополии, бюрократизацию и инерцию государства. Тогда как связь критики с семьей, церковью, нацией и государством (т.е. стремление улучшить положение дел в них без кардинальных изменений) порождает патриотизм как феномен бессознательной лояльности, что делает неуловимым различие между демократией и тоталитаризмом.

Итак, социальные проблемы невозможно решить ни религиозными, ни моральными, ни экономическими, ни политическими средствами. Главной причиной этого являются социальные группы, занятые в сфере экономики, религии, морали, политики и производства идеологий. Эти группы не заинтересованы в кардинальных изменениях общества, поскольку любое изменение до сих пор подрывало социальный статус торговцев, промышленников, священников, моралистов, политиков и идеологов. С другой стороны, общество пока не может обойтись без них. Поэтому данные группы и являются глубинным основанием консерватизма, рано или поздно проникающего в любую идеологию, стремящуюся кардинально изменить мир. Социальные науки в целом до сих пор обслуживают интересы данных социальных групп. Изменение такого положения вещей остается пока делом будущего.

Следовательно, теория неожиданных последствий требует отбрасывания или переосмысления всей системы главных понятий, концепций и идеологий, образующих парадигму социального мышления нового времени.

Как осуществить такое отбрасывание или переосмысление вообще, а по отношению к истории и современному состоянию России в особенности? На этот вопрос ни в отечественной, ни в зарубежной социальной науке ответа нет. Зато концепция А. Хиршмана позволяет его поставить. Если упростить логику данной концепции, то можно исходить из двух постулатов: в истории Европы главным злом были материальные интересы и конкуренция в ее разновидностях гражданского общества и демократического государства; в истории России главным злом были и остаются отношения «власти-собственности» и государство, поскольку

оно всегда господствовало над материальными интересами и социальными институтами. Требуется развитие данных идей на основе новых концепций для дальнейшей аргументации противоположности между интересами правительства и населения, которая выразилась в воплощении в России XX в. Апокалипсиса и абсолютного зла[1].

Минасян Л.А.,
докт. филос. наук, проф.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОБАЛИЗМ И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ: ЧТО ЕСТЬ ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ И СУЩЕСТВУЮТ ЛИ НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Проблемы современной глобальной динамики не могут быть решены до тех пор, пока не будет наведен порядок в той неразберихе, которая царит в политическом сообществе в связи с некорректным употреблением понятий, прошедших достаточно длинный исторический путь своего категориального наполнения и рефлексии. По всей видимости, именно от философов следует ожидать аргументированной критики постоянных софистических диверсий в этом вопросе[2].

В первую очередь это касается понятия «ценность». В статье[3] авторы доказывают, что современная идеология, насаждаемая и культивируемая Западом в качестве либеральных ценностей, широко известных как «европейские ценности», «практически отвернулась от рефлективного осмысления их существа и скатилась на уровень докритического догматизма, в принципе не имеющего представления о великом кантовском революционном перевороте. Без кантовского контекста провозглашенные европейские ценности» утрачивают собственное содержание ценностного отношения, оно растворяется в принципах избирательного поведения. И главное здесь в том, что категорический императив Канта, **а именно у Канта впервые появляется понятие ценности**, фиксирует ценность нравственного поведения в том, что оно исключает **утилитарное отношение** к другому.

---

[1] См.: *Подорога В.А.* Апология политического. – М.: Изд.дом Гос-ун-та – Высшей щколы экономики, 2010.

[2] *Минасян Л.А.* Софистика и ее инструментарий в публичной политике // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 53-63.

[3] *Минасян Л.А., Шевченко М.В. «*Европейские ценности»: рефлективное осмысление // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. №2 (87). - С. 74-84.

Характерно, что в Договоре о Евросоюзе[1] понятие ценности не употребляется, здесь говорится о принципах, которые должны быть общими для государств-членов. Ценности появляются под названием «принципы-ценности» в Преамбуле Хартии основных прав Европейского Союза от 7 декабря 2000 г.[2]. Итак, основные принципы-ценности: достоинство, свободы, равенство, солидарность, гражданство, правосудие. Соответственно названы и части Хартии, именованные уже правами, свободами и принципами. Каждая часть получает конкретизацию в статьях Хартии, которые, безусловно, позволяют сделать вывод о том, что находящаяся в сфере действия и конституционного и международного права Хартия являет собой первый фундаментальный «наднациональный» акт в сфере гуманитарного права»[3]. Все бы так, да только нет в постатейной расшифровке всех этих принципов ясно озвученной содержательно-пафосной ценностной основы. Статус базовой ценности, определяющей все остальные принципы-ценности, приобретает экономический фактор, либерализация, ибо вступление страны в Европейский Союз сопряжено с обязательным юридическим признанием не только вышеперечисленных принципов-ценностей, но и рыночной экономики. Не случайно, в Хартии впервые социально-экономические права, которые раньше составляли второстепенную группу прав, поставлены на одну ступень с гражданскими и политическими правами, ибо, как безоговорочно считается, именно неолиберальная концепция, либеральный экономикоцентризм определяет рынок в качестве гаранта, обеспечивающего все атрибуты демократии.

К вопросу о том, а есть ли рынок в контексте осуществления программы глобализма, мы вернемся на страницах этой статьи несколько позже. Пока же рассмотрим, что есть глобализм и каковы его ценности.

Принято различать понятия «глобализм» и «глобализация». Ряд авторов настаивает на том, что глобализация представляет собой процесс, в то время как глобализм – это программа осуществления этого процесса. Глобализация мира с учетом коммуникационного бума, безусловно, носит объективный характер. Высокий темп развития инфор-

[1] Договор о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. с изменениями, внесенными Амстердамским договором от 2 октября 1997 г. и Ниццким договором от 26 февраля 2001 г. URL: https://yandex.ru/search/?text=договор об европейском союзе&lr=39&site=www.eurocollege.ru - дата обращения 14.11.2017.

[2] Хартия Европейского Союза об основных правах URL: http://rusmediator.narod.ru/index/0-107 - дата обращения 14.11.2017.

[3] Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С. 1123-1125.

мационных технологий обеспечивает усиление и углубление процессов взаимодействия между странами и народами; в перспективе неминуемо ведет к интеграции информационных, экономических, социально-политических, научных и т.д. отношений с формированием системной целостности мирового масштаба, когда «изменения в одной части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб людей и сообществ на другом конце земного шара»[1]. Господствующую роль в процессе глобализации играет тенденция создания единого общемирового финансово-экономического пространства, соответственно, лидеры этого процесса более других получают возможность определять глобализм в качестве новой идеологии. Отсюда и новые ценности как основа этой идеологии, отражающие (не стоит строить каких-либо иллюзий) интересы этих самых лидеров. Доминирующую роль в характере развития процесса глобализации играют транснациональные компании (ТНК). М.Г. Делягин, говоря о становлении глобального монополизма, отмечает, что «вся жизнь современного человечества определяется и направляется ими»[2].

Интересно, что, несмотря на определенные различия в концептуальном выражении глобализации, такими школами, как гиперглобалисты, скептики и трансформисты [3], все они сходятся в одном – непременности неолиберальной экономики для всех стран.

Разночтения этих школ состоят в том, что гиперглобалисты считают, что экономическая глобализация своим следствием будет иметь **денационализацию** экономик, что существенно ограничит полномочия и легитимность национальных государств; скептики же указывают на наивность подобного подхода, на недооценку способности национальных правительств регулировать экономическую деятельность; трансформисты не столь откровенны, как гиперглобалисты, умеренность их состоит в том, что они не предвещают снижения или разрушения власти национальных государств, а ведут речь об их перестройке и трансформации. Но в любом случае, «слово» уже сказано, и задача поставлена: формирование единой глобальной системы управления, обязывание всех правительств соблюдать неолиберальную экономическую доктрину, навязывание им стратегии так называемого «рационального экономического управления» в отстаивании интересов, зача-

[1] *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004.
[2] *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 255.
[3] *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004.

стую находящихся за пределами национальных территорий. При этом вопросы социальной защиты и стабильности жизни граждан отходят на второй план. Подчеркнем, что все это проводится под лозунгом борьбы за демократию.

В качестве одного из инструментов подобной экспансии уже явственно обозначила себя в мировой истории доктрина управляемого хаоса, разработанная Стивеном Манном[1]. По всей видимости, вдохновленный результатами синергетики, автор «управляемого хаоса» посчитал искусственное создание нестабильного неравновесного состояния в отдельном государстве, некорректно названного им хаосом, «самоорганизованной критичностью», которая неизбежно приведет к катаклизменному переустройству. Управляемость хаоса, как предполагается, приведет к переустройству по заранее выбранному устроителями хаоса пути.

Понятно, что «островом порядка», по мнению С. Манна, будут выступать Соединенные штаты Америки, которым и выпадает столь высокая «честь» этот хаос организовывать и им же управлять. Рискну сделать уточнение по поводу теории хаоса, катастроф и бифуркаций, которое составляет АЗЫ синергетической методологии. Неравновесное состояние создать в каком-либо государстве такой стране, как США, вполне вероятно. Но все дело в том, что остается под вопросом механизм возможности перевода системы в заранее выбранное состояние, и в статье Манна об этом не говорится. Из общих соображений, можно сказать, что встает вопрос об определении бифуркационных значений управляющих параметров для перевода системы в это выбранное состояние. Различают три вида бифуркации – неявную, катастрофу и взрыв. В случае неявной бифуркации аттрактор меняет тип. Катастрофой называется ситуация, когда возникает новый аттрактор, то есть возникает в том месте, где он ранее не существовал, или же аттрактор исчезает вовсе. Это означает, что при изменении параметра порядка и подходе его к бифуркационному значению, положение равновесия, слившись с другим, неустойчивым положением равновесия, вовсе исчезает или же рождается пара других положений равновесия. Иными словами, система совершает скачок в совершенно другой режим. Ситуации, когда пространство состояний меняет размерность, получили название взрывов[2].

[1] *Mann Steven R.* Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992. – Pp. 54-68.
[2] *Минасян Л.А*. Единая теория поля. – М: КомКнига, 2005. – С. 31.

Создается впечатление, что апологеты вышеназванной доктрины просто не ведают, что творят. Динамическая система для возникновения в ней самоорганизованного поведения должна быть нелинейной, то есть здесь ключевое значение придается флуктуациям, которые могут сыграть ведущую роль в выборе аттрактора, но которые могут иметь свою национально-этническую, идентификационную и т.д. окраску, которую «управляющие хаосом» могут просто недооценивать. Если в конструировании «управляемого хаоса» они вроде бы исходят из нелинейности, говоря о многообразности акторов человеческой политики в динамической системе, то развиваемый западными глобалистами сценарий глобализации попросту линеен.

Авторы[1] справедливо отмечают: «Нет ни малейшего априорного основания полагать, что глобализация должна развиваться в одном-единственном направлении или что она может пониматься лишь в связи с единственным идеальным требованием (в совершенстве отрегулированными мировыми рынками)», поскольку «настоящее интерпретируется как «очередная ступень в процессе некоего линейного движения вперед к заданному будущему конечному состоянию».

Упоминание о доктрине «управляемого хаоса» является ярчайшим свидетельством существа глобализма как концепции формирования нового мирового порядка, а именно глобальной колонизации мира.

Интересны в этой связи выводы М.Г. Делягина, достаточно обоснованно показавшего, что перекачка материальных, финансовых и человеческих ресурсов из неразвитых стран приводит к **отгораживанию** развитых стран для переваривания этих ресурсов и создания на их основе нового рынка[2]. Двигателем **растущей самоизоляции** развитых стран являются транснациональные корпорации. Вот тебе и глобализация! Понятно, что развитые страны значительно более информированы, поэтому так остро поставлен вопрос по исследованию рынков с асимметричной информацией (Нобелевская премия 2001 года по экономике). Один из лауреатов этой премии Дж. Стиглиц подвергает весомой критике основные принципы так называемого Вашингтонского консенсуса, как то: жесткая фискальная экономия, либерализация (уход государств из экономики) и приватизация.

---

[1] *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 13.

[2] *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 258.

Дж. Стиглиц отмечает: всюду, где информация на рынке является несовершенной, необходимо вмешательство государства[1]. Иными словами, либеральные представления, навязанные менее развитым странам, льют воду на мельницу процветания сильных игроков, для остального мира они становится разрушительными и попросту устраняют свободу конкуренции. Так что идет наступление на те же грабли, о которых писал В.И. Ленин еще в 1916 году в работе «Империализм как высшая стадия капитализма»[2]. В аннотации С.Г. Кара-Мурза к этой работе весьма интересно обращение к позиции М.Вебера, который сто лет тому назад «обсуждая программу кадетов, имевшую целью построение в России либерального капитализма, сказал: «Уже поздно». Капитализм изменился, и он не может допустить появления на его периферии системы, которая воспроизводила бы ранние формы капитализма метрополии. Новые, зрелые формы (монополистический капитализм) неминуемо сожрали бы зародыши ранних, «юных» форм буржуазного общества»[3]. Этот вывод актуален сегодня не только для России, но и для многих, если не сказать, большинства государств в мире. И С.Г. Кара-Мурза высказывает предостережение, что архаизация стран, уже достигших «высокого уровня индустриального развития, вызвала бы быструю гибель больших масс населения. Достаточной силой для удержания этих масс в повиновении нынешнее господствующее меньшинство не обладает»[4]. И никто не может гарантировать экранирования такого рода флуктуаций, которые не привели бы в результате лоббирования идеологии глобализма, раскручивания очагов «управляемого хаоса» к взрыву в мировом масштабе.

Для успеха программы глобализма предполагается формирование нового человека (прямо совсем как в мечте о коммунизме, только в основе – совершенно противоположная шкала ценностей). Явно проявившая себя тенденция изживания национальных рынков, формирование в рамках глобализма единого мирового рынка глобальных монополий, устраняющих конкуренцию, уничтожая слабых игроков на этой мировой сцене, – это и есть новейшая ценность? Для достижения такого «всемирного благоденствия» важно формирование нового человека эпохи консюмеризма, для которого культ потребления должен

[1] *Стиглиц Дж.* Глобализация: Тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – С. 254.
[2] *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. – М., Издательство политической литературы, 1971.
[3] *Кара-Мурза С.Г.* Работа В.И.Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: современное прочтение. – URL: https://royallib.com/read/lenin_vladimir/imperializm_kak_visshaya_stadiya_kapitalizma. html#368640 – дата обращения: 14.11.2017.
[4] Там же.

стать проводником формирования новой идентичности, подменяющей традиционные культуры и традиционные уклады жизни. А это проявляет себя уже в столкновении не только культур, но и цивилизаций.

Повторюсь, глобализация – это объективный исторический процесс. Но для ее эволюционного движения настоятельно требуется новое озвучивание хорошо проработанных общечеловеческих ценностей, рефлексия над такими понятиями как свобода в кантианском понимании следования долгу в соответствии с категорическим императивом (как для каждой отдельной личности, так и для политиков, государственных деятелей, государств и т.д.); как достоинство в кантианском понимании внутренней ценности, которую следует отличать от значимости и т.д., а отсюда призыв к вечному миру. Ясно, что Иммануил Кант, который первым совершает теоретическое осмысление проблем, поднятых мыслителями эпохи Просвещения и деятелями времен Французской революции, тех самых прав, свобод и принципов, которые так широко и вещательно муссируются в качестве ценностей глобализма, сознательно забыт и обойден.

Папченко Е.В.,
докт. филос. наук, доц., ЮФУ (г. Таганрог)

АНТРОПОГЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Возникновение феномена глобализации, понятой как процесс становления единого взаимозависимого мира, сегодня мало кем оспаривается и ставится под сомнение, его по-разному интерпретируют и оценивают, возникли целые направления и междисциплинарные центры по его изучению. Как всякий, охватывающий все мировое пространство процесс, глобализация имеет множество аспектов.

Известные современные исследователи И.В. Ильин, В.А. Лось, А.Д. Урсул, исходя из многочисленных трактовок глобализации, отмечают различные точки зрения на ее сущность[1]. «Экономисты» связывают сущность глобализации с распространением рыночных отношений на всю совокупность мирохозяйственных отношений. «Технологи» акцентируют внимание на достижениях научно-технического (и технико-технологического) развития, имеющих общие истоки и создавших предпосылки и условия для современного научно-технического процесса, объединяющего как развитые, так и развивающиеся страны мирового сообщества. «Информационисты» доказы-

[1] *Ильин И.В., Лось В.А., Урсул А.Д.* Устойчивое развитие и глобальные процессы. – М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 116 – 118.

вают, что именно планетарная масштабность и интенсивность информационных процессов, затрагивающих все сферы человеческого бытия, определяют специфику современного цивилизационного развития. «Политологи» связывают сущность глобальных процессов с изменениями «геополитической конфигурации», сформированной после Второй мировой войны. «Экологи» утверждают, что изменения естественных экосистем под воздействием производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации приобретают такие объективные масштабы, что под реальной угрозой оказывается само существование человечества. «Культурологи» обращают внимание на унификацию социокультурного процесса под воздействием глобализации, которая в широком контексте трактуется как вестернизация. С философской же точки зрения анализируется диалектика частного и целого, в рамках которой эти элементы, взаимодействуя между собой, выходят на уровень искомой интегративности системы любой степени сложности.

Нет сомнения в том, что экономические преобразования, которыми обусловлено само явление глобализации, породили серьезные социальные и политические проблемы. Анализ содержания экономического измерения глобализационных процессов, проведенный Е.Н. Акерман и О.Е. Богдановой, позволяет выделить условные характеристики, определяющие основные тенденции экономических процессов на современном этапе: виртуализация, «тотальная экономизация» и дихотомия[1]. Осмысление указанных тенденций развития позволяет сместить акценты с фатальной неизбежности последствий экономических угроз или вызовов на поиск конструктивных способов разрешения возникающих в условиях глобализации конфликтов.

Наряду с экономическим измерением глобализации, следует обратить внимание на социоприродную концепцию глобализации. По мнению Е.А. Дергачевой, данное измерение глобализации исследует социоприродное развитие, исходя из принципа коэволюции, устойчивости развития общества и природы, встраиваемых в систему мирового капитализма[2]. Однако, в таком аспекте общество рассматривается как самодостаточная замкнутая система, взаимодействующая со своим окружением – естественной природой, а не как составная часть слож-

[1] *Акерман Е.Н., Богданова О.Е.* Экономическое измерение глобализации // Вестник Томского государственного университета. №312. 2008. С. 129 – 130.

[2] *Дергачева Е.А.* Концепция глобализации в контексте социотехноприродного развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 3/4. 2015. С. 17.

ного техногенно развивающегося социально-природного мира. В.А. Лось также полагает, что практический уровень преодоления социально-экологических противоречий связан с «вписыванием» природоохранных стереотипов в рыночную модель[1]. Тем самым, с одной стороны, формируются материальные условия для реального преодоления остроты глобальных социально-экологических противоречий мировой динамики, а с другой – в рамках современной цивилизации включаются механизмы ее конструктивного вхождения в «устойчивое будущее», в процессе которого устанавливается баланс между элементами исторической системы «че- ловек – социум – биосфера».

Особую значимость имеют культурные параметры глобализации. Неслучайно современный американский социолог Питер Л. Бергер, отмечает, что «перед нами картина культурного землетрясения, толчки которого ощущаются практически во всех частях света»[2]. Рассмотренная с социокультурной точки зрения глобализация выступает как постепенное эволюционное формирование общечеловеческой культуры, связанное со стиранием существующих национально-культурных особенностей. При этом исследователи в качестве объективных проявлений глобализационных процессов указывают на все возрастающее единообразие предметов потребления, обращающихся на мировом рынке товаров, распространение поведенческих стереотипов, стандартизацию навыков и приемов профессиональной деятельности, универсализацию форм общения людей. Этот перечень можно продолжать и далее. Однако, понимая объективность вышеуказанных явлений, нужно осознавать и тот факт, что их наличие еще не означает глобализации глубинных пластов национальных культур.

Глобализационные процессы, протекающие достаточно быстро, например, в таких сферах совместной общественной деятельности людей как экономическая и информационная сферы, оказываются гораздо более медленными в области религии, правовых обычаев, ценностных представлений, форм бытовой жизнедеятельности, национальных традиций. Пример ряда восточных стран показывает, что глобализация пока не ведет к однозначной унификации их культур на фундаменте какой-то одной социокультурной парадигмы. Более того, философский анализ свидетельствует о том, что прогресс человечества в целом в общественном и культурном развитии связан в большей сте-

[1] *Лось В.А.* Социоприродное измерение глобализации // Век глобализации. №3. 2016. С. 56.

[2] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. С. 17.

пени с разнообразием этнокультурных и цивилизационных традиций, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный противостоять деструктивным тенденциям глобализирующегося мира.

Следует отметить, что в связи с нарастанием тенденций антропотехнической гибридизации, все большую актуальность получает антропогенное измерение глобализации. И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, В.В. Чеклецов показали, что техночеловек «не приходит на смену человеку разумному, но является ступенью его развития – технологизированным человеком разумным. Речь в данном случае идет не о терминологических условностях, но о принципиальной антропософской позиции, во многом определяющей видение процессов НБИК-конвергенции и участие философии в этих процессах»[1].

Согласно положениям трансгуманизма, В. Прайд и Д.А. Медведев утверждают, что «развивающийся на наших глазах феномен NBIC-конвергенции представляет собой радикально новый этап научно-технического прогресса. По своим возможным последствиям NBIC-конвергенция является важнейшим эволюционно-определяющим фактором и знаменует собой начало трансгуманистических преобразований, когда сама по себе эволюция человека, надо полагать, перейдет под его собственный разумный контроль»[2]. Учитывая возможности современной науки глубокого и радикального преобразования человека, стоит серьезно задуматься о том, а «*есть ли* у человека такое нечто, что остается и будет оставаться инвариантным при всех этих воздействиях и изменениях? … а *должно ли* быть нечто, что при всех этих воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?»[3].

Таким образом, в стремлении понять сущность современной глобализации не следует ограничиваться ее социально-экономическим или культурным измерением. Учитывая, что новые технологии не только стремительно меняют нашу цивилизацию, но саму природу человека, в поиске ответов на вызовы глобализации стоит обратить особое внимание на ее антропогенное измерение.

---

[1] *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. №3. 2013. С. 12.

[2] *Прайд В., Медведев Д.А.* Феномен NBIC-конверегенции. Реальность и ожидания // Философские науки. №1. 2008. С. 103 – 104.

[3] *Юдин Б.Г.* О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 17.

Узнародов И.М.,
докт. ист. наук, проф.,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

К концу прошлого столетия поток мигрантов из стран Азии и Африки, прибывающих на европейский континент, заметно усилился, что явилось одним из важных проявлений глобализации. В движение пришли многомиллионные массы населения, устремившихся на поиски лучших условий жизни. Сегодня, согласно докладу ООН о миграционных процессах в мире, в Европе проживают 76 млн. мигрантов[1].

В XXI веке европейские страны столкнулись с серьёзными демографическими проблемами, связанными прежде всего со снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни коренного населения Европы. Чтобы поддержать достигнутый уровень благосостояния и объёмы производства, требуется дополнительная рабочая сила. Поэтому рост числа иммигрантов в современной Европе будет продолжаться. К тому же в последние годы на континенте появилось и значительное количество беженцев. Столь серьезные изменения в составе населения имеют разнообразные последствия.

В частности, у нас на глазах происходит переход от мононациональных к мультинациональным государствам, что поставило в повестку XXI века вопросы о пересмотре понятий гражданства и национальной идентичности.

Особенностью стран-членов Европейского Союза в нынешнем столетии является то, что значительная часть иммигрантов исповедует ислам. Налицо тенденция постепенной исламизации европейского континента, что проявляется не только в быстром росте доли последователей ислама в составе европейского населения. Эта тенденция подтверждается и строительством многочисленных мечетей во многих европейских городах, и появлением здесь целых анклавов, характеризующихся необычным для европейцев образом жизни. Недавно даже появился неологизм – «Еврабия», которым обозначают перспективы развития Европы с учетом миграции исламистского толка.

Ислам уже превратился во вторую после христианства религию европейского континента. Число мусульман за последние 25 лет здесь

[1] International Migration Report. 2015. Highlights. New York: United Nations, 2016.

выросло с 29,6 млн. до 44,1 млн. По имеющимся прогнозам, в 2030 г. 8% жителей Западной Европы будут мусульманами[1].

В свете приведённой статистики, которая не выглядит очень тревожной, нельзя не отметить, что иммигранты всё же нарушили этнический и культурный баланс в Европе, способствуя размыванию европейской идентичности, которая всегда имела большое значение для идеологических построений Евросоюза.

Нынешнее поколение переселенцев, хотя оно родилось и выросло в Европе, совсем не интересуют европейские ценности и особенности европейской цивилизации. Такое же отношение и у тех, кто прибыл в европейские страны в нынешнем столетии. Как правило, они не имеют необходимого образования, профессии, слабо владеют языком страны-реципиента и готовы выполнять лишь низкоквалифицированную работу. Поэтому им очень сложно адаптироваться к местным условиям, и их в первую очередь интересуют социальные пособия[2]. Ещё сложнее ситуация у беженцев, оказавшихся в Европе в результате миграционного кризиса, начавшегося в 2015 г.

Следует обратить внимание и на то, что иммигранты в XXI веке стараются отгородиться от европейского социума и создать своё «параллельное общество», которое практически полностью дублирует уже действующие социальные, культурные, религиозные и экономические структуры. Существование в Европе таких иммигрантских сообществ, активно требующих для себя всё больше прав, воспринимается населением европейских стран как потенциальная угроза их собственной идентичности, поскольку ставит под вопрос сложившуюся систему ценностей[3].

Особенно преуспели в создании параллельных сообществ иммигранты-мусульмане. Сегодня в ряде стран они требуют предоставить им право жить по законам шариата. Подобное предполагает выведение мусульман из-под юрисдикции принявших их стран и легализацию практик, никак не укладывающихся в рамки европейского представления о цивилизованности – многоженства, физического насилия над женщинами в семье, осуждения на смерть сменивших свое вероисповедание мусульман.

---

[1] EUROMAG. Всё о Европе. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.euromag.ru/catalogs/stat/40825.html.

[2] *Узнародов И.М.* Проблема иммигрантов в странах Запада на современном этапе // Terra Economicus. - 2014. - Т.12, вып. 1. - С. 115-122.

[3] *Федорцев В.А., Мамедова Л.К.* Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). [Электронный ресурс]. - URL: httpriss-baltic.rudatauploadspdffedortsev_mamedova_pns_04-11.pdf.

В Великобритании, например, уже существуют более 85 судов шариата, что предполагает интеграцию мусульманского права в государственную правовую систему. Однако реальная ситуация несёт в себе существенные риски, поскольку отсутствуют прозрачность системы судов шариата и подконтрольность их органам юстиции и обществу. К тому же суды шариата не ограничены регламентом и нигде не сказано, что светская правовая нормативная система сохраняется в качестве ведущей[1].

В местах компактного проживания иммигранты-мусульмане пытаются устанавливать и свои порядки. Так исламская молодежь организовала в отдельных районах Лондона «шариатские патрули». Ревностные сторонники соблюдения исламских традиций с наступлением темноты патрулируют преимущественно удаленные от центра районы британской столицы. Исламисты заявляют, что таким образом они «защищают мусульманскую территорию от неподобающего поведения» прочих лондонцев. Об этом пишут британские СМИ со ссылкой на заявления Скотленд-Ярда. Участники «шариатских патрулей» отбирают у прохожих алкогольные напитки, закрашивают рекламу откровенной одежды, требуют от девушек не носить мини-юбки[2].

Под предлогом ограждения последователей ислама от якобы оскорбляющей их религиозные чувства символики иммигранты требуют убрать из больниц и госпиталей кресты, поскольку их вид «ухудшает самочувствие мусульман», проходящих лечение вместе с христианами. Особенно оскорбительно подобные призывы выглядят в католических странах, где многие медицинские учреждения находятся под патронажем церкви.

Также предпринимаются попытки повлиять и на сферу образования. Усиленному нажиму подверглась Италия, где был поставлен вопрос об обязательном изучении ислама на всех уровнях государственных школ при ограничении распространения принципов иных религий. На практике это означало бы, например, изъятие из курса итальянской литературы многих классических произведений, включая «Божественную комедию» Данте Алигьери.

Многие эксперты сегодня подчеркивают, что подобное положение дел стало возможно благодаря финансово-экономическим манипу-

[1] *Пинюгина Е.В.* Исламизация Великобритании: социально-политические последствия [Электронный ресурс]. - URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/islamizacija_velikobritanii_socialno-politicheskije_posledstvija_2014-09-29.htm.

[2] Новый регион, 2.0. 2013. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.nr2.ru/inworld/420710.html.

ляторам глобализации. Их конечная цель – приведение всех народов к единой поведенческой модели: выбор одного языка, обращение всего населения в единую религию (религию рынка, а не в одну из традиционных религий), введение в обращение единой валюты, построение одной единственной идентичности, одной единственной культуры. Как отмечает итальянский публицист Э. Бертолази, в результате должен появиться индивидуум, который будет идеальным безликим «потребителем», управляемым и используемым именно потому, что он лишён наиболее глубинной части своей природы[1].

Не удивительно, что результатом подобной активности в европейских странах сегодня становится предубеждение против иммигрантов. Растут и антиисламские настроения. Западные обыватели, долгое время ориентировавшиеся на толерантность и мультикультурализм, начали бояться ислама. Об этом говорят данные исследования «Religionsmonitor 2013», которое провел фонд Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung), опросив 14 000 респондентов в 13 странах. Оказалось, что они не на шутку встревожены распространением ислама в собственных странах и нежеланием прибывших интегрироваться в местный социум. Наивысший процент неприятия ислама в Европе зафиксирован в Испании (60%), несколько меньше (50-55%) – в Швейцарии, Дании, Нидерландах и Швеции, наименьший – в Великобритании (45%, что тоже много)[2].

Следует отметить, что в Европейском Союзе, несмотря на известное снижение уровня религиозности, вера продолжает играть важную роль в жизни людей. В странах Южной и Восточной Европы, где позиции религии сильны, население склонно отождествлять общеевропейские ценности с религиозными. В данном случае особую активность проявляют представители католической церкви, призывающие европейцев уважать свои христианские корни и укреплять чувство сопричастности к общей цивилизации. На официальном уровне эта идея особенно активно продвигается представителями таких католических стран, как Италия и Польша.

Так, в январе 2010 г. министр иностранных дел Италии Ф. Фраттини, выступая перед парламентской ассамблей Совета Европы, заявил, что Европа должна чётко обозначить свою религиозную идентичность, если хочет противостоять вызовам глобализации и миграции.

[1] Столетие. Интернет-газета [Электронный ресурс]. - URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/ot_jevropy__k_jevrabii_468.htm.
[2] Портал «СЕДМИЦА.ru». [Электронный ресурс]. - URL: http://www.sedmitza.ru/text/3662670.html.

По его словам, европейцы, с одной стороны, полностью признают то влияние, которое имеет религия на идентичность других народов (например, когда речь идёт о мусульманах), а с другой – воздерживаются от обсуждения значения собственной религии[1].

Помимо христианства важное значение для европейской идентичности имеют античное наследие (греческая философия, римское право, понятия человеческого достоинства и свободы), упорядоченный индивидуализм и гражданское общество, а также способ хозяйствования (частная собственность, личная инициатива, рыночная экономика). При этом в XXI веке, когда большинство государств континента объединены в Европейском Союзе, рядом с понятием европейской идентичности появилось понятие идентичности ЕС, которое по сути дела явилось современным вариантом европейскости.

В конструирование идентичности ЕС вовлечены законодательные, исполнительные и судебные институты Союза, а также политические элиты и структуры национального уровня. В соответствующих документах ЕС говорится об идее Европы и ее составляющих (просвещении, свободе, демократии, общей истории, культуре, традициях), об особой международной политике и вкладе в решение глобальных гуманитарных проблем.

В отчете «Евробарометра» за 2012 г. составляющими идентичности ЕС были названы единая валюта – евро, демократические ценности, общая история, культура, достижения европейской экономики, географический фактор, флаг, девиз Евросоюза «Единство в многообразии» и гимн[2].

В то же время появление в Европе многочисленных иммигрантов, в подавляющем большинстве остающихся носителями чуждой европейцам культуры, непривычных норм поведения и нередко враждебных их менталитету ценностей, не только осложнило формирование общеевропейской идентичности, но и вызвало размывание той культурной и мировоззренческой однородности, которая всегда являлась характерной чертой европейских стран.

Особую остроту эта проблема приобрела в свете набирающей силу исламизации Европы. Как подчёркивает Г. Вайнштейн, вместо формирования европейской идентичности на первый план теперь выходит задача интегрирования выходцев из незападного культурно-цивилизационного пространства в общую либеральную культуру

[1] *Федорцев В.А., Мамедова Л.К.* Указ. соч.

[2] *Хахалкина Е.В.* Европейский Союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности // Сибирские исторические исследования. 2014. № 1. С. 49-58.

европейского общества[1]. В случае неспособности Европы решить эту задачу, может возникнуть реальная угроза существованию европейской демократии, а потом – и самой европейской цивилизации.

В результате неприятия иммигрантами европейских ценностей растет напряженность в странах-реципиентах. Коренное население ощущает, что у них на глазах размывается привычная культурная основа общества. Весьма актуальным стал вопрос не только о сохранении своей культуры и традиций, но и о сохранении своей европейскости. Многие граждане Евросоюза уже воспринимают мигрантов не только как составляющую глобальных процессов перераспределения трудовых ресурсов, но и как угрозу национальной самобытности своих стран.

Важным элементом современного европейского самосознания, выполняющим функцию объединения значительной части населения Европы, становятся антииммигрантские и антиисламские настроения. Они отражают перемены в политических взглядах, симпатиях, ценностных ориентациях практически всех слоёв населения.

Сегодня выступления против иностранцев происходят регулярно в разных концах Европы и уже перестали удивлять. Одновременно проводятся акции против миграционной политики Европейского Союза и даже имеют место нападения на лагеря беженцев[2].

В XXI веке стало очевидно, что национализм превратился в один из существенных факторов развития современного европейского общества. Националистические движения набирают силу, а политические партии, использующие националистическую риторику, добиваются успеха на выборах во многих странах.

В качестве примера можно привести региональные выборы в Великобритании в марте 2013 г., в центре которых оказались иммигранты. В этот раз второе место, набрав 28% голосов, заняла националистическая Партия независимости Соединенного Королевства. Росту ее популярности способствовала дискуссия в прессе, в ходе которой говорилось о «социальном геноциде белых». Отмечалось, например, что за последние десять лет Лондон покинули более 600 тыс. белых бри-

[1] *Вайнштейн Г.* Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? [Электронный ресурс]. - URL: http://politcom.ru/8315.html.

[2] DIE WELT. 12.04.2015. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article139410769/Die-Ereignisse-von-Troeglitz-sind-eine-Schande.html; BBC Русская служба. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/01/150105_germany_antiislam_protests; ИноСМИ.ru. [Электронный ресурс]. - URL: http://inosmi.ru/world/20140617/221063220.html#ixzz34tTlwcIO.

танцев. В то же время население города выросло почти на миллион за счет иммигрантов. В отдельных районах столицы количество белых сократилось с 80% до 49%. Аналогичные процессы отмечены при переписи населения и в ряде других крупных английских городов[1].

Другим примером могут быть региональные выборы в Австрии, прошедшие в конце мая 2015 г. Здесь Партия свободы добилась результатов, о которых не мечтал даже ее основатель Й. Хайдер. В Штирии она получила 27,1% голосов, что почти в 3 раза превосходят ее результат 2010 г. (10,66%). А в Бургенланде Партия свободы увеличила свой результат с 9 до 15%. Канцлер Австрии В. Файманн объяснил такой прорыв крайне правых удачной эксплуатацией ими темы наплыва беженцев и прочих опасений граждан. Действительно, среди ксенофобских лозунгов партии – "Мы – иностранцы в собственной стране" и "Новые квартиры вместо мечетей". Наблюдатели не исключают, что Партия свободы в перспективе может стать ведущей политической силой Австрии[2].

Отмеченная тенденция получила подтверждение и на прошедших 15 марта 2017 г. парламентских выборах в Нидерландах. Накануне эксперты живо обсуждали вопрос о том, станет ли текущий год Годом национализма в континентальной Европе. Националистическая Партия свободы Г. Вилдерса добилась успеха, но смогла занять лишь второе место по числу полученных мандатов. Однако под её влиянием другие партии сменили риторику на более националистическую[3]. Сама же Партия свободы сделала акцент на том, что если иностранцы не могут жить по местным правилам, то должны уехать назад в свои страны и к своей культуре. А Вилдерс, называя пророка Мохаммеда «больным педофилом», прямо говорил о планах запретить в Нидерландах Коран и закрыть мечети[4].

Острота дебатов в связи с исламом не может не удивлять, поскольку Нидерланды давно имели имидж страны религиозной терпимости. Главным врагом местного населения всегда было море. Но сегодня создаётся впечатление, что голландцы все больше и больше боятся не водной стихии, а мусульман.

Интересно, что национальная идентичность по-прежнему успешно противостоит идентичности европейской. В начале 90-х годов,

[1] Новый регион [Электронный ресурс]. - URL: http://www.nr2.ru/policy/427399.html.
[2] Euronews [Электронный ресурс]. URL: http://ru.euronews.com/2015/06/01/far-right-gains-as-austria-kicks-off-super-election-year/.
[3] Euronews [Электронный ресурс]. URL: http://ru.euronews.com/2017/03/16/dutch-elections-push-web.
[4] ИноСМИ.ru [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/politic/20170313/238866392.html.

когда собственно началась история Европейского Союза, для каждых 9 граждан стран-членов из 10 национальная идентичность была гораздо предпочтительнее идентичности европейской[1]. Но и в XXI веке, несмотря на интенсивность процессов формирования общей идентичности ЕС, для большинства граждан национальная идентичность по-прежнему гораздо предпочтительнее.

Об этом свидетельствует падающий уровень массовой поддержки ЕС, фиксируемый опросами общественного мнения, нарастающая критика Еврокомиссии как бюрократической структуры. Это отчетливо проявилось во время дискуссий о Конституции ЕС в 2004-2005 годах, когда значительная часть избирателей выразила недовольство состоянием дел в Союзе и свои опасения в связи с предполагаемым ущемлением национального суверенитета[2].

Не удивительно, что особенностью крайне правых, националистических партий сегодня также является отрицательное отношение к европейской интеграции, что связано не только с расширением Евросоюза или проектами централизации управленческих структур, но и с политикой Брюсселя в отношении иммигрантов.

Экономический кризис 2008-2009 годов способствовал росту евроскептицизма и влияния националистических партий. К концу 2013 г. статистика была столь многообещающей, что М. Ле Пен и Г. Вилдерс (лидеры соответственно французского Национального фронта и нидерландской Партии свободы) даже встретились в Гааге, чтобы обсудить перспективы выступить единым фронтом с единомышленниками по всей Европе. «Мы хотим вернуть свободу нашим народам, – заявила в связи с этим Ле Пен. – Мы хотим вернуть суверенитет нашим странам. Одного этого достаточно, чтобы мы собрались здесь и начали работать вместе»[3].

На прошедших 22-25 мая 2014 г. общенациональных выборах в Европейский парламент националисты и евроскептики также добились заметного успеха. Теперь на их долю приходится более 150 мест из 751. Особого внимания заслуживает успех депутатской группы «Европа за свободу и демократию», которая численно выросла с 34 до 48 членов. Её основой стали представители Партии независимости

[1] *Hoffman S.* Thoughts on the French Nation Today // Daedalus. - 1993. - Vol. 122. - No. 3. P. 68-70.

[2] *Crum B.* Tailoring Representative Democracy to the European Union: Does the European Constitution Reduce the Democratic Deficit? // European Law Journal. - 2005. - Vol. 11. - No. 4. - P. 452-467.

[3] Euronews [Электронный ресурс]. - URL: http://ru.euronews.com/2013/11/13/eurosceptic-wilders-and-marine-le-pen-in-talks-to-forge-closer-ties/.

Соединенного Королевства (24 депутата) и итальянского движения Пять звёзд (17 депутатов). В группу также вошли депутаты от Франции, Чехии, Литвы, Латвии, Швеции[1].

Настоящими триумфаторами стали Национальный фронт, впервые за свою 42-летнюю историю занявший первое место на подобных выборах во Франции, и Партия независимости Соединенного Королевства, обошедшая все другие партии Великобритании, включая и партии из ныне правящей коалиции. Аналитики полагают, что Европа радикализуется из-за недовольства населения жесткими антикризисными реформами, политикой бюджетной экономии и миграционными проблемами[2].

В свете приведённых примеров весьма показательна речь в Европарламенте недавно избранного президентом Австрии А. Ван дер Беллена, победившего на фоне миграционного кризиса и популистских настроений. Он отметил, что ультраправые спекулируют пафосными словами о национальном суверенитете, зовут к расколу Евросоюза, пугают людей глобализацией, засилием транснациональных корпораций, и призвал к единству ЕС, отказу от растущего национализма, протекционизма и соблазнительного популизма[3].

Таким образом, в XXI веке многочисленные иммигранты изменяют привычный этнический и культурный баланс в странах Европейского Союза. Это, в свою очередь, вызывает у коренного населения опасения утратить свою национальную идентичность. Всё большее число граждан ЕС воспринимает переселенцев как угрозу национальной самобытности, культуре и традициям, что способствует росту националистических, антииммигрантских и антиглобалистких настроений. В то же время происходящее отрицательно сказывается на формировании общей идентичности Евросоюза. Смогут ли граждане ЕС сохранить единство и продолжить интеграционный проект, покажет ближайшее будущее.

---

[1] European Parliamentary Research Service [Электронный ресурс]. URL: http://epthinktank.eu/2014/06/27/size-of-political-groups-in-the-new-ep/eprs_infographic_political_groups_v1/.

[2] РБК [Электронный ресурс]. URL: http://top.rbc.ru/politics/26/05/2014/926340.shtml.

[3] Euronews [Электронный ресурс]. - URL: http://ru.euronews.com/2017/02/14/austrian-president-warns-eu-of-the-threat-of-simplistic-populism.

Афанасьева И.И.,
докт. экон. наук,
Резников С.Н.,
докт. экон. наук,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Научная оценка проблем макроэкономического развития субъектов мирового хозяйства, анализ макроэкономической динамики и механики работы мирового рынка в целом, показали неэффективность существующей модели стимулирования экономического роста.

Кризис, также как и посткризисный период развития, пока не обеспечивает нивелирование накопленных дисбалансов в мировой экономике, в силу чего вероятность возврата к продолжительному устойчивому росту представляется нам крайне низкой. Кризис раскрыл всю функциональную несостоятельность современной либеральной модели рыночных отношений, снижение устойчивости которой возникло не столько в результате циклического дефицита, появившегося из-за рецессии, сколько из-за структурных проблем, не связанных с кризисными явлениями, но усугубленными ими.

Данные обстоятельства позволяют нам заключить, что существующая модель стимулирования экономического роста требует серьезного реформирования.

Как отмечают отечественные ученые, важно понимать, что в процессе ее реформирования приоритетными направлениями является «максимизация конкурентных преимуществ в рамках национальных экономических границ. Автаркическая доминанта формирует посткризисный инвариант построения новой технологии проектирования механизмов экономического роста, важным условием которого является достижение устойчивости. Данная стратегическая линия уже запущена в экономике Китая, активно переориентирующейся на внутренний рынок»[1].

Данный процесс достаточно проблематичным из-за сложностей, обостренных наступлением глобального кризиса. Например, рассматривая в своих работах футурологическую линию тенденции восстановительного роста в мировой экономике, Ж. Аттали акцентирует внимание на следующем: «Государства, имеющие сбережения, например,

[1] *Альбеков А.У., Резников С.Н.* Глобализация vs регионализация современных цепей поставок : монография / А.У. Альбеков, С.Н. Резников. – Ростов н/Д : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2014. – 450 с.

Китай, потеряют часть резервов и вернут на родину лишь то, что необходимо для поддержания внутреннего экономического роста. Они допустят постепенное падение доллара, слабость которого будет угрожать экономике европейских стран. Депрессия вызовет массовый обвал цен, приостановить который не сможет даже массовая стимуляция экономики, вызванная ростом общественных расходов. Затем от 2 до 5 лет продлится период депрессии – достаточно, чтобы свести на нет задолженность главных западных стран путем инфляции и благодаря огромным финансовым вливаниям»[1].

Необходимо отметить, что предпринятая нами апология и обоснование необходимости автаркического обновления механики экономического роста является лишь общим концептом, эмпирические пределы реализации которого в разрезе отдельных стран могут быть весьма невысокими и ограничиваться наличными особенностями конкретной экономики.

По причине неэффективности модели развития, основанной на расширении рынков, формирование новой полноценной волны роста в мировой экономике представляется нам маловероятным. Этап научно-технического прогресса закончился, а с ним стали историей и циклы Кондратьева. Кроме этого, «попытка неолиберального разрушения марксистской концепции, согласно которой любые ценности могут образовываться только в процессе труда, оказалась и научно, и эмпирически несостоятельной. Экономика спроса и предложения, выстроенная под перманентно растущий спрос, вошла в инволюционую стадию своего развития, когда стало понятно, что ожидавшегося спроса не будет. Непосредственная хозяйственная верификация этой логики вызвала массовое падение капитализации компаний. Кредитная накачка последних привела к формированию финансовой системы, в которой кредиты были выданы под доходы определенного размера, которые, как показал рынок, начали резко падать. У банков, выдавших кредиты, появились «плохие» долги»[2].

Уточняя описанную эмпирическую динамику важно обратиться к истории развития мировой экономики, когда был произведен запуск информационной экономики, технология продуцирования которой базировалась исключительно на искусственном росте, стимулированном

---

[1] *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис… А что дальше? – СПб.: Питер, 2009. – С. 115-116.

[2] *Альбеков А.У., Резников С.Н.* Глобализация vs регионализация современных цепей поставок : монография / А.У. Альбеков, С.Н. Резников. – Ростов н/Д : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2014. – 450 с.

денежной эмиссией. Данная стратегия не окупила себя, признаком чего явилось массовое закрытие космических программ.

К 2010–2011 гг. мировая экономика также подошла с комплексом эфемерных рыночных структур – так называемых экономических пузырей, жизненный цикл которых продлится не более 10 лет и приведет к дисбалансам, что вполне предсказуемо ввиду отсутствия реальной модели роста, которая не выработана в современный момент даже на уровне концепции.

В условиях тотального идейного вакуума на рынке теоретических исследований можно говорить о том, что мировая экономика находится в точке бифуркации. Актуального теоретического описания управляемых макроэкономических технологий прогрессивного роста и выхода из этого состояния пока не представлено. В итоге, как заключает М. Хазин, сегодня мы «находимся перед началом перелома, сравнимого с IV–VI и XVI–XVII веками»[1].

Современная мировая экономика требует от экономической науки прорывных теоретических изысканий и мощных механизмов институционализации и ретрансляции концептуальных продуктов научного синтеза в мировую макроэкономическую среду.

Подводя итог проведенной периодизации исторического развития экономических кризисов, ученые Р.А. Медведев и Ж.А. Медведев публикуют следующие заключения: «Финансовый и экономический кризис, стремительно распространившийся на все континенты, не имеет прецедентов в истории… Наиболее острые и длительные кризисы в западных странах и в Японии возникали в результате конфликтов на Ближнем Востоке, вызывающих резкие подъемы цен на нефть и перебои в ее транспортировке… Это влияние реальных международных конфликтов на спады и подъемы экономики привело к появлению «шоковой теории кризисов»[2].

Соглашаясь с точкой зрения выше названных ученых, отметим, что выделенные ими особенности фактически формируют некоторую концепцию программных исследований перед мировым научным сообществом, в рамках которой необходимо:

- выработать концепцию и метатехнологию управляемой трансформации модели экономического роста в мировой экономике;
- провести научную диагностику особенностей современного эволюционного перехода в теории и практике развития мировой экономики;

[1] *Хазин М.* На залоговой игле // D-штрих. 2009. № 23 (83). Декабрь. С. 10.
[2] *Медведев Р.А., Медведев Ж.А.* Глобальный экономический кризис или исторический поворот? // ЭКО. 2009. № 4. С. 20-23.

- методологически унифицировать и объединить в единую органичную макроэкономическую теорию сконструированные концепты и императивы более прогрессивной модельной интерпретации экономического роста, которые должны быть прогнозируемыми.

Сложность объективной теоретической характеристики кризиса модели роста в мировой экономике является релевантным коррелятом к комплексу вызвавших его развитие причин, которые также имеют свою специфику. Так, ученые А.В. Бузгалин и А.И. Колганов среди основных причин, вызвавших мировой экономический кризис, как и кризис в России, называют прежде всего:

- «дерегулирование и десоциализацию экономики, которые породили «второе дыхание» внутренней закономерности капитализма: периодически повторяющимся кризисам;

- перенакопление капитала, усилившееся ростом превратного сектора, в котором производятся бесполезные для развития производства и прогресса человеческих качеств продукты и услуги: от масскультуры до гигантского транснационального сектора, ставшего рассадником посредничества и спекуляций;

- опередивший за последние десятилетия в 10 (!!!) раз объемы реального производства гигантский «финансовый пузырь», надутый спекулянтами на финансовых рынках;

- общая неспособность позднего капитализма найти новый, не связанный с пределами капитала и рынка, путь развития «экономики знаний»[1].

Названный выше комплекс причин, окончательно выбивших почву из-под десятилетия концептуально господствовавшего монетаризма, засилье которого привело к построению экономики потребления, с нашей точки зрения, стал причиной мощной инерции, воздействие которой будет весьма продолжительным. Раскрывая сложности формирования новой эмпирической схемы формирования источника экономического роста, М. Делягин делает вывод, «что из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет (когда это произойдет) не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжелую»[2].

Представленная выше дискриптивная характеристика проблематики экономического роста в мировой экономике, позволяет нам заключить следующее: посткризисная методологическая эволюция мировой экономики априори будет характеризоваться как минимум

[1] Главная книга о кризисе: сб. / ред.-сост. А.В. Бузгалин. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – С. 119-120.
[2] Там же. – С. 183.

двумя (актуальными в контексте проблематики нашего анализа) знаковыми трендами.

Во-первых, стимулированная агонией современного рынка рефлексия экономической науки в ближайшие годы будет методологически проектироваться в плоскости обширной научно-эмпирической актуализации задачи концептуально целостного синтеза «новой» теоретической платформы кризисов, отправляясь от которой возможно сформировать новую модель роста в мировой экономике. Разработка базиса аналитического и понятийного аппарата построения такой модели будет столь же актуальна и необходима, сколько и попытка вывести определенные критерии и показатели, которые выступал бы в качестве стержневой основы системной диагностики формируемых моделей устойчивого развития товарного сектора и сектора услуг (нефинансовых) мирового рынка в XXI веке.

Во-вторых, важный резюмирующий посыл по итогам проведенного в статье анализа, которая носит в большей степени концептуальный характер, может быть сформулирован, опираясь на теорию больших кондратьевских циклов. С нашей точки зрения, мировая экономика должна пройти стадию перезагрузки и избавиться от перенакопленного капитала путем его массового обесценивания посредством длительной и глубокой депрессии.

Кроме этого, важно подчеркнуть, что кризис модели экономического роста в мировой экономике объективно вызывает необходимость построения новой модели, базирующейся на более устойчивом драйвере роста. Разработка данной модели обусловливает необходимость расширения понятийного аппарата и введения новых терминологических понятий и единиц.

Глухова А.В.,
докт. полит. наук, проф., ВГУ (г. Воронеж)

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВОМ

Судьбы национального государства в глобальном мире, роль и значение такого его атрибута как суверенитет, угрозы безопасности и факторы повышения конкурентоспособности стали в последнее время едва ли не ведущей темой в мировом и российском политическом и научном дискурсе. Актуализации проблематики государства способствуют не только резко осложнившиеся международные условия, но и внутренние проблемы многих государств, испытывающих как серьезные

экономические трудности, так и легитимационные кризисы. Все чаще возникает вопрос: что такое суверенитет и конкурентоспособность в эпоху растущей взаимозависимости государств, унификации институциональных установлений, стремительно растущего культурного взаимовлияния?

Концепт государства, как и скрывающаяся за ним политико-правовая реальность, всегда был центральным, базовым понятием политического анализа. Учитывая сложный, многогранный характер этого феномена, его традиционно интерпретировали в единстве трех ключевых элементов: формы государственного устройства, системы правления и политического режима. Само государство представало в единстве институциональных структур, т.е. аппарата управления и так называемого «политического тела», т.е. совокупности граждан, чей общий интерес оно защищает. Признаки государства, сформулированные еще М. Вебером – суверенитет как исключительный контроль над вверенной ему территорией; выработка законов и правил, регулирующих поведение граждан; монополия на легальное применение силы; право на взимание с населения налогов и сборов и т.д. – долгое время считались классическими и не вызывали серьезных дискуссий. Однако глобальные процессы конца XX – XXI века подвергают сомнению как теоретические постулаты, так и саму политическую реальность государства и требуют корректировки старых либо выработки новых подходов к ее интерпретации.

По справедливому утверждению Ю. Хабермаса, после Великой французской буржуазной революции 1789 г. территориальное государство, нация и сложившееся в национальных границах народное хозяйство «образовали … историческое сочетание, при котором демократический процесс смог принять более или менее убедительную институциональную форму»[1]. Сегодня именно единство этих трех элементов, включая основанную на них демократию, подвергается серьезным испытаниям. Государство перестает обладать статусом единственного политического субъекта; нация обнаруживает признаки ослабления единства и гражданской идентичности; экономика выходит за пределы национальных границ и все больше ориентируется на глобальный масштаб.

Возникновение новой политической реальности обусловлено как объективными, экзогенными, так и субъективными, эндогенными факторами, связанными со способностями правящих элит адекватно

[1] *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. 2003. № 4. – С. 107.

воспринимать адресованные государству новые вызовы и давать на них точные и своевременные ответы. Общепризнанно, что ключевым внешним фактором для современных государств выступает глобализация. «Трансформируются сеть мировых связей, системы глобального и национального управления, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура политических организмов, появляются приметы универсальной реконструкции, проявляется результативная субъектность играющих по своим правилам слабоформализованных персонажей»[1].

Глобализация перестраивает или «переиначивает» власть, функции и полномочия национальных правительств. Так, в странах ЕС суверенная власть разделена между интернациональными, национальными и местными органами. Но даже там, где суверенитет государства еще не затронут столь же серьезным внешним воздействием, оно больше не обладает исключительным правом распоряжаться тем, что происходит в пределах его собственных территориальных границ. Его власть и авторитет размываются с трех направлений: сверху – интернационализацией; снизу – региональными и местными притязаниями; со стороны – развитием рыночного и гражданского общества, ослабляя его роль в хозяйственном руководстве, социальной солидарности, культуре и формировании идентичности, а также в институциональной структуре. Хотя государства остаются ключевыми референтными участниками политического процесса, государствоцентричная парадигма развития не исчерпывает содержания происходящих трансформаций. «На первые роли в мировой политике выдвигаются формально не структурированные политические сообщества, функционирующие по сетевому, а не по иерархическому принципу, – полагают отечественные исследователи. – Такие группы интересов имеют серьезные преимущества перед традиционными субъектами мировой политики – государствами, международными организациями, крупными корпорациями. Они мобилизуют находящиеся в распоряжении этих политических игроков ресурсы влияния, вовлекая представляющие их элиты в систему неформальных сетевых взаимодействий»[2].

Сказанное вовсе не означает исчезновения государства как такового: оно все еще обладает определенным могуществом и роль политических лидеров в мире по-прежнему велика, но природа государства

[1] *Неклесса А.* Будущее как возможность // Независимая газета.18.05.2017 г.

[2] Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / редколлегия – И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

меняется у нас на глазах. Экономическая политика на государственном уровне уже не обладает прежней эффективностью. Как считает Э. Гидденс, сегодня государствам угрожают не столько реальные враги, сколько риски и опасности, что коренным образом меняет их природу, превращая их в «институты – пустышки». Это институты, уже не соответствующие задачам, которые они призваны выполнять[1].

Фиксируемая многими авторами недееспособность институтов предопределяет настоятельную потребность в их реформировании или создании качественно иных институтов, природа которых еще до конца не ясна. Ситуация, когда мировой капитал приобретает все более глобальную прописку, а юрисдикция остается национальной, требует своего разрешения. Возникает проблема согласования экономических интересов, ориентированных на глобальный рынок, и политико-правовых ограничений, налагаемых национальным государством. Глобальная экономика, международные структуры, международное законодательство и военно-политические союзы адресуют вызов государственной суверенности. Каждый из них, по мнению Д.Хелда, подрывает или существенно ослабляет государственную монополию на принятие решений в экономической, политической, социальной и военной сферах посредством деятельности различных институтов. Вместе с тем суверенитет, особенно в юридическом смысле слова, может быть утрачен лишь в том случае, если его место «занимает какая-то другая независимая и (или) «более законная» юридическая власть, которая сокращает правомочное основание для принятия решений в рамках национальной политики»[2]. Отсюда вопрос о том, влечет ли глобализация за собой уменьшение суверенитета, остается открытым и спорным.

Другая серьезная проблема – это кризис нации как политической общности («политического тела государства»), что ведет к консолидации региональных сообществ с акцентом на наднациональные (региональные ценности), и одновременно активизации мелких («интимных») политических единств, более сплоченных, чем национальное государство. Эту двойную тенденцию многие авторы (Р. Робертсон, Э. Гидденс, Р. Дарендорф и др.) весьма удачно обозначают термином «глокализация». Однако новый регионализм, насаждающийся не только с большой интенсивностью, но нередко и насильственно, в отличие от локализма, враждебен демократии, поскольку рождается не из же-

[1] См.: *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – С. 35.

[2] *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 35.

лания демократического самоопределения, а из этнической, языковой или конфессиональной гомогенности. Его первым принципом является отделение: вовне – против «враждебных» соседей, вовнутрь – против не менее «враждебных» меньшинств. Движущей силой развития становится не народное движение, а массовая мобилизация, осуществляющаяся усилиями демагогов и для реализации интересов функционеров. «Результатом ее может стать новая форма «балканизации», – предостерегал Р. Дарендорф, чье предостережение выглядит очень своевременным в контексте активизации сепаратизма в Европе (например, каталонского)[1]. Интеграция и фрагментация становятся не взаимоисключающими, а взаимодополняющими процессами перераспределения суверенитета, власти и свободы действий.

Ослабление национального государства, изменение его функций, невозможность в ряде случаев гарантировать безопасность, а с нею и идентификацию личности, влечет за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов. Однако эти негативные последствия обусловлены не столько объективными, сколько субъективными факторами. Многие современные конфликты, в особенности экстрасистемные, возникают из-за «плохих лидеров», «слабых правительств», негодных методов управления, а также из-за ничем не ограниченной – вплоть до гражданской войны – борьбы за власть в странах, где элиты заняты, прежде всего, самими собой. Иными словами, основные риски связаны не с излишком мощи (как опасались в XX веке), а с опасной слабостью многих государств, их неспособностью противостоять разрушающим силам и тенденциям, продуцируемым неверными или безответственными решениями властвующих элит. «Результативность точечных воздействий в нелинейной среде заметно выше, равно как и уровень рисков, при этом точность действия оказывается важнее мощности, что заметно увеличивает число потенциальных агентов перемен», – отмечает А. Неклесса[2]. Попытки интерпретировать мир в категориях прошедших веков, следовать этой картине мира в практических действиях означает выпадение из реалий сегодняшнего дня. Вынужденной или отчетливо осознаваемой мерой становится международное сотрудничество по решению многих важных проблем: борьбе с международным терроризмом; преодолению экономического кризиса; регулированию банковской сферы; борьбе с налоговыми махинациями; защите климата и т.д.

[1] *Dahrendorf R.* Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fur das 21. Jahrhundert. Band 3. Verlag C.H. Beck oHG, Munchen, 2003. – C. 119.
[2] *Неклесса А.* Будущее как возможность//Независимая газета.18.05.2017 г.

Государственный суверенитет является не только правом, но и ресурсом, т.е. набором прерогатив, которыми государство может манипулировать по отдельности. Выступая в роли «владельцев суверенитета», государства реализуют его в различных сферах: безопасности, самобытности, самодостаточности, консолидированности и экономической эффективности. Последняя является сравнительно «молодой» сферой политики самоопределения, однако современные государства все больше озабочены именно ею, т.е. тем, чтобы обеспечить себе достойное место в мировом хозяйстве. Практика показывает, что механизм конкуренции неблагоприятен для тех, кто от нее уклоняется, делая уклоняющихся беднее, чем они хотели.

Новые международные институты не заменяют собой национальное государство, но интегрируют его: последнее оказывается включенным в транснациональные регулируемые системы. В этой связи представляется плодотворной идея У.Бека о замене концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета», предполагающего наличие межгосударственной кооперации, движущей силой которой, тем не менее, останется «государственный эгоизм»[1]. Речь идет не о разрушении государственного суверенитета, а о признании несостоятельным мифа об его абсолютности. Расставание с мифом открывает новые горизонты для государственных образований, в том числе и национальных.

Разумов В.И.,
докт. филос. наук, проф.,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ/ГЛОКАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИНСЕЙФИНГА

Современная цивилизация, развитие которой можно рассматривать как наложения процессов глобализация/глокализация, сталкивается с ускоряющимся ростом внутреннего разнообразия и сложности проектов. Интеллектуальная насыщенность разработок, их эксплуатации возрастает. Разработка и внедрение инноваций нуждаются в формировании новых технологий интеллектуальной деятельности, где важнейшим фактором развития становятся знания.

[1] *Beck U.* Europa braucht einen neuen Traum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 11. 03. 2014//http://www.bpb.de/apuz/180364

К значительным переменам в интеллектуальной деятельности в XX веке следует отнести появление форм для коллективной работы специалистов над различными проблемами, задачами, проектами. К числу методов для работы с проблемами группой можно отнести: «серьезные игры» и их разновидность «штабные игры», «мастерскую будущего», «кружок контроля качества», «форсайт», «мозговой штурм». В СССР с 1980-х годов, а теперь в современной России развивается методология и методика организационно-деятельностных игр (ОДИ)[1].

В русле разработок новых интеллектуальных технологий, предусматривающих создание инновационных способов рассуждений и форм упаковки знаний, и реализуемых на базах категориально-системной методологии (КСМ)[2], теории динамических информационных систем (ДИС, ТДИС)[3], рассмотрим новую ОДИ – Инсейфинг[4], разработанную для организации работы групп для решения задач в областях познания, обучения, проектирования и управления.

ДИС есть аналитически определённый объект, который можно представить в форме ориентированного графа с вершинами и двумя типами ребер (ведущими и контролирующими), на котором задан процесс информационного функционирования. В прикладном аспекте многообразие ДИС можно интерпретировать как оболочку, в которую гомоморфно вкладывается модель исследуемого объекта из любой предметной области. Для этого ДИС выражается в категориальной схеме (КС) в формате орграфа с вершинами, соответствующими категориям, и рёбрами (ведущими, контролирующими), что позволяет представить структуру исследуемого объекта. В ТДИС изучены математические свойства ДИС. Упаковка знаний в формы ДИС делает возможным зафиксировать смысло-содержательную характеристику любого объекта, с тем, чтобы перенести на нее результаты математиче-

[1] *Щедровицкий Г.П.* Игра и игровые формы организации мыследеятельности с системомыследеятельностной точки зрения. Доклад в НИИОПП АПН СССР. 1981 // Организационно-деятельностная игра: сборник текстов. Из архива Г.П. Щедровицкого. - М., 2004. - Т. 9 (1). То же [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/gp/biblio/rus/49.

[2] *Разумов В.И.* Категориально-системные методы в подготовке ученых: учебное пособие. - Омск: Омский госуниверситет, 2004.

[3] *Разумов В.И., Сизиков В.П.* Приложения информационных основ синтеза систем: ДИС-развёртки и парадигма закона: монография [Электронный ресурс]. - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. - Информрегистр. Регистрационное свидетельство № 33934. - Режим доступа: http://thoughtring.com/ViewForm.aspx?id=414.

[4] *Дусь Ю.П., Поминов Д.Ю., Разумов В.И., Рыженко Л.И., Сизиков В.П., Цой В.Г.* Приложения аппарата ТДИС в управлении коммуникациями (с выходом на разработку Инсейфинга) // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 4. С. 253-259.

ского анализа формальной конструкции ДИС, на которую спроецированы знания об изучаемом объекте.

Инсейфинг, как интеллектуальная коммуникация участников ОДИ, использует такие операции ТДИС: дешифровки, свёртки, мутации. Дешифровки – детализации категории (понятия) в тройку новых понятий. Мутации – перестановки полученных на каждом шаге дешифровки категорий по сформированному в ТДИС алгоритму. Свертки – для каждой новой тройки категорий, полученной от мутации на соответствующем уровне дешифровки, находится новая категория или имя этой тройки. Основная тема того конкретного Инсейфинга фокусируется в одну категорию. Для неё индекс в схеме не проставляется. Эта категория подвергается дешифровке, когда для её детализации находятся три категории (1 уровень дешифровки, для каждой категории (вершины орграфа) проставляется соответствующий индекс – 0, 1, 2), каждая из которых подвергается следующей дешифровке (2 уровень дешифровки, где для категорий проставляются индексы – 00, 01, …, 22, – всего 9). Тема для обсуждения может детализироваться далее. Триадический принцип обоснован в ТДИС как оптимальный для представления информационных процессов на структурном, функциональном, имитационном уровнях, он позволяет строить убедительные КС для моделирования обсуждаемых в Инсейфинге объектов.

Методология проведения Инсейфинга строится на базе ТДИС, но с учетом того, что модель объекта в форме ДИС формируется группой. Принципиальным является то, что участники Инсейфинга сразу ориентированы на работу со схемой как с гипертекстом. Переходя к представлению знаний в орграфе, мы получаем возможности для выявления сценариев обсуждения интересующей нас темы как путей обхода его вершин, выявления разных групп категорий. ТДИС предлагает алгоритмы связей вершин с учётом выявленных для ДИС математических свойств, предусматривая в дальнейшем продуктивные переходы к функциональному и имитационному уровням исследования. Это реализуется с помощью операций, получивших название «мутации». Мутации представляющих собой перестановки категорий в триадах по правилам, описанным на языке индексов у вершин – категорий. В результате мутаций при дешифровке уровня 2 образуется 6 новых триад, для них пока нет имен. Таким образом, технология ТДИС даёт эвристический эффект, а для его проявления потребуется операция свёртки, когда для каждой из 6 образованных мутациями триад подбираются новые имена.

Последовательность дешифровок от уровня – 0 до уровня 3 без учета мутаций и сверток можно проследить на рис. 1.

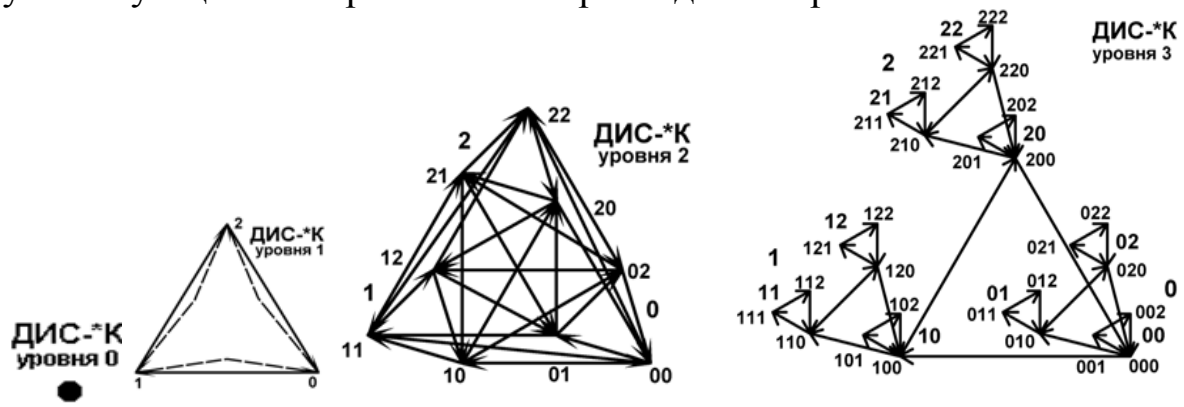


*Рис. 1. ДИС-*К уровней 0-3 как когнитивные шаблоны для упаковки знаний.*

В схеме на рис. 1 схемы ДИС названы ДИС-компьютерами (ДИС-*К) с целью указать, что структуры ДИС позволяют реализовывать определенные вычислительные технологии на уровне численных имитационных моделей. В следующей схеме покажем работу со схемой ДИС уровня 2 с применением дешифровок, мутаций, сверток. Когнитивный шаблон для выполнения процедур, описанных выше, приводится на рис. 2.

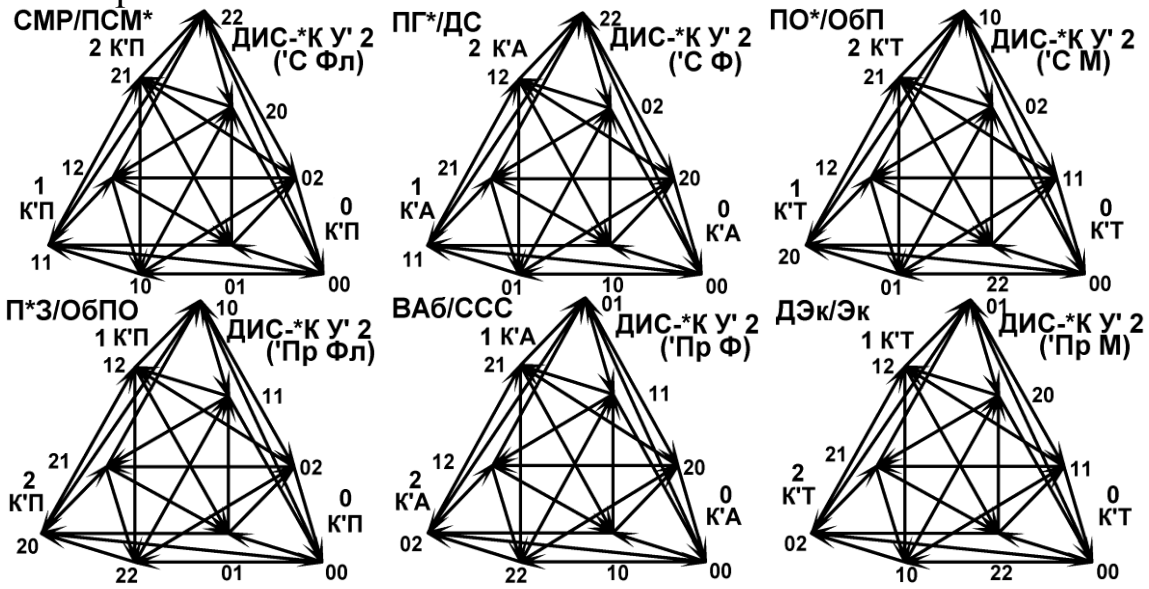


*Рис. 2. Базовые мутации ДИС-компьютера уровня 2 на языке канонической нумерации его вершин (ДИС-*К У' 2).*

В схеме на рис. 2 дан пример с анализом знаний, характеризующих в общем виде исследование в областях познания, обучения, проектирования.

Обозначения: базовые мутации триады: ВАб – воплощение абстрактного, ДЭк – доступ к эксперименту, ПГ – проверка гипотезы, П*З – понимание закономерностей, ПО* – понимание опыта, СМР – саморазвитие; базовые типы организации психики: ДС – давление страха, ОбП – обучение подражанием, ОбПО – обучение практическим освоением, ПСМ* – подключение к СМР Мироздания, ССС – созидание средств страхования, Эк – эксперимент; базовые аспекты проведения исследования: 'Пр – приложение, 'С – становление, соответственно, М – математики, Ф – физики, Фл – философии; остальное: К'А, К'П, К'Т – информационный критерий, соответственно, активный, пассивный, трансформирующий; М-А – математический аппарат как средство анализа и поддержки, П – понятие, СРП – средство работы с понятием.*

В Инсейфинге выделяются три этапа работы: начальный камеральный, интерактивный и завершающий камеральный. Камеральная осуществляется основным субъектом – организатором Инсейфинга. Здесь определяется, с учётом интересов и подготовленности заказчика, уровень абстрагирования, а также формируется сценарий, планируется продолжительность мероприятия, фиксируется то, какой результат должен быть получен и в каком виде он будет представлен. Определяется, будет ли смысловая схема разрабатываться вместе с группой или организатор предложит её в готовом виде. В данной фазе серьёзно проявляет себя креативный потенциал организаторов, их умение найти баланс между собственным исследовательским интересом и подготовкой и потребностями заказчика. На камеральной фазе, как правило, используются возможности визуализации рассуждений в виде КС, или, так называемых «смысловых» схем.

На интерактивной фазе Инсейфинга развёртывается коммуникация по заданному для группы сценарию. Ведущий начинает работу с презентации КС, по которой будет проводиться обсуждение. Если группа принимает КС, проводится распределение ролей. При работе с КС уровня два (девятивершинники на рис. 1), каждая из девяти категорий, обозначенных двузначными индексами, соответствует позиции эксперта. Эксперты разделяются на девять подгрупп. В соответствии с КС на рис. 1 это триады: 00, 01, 02; 10, 11, 12; 20, 21, 22. Подгруппы в каждом такте коммуникации объединяются в три группы. Инсейфинг, с одной стороны, располагает потенциалом для комбинирования значительного числа триад, с другой стороны, в условиях лимита времени ограничиваются комбинациями адекватными целям данного Инсей-

финга. Задача экспертов в генерации знаний, концентрируемых данной категорией, в интересах развития единого (системного) представления о всей триаде как о категории первого уровня дешифровки (0, 1, 2). Работа над этими категориями закрепляется за модераторами по каждой группе. Они организуют коммуникацию в группе, аккумуляцию результатов, представление отчёта группы. Т.о., для проведения Инсейфинга требуется минимум тринадцать человек (9 экспертов, трое модераторов, ведущий).

Логика Инсейфинга выстроена так, что первоначально на камеральной части работы движение осуществляется по пути детализации темы. Интерактивная часть представляет движение от деталей к их интеграции в общую картину, т.е. должна быть получена система с эмерджентными эффектами. В группах из трёх экспертов и модератора начинается обсуждение тем, обозначенных категориями – 0, 1, 2. Оно продолжается от 15 до 30 мин. Общность обсуждению придают вопросы, ассоциированные, соответственно, с индексами – 0, 1, 2; и по триадам циклически – 00, 01, 02; 10, 11, 12; 20, 21, 22. Иногда в работе используются так называемые «смысловые шаблоны». Например, шаблон выражается триадой вопросов: Что? Как? Зачем? Вопрос «что?» подразумевает характеристику предмета, составление понятийной базы. Вопрос «как?» указывает на инструментальную часть, т.е. какие методы, технологии могут быть здесь применены. Вопрос «зачем?» подразумевает формулирование для системы цели, а также указание на то, в какую более масштабную систему встраивается система, разрабатываемая в Инсейфинге. После обсуждения осуществляется переход к представлениям модераторами материалов. Выступления до 5 мин., после чего в течение до 10 мин. задаются вопросы и проводится обсуждение. После выступления третьего модератора сами модераторы образуют группу для обсуждения заданной для Инсейфинга темы. Их задача сформировать систему представлений, в которой были исходно заинтересованы участники. Обсуждение длится до 15 мин. после этого выступает один из модераторов до 5 мин., задаются вопросы и обсуждения до 10 мин. В случае, если были предусмотрены наблюдатели, они привлекаются в роли оппонентов для оценки презентуемых идей и предложений.

Собранные материалы становятся основой для завершающей фазы камеральной работы – подготовки заключений, предусматривающих концепцию, программу, технические задания и другую документацию для дальнейшей реализации проекта, обсуждаемого в Инсейфинге.

Золотухина-Аболина Е.В.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ЛЮДИ-ГЛОБАЛИЗАТОРЫ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Глобализация, о которой активно говорят и пишут в последние четверть века, стала привычным и почти устаревшим образом, присущим социальной теории. Если в 1975 году книга В.Е. Давидовича и Р.Я. Аболиной «Кто ты человечество?» могла восприниматься как новое откровение, то в наши дни обширное творчество целой группы авторов и, прежде всего, А.Н. Чумакова от его книги «Философия глобальных проблем» (1994) до «Планетарное человечество: на краю пропасти» (2016), написанной в соавторстве с И.И. Мазур и А.В. Кацурой, прочно поместило глобализацию в понятийное гнездо обществоведческого знания.

Да, глобализация идет, она идет как ураганный ветер, как землетрясение, как проливной ливень, периодически ее откатывают назад центробежные тенденции «глокализации», народы борются за сохранение своего лица, государства не хотят сдавать своих границ, культуры яростно сопротивляются нивелировке. И все же она наступает, невидимая, ползучая, неутомимая, безликая как природное явление. Всюду несет с собой одни и те же стандарты работы с компьютером и Интернетом, те же развлечения, продукты питания, способы организации жизни, всюду насаждает английский язык и прагматическую психологию. Глобализация-вестернизация. Весь мир как большая и довольно бедная американская глубинка. О таком ли единстве мечтало «прогрессивное человечество»?

Конечно, нет. И глобализация может быть и была разной. К тому же она вовсе не выступает чисто стихийным явлением, неким «космическим законом», «Логосом» или «Дао». Как и у всякого социального явления у нее есть субъектная сторона, ее движут конкретные люди, и далеко не все они придерживались стандартов «информационно-технической эпохи», хотя, несомненно, желали объединить человечество великими идеями взаимным и братским доверием.

Рассмотрим коротко ряд фигур, которые, несомненно, являются людьми-глобализаторами. Хотя не все они действовали прямо, и влияние их на обретение единства, конечно, нередко было косвенным.

Если мы вспомним идеи Карла Ясперса, то никак не обойдем вопрос об «осевом времени» (8-2 века до нашей эры), когда в разных

концах мира рождаются мировые религии, философия и «философская вера в последнюю тайну». Взгляды Ясперса, как мы знаем, противостоят воззрениям О. Шпенглера, столетие знаменитой книги которого мы отмечаем в 2018 году, и А. Тойнби, полагавших, что мир разбит и разъят на отдельные культуры, которые остаются достаточно автономными и живут почти как замкнутые организмы. Ясперс, хотя и говорит, что доказать единства человечества нельзя, тем не менее, утверждает это единство и указывает на великих основателей мировых религий – на Христа, Будду, Конфуция, Лао-Цзы. Именно эти имена открывают мировую историю, так как их деятельность всемерно способствовала объединению человечества. «… нет ни эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос», – эти слова апостола Павла из послания к коллосянам сами по себе по себе являются шагом к глобализации, к объединению человечества – в данном случае во Христе.

Но обратимся к последнему периоду истории.

Крупной личностью-глобализатором можно считать Владимира Ильича Ленина. В год, когда отмечается 100-летие Октябрьской революции, эта политическая фигура вновь вызывает откровенный интерес, хотя в отечественных СМИ – со стремлением принизить его роль в истории, подменив его Парвусом или Троцким. Ленин как теоретик революции и политик, несомненно, имел глобальный замах. Его ведущая идея, как известно, это идея мировой революции, восходящая к К.Марксу и Ф.Энгельсу. Однако Ленин как практик не просто имел в виду мировую революции в качестве идейного ориентира, он прилагал все силы для того, чтобы Россия как революционный запальник зажгла и взорвала Европу, которая должна была впоследствии сыграть роль более развитого экономически общества, каковое станет патронировать Россию.

Если учесть, что «европейское человечество» (Э. Гуссерль) распространяется и на Америку, и на Австралию, конечной целью было изменение общественного строя во всем мире, включая Азию и Африку. Собственно эту тенденцию мы прослеживаем дальше, когда Советский Союз поддерживал все национально-освободительные и социалистические движения на планете, надеясь последовательно привести их к мировой революции и крушению капитализма. «Перманентная революция» не осталась лишь выдумкой Троцкого, она последовательно реализовывалась политическими «внучатами Ильича» в последующие эпохи. Общественным идеалом Ленина, как он полагал, пригодным для всех народов, выступал коммунизм, отменявший частную

собственность на средства производства и устанавливающий господство трудового народа с целью дать миру подлинную справедливость – вознаграждать труд и открывать пути личностному развитию. И хотя глобалистический эксперимент социалистической революции не удался, она оказала огромное влияние на всю планету, разбудив в разных формах антибуржуазные тенденции и так испугав мировой капитал, что тот на время присмирел и пошел на попятную. Он начал делиться доходами с населением своих стран, создав на базе рыночного строя «общество потребления», которое буксует в наши дни. Так что вполне можно считать В.И. Ленина глобализатором крупного масштаба.

Другого мощного глобализатора, бодрого и деятельного, несмотря на высокий возраст, мы видим в лице Джорджа Сороса, крупнейшего финансиста современного мира. Владея огромным состоянием, постоянно его умножая за счет спекулятивных игр и финансовых афёр, Д. Сорос выстроил для себя проект перекройки жизни человечества, которому он неуклонно следует уже много лет. Так, в 1979 годы им был основан фонд Открытое общество», и по некоторым данным Сором направляет огромные деньги, – до 300 миллионов долларов, – на некоммерческие проекты, поддерживая отделения своей организации в 25 странах мира. Ради воплощения своего проекта Сорос вкладывается в образование, науку, политтехнологи и властные структуры многих стран, экономику и политику которых он стремится лично контролировать и направлять, выступая в одном лице как нечто вроде главы «мирового правительства».

В книге «Возраст погрешности» Сорос прямо заявляет, что его задача – создание «мира без границ», однако его не волнует справедливость, а только свободы, под которой он имеет в виду «свободу меньшинств». Меньшинства – национальные, социальные, сексуальные должны, с его точки зрения, доминировать над большинством. Сорос стремится изменить наличные нормы в многих областях жизни и поставить на их место патологию, объявляя это гуманизмом. Для этого Сорос оказывает влияние на Всемирную организацию здравоохранения, а ради «свободы и демократии» щедро вливает средства в «оранжевые революции». Его влияние распространяется на всю планету, изменяя культурные и социальные структуры. Массированные миграционные потоки из Азии и Африки в Европу – тоже результат активности господина Сороса. И здесь очень помогает продажность современных прагматически ориентированных людей, например, членов Европейского парламента или западных феминисток, которые готовы за солидную оплату проводить бредовые идеи своего патрона

в жизнь. Конечно, не все удается этому «человеку-глобализатору», но во многих моментах перекройки современного мира он преуспел не хуже В.И. Ленина.

Люди-глобализаторы это, как правило, говоря языком Л.Н. Гумилева, пассионарии. Они способны активно организовывать и вдохновлять на определенное дело других – и идеями и деньгами. Именно их усилиями происходит стягивание планеты в единый нераздельный организм, где чиханье в одном конце планеты громом отзывается в другом. Однако, хочется надеяться, что планы «глобализаторов» будут постоянно корректироваться противодействием центробежных и партикулярных тенденций, которые уравновесят и пылкий порыв, и методичность тех, кто хочет выстроить всю планету в одну линейку и придать любым движениям одно направление. К сожалению, деятельность «глобализаторов» часто чревата самыми мрачными последствиями в духе утопии и антиутопии. Именно поэтому им нужен действенный противовес.

Золотухин В.Е.,
докт. филос. наук, проф.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Процесс глобализации отношений, широко развернувшийся в современном мире, затрагивает самые разные отношения, что в полной мере относится и к национальным отношениям. Разумеется, здесь присутствует целый ряд специфических моментов, требующих специального анализа.

Такой анализ сегодня идет, выявляя все новые моменты взаимодействия народов и государств. По вопросу национальных отношений разворачиваются многообразные споры и дискуссии. Порой, утверждают авторы, процесс ведет, по сути дела, к размыванию этничности, формированию неких *абстрактных «граждан мир*а», независимо от цвета кожи и бывших традиций. Глобализация ведет не только к демократизации отношений, но и к *ценностной универсализации*. Информационная открытость ведет, в свою очередь*, к уязвимости национально-особенных черт*, хотя и в разной мере у разных народов.

Вместе с тем, далеко не все национальные культуры склонны идти на постоянные уступки и отступления в вопросе о своих нацио-

нальных особенностей. В литературе отмечают в этом плане прежде всего Японию. Здесь люди не согласны превращаться в « универсальных граждан мира», что проявляется в их конкретном мягком, но четком, поведении, отрицающем этническую обезличенность. Выделяются также в этом плане Китай, Индия и, с оговорками, Россия. Они в немалой степени трансформируют универсальные принципы глобализма, приспосабливая их к своим традициям. Подобные традиции оказываются устойчивыми, крепкими, неизбывными, что хорошо видно на ряде примеров развития нашей страны. Переходы от коммунистической, социалистической организации к буржуазно-либеральной, дальнейшее развитие в новых переходных формах *не смогло «переплавить» многие имманентные характеристики россиян* – уважение к прошлому, щедрость и душевную широту, неторопливость в делах, жалостливость к ближним, даже русский «авось» остается одной из устойчивых национальных черт.

Важно отметить, что в нашей стране есть давние традиции вписывания представителей разных национальных культур в некую единую общероссийскую культуру. Сегодня в России проживают несколько миллионов мигрантов из других стран, прежде всего республик бывшего СССР. Важно, что они в массе достаточно органично вписываются в наши современные реалии. Можно назвать здесь пример таджиков, которые находят свои лакуны в российском воспроизводственном цикле.

Глобализация выявляет также противоречия между «богатым Севером» и «бедным Югом» планеты. Здесь пока все находится в некоем переходном состоянии. К счастью, далеко не все процессы, идущие в мире, находятся под прямым управлением США, старающимся оставить за собой функции единственного современного мирового центра. Конкретная политика правительства Трампа сегодня это наглядно подтверждает: Трамп все больше стремится решать собственные проблемы США, чем императивно управлять миром. Нужно решать в первую очередь собственные проблемы страны, а не стремиться господствовать над всем миром, как было при Обаме и Хиллари Клинтон. Это четкая позиция президента Трампа, встречающая в США довольно много противников, но она следует из требований дня, из невозможности насильственной глобализации всех «на американский манер»,

Сложность процессов и их слабую управляемость усиливают современные тенденции международной миграции больших потоков населения. Так, за последние годы только в Европу прибыло несколько миллионов человек, которые, разумеется, приехали с разнообразными

нарушениями, по сути экстренно. Целый ряд немецких, французских, греческих городов превратились в сложную смесь национальных и инонациональных регионов с разными традициями и разным отношением к закону. В раде случаев расцвел национальный экстремизм, нередко с выплесками прямых угроз и насилия. Не случайно в этом плане ряд восточно-европейских стран повел жесткую политику относительно возможности приема на свою территорию мигрантов – особенно твердую позицию в этом плане заняла Венгрия. Понятно, что такие толпы мало контролируемых мигрантов просто поставили бы под сомнение то, что в Венгрии живут именно венгры и представители иных традиционных для Европы национальностей. А венграм не хочет исчезать с лица земли, они хотят жить и сохранять собственную идентичность. Зачастую мигранты проявляют безразличное, а то и просто отрицательное отношение к национальным традициям и истории принимающих обществ. Это постоянно подтверждается их вызывающим поведением.

Думается, что, прежде всего, следует в общеевропейском масштабе ужесточить и формализовать формы приема мигрантов в иные страны. Без этого могут быть очень тяжелые последствия для любой страны, ее народов, ее этносов. Кроме того, необходимо упорядочить формы использования труда мигрантов. Если нужно, то обучать их и переобучать, внимательно следя за дисциплиной, не позволять им теснить культуру народов-хозяев, лишь тогда возможно сохранение этнонационального многообразия, лишь в этом случае тенденция глобализации будет дополнена разнообразием народов, а не их поглощением и исчезновением.

Попов В.В.,
докт. филос. наук, проф., ТИ им. А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В рамках постнеклассического изучения социума весьма важное значение приобретает интерпретация таких категорий, как время, пространство, движение и т.д. С точки зрения общей программы данной работы, нас, в первую очередь, интересует проблема социального времени в контексте деятельностного подхода к социуму с учетом индивидуальных ценностно – целевых установок социальных субъектов.

Так, Е.М. Сергейчик справедливо отметил, что «переход от классического к неклассическому, а затем к постнеклассическому типу

рациональности производен от перехода к новому статусу бытия. Множество его аспектов обобщается, рефлексируется в современной философии, в том числе и в концепциях онтологического конструирования. Ее логическая проекция – логика оперирования с бытием. Современный тип рациональности требует, чтобы феномен времени в различного рода рассуждениях был проработан, промыслен, «связан» с мыслью. М. Хайдеггер не зря подчеркивая приоритет времени бытия человека, жизненного времени перед физическим временем. Существует и проблема соотношения различных горизонтов времени. По И. Канту, время является внутренней формой человеческой чувственности, по К. Марксу – количественной мерой движения, в том числе и деятельности человека, по Эйнштейну – формой отношений между физическими объектами, по А. Бергсону – творческим порывом (в первую очередь, всего живого), по М. Хайдеггеру – горизонтом человеческого бытия, по П. Сорокину – функциональной системной характеристикой, по А. Прайору – конструктом, который непременно должен найти свое логически-операторное выражение. И в этих определениях никто не ошибался – каждый по-своему прав. Проблема в том, чтобы согласовать различные концепции времени на путях преодоления разобщенности рационального, деятельностного и человекоцентристского подходов. Надо дать не только качественную, но и количественную характеристику границ рациональности в современной философии истории»[1].

Социальное время – это то, что имеет отношение к актуальной социальной реальности, то есть эпохи, которая имеет место в действительности, соответствует специфическим глобальным параметрам ситуации в мире, стране, к событиям, которые напоминает эта реальность. Это фактически то, что относится к духовной сфере конкретного социума, но это не обязательно ситуация глобального масштаба. В этой связи весьма интересны результаты, связанные с анализом проблемы социального времени, хотя в последние годы в литературе эта проблема должного внимания не получила. Между тем, нельзя не отметить работы А.Ф. Аскина, Ю.Б. Молчанова, В.И. Молчанова, Н.Н. Трубникова, Ю.П. Яковлева. В основном акцент делается на процедурном описании так называемого нормативного эмпирического исследования.

С другой стороны, сама методология научного исследования фактически не поставила на приоритетные позиции самостоятельное осмысление понятия «социального времени», хотя в рамках западной

[1] *Сергейчик Е.М.* Философия истории. СПб., 2002. 520 с. С. 15.

философии в этом плане можно указать на работы Д. Бентема, Г. фон Вригта и др., где эта проблема нашла должное освещение[1].

Появились новые значимые для исследования социальной действительности коллизии; в принципе исследование должно определить дух эпохи, который носит глобальный или локальный характер по отношению к проблемам и контекстам их изучения. Ситуация в стране меняет возможности получать именно объективную информацию, социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и темп социальных исследований. Социальное время присутствует в исследовательской методологии макропараметрами, политическим строем, экономическим состоянием страны, в которой живет сам исследователь. В этом же контексте можно сказать, что социальное время определяет и саму систему организации науки. Как представляется, в настоящее время потерялась масштабность и глубина исследований, зато появилось определенное разнообразие в тематике и подходах, оперативность в реализации исследований и др. Конкретно социальное время присутствует в исследовании технических коммуникационных достижений, которые представляет каждая отдельная эпоха или конкретный социум.

Социальное время отражается на исследованиях специальных этапов развития самой социальной науки, в ней появляются новые объяснительные теории, новые методы, разрабатываются новые технологические возможности, создается программное обеспечение. В последнее время наблюдаются все более мощные гуманистические приоритеты, расширение области исследований, поворот внимания ученых к множеству новых подходов к социальной жизни в рамках социального времени. Периодически и научное сообщество испытывает серьезный прессинг отдельных научных направлений. В этой связи можно привести и функционализм, и бихевиоризм, и тот же материализм.

Локальное социальное время меняет и взаимоотношения социально-гуманитарных наук с другими отраслями знания[2]. Конечно, нельзя не сказать, что локальное социальное время представилось в нашей российской науке ощутимым под давлением некоторых западных стандартов в практике проведения эмпирических исследований. В частности, наблюдается неоправданная широкая распространенность, например, стандартизированного интервью и самых стан-

[1] *van Benthem J.F.A.K.* Points and Periods // Time, Tense and Quntifiers. Tubingen, 1980. P. 39-57; *фон Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования. М., 1986

[2] *Веселкова Н.В.* Глобальное и локальное в социальном времени: фрагментация или сохранение целостности? М., 2003. С. 12.

дартизированных опросов социологических позиций, которые порождают целый ряд необоснованных социальных смещений по отношению к тому результату, который, по крайней мере, в настоящее время выступал бы в качестве некоторого агрегированного результата.

Внешним социальное время полагается примерно в таком смысле, в каком астрономическое время условно полагается внешним для социального. Напомним, что сама идея социального времени никак не может считаться внесоциальной, то есть вечной; более того, если условно считать, что социальное время – это время, заполненное социальными процессами, событиями и субъектами, то сама эта идея, как и идея социума, может считаться одним из социальных событий Однако как понятие и термин социальной науки в целом социальное время получило развитие только в исследованиях французских и английских историков XVII–XVIII веков[1].

Предположим, что характеристикой социального времени будет точность помещения конкретных процессов и событий во временной ряд, а также высокая динамичность в смене событий. Однако проведенные исследования опровергают данные гипотезы, обнаружив достаточно вольное обращение с проблемой времени. Речь идет о возможных исследованиях в рамках какой-то сферы социального времени и о более широких проблемах, связанных, например, с российской ментальностью вообще и тем социальным временем, которое воспринимается в рамках этой ментальности, и соответственно есть выход на более форматные проблемы, связанные с соотношением социального времени и проблемой ментальности.

Описывая события как процессы, человек придает целостное ощущение общественной жизни, всеобщей связанности. Отказ от точных дат в пользу иносказаний ведет к эмоционально-оценочному характеру информации, что фактически ведет к постмодернизму[2].

В этой связи отметим, что имеются разные подходы к вопросу о том, что следует понимать под социальным событием или явлением, его началом и концом. Под событием или явлением можно понимать свершившийся, субъективно значимый объект действия, сохраняющий актуальность и встроенный в определенный, не утративший актуальность для некоторого субъекта, контекст. При этом субъектом деятельности может быть как индивид, так и социальная группа любой размерности: от нескольких субъектов до общества в целом; соответ-

[1] *Дорофеев Д.Ю.* Ретроспектива и перспектива в историческом и временном опыте человека // Метафизические исследования. 1997. № 2. С. 129-142.
[2] *Карпенко А.С.* Фатализм и случайность будущего: логический анализ. М., 1990. 200 с.

ственно будет выделяться и субъективная значимость и принадлежность данного события к контексту: события в жизни индивида, социальной группы и т.д. Событие находится в прошлом, но через значимость связано с настоящим, открыто для настоящего и будущего для длящегося времени, но настоящее открыто и для прошлого в настоящем, то есть, структурируя будущее, можно различать события и в будущем: это будет перенесение схемы произошедшего в будущее[1].

В современной литературе широкое распространение имеет мнение, что настоящее время – это отделяющее прошлое от будущего бездлительное мгновение. Представление о бездлительности настоящего времени заставляло многих мыслителей отказывать социальной и исторической действительности в истинном бытии. На самом же деле любой социальный процесс, пока он существует, он существует в настоящем времени. И хотя наполняющие социальную и историческую реальность конкретные социальные и исторические объекты не могут существовать бесконечно долго, они не приходят в настоящее время из будущего и не удаляются в прошлое, а возникают и перестают существовать в результате происходящего в настоящем времени движения социальной и исторической действительности. Из будущего возникают и в прошлое уходят не объекты и процессы социальной реальности, а лишь их состояния.

Прошедшее время – это отражение в человеческом сознании цепочки тех объективно существовавших и сменивших друг друга событий и состояний социальных объектов, которые в реальной социальной действительности уже перестали существовать, но их информационные образы либо сохранились в человеческой памяти, либо формируются в его сознании благодаря полученной об этих событиях информации.

Будущее время – это существующая в человеческом сознании цепочка образов тех еще не наступивших событий и состояний социальных объектов и процессов, которые сменяют друг друга, могут реализоваться в будущем как явление настоящего времени. Основой формирования в человеческом сознании подобной абстракции является то обстоятельство, что протекающее в настоящем времени социальные процессы и изменения состояний подчиняются объективным законам, зная которые можно предвидеть будущее состояние социума. Актуальное существование, или длительность социальной реальности, – это процесс непрерывных количественно-качественных изменений, напол-

[1] *Веселкова Н.В.* Глобальное и локальное в социальном времени: фрагментация или сохранение целостности? М., 2003. С.12; *Popov V.V.* Time and change: Leibniz's conseption and contemporaneity // Anology and expression in Leibniz. Madrid, 1989. P.88-98.

няющих ее социальных объектов, в ходе которого возникают новые и исчезают ранее существующие социальные объекты и, таким образом, происходит постоянное обновление или непрерывное становление социума. Это и есть его социально-временное бытие[1].

Итак, реальное существование социальных объектов представляет собой процесс непрерывной смены их состояний. Причем актуальной реальностью обладают какие-то конкретные состояния объектов, тогда как другие его состояния, в которых объект уже был или еще только будет, находиться либо в прошлом и их уже нет, либо в будущем и их еще нет. С этими сменяющими друг друга состояниями связаны соответствующие моменты времени. Обычно понятие «момент времени» рассматривается как синоним «мгновение». Однако мы считаем, что понятие «момент» целесообразно связать со сменяющими друг друга состояниями объекта и процессов социальной действительности, а под «мгновениями» понимать предельно малые, бездлительные интервалы времени.

Человек обладает определенным потенциалом для регулирования своего пребывания в рамках социального времени, оказывая влияние на его плотность и структуру. Однако возможности контроля социального времени у разных субъектов различаются. На одной стороне безвластные индивиды, неспособные контролировать даже своё время в течение суток, на другой – индивиды и группы, способные навязать темп практики и структуру времени на обширных участках социального пространства, например, в масштабах государства.

Штомпель Л.А.,
докт. филос. наук, проф., ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ ГОРОЖАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие мировой экономической системы (основывающейся, с одной стороны, на разделении экономической деятельности между ведущими корпорациями мира, а с другой – на интеграции её в связи с усилением центральных общих функций по управлению, координации и финансированию всей этой сложной системы) привело в последние десятилетия к формированию нового типа города – «глобального города». Применение термина «глобальный город» впервые было

[1] *Перов Ю.В.* Историчность и историческая реальность. СПб., 2001. С. 90; *Подлипский В.В.* Основы метафизики истории // Метафизические исследования. СПб., 1997. № 2. С.108-128; *Раппопорт Х.* Философия истории в ее главных течениях. СПб., 1998.

осуществлено С. Сассен[1], которая обосновала также и предпочтительность этого термина по сравнению с другими, близкими, но не совпадающими с ним по значению: мировой город (П. Холл), информационный город (М. Кастельс), супергород (Ф. Бродель). Глобальный город представляется С. Сассен как огромный информационный центр, специализирующийся на выполнении центральных стратегических функций – управления, координации, обслуживания, финансирования всех операций транснациональных компаний. При этом часть этих функций фирмы могут передавать на аутсорсинг, а свои штаб-квартиры размещать в любом месте Земного шара (другими словами, сами штаб-квартиры не обязательно должны находиться в крупнейших городских центрах).

В результате территориальное и социально-экономическое неравенство в крупнейших городах будет усиливаться: от работающих в высокоспециализированных сервисных компаниях квалифицированных и хорошо оплачиваемых профессионалов будет требоваться не только высокий профессионализм, но и готовность ко всё возрастающей интенсификации труда и к пространственной мобильности. Последнее обстоятельство приведёт к тому, что эти люди будут лишаться таких важнейших элементов социальной идентичности, как идентичность с местом проживания, идентичность с городом и идентичность с людьми, его населяющими. На другом полюсе будут находиться работники производственных услуг (сравнительно ниже оплачиваемые и менее мобильные). Но и те, и другие могут пополняться за счёт этнических мигрантов, «вживание» которых в тела новых для них городов всегда является довольно болезненным процессом. Потоки мигрантов в условиях новой стадии транснациональной экономики также будут обладать другими чертами, нежели те, которые мы могли зафиксировать на материале колонизации Северной Америки европейцами или различных волн эмиграции XX века. Эти черты формируются под влиянием «денационализации» городского пространства и «деэтнизации» социально приемлемого поведения.

Если вернуться к проблеме трансформации городской идентичности в условиях глобального города, то можно предположить, что она будет если не вытеснена, то оттеснена на задний план идентичностью корпоративной. Действительно, формирование городской идентичности связано с соотнесением образа жизни и стиля социального взаимодействия человека с доминирующим образом жизни и характером

[1] См.: *Sassen S.* The New Labor Demand in Global Cities // Cities in Transformation. California, 1984.

взаимодействия, принятым в городе[1]. Однако, разнообразие человеческих культур-антропологических типов, форм взаимодействия, интенсивность социальных контактов, мобильность, возрастание неопределенности, подчиненность социально обусловленным ритмам и нормам поведения «своей» корпорации вынудят индивида включать в структуру Я-концепции в проекции места в первую очередь обозначения не типа «лондонец» или «москвич», а член совета директоров или менеджер General Electric, General Motors, Google, Газпром и т.д.

Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о трансформации всей структуры социальной идентичности личности (включающей разнообразные виды идентичностей: этнической, гендерной, возрастной, профессиональной, топологической и т.д.) под влиянием специфических условий жизни, складывающихся в глобальном городе.

Хубулури Е.И.,
докт. полит. наук, доц.,
РГУПС (г. Ростов на Дону)

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В нынешнем быстро меняющемся мире, характеризующемся стремительным научно-техническим прогрессом, созданием единого информационного пространства, резким усилением и увеличением трансграничной торговли товарами и услугами, тенденцией к созданию интеграционных объединений на региональном и универсальном уровнях, резко меняются условия существования государств, обществ и народов. Наиболее обсуждаемой юристами и политологами и в то же время спорной и наименее понятной тенденцией современного мира является, на наш взгляд, глобализация.

Существуют разные подходы в определении того, что понимать под глобализацией, какие аспекты и сферы она охватывает, насколько глобализация является универсальной и всеобъемлющей тенденцией мирового политического развития и т. п. Известный исследователь феномена глобализации Ж. Баден отмечает наличие трех измерений глобализации: 1) как постоянно идущего исторического процесса; 2) как гомогенизации и универсализации мира; 3) как разрушения (размывания) национальных границ.

[1] См.: *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. 160 с.

В свете предмета нашего исследования наибольший интерес представляет последнее из названных Ж. Баденом измерений – разрушение (размывание) государственных границ, которое, на наш взгляд, в наибольшей степени отражает суть современного этапа глобализации. Сначала границы национальных государств оказались прозрачными в экономическом отношении. Затем этот процесс охватил социальные, военные, политические, культурные и прочие отношения. Наиболее заметно этот процесс проходил в Западной Европе, где на основе Европейского Объединения угля и стали, созданного в 1951 г. и призванного координировать и стимулировать экономической развитие шести европейских государств после Второй мировой войны, к концу XX века был создан Европейский Союз (ЕС) – мощнейшая наднациональная организация.

Как следствие принципиально иного информационного и технологического уровня развития мира, являющегося важным политикообразующим фактором, становятся все более прозрачными межгосударственные границы. Прозрачность границ, сопровождаемая активизацией надгосударственных, межправительственных и многочисленных неправительственных организаций, ТНК и других акторов в международной жизни, привела также к необходимости помимо изучения политики отдельных государств глубокого исследования взаимодействия государств, международных организаций на мировой арене. В этой связи особую значимость приобретает проблема основного института политической власти – государственного суверенитета. Вызвано это тем, что в современном мире государства все в большей степени вынуждены поступаться частью своих прерогатив, будучи ограниченными в принятии тех или иных политических решений. Многие исследователи, изучая вопросы статуса суверенного государства в условиях глобализации, отмечают ряд тенденций, свидетельствующих о постепенной «эрозии» суверенитета в его традиционном понимании. В частности, Л.Е. Гринин, выступая на «круглом столе» в Кыргызско-Российском Славянском университете в 2014 г., отмечал, что «объем государственного суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей и еще больше уменьшился в связи с уже сложившимися традициями». В этом же ключе выступает и И.Ю. Вовк, объясняя этот феномен тем, что многие акторы (международные организации, региональные организации, ТНК, инвестиционные фонды, страховые компании и другие субъекты международных отношений) заинтересованы в устранении государственных барьеров и в дальнейшем углублении интернационализации и глобализации.

«Явное заметное ослабление роли государственных институтов, – отмечает И.Ю. Вовк, – приводит к возвышению международных или глобальных институтов, берущих на себя функции защиты и охраны как внутреннего, так и внешнего для каждой страны порядка. Более конкретные и тесно сотрудничающие с населением институты заменяются на более абстрактные, отдаленные от национальной специфики глобальные нормы, поддерживаемые судами и силовыми структурами, функционирующими на основе международного права».

Действительно, в последнее время, начиная с 50-х годов прошлого столетия, все более важным становится процесс интеграции государств в добровольно создаваемые ими международные организации, различные региональные надгосударственные объединения. Создавая все эти международные организации путем заключения соответствующих международных договоров и формируя при этом транснациональные органы власти, государства действуют в международном правовом пространстве, поскольку принимаемые ими обязательства становятся общими для всех договаривающихся сторон. В результате создаются транснациональные структуры, своего рода пространства «объединенного суверенитета», которые определяют новый контекст глобальных или региональных проблем и дают возможность подходить к их решению подобно тому, как подходят к ним международные корпорации. Однако, по мнению Ульриха Бека, «такая стратегия имеет свою цену». В частности, «за открывающиеся перспективы и новые возможности управления, то есть за экспансию политического суверенитета и политического контроля, приходится расплачиваться «самоденационализацией» – ограничением независимости национальных правительств».

Таким образом, У. Бек утверждает, что участие государства в транснациональных структурах, добровольно создаваемых суверенными государствами, ограничивает его независимость и, как следствие, ограничивает суверенитет. Мы же полагаем, что государства, сталкиваясь с нарастающей конкуренцией за инвестиции, рынки сбыта, энергоресурсы, сознательно идут на образование различного рода наднациональных структур, которые могут укрепить их позиции в глобализированной экономике. Представляется, что заключенная в самой природе государства ориентация на национальное, которая во многих случаях становится препятствием на пути транснациональных инноваций, помехой развертыванию новых форм государственности и новых аспектов международной жизни в эпоху глобализации, должна уйти в прошлое. Государства вступают в соглашения друг с другом

и передают часть своих суверенных прав создаваемым наднациональным организациям ради обретения властями новых возможностей – причем не только на международной арене, но и в пределах собственных границ. Переговоры и соглашения, основанные на международно-правовых нормах и направленные на достижение глобального (регионального) консенсуса, определенно расширяют возможности государства в самых разных сферах. При этом государства не ограничивают и тем более не отказываются от части национального суверенитета в пользу наднациональных региональных и международных организаций, а также международных судебных учреждений.

Если исходить из понимания суверенитета как возможности влиять на происходящие события в мире и решения глобальных (региональных) проблем политическими методами, обеспечивать благосостояние и защиту прав и свобод граждан, а также преуспевать в борьбе с транснациональной преступностью, в защите окружающей среды, поддержании общественной и военной безопасности, то расширение сотрудничества и интеграции в этих областях, предполагающее передачу государством своих суверенных прав наднациональным структурам, следует воспринимать как укрепление реального суверенитета. Реализация суверенитета государства заключается, на наш взгляд, в его способности контролировать и участвовать в происходящих событиях, принимать участие в многосторонних договорах и международных организациях путем взятия на себя международных обязательств. Этот суверенитет растет по мере повышения уровня жизни его граждан, их безопасности, равно как и повышения их технологических и экономических возможностей. Как справедливо отмечает профессор А.А. Моисеев, «любой международный договор несет в себе как реализацию государственных прав, так и в различной степени ограничение прав его государств – участников. Суверенные государства, преследуя свои национальные интересы, добровольно соглашаются осуществлять и делегировать свои права посредством международных договоров».

При этом делегирование государством своих суверенных прав в пользу наднациональных институтов не сокращает указанных способностей государств, а напротив, укрепляет их и, следовательно, укрепляет суверенитет отдельного государства.

В то же время многие авторитетные теоретики международного права продолжают оставаться уверенными в идущем процессе современной социализации, в естественной кончине института суверенного государства как защитника частной собственности. Их высказывания

о «закате суверенитета» в научных публикациях подхватывают и наши ученые, заявляя, что главным следствием глобализации является «значительное ослабление государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса». Так, известный российский правовед, академик С.С. Алексеев отмечает в свою очередь, что суверенитет – продукт прошлого, под прикрытием которого авторитарные режимы творят в своей стране что угодно.

Л.Е. Гринин также утверждает, что «и раньше, и сейчас на практике суверенитет государств ограничивался разными вещами»[1]. Рассматривая суверенитет как некий первичный предельный и абсолютный объем власти, Л.Е. Гринин выдвигает тезис об объективном характере процесса сокращения суверенитета современных государств. При этом он утверждает, что производительные силы превысили национальный объем, и границы становятся все более интернациональными, а политические институты отстают от развития экономики, которая давно вышла за национальные рамки и требует наднационального планирования. Современное развитие производительных сил – одна из важнейших причин изменения характера власти и суверенитета. Автор полагает, что, поскольку «объем государственного суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей и еще больше уменьшился фактически в связи с уже сложившимися традициями», одна часть суверенитета переходит к международным организациям, а другая – к наднациональным региональным объединениям. Такой концепт длящегося и быстро сокращающегося в условиях глобализации суверенитета как некоего первичного предельного и абсолютного объема государственной власти, базирующийся на том, что глобальный процесс интеграции государств в надгосударственные объединения «расчленяет суверенитет» на внутренний и внешний, с точки зрения перехода ряда важных полномочий от государства к надгосударственным образованиям или международным организациям, едва ли имеет право на жизнь. В данном случае, на наш взгляд, имеет место подмена понятия «суверенитет» термином «полномочия», поскольку, как известно, при заключении тех или иных международных договоров количество и качество суверенитета национального государства не уменьшается, а только передается ряд его властных полномочий международным организациям или надгосударственным структурам.

[1] *Гринин Л.Е.* 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов, с. 188– 223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 191.

Анализ работ отечественных и зарубежных специалистов показывает, что сегодня четко проявляются тенденции, направленные на перенесение общего отношения к суверенитету государств – ограничение суверенитета – в сферу экономической интеграции. Усиление экономической интеграции, вовлечение государств во все более широкий круг различных интеграционных объединений, рост взаимозависимости государств, хотя и ведет к тому, что многие решения, принимаемые тем или иным государством по вопросам, ранее относившимся к их внутренней компетенции, в настоящее время принимаются в органах интеграционных объединений, однако это обстоятельство не означает ограничения суверенитета, а напротив, ведет к обогащению понятия государственного суверенитета. Создавая интеграционное объединение или вступая в него, государства, реализуя свой суверенитет, передают органам этого объединения часть своих суверенных правомочий.

Поддерживая позицию большинства юристов, считающих, что суверенитет государства имманентно присущ государству и является категорией, фиксирующей признаки верховного властвования и не подлежащей разделению, ограничению, увеличению или уменьшению, и учитывая также отсутствие единого подхода к определению этого понятия, считаем необходимыми дальнейшее переосмысление и переоценку понятия «суверенитет». такая необходимость обусловлена возникновением мирового политического сообщества, а также значимостью проблемы сохранения и развития национального суверенитета в условиях экономической интеграции.

Чапны Е.В.,
канд. филос. наук, Институт философии
и социально-политических наук,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР В XXI ВЕКЕ: НОВЕЙШИЕ АНТРОПОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Антропологическая проблематика в единстве с пространством культуры занимает значимое место в философском дискурсе современности. Западноевропейская культура на протяжении последнего столетия пребывает в состоянии существенного антропотехнологического преобразования, о чем свидетельствуют как научно-теоретические исследования, так и опыт проживания человека в контексте современной технокультуры. Необходимость такого преобразования во многом обусловлена нарастанием глобальных проблем человечества,

демонстрирующих антропологический кризис глобального мира XXI века, преодоление которого предполагает выход цивилизации на качественно новый уровень развития.

Исследование новейших антропотехнологических перспектив, на наш взгляд, не представляется продуктивным вне контекста новой становящейся в современном научном познании «парадигмы сложности». Основные методологические и эпистемологические предпосылки парадигмы сложности присутствуют в работах основоположников синергетики Г. Хакена, И. Пригожина, отца кибернетики «второго порядка» фон Ферстера, «теоретиков хаоса» исследовательского центра Санта-Фе, таких «философов сложности и неопределенности» как Ж. Делез и Ф. Гваттари, «трансдисциплинарного мыслителя» Э. Морена, философа-социолога Н. Лумана, создателей концепции автопоэзиса Ф. Варелы и У. Матураны, а также Дж. Спенсера Брауна – одного из англоязычных основоположников так называемого «дифференциалистского мышления», основанного на концепциях самореферентности и рекурсивности.

Кроме того одним из приоритетных направлений современного философско-антропологического исследования становится изучение процессов коэволюции человеческого тела, сознания и среды, с учетом телесно-ориентированного подхода к когнитивным процессам в парадигме постнеклассики, что предполагает выявление телесной обусловленности ментальных процессов; понимание синергийной взаимосвязи телесного и ментального в человеке в контексте антропотехнологических преобразований. При этом междисциплинарные исследования в области философии в настоящее время оперируют новым концептом, таким как «конвергирующие технологии». Данный концепт предполагает синергетическое взаимодействие между различными областями научного знания: нейронаукой и философией, когнитивистикой и нейрофизиологией, нанотехнологиями и науками о человеке и т.д.

При этом обсуждение конвергирующих технологий становится серьезной площадкой для гипотез и исследований, направленных на прогнозирование будущего глобального мира в XXI веке. Такое понимание конвергирующих технологий стало развиваться в тесной связке с НБИК – инициативой, выдвинутой в 2001 г. Национальным научным фондом США. Это был так называемый НБИК–тетраэдр (авторы концепции М. Роко и В. Бэйнбридж[1]), включающий в себя конвергентные технологии, среди которых нанотехнологии, биотехнологии (и генная

[1] *Roco M., Bainbridge W.* Converging Technologies for Improving Human Performance. NSF-DOC Report. Boston: Cluwer, 2003.

инженерия), информационные (и коммуникационные) технологии и когнитивные науки, которые играют решающую роль в решении проблемы «технического усовершенствования человека». Хотя дебаты по поводу улучшения человека и его физических/интеллектуальных способностей велись задолго до появления концепции НБИК, все же с ее появлением они вышли на новую стадию.

В этой связи намечается ситуация, где человек стремится трансформировать свое тело изнутри благодаря нано-, био-, информационным, когнитивным технологиям; и в то же время делает попытки «выносить границы» своего тела наружу через технологии Гибридной реальности и панкоммуникации (Состояние всеобщего единения обозначается термином панкоммуникация – ситуация, когда делокализация (в том числе делокализация тела) приводит к взаимодетерминации технобытия человека и его культурной среды. Такая Гибридная среда предполагает реализацию проектов Интернета вещей и Разумной среды. В Китае, Японии, странах ЕС эти проекты, как основные направления Гибридной реальности и панкоммуникации, приняты на государственном уровне в качестве приоритетных направлений, наряду с нанотехнологиями, и обусловлены ожиданием социополитических, экономических и социокультурных эффектов[1]).

В контексте нашего исследования отсылка к содержанию НБИК-конвергенции, панкоммуникации (технологиям Гибридной реальности, Интернета вещей) необходима по ряду причин.

Можно предположить, что в содержательном плане проект создания Гибридной реальности проистекает из имманентной потребности человека в телесном вовлечении в окружающий мир, где нет четкой границы тел, отделяющей внутреннее от внешнего, где ничто не мешает физическому смешению и взаимопроникновению; где тело – проводник, интерфейс, с помощью которого осуществляется связь внутреннего и внешнего миров, связь сознания со средой. Как нам представляется, представление о тотальной межсвязности – ничто иное, как попытка средствами нанотехнонауки воскресить частично утраченную способность полного телесного вовлечения в окружающий мир.

Быть может, мы пользуем этот интерфейс (биологическое тело) далеко не на полную мощность и знаем очень мало о возможностях, которые нам предоставляет тело. Но если согласиться с М. Джонсоном в том, что у человеческого тела есть, как минимум, пять измерений

[1] *Cook D., Das S.* Smart Environments: Technology, Protocols and Applications. Willey-Interscience, 2005; Vision and Challenges for Realising the Internet of Things / E. Sundmaeker, P. Guillemin, etc. European Commission, 2010.

(тело как биологический организм, экологическое тело, феноменологическое тело, социальное тело, культурное тело)[1], каждое из которых представляет собой океан смыслов; то возникает вопрос, сможем ли мы воспроизвести эти смыслы, создать их удачную полную копию для того, чтобы впоследствии пересадить сознание (если, конечно, будет найден ответ на вопрос, что есть сознание) на небиологический субстрат? Может ли проект Гибридной среды стать совершеннее мудроорганизованной целостности «тело-сознание-среда»?

Не получится ли так, что в попытке освободиться от «оков» бренного изнашиваемого тела, мы утратим и нечто очень важное. Как справедливо отмечает В.С. Степин, «человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован… Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности»[2].

Конечно, подобные теоретические исследования не содействуют на все сто процентов стремительно развивающимся в контексте антропотехнологических исследований трансгуманистическим проектам, но, быть может, осмыслить их сейчас куда более важно, чем создать искусственные клетки крови, сетчатку глаза и прочие высокотехнологичные атрибуты «постчеловека».

Развитие НБИКС-конвергенции создает перспективу радикального продления жизни, и, тем самым, новую антропологическую перспективу, которая расширяет горизонт биологически ограниченной ментальности, что может служить условием преодоления антропологического кризиса. Здесь же возникает множество дискуссионных вопросов, которые принято относить к сфере биоэтики, этики науки, национальной безопасности. Каким образом изменение биологической природы человека скажется на его ментальности? Что станет с самой жизнью и разумом? Возможно, осмысление этих вопросов в настоящее время будет способствовать предотвращению развития ряда проблем, которые впоследствии могут только усугубить современный антропологический кризис.

---

[1] Здесь также уместно вспомнить о стратах человеческой телесности, описанных Э. Гуссерлем: тело как материальный объект, тело как живой организм, тело как выражение и смысл, тело как объект культуры.

[2] *Степин В.С.* Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Дубровского Д.И. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 19.

Пазина Л.О.,
Миронова О.А.,
канд. экон. наук, доц.
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Наиболее яркими тенденциями развития человечества и мировой экономики в XXI веке принято считать глобализацию и постиндустриализацию. Обе они обусловлены существенными изменениями в производстве, обмене и потреблении под воздействием научно-технического прогресса. Наиболее ярко они проявляются в акцентировании внимания на нематериальных результатах труда, при этом основным источником конкуренции становятся знания и информация.

Объективной предпосылкой нового качества глобальной экономики является интенсификация развития производительных сил и всех хозяйственных процессов на основе использования принципиально новых коммуникационных и информационных технологий. Глобальной тенденцией становится каскадное применение научных, технических, коммуникационных инноваций, развитие новых направлений в управлении, в том числе в маркетинге и логистике.

В условиях формирования глобальной экономики и развития процессов постиндустриализации трансформируется структура потребления. Современное общество может быть охарактеризовано как «общество массового потребления», в котором уже сформировавшиеся особенности индустриальной эпохи дополняются специфическими чертами общества новой эпохи, приводящими к изменению поведения потребителей. Усиливаются материальный гедонизм, культ удовольствий и развлечений, которые для ряда потребителей превращаются в высшую ценность и становятся синонимом успеха, счастья, широко распространяется «демонстративное» (по Т. Веблену) или престижное потребление.

Однако можно утверждать, что в настоящее время закладываются основы формирования нового стиля поведения в социуме и в экономической сфере, нового стандарта потребления, который будет иметь специфические особенности и отличаться от нынешнего. В условиях постиндустриализации индивид имеет возможность противостоять навязываемому ему сверхразнообразию потребительских благ, целиком или частично заимствуя уже сформировавшиеся, готовые

стили потребления. Сервисные фирмы, пропагандируя свой набор услуг, пытаются сориентировать различные слои населения на эти уже сформировавшиеся стили. И в данном случае уместно говорить об ориентации на слои населения, дифференцирующиеся не столько по социальному статусу, сколько по принадлежности к тому или иному поколению, по-разному воспринимающему мир и происходящие в нем изменения и, соответственно, имеющему собственную систему ценностей. Так, коробка конфет для представителей старшего поколения сегодня – подарок, который принесет гораздо больше радости, чем смартфон или любой другой гаджет, в то время как для ребенка подарок в виде коробки даже дорогих элитных конфет вместо планшета или мобильного телефона превратится в огромное разочарование.

Поколение в наиболее общем понимании этого слова представляет собой группу людей, рожденных в определенный временной промежуток, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, что позволило выработать представителями данной группы примерно одинаковую систему ценностей. Несмотря на то, что люди обычно не задумываются об этом, их поведение в повседневной жизни и их экономическая деятельность определяется преимущественно данными ценностями: манеры общения, руководства и разрешения конфликтов, отношение к образованию, мотивация и стиль потребления, управление и целеполагание сегодня будут различаться для представителей разных поколенческих групп.

Среди зарубежных исследований специфики восприятия реальности представителями различных поколений сегодня наибольшей популярностью пользуется разработанная в 1991 году теория поколений Нейла Хоува и Вильгельма Штрауса. В основу их теории положена классификация поколений, основанная на сходстве ценностей, под которыми понимается значимость тех или иных предметов, процессов и явлений реальной действительности с позиции их соответствия или несоответствия человеческим потребностям в разрезе отдельных лиц, социальных групп и общества в целом.

В качестве основы своей теории ученые рассматривают ценности представителей разных поколений. С их точки зрения, базовые ценности человека, определяющие его дальнейшее поведение в социуме и в экономике, формируются до достижения им 12-14 летнего возраста под воздействием не только воспитания в семье, но и общественных процессов (политических, экономических, технологических и т.д.), происходящих в стране и в мире в этот временной отрезок. Однако ребенок в силу своего возраста еще не может анализировать и оценивать

эти события, он лишь впитывает контекст подобно губке и осваивает наиболее эффективные технологии жизни. Так, дети, выросшие в условиях экономических и социальных потрясений (война, голод, экономический кризис), осваивают именно те технологии жизни, которые помогают выживать в тяжелых условиях, у них формируется соответствующая система ценностей – умение довольствоваться малым, терпеливость, экономность, бережливость. Напротив, поколение, растущее в условиях экономического подъема, не знает подобных потрясений, ему не нужно выживать, и у него формируются технологии жизни и ценности, ориентированные на успех (умение работать с перспективой, активность, настрой на победу). Постепенно накопленная «база данных» начинает формировать личность. Поскольку события и воспитание в обществе в отдельном историческом периоде похожи, то схожи и ценности, формирующиеся у подавляющего большинства индивидов.

В настоящее время наибольшую экономическую активность проявляют представители трех поколений – Беби-бумеры (1943-1963 гг. рождения), поколение X (1963-1984 гг.) и поколение Y (1884-2000 гг.), однако уже в самое ближайшее время на рынке появятся представители поколения Z, рожденные уже в новом тысячелетии. Это потребители и работники, в значительной степени интересующие бизнес. Нынешние пенсионеры относятся к Молчаливому поколению и поколению GI, которые с экономической и демографической точек зрения можно назвать «уходящими».

На сегодняшний день в нашей стране (по данным на 1 января 2016 г.) проживает 146,5 млн. человек. Из них к наиболее активным поколениям относятся: Игреки – примерно 30,5 млн человек, Иксы – 42,2 млн человек, Беби – бумеры – 36 млн человек. Подрастает и уже совсем скоро войдет в экономически активный возраст поколение Z (от 0 до 16 лет) – 26,4 млн человек, к которому уже начинает присматриваться бизнес. На рисунке 1 представлено процентное соотношение поколений: поколение Y составляет 20,5% от общего числа проживающих в России, поколение X – 28,7%, Беби-бумеры – 25%, поколение Z – 16,3%. На представителей более старших поколений – GI и Молчаливых приходится около 9,5%[1].

[1] *Митрофанова, Е.* Использование прикладных аспектов теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики. Электронный ресурс. – http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/student03.php#_FNR_1. Дата обращения: 06.09.2017 г.

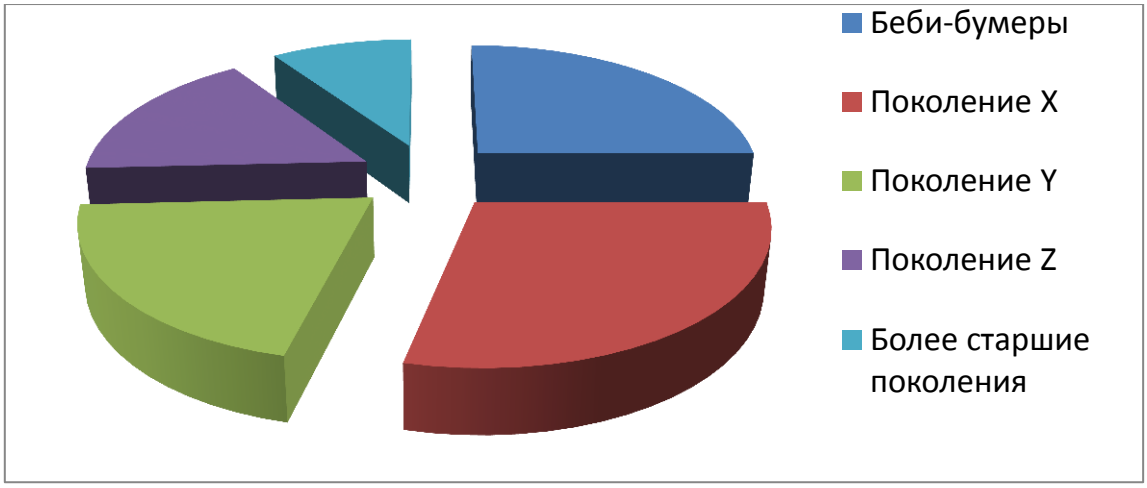


Рис. 1. Процентное соотношение поколений в общей численности населения России в 2016 году

Специфические особенности российского поколения беби-бумеров связаны с тем, что они выросли с психологией победителей: на их ценности наложили отпечаток победа советского народа в Великой Отечественной войне, «оттепель», первый полет человека в космос. Это патриотически настроенные и достаточно оптимистичные люди, считающие свою страну сверхдержавой, тяжело переживающие потерю ею этого статуса после распада СССР и достаточно скептично воспринимающие процессы глобализации.

Становление их детей – поколения X пришлось на годы «холодной воды», перестройки, либерализации экономики и перехода к рынку. Это обусловило готовность российских Иксов к изменениям, прагматизм индивидуализм. Специфика исторического периода их взросления определила их меньшую, чем у родителей, степень патриотизма и больший космополитизм. Это люди, с ранних лет привыкшие к самостоятельности и надежде только на собственные силы, не случайно второе название этого поколения в России – «дети с ключом на шее». Предоставленные самим себе, пока их родители работали, они учились сами делать уроки, разогревать и готовить обед, планировать досуг. Для них наиболее актуален девиз «время – деньги».

Поколение Y (Миллениалы), с одной стороны, стало свидетелем распада СССР, смены экономической и политической модели развития страны; с другой стороны, на их глазах развертывались процессы глобализации, происходило стремительное становление информационного общества. Именно это поколение можно назвать «детьми постиндустриализации», мобильной связи, цифровых технологий, интернета. Видя стремительность изменений в науке и технике и самой жизни,

Игреки обычно не строят долгосрочных планов и живут «здесь и сейчас». Будучи нацеленными на быстрый результат, они часто меняют места работы, в том числе готовы искать и находить работу за рубежом. Они не видят ценности в долговременной работе в одной и той же организации ради карьеры, особенно если эта работа им не интересна. На первый план в работе выходит уже не получение высоких доходов, а возможность получать удовольствие от своего труда. Однако большинство Игреков, в отличие от Иксов, не приучены к высокой самостоятельности.

В настоящее время глобальный бизнес адаптируется к предпочтениям поколения Y, ставшего экономически активным сравнительно недавно. Вступление поколения Y в экономически активный возраст потребовало коренного изменения традиционных маркетинговых стратегий крупных компаний, поскольку будучи активными пользователями интернета и социальных сетей, имея круглосуточный доступ к информации, Игреки игнорируют прямую рекламу и не доверяют ей. Любую информацию о качестве продуктов и отзывы о них они могут проверить и проверяют в режиме онлайн. И если для Беби – бумеров и Иксов привычный с детства бренд известной компании будет всю жизнь ассоциироваться с понятием «качество» невзирая на нынешнее положение бренда, то Игреки далеки от подобных авторитетов. Будучи ориентированными на результат «здесь и сейчас», они не принимают во внимание ни историю бренда, ни традиции производства и потребления. Теряет актуальность и так называемый «эффект Веблена»: плохо признающим авторитеты Игрекам уже не нужна машина «как у богатого соседа», Миллениалы хотят быть собой и признают за собой право на индивидуальность.

Игреки значительно более контактны, чем поколения их предшественников, и это они сегодня являются активными проводниками процессов постиндустриализации и глобализации, их контактность обусловлена использованием высоких технологий, интернета и социальных сетей. В мире больше нет четких границ, все слилось в один поток информации. Обновление статуса в социальной сети позволяет человеку одновременно общаться людьми по всему миру. В друзьях у Игрека в социальных сетях может быть несколько сот или даже тысяч человек, при этом с большинством из них никогда не произойдет реальной встречи. Поколение Y не смотрит телевизор и не читает газет, поскольку эта информация для них уже устарела, – всю информацию они получают через интернет и через социальные сети. При этом Игреки не склонны анализировать и перепроверять полученную ими

информацию, восприятие интересующих вопросов у них преимущественно поверхностное, знания – неглубокие[1].

Также следует остановиться на поколении Z, система ценностных ориентиров которых только формируется в настоящее время. Сейчас мы можем только предполагать, каким будет это поколение. Становление личности Зетов происходит в условиях глобальных экономических кризисов, разгула терроризма и военных потрясений Третьего тысячелетия. Именно между Y и Z (в России, в США – между X и Y) пролегает граница между «технологическими иммигрантами» и «технологическими туземцами». В отличие от Игреков, Зеты никогда не жили в доцифровую эпоху, для них гаджеты существовали всегда. Одновременно представители поколения Z обладают гораздо более низкими навыками социальной коммуникации, значительно хуже развираются в поведении и эмоциях других людей и в самих себе, чем те же Игреки и тем более – Иксы и Беби – бумеры. В итоге Зеты рискуют вырасти не приспособленными к жизни идеалистами, пугающимися любых изменений и не способными противостоять даже незначительным проблемам[2].

Можно утверждать, что рожденное в постиндустриальную эпоху поколение Z обладает «врожденной технологической грамотностью», они гораздо более «продвинуты» технологически, чем те же Игреки. Это привело к появлению терминов– Digital Native – местные жители цифрового мира, и Digital Immigrants, цифровые иммигранты, то есть их родители Иксы и старшие братья или сестры Игреки. Информацией, для получения которой представители более старших поколений учатся годами, является для них врожденной. Зеты достаточно прагматичны и ориентированы на быстрый результат. Им не нужны картинки светлого будущего и достигнутой амбициозной цели. Зеты живут в данную минуту, а что будет в следующую – им не известно, они формируют свое мнение только о том, что видят в данный момент, поэтому вероятность ошибки, равно как и ее цена, для них может оказаться весьма значительной.

Очевидно, что будущее принадлежит не нам, а нашим детям, и с этим нельзя не согласиться. И Миллениалы, и представители подрастающего поколения Z, безусловно, будут строить его таким, в каком

[1] *Шевченко Д.А.* Исследование потребительского поведения крупных сегментов рынка в России: поколенческий подход // Практический маркетинг. 2013. № 4(194). С. 4-13.

[2] *Окольнишникова И.Ю.* Влияние уровня эмоций и знаний клиентов на вовлеченность в потребление на предприятиях сферы услуг: опыт исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2014. Вып. 23. № 30. С. 147-152.

им будет удобно. Более старшим поколениям придется адаптироваться к глобальному миру, формируемому сейчас новыми поколениями. И хотя теория поколений имеет на сегодняшний день множество допущений и не объясняет с достаточной степенью глубины всех процессов, происходящих в условиях глобализации, ее, безусловно, следует принимать во внимание, анализируя тенденции развития современного общества.

Авдулов Н.С.,
канд. ист. наук, ЮФУ (г. Ростов-на Дону)

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Естественным желанием человека было и остается заглянуть в завтрашний день, в будущее человечества. На этот счет высказано и высказывается множество разных представлений. По этому поводу в свое время академик Моисеев Н.Н. писал: «Развитие человеческого общества, как и всего огромного мира – Вселенной, частицей которого оно является, – следует законам саморегуляции. Появление разума – результат того же процесса. Человек способен предвидеть некоторые особенности общественного развития, хотя в принципе во всех деталях он непредсказуем. История общества чем-то напоминает горный поток, который мчится в своем каменистом ложе. Мы не можем предсказать все водовороты и буруны, которые в нем возникают. Картина вихрей на его поверхности все время меняется, она может быть той или иной, никакой однозначности! Но весь этот видимый хаос происходит в одном и том же русле, контуры которого мы знаем вверх по течению и способны рассмотреть на некоторой дистанции вперед.

Вот и в потоке истории мы тоже не в состоянии заглядывать далеко вперед. Любые предначертания на далекую перспективу нельзя принимать в качестве инструкций к исполнению, ибо на поверку они оказываются утопиями. Мы не в состоянии предугадать и большинства деталей исторического процесса, но в силах рассмотреть некоторые его важные тенденции. Особенно, если будем опираться на факты и откажемся от гипноза установившихся догм»[1].

Будущее человечества вырастает из прошлого и настоящего, оно не складывается на пустом месте, не возникает из ничего. Изучая прошлое и настоящее можно, с определенной долей вероятности, предпо-

[1] *Моисеев Н.* Экспериментальные факты, выводы, теории и программные цели. О возможных тенденциях и путях развития нашего общества // Коммунист. 1991. №5. С.43-44.

ложить в общих чертах различные варианты развития человеческого общества.

Академик Степин В.С. во вступительном слове на философском конгрессе в России сказал: «Сегодня человечество вступило в фазу поиска новых стратегий цивилизационного развития, поиска новых ценностных ориентиров, когда необходим анализ прежних жизненных смыслов, которые направляли развитие цивилизаций»[1]. Одним из направлений такого поиска может стать разработка и реализация гуманитарных технологий, призванных обеспечить безопасность жизни и здоровья, благополучия, достоинства и развития человеческой личности.

Упование на научно-технический прогресс, на технологическое обновление и информационные технологии не подтверждается в жизни современного общества. Истребление человека человеком приобрело невиданные масштабы. Мировые и локальные войны, терроризм и бандитизм ежедневно и ежемесячно лишают жизни десятки, сотни и тысячи человек. Ни успехи в космосе, ни конструирование новых аппаратов, ни нанотехнологии, ни успехи ядерной физики не сокращают, а увеличивают число природных и техногенных катастроф. Жизнь человека не защищена от метеоритов, землетрясений, наводнений, оползней, вулканических извержений, производственных аварий. Человек оказался беззащитным и бессильным сохранить свою жизнь, здоровье и благополучие. Огромные природные, человеческие, материальные и научно-технические ресурсы, направляемые на достижение геополитических, военно-технических и экономических целей. Человек оказался на периферии общественных устремлений. «История – развитие человеческого общества, – говорила М.С. Шагинян – построена на чувстве самосохранения. Поэтому, когда вы обращаетесь к изучению гибели какого-то общества, к умершим цивилизациям, то вы увидите, что они гибнут потому, что утратили чувство самосохранения. История держит развитие человека в здоровой форме, с чувством будущего»

Можно со всей определенностью предположить, что чувство самосохранения в современном обществе заметно ослабевает. Колоссальные усилия человечество направляет на освоение космоса, термоядерной энергии, новых информационных и нанотехнологий, как правило, ради политических, экономических и идеологических целей, не соизмеряя их человекосбережением.

[1] Цит. по: *Чумаков А.Н., Королёв А.Д., Дахин А.В.* Философия в современном мире: диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. №1. С. 4.

На XIII Международном научном конгрессе « Публичное управление: вызовы XXI века» американский ученый А. Горелик говорил: «Все понимают, что неизбежны судьбоносные изменения. Вплоть до образования новых социальных общественных форм, но готовы ли мы к таким радикальным переменам? Нет страны, в которой люди знают, куда идут. Они думают, что их ведут правящие элиты, но это заблуждение. Всегда приятно думать, что для кого-то ты важен, кто-то озабочен твоей судьбой и непременно выведет тебя куда надо. Но сегодняшние элиты – это порождение революционных и эволюционных процессов, а не их первопричина! И какие бы решения ни принимались, если они будут политическими, то окажутся неадекватными. Нужны решения на основе понимания социально-культурологических изменений в мире, а для этого нужна консолидация мирового экспертного научного сообщества»[1].

Беспокойство о человекосбережении чаще всего возникает только тогда, когда падают на землю метеориты, происходят землетрясения и наводнения, террористические акты и массовые убийства.

Много лет человечество осваивает космос. Огромные ресурсы тратятся на это. Накоплен массив нужных и полезных сведений о космосе. А вот, как защитить планету от астероидов и других возможных космических объектов не научились. После падения метеорита около Челябинска, руководитель Роскосмоса В. Поповкин в интервью говорил: «Если говорить откровенно, то сегодня понятных методов борьбы с этой опасностью нет. Прежде всего надо делать первый шаг: научиться вычислять остероиды. Пока ученые могут наблюдать лишь малую часть того, что летает в космосе и можем представлять реальную опасность Земле»[2]. В таком же смысле высказался руководитель американской корпорации НАСа Чарльз Болден: «при моей жизни мы только будем молиться чтобы эти астероиды не упали на нее. Других способов борьбы с ними не вижу»[3].

Челябинский астероид послужил поводом для выработки идей и проектов с целью предотвращения столкновений опасных космических тел с Землей, реализация которых откладывается на неопределенное будущее.

Такая же неопределенность наблюдается и с предупреждением масштабных человеческих жертв от землетрясений. Об этом напомнило

[1] *Долуханов Г.* Смартфоны и социальные революции // Литературная газета. 2013. 17-23 апреля.
[2] *Медведев Ю.* Космос как предчувствие. Российская газета. 5.04.2013.
[3] Там же.

в 2016 г. землетрясение в Китае. Надлежащие меры не были предприняты даже после землетрясения в 1976 г., когда погибли 250 тысяч человек, и в 2008 г., когда подземный удар унес почти 70 тысяч человек.

«Пока наука плохо понимает сам механизм землетрясений, какие процессы ему сопутствуют. Как оно себя проявляет в геофизике, – говорит заместитель председателя научного совета по сейсмологии РАН А. Завьялов, – поэтому пока ни в одной стране мира не идут на создание сети геофизических станций целенаправленно для прогноза землетрясений. Оно обойдется в копеечку»[1]. Отсутствием финансовых возможностей для разработки систем защиты человека от метеоритов, землетресений, наводнений и других катастроф нельзя признать, обоснованным на фоне тех огромных затрат на разработку средств массового уничтожения людей. Причина, очевидно, кроется в другом. В ослаблении чувства самосохранения, в отсутствии человекосберегающих, гуманитарных технологий.

Ключ к пониманию сложившейся ситуации находится в сфере человеческого общения. Гигантски возросшая техническая вооруженность. Развитие средств массовой коммуникации оказали и оказывают деформирующее воздействие на характер взаимоотношения людей. Необычайно резко умножились возможности соприкосновения, контактов каждого человека с какими-то сторонами или признаками жизни огромного множества других людей. В то же время стала заметно снижаться содержательно-смысловая и предметная наполненность этих контактов, теряется человечность в общении. «Ибо и там, и здесь, как правило, чем больше соприкосновения (коммуникативных контактов), тем меньше в каждом в каждом из них присутствия в нем многомерного культурного мира каждого из субъектов, тем в меньшей степени каждый субъект входит сам и вводит свою жизнь, свое бытие в этот «контакт». Чем вооруженнее и оснащение средствами коммуникативности становятся контакты между людьми, тем меньше и реже в них осуществляется собственно действительная, всеобъемлющая общность-процесс – встреча их судеб, полноты их бытия. Общение делается все менее конкретным, менее жизненно весомым, менее обязывающим навсегда и повсюду, менее искренним и ответственным»[2]. В общении на первый план выходит прагматизм, стремление к получению выгоды, полезность для удовлетворения своих потребностей. В другом человеке видят источник приобретения для себя как материальных, так

[1] *Симонов А.* Поймать удар // Российская газета. 24.04.2013.
[2] *Батищев Г.С.* Введение. Сб. статей «Диалектика общения». Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М., 1978. С. 4.

и духовных привилегий. В человеке перестают видеть и ценить человека таким, каков он есть. И если человек перестает быть полезным, выгодным, то и с ним поступают как с вещью, с неодушевленным предметом, в лучшем случае выбрасывают за пределы своего общения, в худшем – физически уничтожают.

В свое время известный философ Э. Ильенков говорил об «избирательной слепоте», когда в процессе реформирования, модернизации не видят человека, не считаются с его социальным положением, умонастроением и психологической устремленностью. Человек оказывается в слепом пятне зрения. «Другой человек – тот самый предмет, который глубочайшие мыслители определили когда-то как «высший и самый интересный предмет для человека» Этот самый интересный предмет и начинает выпадать как из поля зрения, так и из состава всех рассуждений человека, загипнотизированного чарами такого настроения. В поле зрения остаются вещи, остаются машины, аппараты, химикаты, алгоритмы, хореи и ямбы, скальпели и сверла, атомы, нейтроны и кварки – буквально все. За исключением одного – того самого человека»[1].

Энергосбережение, ресурсосбережение. На каждом шагу в повседневной жизни мы слышим такие призывы. И в то же время почти не слышно обращений к гражданам о человекосбережении. Об охране жизни и здоровья человека. В лучшем случае речь идет и модернизации здравоохранения, которое чаще всего понимается как использование нового оборудования и технологий, о соблюдении техники безопасности, о предупреждении природных и технологических чрезвычайных проишествий. Эти рассуждения, как правило, звучат абстрактно, в отрыве от реальных условий жизни человека, несущих в себе неизмеримые опасности для жизни и здоровья людей.

Требуется целостный, системный подход к проблеме человекосбережения, нужна комплексная программа защиты жизни, здоровья и благополучия человека. В ней центральное место может занять пропаганда ценности человеческой жизни и здоровья, мотивы и механизмы беречь каждому свою жизнь и жизнь другого человека, утверждать принципы гуманизма, разрабатывать и внедрять гуманитарные технологии в всех сферах общественной и личной жизни.

Разработка и реализация гуманитарных технологий предполагает уяснение комплекса методологических проблем. В самом общем виде, гуманитарные технологии можно понимать как совокупность опреде-

[1] *Ильенков Э.* Почему мне это не нравится? Сб. статей «Сейчас так не пишут». М., 2010. С. 52.

ленных взаимоувязанных действий, процедур, операций, способов, средств, призванных переводить гуманистические идеи и принципы на язык повседневных человеческих отношений и обеспечивающих создани условий для самореализации, саморазвития человеческой личности.

По своей сути, по своему смыслу гуманитарные технологии являются человекосберегающими, человекоразвивающими, человекопреуспевающими. В центре гуманитарных технологий стоит целостная человеческая личность со всеми ее интересами, потребностями, мыслями, чувствами, увлечениями, переживаниями. Их нельзя относить к числу средств прямого действия. Они призваны регулировать человеческие отношения и тем самым обеспечивать условия, безопасные для жизни, здоровья и достоинства человека. Гуманитарные технологии сориентированы на самопознание, самопонимание, самореализацию, саморазвитие каждого человека, на культивирование уважения, справедливости, честности, бескорыстия в отношениях с другими людьми. Этот процесс достаточно хорошо описан в работе американского психолога Карла Роджерса.

Теоретической, научной базой гуманитарных технологий может служить философия гуманизма, концепция современного гуманизма. Разработка и реализация гуманитарных технологий предполагает использование знаний различных наук о человеке: философии, психологии, антропологии, социологии, культурологии, этики, экологии, педагогики.

В ходе разработки и реализации гуманитарных технологий важно руководствоваться следующими принципами гуманизма:

– человек есть высшая ценность в жизни, всякая человеческая деятельность должна быть направлена, вконечном счете, на создание условий самосохранения, самореализации;

– во взаимоотношениях людей должны быть исключены все возможные виды насилия, обман, несправедливость, угнетение и подавление человека;

– основными процедурами в гуманитарных технологиях считать переговоры, согласование, диалог, компромисс, доверие, уступчивость;

– в гуманитарной технологии важное место должны занимать вопросы строгого соблюдения правил безопасности, защита прав и свобод человека, формирование ответственного отношения к себе и к другим;

– каждая процедура в гуманитарных технологиях призвана помочь человеку в реализации собственного творческого потенциала, в развитии его общественно-полезной активности.

Гуманитарные технологии имеют свою специфику, диктуемую логикой и содержанием данного вида деятельности. Успех в этой сфере человеческих отношений может быть стабильным, если при этом вырастает сам человек, расширяется его кругозор, совершенствуются его навыки, обогащается его духовная жизнь, жизнь приобретает подлинно человеческий смысл.

По мнению Э. Фромма, человекосбережение, любовь к жизни будет «развиваться наилучшим образом, если в обществе будут иметься следующие предпосылки: *безопасность* в том смысле, что материальные основы достойного человека существования не будут находиться под угрозой; *справедливость* в том смысле, что никто не сможет использовать человека в качестве средства для целей других, и *свобода* в том смысле, что каждый человек имеет возможность быть активным и осознанно ответственным членом общества»[1].

Естественно, указанные предпосылки стихийно, автоматически не могут оказывать практическое воздействие на поведение людей. Требуется целенаправленная, последовательная деятельность всех и каждого по обеспечению безопасности жизни, здоровья и достоинства человека. Прав академик Моисеев Н.Н., когда пишет, что «одних красивых и правильных слов заведомо недостаточно. Чтобы остановить процесс уничтожения остатков гуманизма и вывести цивилизацию на пути перманентного развития. Для этого необходима и *коллективная воля*, способная реализовать начертанные принципы. Сегодня многие из нужных слов в той или иной форме уже произнесены. А что дальше? Как они повлияют на поведение людей, государств, наций? История знает аналогичные ситуации, когда нужные слова на только были произнесены, но и казалось, были восприняты»[2]. Гуманитарные технологии, призванные переводить проблемы гуманизма на язык практических действий, могут стать определяющими технологиями в глобальном будущем.

[1] *Фромм Э.* Душа человека. М., 2010. С. 73.
[2] *Моисеев Н.* Универсам. Цивилизация. Общество. М., 2001. С. 19.

Краснокутский П.А.,
канд. экон. наук, доц.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современной экономической теории и практике реализация кластерного подхода играет значительную роль в контексте поиска новых инструментов повышения конкурентоспособности и обеспечения экономического роста. Строго говоря, кластерный подход не является совершенно новым инструментом и во многих странах мира его реализация позволила в существенной степени повысить конкурентоспособность в условиях современных глобальных вызовов.

Согласно авторскому определению, кластер – форма объединения представителей преимущественно малого и среднего бизнеса, принадлежащих к одной или нескольким смежным или поддерживающим отраслям, органов власти и научно-образовательных учреждений:

- характеризующаяся устойчивой системой экономических взаимосвязей и внутренней конкуренцией;

- пространственно локализованная в староосвоенных густонаселённых регионах или в пределах городских агломераций с развитой инфраструктурой;

- в рамках которой на основе активной коммерциализации инновационных технологий, достижения синергетического эффекта и низких трансакционных издержек создаётся конкурентоспособная на мировом рынке продукция с высокой долей добавленной стоимости[1].

Активная фаза развития кластеров началась в нашей стране пять лет тому назад, в 2012-м году. При этом следует отметить, что инициатором кластерного развития выступило государство, что хотя и не является нестандартной процедурой, но достаточно нетипично, поскольку в мировой практике больше распространён вариант инициативы «снизу-вверх», то есть кластер формируется по инициативе фирм, его образующих. Не менее актуален и вопрос о самих участниках кластера. Традиционно он формируется представителями малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, как свидетельствуют данные, ежегодно публикуемые в «Рейтинге инновационного развития субъектов Российской

[1] *Краснокутский П.А.* Кластер как экономическая категория. Проблемы определения терминологического статуса и выделения классификационных признаков // Вестник ИНЖЭКОНА. 2011. Выпуск 6(49). С. 40.

Федерации», развитие малого инновационного бизнеса, в мировой практике выступающего основным драйвером формирования кластеров, в регионах, реализующих пилотные проекты, находится не на самом высоком уровне. Вместе с тем, как свидетельствуют данные о значениях российского регионального инновационного индекса, территории с высоким уровнем развития кластеров, входят в число лидеров (табл. 1).

Таблица 1

Регионы России с высоким уровнем развития кластеров, входящие в первую и вторую группы по значению российского регионального инновационного индекса в 2015 г.[1]

Регион	Место региона в рейтинге				
	Ранг по РРИИ	Ранг по ИСЭУ	Ранг по ИНТП	Ранг по ИИД	Ранг по ИКИП
Новосибирская область	11	22	10	20	12
Республика Татарстан	1	3	15	3	1
Ульяновская область	22	19	3	53	57
Республика Башкортостан	5	16	5	25	3
Санкт-Петербург	3	2	1	13	27
Удмуртская республика	62	29	69	26	73
Калужская область	6	7	7	32	2

В таблице 1 представлены регионы, в которых имеются кластеры с высоким уровнем развития (по данным Российской кластерной обсерватории), а также место каждого региона в «Рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации» по показателям:

1. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ).
2. Индекс социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ).
3. Индекс научно-технического потенциала (ИНТП).
4. Индекс инновационной деятельности (ИИД).
5. Индекс качества инновационной политики (ИКИП).

При этом российский региональный инновационный индекс является показателем, интегрирующим в себе остальные (субиндексы).

Как следует из анализа данных, приведённых в таблице 1, пять из семи регионов, имеющих высокий уровень развития кластеров, входят

[1] Составлено автором по изданию: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260с.

в первую группу выборки по значению российского регионального инновационного индекса. Вместе с тем, Удмуртская республика демонстрирует в целом достаточно низкие значения по всем вышеперечисленным индексам и входит лишь в третью группу по значению интегрального показателя.

В целом вышеприведённые данные, на наш взгляд, свидетельствуют о существенном положительном влиянии процессов кластеризации на развитие территорий и страны в целом. Данный тезис подтверждается динамикой роста индекса глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI), рассчитываемого ежегодно WEF, (табл. 2).

Таблица 2

Динамика индекса глобальной конкурентоспособности и уровня кластерного развития (Российская Федерация)[1]

	Период					
	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018
Рейтинг страны по GCI	67	64	53	45	43	38
Уровень кластерного развития	114	124	118	110	95	88
Общее число стран, участвовавших в исследовании	144	148	144	140	138	137

Как следует из анализа данных, приведённых в табл. 2, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается тенденция к росту конкурентоспособности экономики страны. Следует отметить также высокие темпы роста данного показателя. Кроме того, необходимо учитывать, что данный рост происходит на фоне таких негативных явлений, как расширение антироссийских санкций, нестабильная геополитическая обстановка, а также последствия кризисных явлений в мировой экономике, снижения цен на нефть и иных неблагоприятных трендов.

Согласно данным, представленным в «The Global Competitiveness Report 2017–2018», в настоящее время по уровню кластерного развития страна занимает в рейтинге 88-ю позицию. Учитывая то, что кла-

[1] Составлено автором по изданию: The Global Competitiveness Report 2017–2018 [Электронный ресурс] // URL: https://www.weforum.org/gcr (дата обращения 12.10.2017)

стеры в большинстве регионов страны находятся на начальном этапе формирования, а также то, что уровень кластерного развития, в соответствии с данными специалистов WEF, имеет тенденцию к росту, можно отметить, что реализуемые мероприятия кластерной политики положительно сказываются на общем уровне конкурентоспособности экономики России.

В настоящее время сформирован ряд целевых ориентиров развития кластеров-лидеров (табл. 3).

Таблица 3

Целевые ориентиры развития кластеров-лидеров мирового уровня[1]

Регион	Кластер	Ориентиры развития
Калужская область	Инновационный кластер «Фармацевтика, биотехнологии и биомедицина»	Лидерство в области радиационной медицины Расширение масштабов фармацевтического производства Открытие центров исследований и разработок мировых фармацевтических компаний, запуск научно-технологического парка Наращивание потенциала КГУ и филиала МИФИ
Республика Башкортостан	Нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан	Модернизация существующих и открытие новых производств в нефтехимии высоких переделов (пластики, полимеры и т.д.) Создание инжинирингового центра в области нефтехимии Создание инфраструктуры для новых производств – индустриальных парков «ХимТерра» и «Уфимский»
Ульяновская область	Инновационный кластер Ульяновской области	Проекты территориального развития: - Технокампус 2.0 (новая школа-университет) -Технологическая долина 2.0 (новая индустрия) -Поселок инноваторов и инвесторов (новое качество жизни) Поддержка создания предприятий новых секторов, в том числе на базе компетенций в авиастроении и ядерных технологиях: новые материалы, новые производственные технологии, беспилотный транспорт, возобновляемая энергетика

[1] Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 324с.

Республика Татарстан	Камский инновационный территориально-производственный кластер республики Татарстан	Увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью в нефтехимии Рост экспорта продукции высоких переделов Ускоренное развитие кооперационных исследований и разработок

Таким образом, на современном этапе предполагается дальнейшее развитие кластеров, способных стать драйверами дальнейшего укрепления конкурентных позиций нашей страны в условиях глобальных вызовов.

Шепелева Ю.Л.,
канд. полит. наук, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Институт повышения квалификации, первый факультет повышения квалификации (г. Ростов-на-Дону)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные геополитические реалии характеризуются интенсификацией процессов интеграции и глобализации, при одновременной специфичности и неравномерности этих явлений. Не отрицая позитивных моментов, отметим, что глобализация несет в себе и ряд негативных явлений, в том числе возникновение новых вызовов и угроз национальной безопасности. К ним, в первую очередь, следует отнести, рост преступности с одновременным выходом ее на транснациональный уровень.

Как нами уже неоднократно отмечалось, наиболее серьезную угрозу представляет международная экстремистская и террористическая деятельность[1]. В частности, только в Российской Федерации

[1] *Шепелева Ю.Л., Клевцов К.К.* Взаимодействие органов предварительного расследования Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств и международными организациями: уч.-метод. пос. / под науч. ред. докт. юрид. наук В.С. Балакшина. – М.: Юрлитинформ, 2017.- 184с. С.4.; *Шепелева Ю.Л.* Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия экстремистской и террористической деятельности // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования

в 2015 году было зарегистрировано 1329 преступлений экстремистской направленности, в числе которых 42 преступления по организации деятельности экстремистской организации; 1538 преступлений террористического характера, при этом 133 преступления совершено с использованием сети Интернет[1].

По данным официальной статистики, в 2016 году было зарегистрировано 1410 преступлений экстремистской направленности, при этом отмечен рост преступлений террористического характера – 2214[2].

В структуре транснациональной преступности велика доля экономических преступлений, в том числе, связанных с легализацией и отмыванием доходов, полученных преступным путем, а также финансированием экстремистской и террористической деятельности. Так, в Пятом докладе Генерального секретаря ООН об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в борьбе с этой угрозой, отмечается, что государствами уже принят ряд положительных мер в данном направлении, таких как установление уголовной ответственности за финансирование терроризма, замораживание активов лиц, оказывающих поддержку террористическим организациям, активизация деятельности служб финансовой разведки, что явилось существенным шагом в борьбе с международными терроризмом.[3]

С развитием глобального информационного пространства наметился рост преступлений, совершаемых с использованием возможностей сети Интернет. Нами уже указывалось, что при использовании преступниками глобальных компьютерных сетей, «…преступления могут совершаться на значительном расстоянии, в том числе с выходом за пределы национальных границ государств. Поэтому для пресечения деятельности таких группировок требуются совместные усилия

и реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 4 февраля 2016 года/ отв.ред.: А. П. Бохан, Н. Г. Осадчая. – Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2016. С. 223.

[1] См.: Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин – о методах борьбы с экстремизмом в России. Интервью газете Коммерсантъ-Власть // Коммерсантъ-Власть.2016. 18 апреля // URL: http://kommersant.ru/doc/2961578.

[2] См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL:http://crimestat.ru.

[3] См.: Пятый доклад Генерального секретаря об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в борьбе с этой угрозой // Официальный сайт Совета Безопасности ООН // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/155/21/PDF/N1715521.pdf?OpenElement.

служб безопасности разных государств, а при расследовании преступлений возникает необходимость в совершении следственных и иных процессуальных действий на территории нескольких государств».[1]

По мнению Г.Б. Власовой[2], основные тенденции глобализационных процессов представлены, прежде всего, становлением новой экономической системы, функционирующей в общемировом масштабе по единым правилам, что влечет за собой увеличение финансовых трансграничных потоков, зачастую не поддающихся государственному контролю и регулированию. Кроме того, усиление «проницаемости» межгосударственных границ ведет к стиранию границ между «внутренними» и «внешними» политическими, экономическими и другими процессами, и к ослаблению государственной власти на национальном уровне в целом.

В.Б. Кувалдин справедливо отмечает, что «даже первые шаги по пути глобализации требуют качественно более высокого уровня управления общественными процессами. Те средства контроля, координации, управления, которые веками создавались на национальном уровне, явно утрачивают эффективность в глобализирующемся мире. Для того, чтобы совладать со стихией общественных процессов, их надо дополнить какими-то наднациональными системами регулирования»[3].

В связи с этим возникает проблема правового обеспечения наднациональных систем регулирования. Данное направление реализуется в правовых системах различных государств посредством имплементации международных правовых норм в национальное законодательство и получает свое выражение в возрастании значения общепризнанных мировых стандартов в правоприменительной деятельности.

Прежде всего, необходимо назвать международные конвенции как важный элемент международной и национальной правовых систем и основу практики международного сотрудничества по борьбе с преступлениями транснационального характера – это Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990 г.), Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.), Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.), Международная конвенция

---

[1] *Шепелева Ю.Л. Бутенко О.С.* Противодействие компьютерным преступлениям транснационального характера // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. №11 (54). С. 52-53.

[2] *Власова Г.Б.* Развитие институтов правосудия в условиях современных глобализационных процессов: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 160с. С. 14.

[3] Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2005. С. 95.

о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.), а также ряд других многосторонних договоров.

Немаловажную роль в борьбе с транснациональной преступностью играют международные организации, основной задачей которых выступает координация усилий государств по обеспечению защиты от преступных посягательств. Одной из таких организаций выступает Международная организация уголовной полиции – Интерпол, деятельность которой охватывает достаточно широкий спектр вопросов, касающихся противодействию преступности на международном уровне. В их числе: деятельность по установлению на международно-правовом уровне преступности и наказуемости определенных общественно-опасных деяний; разработка и заключение международных договоров, принятие других международно-правовых документов в качестве правовой основы деятельности международных организаций и их органов в сфере борьбы с преступностью; информационное обеспечение международного розыска; информационное обеспечение ведения криминалистических учетов Интерпола; информационное обеспечение Интерполом международного сотрудничества в борьбе с отдельными видами преступлений; сотрудничество с органами международной уголовной юстиции, отправляющими правосудие по делам о международных преступлениях, осуществляющими уголовное преследование и наказание лиц, виновных в их совершении; координация сотрудничества стран-членов по оказанию материальной, профессионально-технической и иной помощи в борьбе с преступностью на международном уровне; информационное и коммуникационное содействие оказанию правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства[1].

Вместе с тем, одних только мер международного характера недостаточно для обеспечения эффективного противодействия транснациональной преступности, необходимо, прежде всего, приведение норм национального законодательства в соответствие с международными правовыми нормами. Несоблюдение этого условия влечет возникновение проблемных ситуаций при практической реализации различных направлений международного сотрудничества.

В частности, одним из основных направлений взаимодействия правоохранительных органов на международном уровне является оказание правовой помощи по уголовным делам, реализуемое путем направления и исполнения запросов о правовой помощи. При этом одним из самых

[1] *Волеводз А.Г.* Основные направления деятельности Международной организация уголовной полиции – Интерпол и перспективы полицейского сотрудничества // Viperson.ru: информ. порт. 2011. 9 сен. URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=644332&soch=1.

проблемных вопросов остается вопрос о сроках исполнения запросов о правовой помощи зарубежными коллегами. Практика показывает, что исполнение ходатайств о правовой помощи по уголовным делам в традиционных процессуальных формах составляет от шести месяцев до двух лет и более[1].

Различные проблемные ситуации возникают также при решении вопросов о передаче уголовного преследования, выдаче лиц, взаимодействии с международными организациями. При этом, определенные шаги по восполнению пробелов в действующем национальном законодательстве уже сделаны. Так, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» внесены изменения в ст.12 УК РФ, ст.ст. 2-3 УПК РФ, что позволяет российским следователям, при соблюдении определенных условий, самостоятельно проводить следственные действия за пределами территории Российской Федерации по находящимся у них в производстве уголовным делам. Одним из примеров действия указанных новелл российского уголовного и уголовно-процессуального законов является производство российскими следователями на территории Египта следственных действий в рамках расследования террористического акта на борту самолета Airbus A-321 в Египте. Реализация положений ч. 3 ст. 12 УК РФ, ч. 3 ст. 2 УПК РФ в данном случае стала возможной благодаря подписанию Меморандума о взаимопонимании между Следственным комитетом Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Арабской Республики Египет при взаимодействии по расследованию данного террористического акта[2].

Представляется, что в рамках одной статьи невозможно детально исследовать все проблемные вопросы, связанные с практикой международного сотрудничества по борьбе с транснациональной преступностью с учетом происходящих глобализационных процессов. Значимость поднятой в статье проблематики требует дальнейших научных исследований с целью выработки предложений по оптимизации процесса взаимодействия правоохранительных органов по борьбе с преступностью на международном уровне.

---

[1] *Бастрыкин А.* У нас много общих дел // Российская газета (Спецвыпуск) «Европейский союз». 2011. 9 июня. № 5499.

[2] См.: В Следственном комитете продолжается расследование террористического акта на борту самолета Airbus A-321 в Египте // Следственный комитет Российской Федерации // URL: http://sledcom.ru/news/item/1076987/.

Подшибякина Т.А.,
канд. полит. наук, доц.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Поиск нациями своей национальной идентичности всегда олицетворяет центробежные тенденции в развитии взаимоотношений мировых сообществ в процессе глобализации, а стремление к построению наднациональной идентичности – воплощение центростремительных. Принципиальное отличие между этими процессами заключаются в различиях примордиалистского подхода к формированию этнической идентичности и конструктивистского подхода к нациестроительству. Государство или надгосударственное объединение берет на себя функцию управления процессами построения наднациональной идентичности посредством создания новых институтов, выработки политических норм сотрудничества и выстраивания инновационных практик взаимодействия между участниками объединения, зачастую не имея возможности опереться на ментальные пласты сознания и коллективную память своего народа.

Однако перевод проблем идентичности на глобальный уровень вновь создает ситуацию выбора, например, между наднациональной европейской идентичностью и евразийской. Таким образом воспроизводит себя в новом качестве цивилизационный раскол в обществе, свойственный для России, обозначая переход на уровень наднациональной цивилизационной идентичности.

Одним из эффективных инструментов государственного воздействия на общественное сознание является историческая политика, в настоящее время активно используемая отдельными государствами для получения поддержки декларируемому политическому курсу или политическим проектам.

Историческая политика – частный случай политики памяти, характеризуется главенствующей ролью государства и использованием его огромного ресурсного потенциала, институциональных и информационных возможностей. Историческая политика и в XXI веке проводится любым государством с определенными целями воздействия на историческое сознание граждан и социальных групп, прежде всего,

для легитимации собственной власти и укрепления позиций правящего режима[1].

Возьмем постсоветское пространство как пример осуществления глобального проекта по созданию новой наднациональной идентичности. Следует признать, что на государственном уровне у России не существует нормативно-правовых документов, где излагалась бы стратегия исторической политики или стратегия по формированию наднациональной идентичности на пространстве СНГ, однако уже можно эксплицировать из исторического нарратива, общественного и официального дискурса конструкты гражданской идентичности и проанализировать сложившуюся практику в этой области сотрудничества.

На данный момент представление о стратегии исторической политики на наднациональном уровне можно составить по следующим документам: «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества». 18 декабря 2010 года[2], «Концепция «Русская школа за рубежом». 4 ноября 2015 года[3]; «План приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2011-2012 годы»[4]; «Действующие документы сферы образования, принятые высшими уставными органами СНГ»[5]; «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» подчеркивается связь между системой национальной безопасности и исторической памятью: «Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, её роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого –

---

[1] *Ачкасов В.А.* «Историческая политика» и конструирование национальной идентичности постсоветских государств. Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. – Пермь, 2014. С. 20-24.

[2] Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 18 декабря 2010 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 15.09.17).

[3] Концепция «Русская школа за рубежом» от 4 ноября 2015г. URL: http://rs.gov.ru/sites/default/files/rsh.pdf (дата обращения:15.09.17).

[4] План приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2011-2012 годы. URL: http://www.e-cis.info/page.php?id=18844 (дата обращения: 15.09.17).

[5] Действующие документы сферы образования, принятые высшими уставными органами СНГ URL: http://www.e-cis.info/page.php?id=25765 (дата обращения:15.09.17).

вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость»[1].

Можно уверенно утверждать, что нации и народности постсоветского пространства на данный момент не готовы к принятию любой наднациональной идентичности. Об этом косвенно можно судить по аналогии с попыткой создать новую гражданскую общность в Российской Федерации, а именно, по состоянию дел с подготовкой закона о «Российской нации», активно обсуждаемого с ноября 2016 года, но до сих пор, в нарушение сроков, установленных Президентом РФ, не представленного ему на утверждение. Рабочая группа по причине «неготовности общества к восприятию понятия «единая нация» переименовала проект Закона «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» в Закон «Об основах государственной национальной политики», где российской нации будет посвящен лишь отдельный раздел. В проекте закона под российской нацией предполагается понимать «сообщество граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, сознающих свою историческую и гражданскую общность, политико-правовую связь с государством и российской культурой».

Почему же стоит говорить о перспективах общегражданской общности на постсоветском пространстве? Потому что попытки искусственного конструирования новой идентичности предпринимаются Россией как через институты СНГ, так и через систему различных двусторонних программ сотрудничества с бывшими советскими республиками. Одним из инструментов является компонент общей исторической памяти.

Следует признать, что очень немногое из исторического багажа прошлого используется для платформы объединения различных наций на постсоветском пространстве. Что касается общепризнанных исторических дат на уровне СНГ, к ним относят полет Юрия Гагарина в космос и Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Используется и такой вид внедрения нужных стереотипов и символов как коммеморация.

Если рассмотреть коммеморацию в этимологическом значении этого понятия, введенного в научный оборот французским ученым П. Нора, как материального компонента исторической памяти и проанализировать, то можно утверждать, что этот компонент ничтожно мал. Российская Федерация в «План приоритетных мероприятий

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: http://kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения:15.09.17).

в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2011-2012 годы» внесла, например, такое предложение: «Организация общественных и временных работ, связанных с уходом за памятниками, мемориалами, местами захоронений воинов, погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, для трудоустройства безработных граждан и несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет»[1].

Иные практики коммеморации, такие как наименование или переименование улиц, установка мемориальных досок в стратегии не предусмотрены. Другим инструментом является реформирование образовательной сферы. Институциональное оформление сотрудничества государств-членов СНГ идет в соответствии с программами выполнения Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества независимых государств.

Если перейти на уровень теоретического и методологического обоснования преимуществ управляемого и спонтанного начала в процессе построения наднациональной идентичности, то целесообразно использовать эвристические возможности конструктивистского и диффузионистского подходов

Конструктивисткий подход, как известно, разрабатываемый Э. Геллнером, Б. Андерсоном, Э. Хобсбаумом, предполагает, что идентичность конструируется элитой при помощи различных институциональных и коммуникативных технологий. К коммуникативным практикам можно отнести средства символической политики, формирование единых средств массовой информации, историческую политику, национальную политику; к институциональным формам – возможности создание структур наднациональных организаций, блоковых систем, институтов образовательной, культурной и экономической интеграции. Как показывают исследования, конструирование национальной идентичности постсоветских государств непосредственно связано с исторической политикой.

Политическая диффузия – механизм распространения инноваций, в российском научном дискурсе чаще всего характеризующий социально-культурные, а также этнические процессы в контексте глобализации.

Особенностью диффузионистского направления исследования инноваций является изучение механизма распространения из иннова-

[1] План приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2011-2012 годы. URL: http://www.e-cis.info/page.php?id=18844 (дата обращения: 15.09.17).

ционных центров влияния образцов организации или системы ценностей; а также процессов, результатов, последствий такого проникновения в иную среду. Политическая диффузия может быть определена как процесс, посредством которого политический выбор одного субъекта оказывает влияние на политический выбор другого субъекта. Фабрицио Жилярди, не оспаривая основные этимологические признаки понятия диффузия (проникновение, распространение) подчеркивает, что диффузия является в первую очередь следствием взаимозависимости различных субъектов[1]. Мартино Магетти и Фабрицио Жилярди, решая проблему операционализации понятия «диффузия политики», предложили шесть различных показателей для измерения механизмов диффузии: географическая близость, совместное членство в организациях, успех политики, структурная эквивалентность в сетях, количество предыдущих последователей политики и торговые потоки[2].

Наднациональная идентичность на постсоветском пространстве в настоящее время возвращает Россию в существующую с 9 века точку бифуркации, а именно, выбор между форсированным созданием политическими методами государственного или надгосударственного единства или же поступательным развитием экономического сотрудничества и формированием на основе принципа добровольности участия нового качества гражданской идентичности, как бы она не называлась. Пока есть основания для осторожного оптимизма в отношении того, что Россия выберет второй вариант стратегии и последует провозглашенному ею же принципу внешней политики: всестороннего согласования интересов ее участников в многополярном мире. Многое будет определяться зрелостью самой наднациональной структуры, привлекательностью для разных этносов и этнических групп предлагаемого проекта будущего. Выбор идейных оснований для новой гражданской идентичности не может быть навязан, а должен пройти долгий путь согласования интересов, идеологемы новой идентичности должны быть отобраны в ходе широкой общественной дискуссии и консультаций с экспертами.

Принцип конструирования, как правило, предпочтителен, когда выбирается стратегия форсированного построения идентичности, принцип спонтанности – элемент стратегии эволюционного развития

[1] *Gilardi F.* 2015 Four Ways We Can Improve Policy Diffusion Research. State Politics & Policy Quarterly, 1532440015608761, first published on October 9.

[2] *Maggetti M., Gilardi F.* 2015. Problems (and solutions) in the measurement of policy diffusion mechanisms. Journal of Public Policy, Available on CJO P. 7 doi:10.1017/S0143814X1400035X http://www.fabriziogilardi.org/resources/papers/Maggetti-Gilardi-JPP-2015.pdf (дата обращения 05.01.2016).

и постепенных реформ. Какая из этих стратегий будет выбрана для внедрения в политическую практику пока не очевидно. Ошибкой было бы изначально строить «безнациональную идентичность», а не наднациональную идентичность новой полиэтнической общности, форсировать интеграционные процессы, а не действовать в режиме согласований национальных интересов и закрепления успешных практик взаимодействия в контексте современной глобализации.

Рябцев В.Н.,
канд. филос. наук, доц.,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ФЕНОМЕН «НЕСОСТОЯВШИХСЯ» ГОСУДАРСТВ И ПРИЧИНЫ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблематика «слабых», «неудачных», «деградирующих», «коллапсирующих» и т.п. государств вошла в мировую «повестку дня» практически сразу же с распадом биполярной системы. И понятно почему: завершение «Великого Соперничества» США и СССР и последовавшая вслед за этим глубокая трансформация всей системы международных отношений обострили кризисные явления в ряде «обычных» стран Третьего мира. Многие из них утратили источники внешней помощи в лице стран соцлагеря и перешли в категорию «Глубокого Юга» (А. Неклесса). Именно среди них и стали быстро и в «массовом» количестве появляться так называемые слабые, неудачливые, деградирующие и т.п. государства, характерными чертами которых стали явно ослабленный (или даже чисто формальный) суверенитет и неспособность контролировать ситуацию на собственной территории, а также отсутствие или явный дефицит легитимных правящих элит.

И не случайно, что уже в первой половине 1990-х гг. проблематика «слабых»/«неудавшихся» государств стала предметом серьезного интереса со стороны ученых-международников и заинтересованного обсуждения в экспертной среде. В качестве стороны, инициировавшей соответствующие дискуссии, выступили американцы. Именно в США впервые заговорили о такого рода «государствах» как той среде, в которой себе находят убежище террористы, процветает «черный рынок» оружия, распространена наркоторговля и весьма активны криминальные группы; с немалой долей алармизма стали говорить о том, что такого рода «государства-неудачники» по сути «экспортируют политическую нестабильность на сопредельные территории», образуют «глу-

бокие трещины в самом основании международной системы». Вовлеченность же США в разрешение острых внутренних и региональных кризисов (в Сомали в 1993 г., на Гаити в 1994 г., в Боснии в 1995 г., в Косово в 1999 г., в Сьерра-Леоне в 1998 г., в Восточном Тиморе в 1999 г. и т.д.) только подхлестнула интерес американских специалистов к «нарастающей анархии», которая исходит от государств-«неудачников», а Вашингтон – уделить данной проблематике особое внимание в таких важных официальных документах, как «Стратегия национальной безопасности» (2002 г.), «Национальная военная стратегия» (2004 г.), «Национальная разведывательная стратегия» (2005 г.) и «Национальная стратегия борьбы с терроризмом» (2006 г.) и др.[1] С 2005 г. журнал «Foreign Affairs» и Американский фонд мира публику-ют индекс «слабых» и «несостоявшихся» государств, ранжируя их по 12 показателям.

О чем конкретно идет речь? А вот о чем.

В современном мире есть такого рода политии, которые формально хотя и могут иметь статус международно-признанных «организмов», но реально плохо или совсем не справляются со своими «обязанностями», т.е. обнаруживают ту или иную степень эрозии государственности. Такими политиями в основном являются «малые» государства, но могут быть и достаточно крупные «особи» (такие, например, как Украина).

Главное здесь то, что статус этих государств (*statehood*) – одно, а их состоятельность (*stateness*) – совсем другое[2]. Заметим при этом, что: а) способность государства управлять внутренними делами оценивается по трем главным функциям (монополия на применение силы и эффективный контроль над всей территорией страны, включая границы; обеспечение социальных «услуг» – занятости населения, социального обеспечения, здравоохранения, охраны окружающей среды и т.д.; полноценное функционирование институтов власти и вообще политической системы страны, плюс участие населения в политике, нормальный выборный процесс) и б) дисфункции же управления, характеризующие эрозию государственности, дают нам государства трех типов, а именно: слабые державы, деградирующие, или не справляющиеся

[1] См.: *Минаев М.* Проблематика «слабых государств» в американской аналитике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/fourteen/008.htm

[2] См. об этом подробнее, например: *Токарев А.А.* Концептуализация и операционализация понятия «государственность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file? id=1DE5670D-0D50-06E4-393C-B2422C55FF44; Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Comparative Politics. – 2011. – № 3.

со своими функциями государства и несостоявшиеся, разваливающиеся государства. Иногда в литературе все они (в широком смысле) рассматриваются как некие «псевдогосударства».

На их территории в силу слабости центральной власти и отсутствия эффективной системы управления может существовать «зона вне суверенитета», а то и не одна… Речь идет о части государства, на которые вообще не распространяется его суверенитет (даже формально). Власть центрального правительства здесь практически отсутствует и «правят бал» лидеры повстанческих движений, полевые командиры, наркобароны, племенные вожди, дельцы теневого рынка оружия и т.д. В современном мире таких примеров – «пруд пруди»: Вазиристан (в зоне афгано-пакистанского пограничья), «Государство Шан» и «Государство Ва» (в Мьянме/Бирме), зона контроля группировки «Аш Шабаб» (в до нельзя фрагментированном Сомали), контролируемая фронтом ПОЛИСАРИО «Свободная зона» в Западной Сахаре (формально она принадлежит Марокко), существовавшее до недавнего времени «Исламское государство Азавад» (в Мали) и т.д. Применительно к реалиям постперестроечной России весьма показательной была ситуация с «Республикой Ичкерия». Понятно, что вокруг таких территорий и в целом государств, за которыми «числятся» эти зоны анархии и псевдонезависимости, складывается «нездоровая» и нестабильная международная среда.

Слабые и деградирующие государства, как правило, «обременены» разного рода внутренними противостояниями и открытыми конфликтами, вплоть до вооруженных форм борьбы, жестокими и длительными гражданскими войнами, а также противоборствами в виде «приостановленных войн», когда вооруженное противостояние быстро возобновляется не только после подписания соглашений о прекращении огня, но даже и после достижения полноформатных договоренностей о мире.

Сколько за последние 15 – 20 лет мы видели подобных случаев «возвращения войны», например, в той же Африке – в Анголе, Бурунди, Демократической Республике Конго (ДРК), Эритрее, Эфиопии, Либерии, Руанде, Сьерра-Леоне, Судане, а теперь уже и в Южном Судане! Специалисты отмечает, что на исходе первого десятилетия нынешнего века на долю Черного континента приходилось до 40 % всех вооруженных конфликтов мире[1]. А на исходе XX в. Африка «отметилась» особой формой жесточайшего вооруженного противоборства –

[1] См.: *Клупт М.* Демография регионов мира. – СПб.: Питер, 2008. – С. 247.

«транснациональной» войной в ДРК[1]. Эта «новация» имела там место в 1998 – 2000 гг., где была проведена едва ли не самая крупная в истории ООН миротворческая операция и где, по разным данным, погибло около 3,5 млн (!) человек[2]. Равной ей по тяжелейшим последствиям и по широкому международному резонансу была разве что бойня в Руанде и Бурунди в середине 1990-х гг. Заметим, однако: ситуация в этой огромной зоне мира не располагает к благодушию. Особенно напряженная ситуация на сегодня складывается в Сахеле – на стыке арабо-мусульманской и «черной» Африки.

Уточним один важный момент. Различие слабых, деградирующих и несостоявшихся государств базируется на следующих характеристиках эрозии государственности: а) *слабые государства* (*week states*) – они худо-бедно справляются со своими основными функциями, но до полноценного функционирования институтов власти и управления далеко, государства такого типа имеют массу недостатков, часто и чрезмерно употребляют силу в отношения своего населения[3]; б) *деградирующие,* или не справляющиеся со своими функциями *государства (failing states)* – государства с сильным нарушением своего функционирования, не обладающие монополией на силу на территории своей страны в силу наличия «конкурентов», с плохим контролем на границах); в) *несостоявшиеся, или развалившиеся государства (faild states)* –

---

[1] По мнению ряда специалистов (например, Д. Смита), «транснациональная» война в ДРК лишь отчасти была гражданской войной (в классическом ее понимании), в которой тогдашний президент этой страны Л. Кабила боролся за сохранение власти, в значительной мере это была обычная международная война за власть и влияние в регионе. При этом такие «соседи» ДРК, как Ангола, Чад, Намибия, Судан и Зимбабве была на стороне президента Кабилы, в то время как Руанда и Уганда воевали против них, а в 2000 г. – и друг против друга. В итоге вся территория бывшего Заира превратилась, по сути, в протектораты соседних государств и вотчины местных «князьков», а армейские подразделения из соседних с ДРК стран, поддерживая, кто центральную власть, а кто оппозиционные ей силы, напрямую занялись весьма специфической экономикой, а именно: открытым грабежом природных ресурсов этой страны (см. об этом подробнее: *Смит Д.* Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / пер. с англ. / ред. *В. Тишков, М. Устинова*. – М.: Наука, 2007. – С. 118; *Емельянов А.Л.* Этноконфессиональные конфликты на африканском континенте // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: учеб. пособие / под ред. *А.Д. Воскресенского.* – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 85; *Мясников В.* Агрессоры по приглашению. Новый раунд кровопролития в Демократической Республике Конго // Независимое военное обозрение. – 20 февр.

[2] См.: *Васильев А.* Большая африканская война. В чем ее причины, можно ли е остановить? // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 1. – С. 7-11.

[3] Близким этому понятию по смыслу является другое: «уязвимое» (или «хрупкое») государство. Таковым иные специалисты считают государства, которые недавно вышли из состояния гражданской войны или острого внутриполитического кризиса.

квазиполитии, отличающиеся тем, что ни одна из трех базовых функций государства здесь не выполняется, что в итоге приводит к коллапсу государственности[1].

Как возникают и почему существуют такого рода политические образования? Здесь есть, как минимум, три группы причин. И в каждом конкретном случае доминирует та или иная…

Первая группа причин (назовем ее повышенной ролью эндогенных факторов) связана с тем, что охватываемые «обручем» государственности страны отличаются гетерогенным характером. Эти страны, как правило, «многосоставные» (если использовать терминологию А. Лейпхарта). На их территории прослеживаются «расколы» самой разной природы: географические, этнонациональные, расовые, лингвистические, конфессиональные, электоральные и др. Если же к тому добавляются еще два исторических фактора – а) память о том, кто и как приходил на ту землю, которую в данный момент времени ограничивает конкретное государство и как формировалось объемлемое им местное сообщество (а оно бывает похоже на «слоеный пирог»), и б) память отдельных регионов/этносов/»малых» наций, оказавшихся волею судеб в составе «слабого» и/или «кризисного» государства, об их *былой* автономии или даже независимости, то дело приобретает еще более сложный оборот. Потому в данных государствах как бы имманентно *заложена возможность* серьезных конфликтов, приобретающих большой резонанс.

Данные конфликты мы в принципе можем отнести к двум основным типам: во-первых, это «гегемонистские» конфликты, когда равные или примерно равные по численности (как, например, на Фиджи в 1980 – 1990-е гг.) или даже не равные, но непримиримо настроенные друг по отношению другу (как это было в 1990-е гг. в тех же Руанде и Бурунди) этногруппы борются за власть и ресурсы на одной и той же «площадке» (в одном и том же государстве, которое считают «своим») с целью обеспечить себе полное доминирование; во-вторых, это противоборства по оси «Центр – периферия», крайним выражением

[1] О многообразии в современном мире подобных феноменов см., например, работы одного из самых известных в этом вопросе специалистов: *Rotberg R.I.* Failed States, Collapced States. Weak States: Causes and Indicators // State failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by *R.I. Rotberg*. – Wash. (DC): Brookings Institute Press, 2003; *Rotberg R.I.* The Challenge of Weak, Failing and Collapced States // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by *Ch.A. Crocker, F.O. Hampson, P.R. Aall*. – Wash. (DC): USIP Press, 2007. См. об этом также: *Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. – L.: Atlantic Books, 2003. – P. 17; *Crocker Ch*. Engaging Failing States // Foreign Affairs. – 2003. – № 82/5. – P. 32-45.

которых являются конфликты по оси «Центр – периферия», т.е. сецессионного типа. И те, и другие стали (и являются) подлинным бичом в «слабых» гетерогенных по составу государствах современного мира. И надо сказать, что на сегодняшний день их число достаточно велико[1].

Вторая группа причин (назовем ее повышенной ролью экзогенных факторов) связана с неустойчивостью и слабой сбалансированностью анализируемых «политий», с характерными для них резкими колебательно-хаотическими процессами, которые делают их очень уязвимыми для внешнего воздействия. Отсюда и создание заинтересованными в этом силами (и под свой интерес) ситуаций «управляемого хаоса», которые раскалывают, а то и просто обрушают «слабые» и/или «несостоятельные» государства. Новейшая история мира, увы, знает немало примеров прямой заинтересованности мировых держав и/или негосударственных игроков (например, ТНК), их желанием получить преференциальный доступ к природным ресурсам соответствующих стран путем их «хаотизации», что зачастую влечет за собой возникновение «серых» экономических зон, прежде всего трансграничных «рынков насилия». Немало в этом плане «потрудились» (и «трудятся» по сей день) те же американцы, рядящиеся в тогу неких «конструктивных сил». Как отмечает в этой связи С. Маньшин, им мы, кстати, обязаны «изобретением» термина «хаорд», образованного от двух слов английского языка («chaos» – беспорядок, хаос и «order» – порядок): «Посеять хаос и навести там свои порядки – такова формула хаорда в ее упрощенном изложении. Такими методами Белый дом использовал курдов против Багдада, чеченцев против Москвы, сбежавших на Запад бандеровцев против остальной, не националистической Украины, и России вместе взятых»[2]. И эта пьеса продолжается…

В контексте обсуждаемого вопроса надо заметить, что разделенные этносы и народы, обделенные *своей* государственностью, как, впрочем, и народы со слабой или даже условной государственностью являются прекрасной «площадкой» для геополитического экспериментирования и проектирования со стороны великих держав и/или мощных экономических игроков, желающих работать «поверх» и «сквозь» границы излишне «мягких» государств. (Взять хотя бы ту же ситуацию с курдами на Ближнем и Среднем Востоке – 40-миллионным массивом

[1] Так, например, Ф.А. Попов выделяет почти 200 такого рода проблемных *внутригосударственных* регионов (см.: *Попов Ф.А.* География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2002).

[2] *Маньшин С.* Великие беды Великой Черкесии. 20 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.segodnia.ru/content/12540

людей, разделенным границами четырех государств). Это, с одной стороны. А с другой – дробление неустойчивых «политий» в условиях этно-племенного ирредентизма (например, в той же Центральной и Восточной Африке), в случае если он возобладает, неизбежно приведет к появлению на их месте острейших региональных «узлов противоречий».

Третья группа причин – это своего рода «комбинация» эндогенных и экзогенных факторов, но все же с доминацией вторых. Мы имеем в виду «искусственный» характер происхождения «слабых», «неустойчивых», и «кризисных» государств. Проблема в том, что у них, как правило, нет своих культурно-исторических «ядер». Они кем-то и в определенных условиях «выращены» (такие государства есть и в Европе – те же Бельгия, Босния, не говоря уже о мире в целом, где они – большинство, а конгруэтность между нацией и государством – скорее исключение, чем правило).

Специалистами подчеркивается, что «искусственные» государства – это «державы-скороспелки», созданные на территориях, на которых не было подобного государства, а население не облает «национальным сознанием». Искусственные» государства возникли либо в результате насилия, либо были рождены за столами международных форумов и де-факто являются полиэтничными или многонациональными «конструкциями»[1].

Есть и другие варианты. Например, они могут возникать «по случаю» – в результате распада крупных полиэтничных государств (как, например, в ситуации распада Югославии или СССР), а могут быть в буквальном смысле «выведены» сильными мира сего на руинах специально разрушаемых ими (нормальных!) государств. Как тут не вспомнить «наказание» Югославии, начавшееся в 1992 г. и приведшее в 2008 г. к появлению в историческом «сердце» Сербии – на пространстве Косово и Метохии – искусственного «гомункулуса» в виде криминального квазигосударства местных албанцев[2].

Заметим, что почти вся Африка (по крайней мере, ее большая часть) состоит из «искусственных» государств, начало созданию которых было положено еще на Берлинской конференции 1885 г. И ждать наибольших «сюрпризов» здесь надо опять-таки от Африки. Почему? Да потому, что подавляющее большинство межгосударственных

[1] См.: *Маклаков А*. Нация и государство: конец Вестфальского мира. 27 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/ru/project/page13392.html

[2] См. об этом, например: *Пономарева Е.* Преступный Интернационал в центре Европы. Как NATO создает государства-бандиты. – М.: Книжный мир, 2014.

границ являются «астрономическими», т.е. по своей морфологии являются искусственными. Ведь географами подсчитано, что на политической карте «Черного континента» 44 % всей длины государственных границ проходят по параллелям и меридианам, а 30 % – по геометрически правильным линиям. В особенности это относится к Западной Африке, где, например, ареал проживания народа фульбе еще в XIX в. оказался разделенным между 12 (!) английскими и французскими колониями[1].

Резюмируем сказанное. Независимо от того, с чем конкретно имеем дело – со «слабыми», «деградирующими» или «распадающимися» государствами, все они (взятые вкупе) на сегодняшний день де-факто являют собой особую подсистему общемировой системы международных отношений, довольно-таки устойчивый ее кластер. Причем иные из такого рода «политий» уже давно и прочно обосновались в «мировом Зазеркалье», в зоне «Глубокого Юга» (А. Неклесса). И помимо того, что они своим существованием рождают массу проблем для окружающих их государств и для «своих» регионов, они еще генерируют и немало угроз и опасностей для всего международного сообщества. Мы имеем в виду не только тот факт, что «слабаки» и «неудачники» рождают огромные нерегулируемые антропотоки (они уже в значительной степени изменили облик Европы), но и то обстоятельство, что на их территориях весьма вольготно чувствуют себя террористические сети («исламские партизаны»). И здесь они, между прочим, находят очень хороший язык с криминалитетом (транснациональными преступными группами), деля «на паях» с ними пространство «мирового Зазеркалья». Все это сегодня – предмет большой и серьезной озабоченности мирового сообщества.

[1] См. об этом: *Максаковский В.П.* Общая экономическая и социальная география: Курс лекций: В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – С. 174.

Семёнов В.С.,
канд. полит. наук, ст.н.с. Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАКРОИЗМЕНЕНИЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РИСКИ, ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных экономических отношениях разворачиваются кардинальные перемены, обусловленные новыми технологиями, оптимизацией и компьютеризацией различных процессов, ростом влияния виртуального сектора. Соответствующие изменения отразились в концепциях «уберизации», «суперкапитализма»[1] и других. Они фиксируют качественные изменения преимущественно в экономике развитых стран, подчеркивая усиление роли капитала в генерировании большинства доходов, получаемых посредством автоматизации (компьютеризации) процессов производства, оказания услуг, при снижении роли и необходимости человеческого труда.

Одним из заметных проявлений подобных тенденций стал коммерческий успех проектов, основанных на внедрении электронных платформ, которые через мобильное приложение сводят потребителя с поставщиком услуг, исполняя роль посредника. Например, компания Uber, позволяет пассажирам напрямую заказывать такси у частного водителя, онлайн-платформа Airbnb дает возможность снимать жилье непосредственно у арендодателя и т.п. Поскольку внедрение системы Uber повлекло заметные социальные конфликты и неоднозначные перспективы, многие исследователи говорят о развитии новой «Убер-экономики», появлении «Убер-терроризма» и т.д.

Первый комплекс рисков и угроз глобальной безопасности, порождаемых масштабными переменами в экономике, связан с тенденцией постепенного устранения человеческого труда из цепочки подготовки и выполнения услуги, товара или иного продукта трудовой деятельности. В качестве иллюстрации данного процесса часто приводится ситуация вокруг международной компании Uber, создавшей мобильное приложение для вызова и оплаты частных водителей. Успех данного сервиса, ставшего доступным более чем в шестистах крупных городах мира, привел к тому, что в середине 2015 года профессио-

[1] *Зотин А.* Робовладельческий строй. Как мы будем жить при суперкапитализме // Коммерсантъ, 04.11.2017.

нальные водители таксопарков во многих странах протестовали против демпинга в сфере пассажирских перевозок, возникшего в результате массового применения приложения Uber. Однако через несколько месяцев уже и водители Uber стали требовать узаконить минимальный уровень своей заработной платы. Им пришлось быстро осознать, что при новой модели производственных отношений у них практически нет каких-либо прав, поскольку их всегда могут заменить другим водителем. Но еще более серьезные проблемы прогнозируются в связи с перспективой вытеснения водителя-человека компьютерной программой беспилотного автовождения, массовое внедрение которой предполагается в ближайшие годы. При таком развитии технологий обезлюдеет крупный сектор частного бизнеса, прибыль от которого будет получать узкий круг лиц, вложивших капитал в его автоматизацию. Аналогичные процессы происходят и в других видах предпринимательской деятельности. Так, в гостиничном и туристическом бизнесе из-за упомянутой платформы Airbnb сокращается число сотрудников, чьи функции выполняет компьютерная программа.

Технологические прорывы в отдельных отраслях, сокращающие или полностью устраняющие человеческую занятость, уже привели к снижению доли трудовых доходов в целом – не только в развитых, но и в развивающихся государствах. Исследования доли труда в доходах населения большинства стран, проводившиеся американскими экономистами в период 1975–2013 гг., показали его снижение на 5%[1]. Эксперты Всемирного экономического форума в Давосе опубликовали прогноз, согласно которому к 2019 году в среднем около четверти всех работ будут выполняться компьютерными программами, роботами или комплексными автоматизированными системами обслуживания клиентов. В частности, они полагают возможной скорую автоматизацию трех четвертей задач сотрудников гостиниц и ресторанов, почти двух третей обязанностей работников добывающих отраслей, а также более половины функций сотрудников технологической индустрии.[2]

Потенциал автоматизированных компьютерных систем, их экспансия во многие сферы человеческой деятельности позволяет прогнозировать снижение доходов основной массы участников экономических отношений, усугубление их социальной незащищенности в рамках

[1] *Karabarbounis L., Neiman B.* The Global Decline of the Labor Share // The Quarterly Journal of Economics, Oxford University Press, vol. 129(1), p. 62.

[2] В Давосе заявили об угрозе технологической безработицы // Информационное агентство RNS, 22.01.2017. URL: https://rns.online/articles/V-Davose-zayavili-ob-ugroze-tehnologicheskoi-bezrabotitsi-2017-01-22/ (дата обращения – 15.11.2017).

ускоренно растущей самозанятости. Подобные тенденции отражают поляризацию доходов, когда множество представителей среднего класса объективно, независимо от их воли и усилий перемещаются в бедные и беднейшие слои населения, которые все более зависят от социальной помощи, перераспределения материальных благ, что чревато разного рода потрясениями.

С этим связана **вторая группа угрозообразующих факторов**, касающихся роста общественно-политической конфликтности, обусловленной роботизацией производственных процессов и сокращением числа рабочих мест, развитием сетевых схем бизнеса. Одним из ключевых последствий изменений в экономике является ускорение социальной атомизации, деструктивные изменения социокультурных связей и отношений. Как следствие, наряду с обострением протестных настроений происходят качественные изменения в методах пополнения разного рода экстремистских и террористических объединений, а также в проявлениях их деятельности.

Взаимосвязь экономических перемен с ростом нестабильности общества нашли отражение в термине «Убер-терроризм»[1], поскольку фиксируется схожесть методов рекрутирования новых сторонников Исламского государства (запрещенного в России) с технологиями привлечения сотрудников сетевыми организациями образца Uber. ИГ осуществляет масштабное, нетаргетированное воздействие на максимально широкую аудиторию Интернета, не тратя силы и средства на формирование первичных ячеек организации, обеспечение конспирации, финансирование отдельных боевиков и терактов. Практика показывает, что подобное широкозахватное воздействие ИГ наиболее эффективно в отношении индивидов, находящихся в состоянии относительной депривации (relative deprivation), обусловленной нереализованными ожиданиями экономического и социального роста, а также оказавшихся вне общественной группы или корпоративной среды[2]. Специалисты давно отмечали, что «чем больше интенсивность и масштабы относительной депривации, тем шире масштабы коллективного насилия»[3].

---

[1] *Канунникова Т.Д.* Убер-терроризм: новый вызов международной безопасности // РСМД, 10.11.2017. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uber-terrorizm-novyy-vyzov-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-/ (дата обращения – 15.11.2017).

[2] Root Causes of Radicalization in Europe and the Commonwealth of Independent States. United Nations Development Programme (UNDP), One United Nations Plaza, New York, NY, 10017 USA. July 2015. P. 4-5.

[3] *Ted Robert Gurr.* Why Men Rebel. Princeton, N.J., Published for the Center of International Studies, Princeton University [by] Princeton University Press, 1970. P. 30.

И на сегодняшний день в многомиллионной аудитории мигрантов продолжает расти число лиц, готовых к экстремальным проявлениям вплоть до теракта, которых не сложно вовлечь в соответствующую группу и чью готовность к действию можно канализировать в определенное русло. Безусловно, такая ситуация во многом обусловлена обозначенными экономическими процессами, способствующими росту дистанции между ожиданиями и реальностью.

Третий комплекс рисков, вызовов и угроз безопасности обусловлен общим кризисом системы глобального и регионального управления, в том числе в сфере экономики. Поляризация доходов при ухудшении материального положения большинства, рост недоверия к официальным структурам, усиление неправительственных организаций в условиях разнонаправленных интересов – усложняют управленческую деятельность на локальном и региональном уровнях. На международном уровне уже практически невозможно принять решение по наиболее актуальным проблемам современности, согласованное основными геополитическими субъектами. Эксперты отмечают, что «сетевизация» производственных и иных процессов, способствующая развитию глобализации, одновременно вызывает и ускоряет фрагментацию и раздробленность.[1] Остро необходимые конвенциональные договоры все чаще подменяются ситуационными договоренностями по частным вопросам между двумя или несколькими сторонами. При этом новые технологии расширяют круг лиц, групп и корпораций, которые способны обойти или заблокировать политико-экономические меры, а также ускоряют деградацию рынка труда. В то же время растет необходимость скоординированной оценки перспектив внедрения новых биологических, информационно-коммуникационных и иных технологий, с последующей выработкой и принятием общепризнанных норм и регулирующих стандартов их безопасного использования[2].

Подводя итоги, отметим, что приведенный перечень рисков, вызовов и угроз безопасности является условным и далеко не исчерпывающим. Так, отдельного внимания заслуживают факторы ухудшения условий осуществления экономической деятельности, поскольку названные процессы усложняют осуществление контрольно-регулирующих функций в предпринимательской среде. Специалисты отмечают взаимосвязь «уберизации» экономики с ростом ее теневой составляющей,

[1] *Maull Hanns W.* Von den Schwierigkeiten des Regierens in Zeiten der Globalisierung // Aus Politik und Zeitgeschichte, № 31-32. 27. Juli 2015. S. 34.

[2] Global Trends: Paradox of Progress // A publication of the National Intelligence Council. January 2017. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends (дата обращения – 15.11.2017).

не поддающейся конструктивному управлению. В сетевом бизнесе, не имеющем единого центра, весьма затруднена работа фискальных, правоохранительных и иных контролирующих структур, что расширяет возможности для осуществления противоправной деятельности.

Однако самые сложные проблемы вырисовываются при анализе проблем фундаментального характера в процессе выработки прогноза развития обозначенных процессов. Наиболее острые противоречия возникают при постановке вопросов целеполагания, например, о перспективах и направлениях роста автоматизированной, компьютеризованной экономики, поскольку дальнейшее расширение «обесчеловеченного» производства натолкнется на множество препятствий. В частности, обозначенные тенденции развития экономики предполагают сужение рынков сбыта, поскольку большинство потребителей, оставшихся без работы, будут вынуждены существовать за счет некоего эквивалента социального пособия, либо соглашаться на неквалифицированный труд с меньшей оплатой. Значительная часть производства, теряющего цели и объекты, утрачивает смысл, что затрагивает основы финансовой системы, предполагает смену источников эмиссии, кризисы перепроизводства и простои, иные потрясения основ существующей экономики.

В этой связи характерен рост числа алармистских и эсхатологических прогнозов. В частности, дискутируется вероятность скорого создания искусственного интеллекта, который в перспективе может обрести сознание и свободу воли и перестанет нуждаться в человеке для дальнейшего саморазвития, что, по мнению ряда исследователей, чревато гибелью человечества. Ненужным станет не только труд человека, но и образование, его интеллектуальная деятельность в целом, из чего делается вывод об утрате смысла существования и последующей деградации Homo sapiens, могущего стать отработанной ступенью в процессе эволюции разума.

Однако более взвешенной представляется оценка перспектив глобализации экономики через призму концепции «Черных лебедей», которая, наряду с отрицанием возможности объективного прогноза развития макропроцессов, допускает как негативный, так и позитивный сценарии их развития[1]. Пока же можно констатировать, что обозначенные тенденции развиваются неравномерно, их проявления значительно отличаются по форме и интенсивности в разных странах и регионах. В большинстве своем они необратимы, их темпы нарастают,

[1] *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., Изд-во: КоЛибри. 2016. С. 9.

а воздействие становится все более масштабным. Они имеют всеобщий характер, избежать их не удастся никому. Именно поэтому необходимо глубокое исследование отмеченных и сопутствующих последствий глобализации с учетом национальных и межгосударственных интересов. В то же время следует признать, что очень немногие организации располагают необходимыми средствами и ресурсами для осуществления масштабного системного анализа и обоснованного прогнозирования, а противоречия современного мира пока не позволяют надеяться на объединение ресурсов для оценки и анализа актуальных проблем.

Шипилова Т.В.,
канд. экон. наук, доц.,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время мировой финансово-экономический кризис заставляет страны искать новые финансовые платформы для быстрого экономического роста. Государствам нужны свежие идеи, подкрепленные успешным опытом их реализации. Именно это и предлагает Китай, который не только сам достиг высоких показателей, но и готов делиться своими стратегиями и технологиями, при этом используя не экспансионистскую политику, а предлагая равноправное и взаимовыгодное партнерство.

Инициативой КНР, направленной на преодоление гегемонии доллара США на мировом рынке, является открытие фьючерсных торгов природным газом в юанях и рублях. Кроме того, российский «Газпром» рассматривает возможность размещения облигаций в юанях, которые уже котируются на рынках Гонконга, Сингапура, Лондона и с недавних пор Франкфурта. Очень скоро китайский юань (возможно обеспеченный золотом) может превратиться в глобальную резервную валюту, даже до того, как он станет полностью конвертируемым.

Сегодня Китай значительно переосмыслил свою роль в мировой экономике и в большей степени ориентирован на расширение партнерских отношений со странами, которые не являются его ближайшими соседями. Ярким свидетельством тому является сотрудничество Китая с Бразилией, Россией, Индией и Южно-Африканской Республикой

в рамках БРИКС. Поднебесная как никогда заинтересована в налаживании отношений с развивающимися экономиками и создании нового мирового экономического порядка. В качестве пути достижения своей цели Китай декларирует доктрину «Один пояс-один путь».

Однако в мировой экономике нарастают и другие тенденции.

Развивающийся финансовый кризис и нарастающий полицентризм в мире обострил проблему регионализации валют. Как представляется сегодня переход мировой экономики от нефтедоллара к золотому юаню далеко не решен[1].

Процесс перераспределения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами ведет к появлению полицентризма. Проявились тенденции к использованию нескольких конкурирующих национальных денежных единиц в качестве мировых валют[2].

Говоря о позиции евро, важно отметить, что основой сохранения данной позиции как мировой резервной валюты, является значительный экономический и валютный потенциал, сформированный в течение более чем полувекового развития европейской экономической интеграции: начиная с Римского договора до создания в 1999 г. экономического и валютного союза с единой валютой – евро. В итоге макроэкономические показатели зоны евро и США стали почти сопоставимыми. Однако, финансовый кризис и изменения политических предпочтений в мире, вероятно, внесет коррективы и в зону евро. Аналитики полагают, что, вероятнее всего зона евро сузится, а многие Восточно-Европейские страны войдут в зону рубля.

Тенденции использования мировых валют второго эшелона – фунта стерлингов и иены можно определить как противоположные. Перспективы английской валюты характеризуются небольшим повышением объема экспорта товаров и услуг Великобритании и доли фунта стерлингов в мировых валютных резервах.

На степень использования иены как мировой валюты оказывают влияние такие факторы как длительный экономический спад и дефляцию в Японии, тяжелые последствия мирового кризиса, увеличение бюджетного дефицита и госдолга, а также негативные последствия землетрясения, цунами и катастрофы на АЭС в марте 2011 года. Вместе с тем положительное влияние на позиции иены оказывает увеличение реального ВВП Японии.

Все это определяет положительную тенденцию сохранения международного использования иены, особенно в азиатском регионе.

[1] *Ву Ф., Пан Р., Ванг Д.* Сможет ли юань стать мировой валютой? // ЭКО. 2010. № 12.
[2] *Красавина Л.Н.* Международные валютно-кредитные отношения. – М.: ЮРАЙТ, 2016.

Новое перераспределение соотношения сил в условиях полицентризма и регионализма глобализирующейся мировой экономики стимулирует развитие тенденции интернационализации национальных денег, не включенных МВФ в перечень «свободно используемых валют».

Мировой финансово-экономический кризис повлиял на использование валют быстроразвивающихся стран даже при отсутствии их свободной конвертируемости. В значительной мере это связано с нестабильностью мировых валют, имеющих статус свободно используемых. Проявлением валютного полицентризма стала тенденция к интернационализации использования российского рубля, особенно в ЕАЭС, где его доля во внешнеторговых расчетах повысилась до 56,1%. Однако расчеты между другими странами по этим операциям без участия России осуществляются преимущественно в долларах США и в значительно меньшей степени в евро. Доля валют других стран ЕАЭС (без рубля) в торговых взаиморасчетах незначительна (1%). Наметились некоторые позитивные сдвиги в сфере использования рубля на мировом финансовом рынке. Так, на мировом валютном рынке FOREX доля расчетов в рублях увеличилась втрое за последние 12 лет[1]. Рубль стал применяться при расчетах по фондовым операциям через некоторые платежные системы. Постепенно формируется рынок рублевых финансовых инструментов, а также рынок ценных бумаг, номинированных в рублях. Растет доля в использовании рубля в международных долговых требованиях России и ее долговых обязательствах, а также в международных долговых обязательствах банков (хотя по сравнению с докризисным уровнем произошло снижение с 23 до 17%). Российский рубль используется в приграничной торговле. Например, в Системе торговли иностранными валютами в Китае стали осуществляться торги рублями (с ноября 2010 г.), а на ММВБ – торги парой валют юань/рубль. Однако для интернационализации российского рубля необходима разработка концепции этого направления, валютной политики и стратегии на основе укрепления экономического и валютного потенциала России, повышения рыночной конкурентоспособности рубля, разработки этапов достижения цели создания валютного союза при расширении ЕАЭС. Актуальной проблемой сегодня является разработка критериев использования рубля в региональном и мировом обороте.

[1] *Потемкин А.И.* Об усилении роли российского рубля в международных расчетах // Деньги и кредит. 2010. № 8; *Люкевич И.Н.* Перспективы рубля как резервной валюты // Международная экономика. 2011. № 3.

По мнению экспертов, для решения данной задачи необходимым условием является защита стратегических активов и внутреннего рынка от набегов иностранного спекулятивного капитала, а также проведение активной научно-технической и структурной политики по «выращиванию» конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономического роста. Последнее невозможно без наличия национальной финансово-инвестиционной системы, опирающейся на внутренние источники кредита и защищенной от дестабилизирующих воздействий мирового финансового рынка.

Следует отметить, что в настоящее время насчитывается более 100 региональных торгово-экономических объединений, в которых используются национальные и региональные валюты, региональные валютные единицы.

Отметим, что среди региональных экономических объединений, второе место после ЕС занимает НАФТА – Североамериканское соглашение о свободной торговле в составе США, Канады и Мексики (с 1994 г.). НАФТА не ставит задачу создания таможенного, экономического и валютного союза и выпуска региональной валюты. До недавнего времени он планировался как «универсальный доллар суверенных государств», предназначенный для использования не только в НАФТА, но и в странах неамериканского континента с целью поддержки доллара США как мировой валюты. Однако, с приходом Д. Трампа, по-видимому, было бы уместно говорить об «американском долларе одинокого острова».

Валютный аспект функционирования южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР, с 1995 г.) пока проявляется в унификации правил взаимных международных расчетов, но предполагается ввести единую наднациональную южноамериканскую валюту. Первым шагом в этом направлении стало создание Банка Юга в конце 2007 г. Идея наднациональной южноамериканской валюты связана с отказом МЕРКОСУР (в 2006 г.) от проекта создания зоны свободной торговли Северной и Южной Америки и сдержанным отношением южноамериканских стран к усилению зависимости от США, в том числе в валютных отношениях.

Также в объединении АСЕАН+3 традиционно используется иена и прикрепленная к СДР азиатская валютная единица – АКЮ, в основном как валюта Азиатского клирингового союза (с 1975 г.). Ослабление японской иены стимулировало разработку новой АКЮ, которая будет отличаться следующей особенностью: ее средневзвешенная стоимость будет определяться не на базе СДР, а корзиной валют, доля

которых зависит от удельного веса стран – их эмитентов в совокупном ВВП и взаимной торговле данного региона. Новая тенденция в валютной политике стран – членов АСЕАН+3 проявилась в их стремлении коллективно защищать свои валюты от спекулятивных атак, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса путем проведения своп-операций центральных банков в основном с участием долларов США (Чиангмайская инициатива) для создания резервов национальных валют. В Южно-Тихоокеанском регионе, где доминирует доллар США, формируется тенденция усиления влияния австралийского доллара. Это проявляется в проекте создания Южно-Тихоокеанского союза (в составе государств Океании, Австралии, Новой Зеландии) и введения единой валюты региона на базе австралийского доллара.

Вместе с тем, арабские страны также формируют региональное валютное объединение. В мае 1981 г. создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССЗ – Совет сотрудничества залива), их таможенный союз (январь 2003 г.), общий рынок (январь 2008 г.). Арабский валютный фонд использует арабский динар. Проектируется выпуск единой арабской валюты взамен национальных валют – динара (Бахрейн, Кувейт), риала (Оман, Катар, Саудовская Аравия), дирхама (ОАЭ), хотя единства по этому вопросу нет. Незначительная взаимная торговля этих стран (около 7%) по сравнению с зоной евро (50%) затрудняет формирование их валютного союза и региональной валюты.

Развивается процесс валютного регионализма и в Африке, который основан на формировании экономических объединений. В Экономическом и валютном сообществе государств Центральной Африки используется так называемый «африканский франк» – региональная валюта, прикрепленная к евро. С 1973 г. Банк государств Центральной Африки выпускает региональные банкноты и монеты, номинированные в «африканском франке», с опознавательными знаками-шифрами для каждой страны.

Следуя вышесказанному, отметим, что реальным вкладом в решение мировых финансовых проблем могут быть совместные шаги всех государств, по созданию региональных валютных зон, совместные усилия по созданию «новых правил игры» и новой валютной системы, в которой Россия, безусловно, будет играть ведущую роль.

Самойлова Ю.Б.,
канд. юрид. наук, первый факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)
Пайков А.Ю.,
канд. мед. наук, бюро № 2 филиала федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Ростовской области» Министерства труда и социальной защиты РФ, Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Среди стратегических целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации названы сохранение и восстановление природных систем, ликвидация экологического ущерба[1]. В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента России 19 апреля 2017 года №176, к глобальным вызовам экологической безопасности отнесено сокращение биологического разнообразия, влекущее за собой необратимые последствия для экосистем, разрушая их целостность; к внутренним вызовам – сокращение видового разнообразия и внедрение теневого рынка в сфере природопользования; а к внешним – несанкционированная добыча водных биоресурсов[2].

Трудно исчисляемый по своим масштабам экологический вред причиняет водное браконьерство, приобретающее наиболее опасные формы организованной преступности, имеющие предметом посягательства редкие виды животных. К примеру, инспектор отдела контроля, надзора и рыбоохраны по Ульчскому району Амурского территориального управления Федерального агентства по рыболовству весной 2015 года организовал 3 группы для незаконной добычи рыбы

[1] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2016. №1 (часть II). Ст. 212.
[2] См.: Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. ст. 2546.

осетровых видов и черной икры. С весны по осень 2015 года злоумышленники вблизи сел Ульчского района заготовили почти тонну деликатесной рыбы и более 400 килограммов черной икры, причинив ущерб экологии в размере свыше 7 миллионов рублей. Обвиняемые планировали переправить нелегальную рыбопродукцию на запад страны для дальнейшей продажи[1].

Согласно материалам другого уголовного дела была пресечена деятельность организованной преступной группы, которая с августа по октябрь 2015 года незаконно добывала в Амурском лимане (рядом с поселком Оремиф) рыбу осетровых пород. Пойманную рыбу браконьеры разделывали в лодке, икру складывали в контейнеры, а туши рыб выбрасывали в воду. С участием злоумышленника было добыто 140 килограммов черной икры. Участники преступной группы планировали доставить сразу несколько партий икры в Хабаровск для продажи. С целью конспирации они поместили контейнеры с деликатесом (общий вес около 500 килограммов) в гроб и в автобусе ритуальной службы повезли в краевой центр. 26 октября 2015 года злоумышленники вместе с нелегальным грузом были задержаны на трассе сотрудниками ДПС. Необходимо отметить, что ранее участники данной группы уже привлекались к уголовной ответственности за браконьерство[2].

Министр природных ресурсов и экологии С. Донской отметил, что одной из основных причин браконьерства, является рыночный спрос на редкие виды животных и их дериваты[3]. Организованная преступность, ее распространение и экспансия являются одним из результатов глобализации. Сама же организованная преступность так же, как и иные социальные явления, подвержена глобализации[4].

Ответом на данные вызовы послужило принятие федерального закона от 2 июля 2013 года № 150-ФЗ, которым УК РФ был дополнен двумя статьями: 226^1 и 258^1. Первая из названных предусматривает ответственность за контрабанду, а другая – за незаконную добычу и оборот биоресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную

[1] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sledcom.ru/news/item/1061103. (дата обращения 01.09.2017).
[2] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sledcom.ru/news/item/1060711. дата обращения 01.09.2017).
[3] Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53079. (дата обращения 01.09.2017).
[4] См.: *Пойман П.* Модернизация, экспансия и глобализация организованной преступности: криминологические реалии Чехии // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 146.

книгу Российской Федерации, охраняемым международными договорами Российской Федерации, а также их частей и производных.
Гравина А.А. отмечает, что «социально-экономическая и политическая обстановка в России конца XX в. ознаменовала новые подходы к концептуальным основам уголовного законодательства», а среди основных направлений развития уголовного права в XXI в. названы требование последовательного развития и реализации принципов, провозглашенных в Уголовном кодексе. Основным же стержнем модернизации, по сути, является принцип гуманизма[1].

3 июля 2016 года был принят федеральный закон № 323-ФЗ, которым, помимо других изменений в УК РФ и УПК РФ, в уголовно-процессуальное законодательство включено «новое» основание освобождения от уголовной ответственности – с назначением судебного штрафа. Расширение оснований освобождения от уголовной ответственности за счет введения такой меры уголовно-правового характера как судебный штраф, является свидетельством гуманизации уголовной политики государства. Ведь в таком случае лицо, совершившее преступление, не имеет судимости, что позволяет ему избежать негативных последствий, связанных с ее наличием, – сказано в пояснительной записке к законопроекту[2].

Используемая законодателем в ст. 76.2 УК РФ формулировка: лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, свидетельствует об отнесении данного основания к дискреционным (факультативным). По справедливому мнению А.И. Рарога такое новшество вызывает возражение уже факультативным порядком освобождения от уголовной ответственности. По сути передача решения вопроса об освобождении на усмотрение правоприменителя приведет к тому, что одни правонарушители будут, а другие почему-то не будут освобождаться от ответственности после заглаживания причиненного вреда[3].

Рассмотрим пример из практики судов Ростовской области. Судья Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону 5 сентября

---

[1] *Гравина А.А.* Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95 - 106.

[2] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://asozd.duma.gov.ru. (дата обращения 01.07.2017).

[3] *Рарог А.И.* Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. Т. 10. № 3. С.

2017 года отказал в удовлетворении ходатайства обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 256 УК РФ, об освобождении от уголовной ответственности и назначении судебного штрафа. В постановлении судья указал, что подсудимые на досудебной стадии уголовного судопроизводства возместили причиненный преступлением ущерб, они ранее не судимы, и к уголовной ответственности привлекаются впервые. Таким образом, условия освобождения от уголовной ответственности[1], по уголовному делу соблюдены. Вместе с этим, суд отказал в удовлетворении ходатайства, согласившись с мнением прокурора о том, что в случае применения к подсудимым меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, они не смогут исполнить свои обязательства по его уплате, а его назначение неблагоприятно отразится на уровне жизни их семей[2]. Это один аспект проблемы.

Другой же видится в возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч.1, 2 ст. 258.1 УК РФ, которые относятся к преступлениям средней тяжести. Формально уголовный закон допускает возможность освобождения от ответственности за преступления средней тяжести, не зависимо от объекта преступного посягательства и причиненного вреда.

Несмотря на отсутствие в уголовном законе прямого запрета, мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые полагают, что не за все впервые совершенные преступления небольшой или средней тяжести уместно назначение судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового воздействия. Ведь УК РФ содержит немало составов преступлений, отнесенных к категории небольшой и средней тяжести, но представляющих высокую общественную опасность[3].

К таковым относятся, как представляется, и преступные посягательства на редкие и исчезающие виды животных. Об общественной опасности данных преступлений уже упоминалось в данной публикации. Только за последние четыре десятилетия на планете было потеряно

[1] П.16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // ИПО «Гарант».

[2] Постановление судьи Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону 5 сентября 2017 года по уголовному делу №1-633/17 // ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rospravosudie.com/ (дата обращения 01.10.2017).

[3] См, например: *Скрипченко Н.Ю.* Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106 – 114; Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 127.

около 50 процентов редких видов диких животных и растений, среди основных причин таких потерь – браконьерство и незаконная торговля[1].

Также необходимо добавить, что, несмотря на традиционное отнесение водного браконьерства к посягательствам на экономические интересы[2], последствием таких преступлений является экологический вред, который трудно исчислить в денежном выражении или восполнить.

Бабахова Л.Г.,
канд. филос. наук, ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ОТЧУЖДЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

На протяжении столетий традиции и обычаи определяли жизнь общества. Согласно философскому словарю, «традиция (передача, предание – лат.) – выражение всего предшествующего и относительно устойчивого в социальной жизни и культуре, категория, включающая в себя, как содержание различных сфер общества, так и механизм их преемственного развития, форма закрепления и сохранения социокультурного опыта. Традиция – образец, поведения, мышления и переживания, оцениваемый положительно или отрицательно, принадлежащий (действительно или мифологически) культурному наследию социальной группы; особый вид исторического сознания, преобразующий неоднозначность фактов прошлого в однозначные ценности современного»[3].

Одни традиции веками существуют в неизменном виде, другие – со временем изменяются и трансформируются. Как правило, традиции определяют существенные стороны социальной жизни и имеют непреходящее значение. Человек руководствуется в своем поведении традициями и обычаями, как некими истинами, не вызывающими сомнений.

Первоначально модернизация касалась в основном экономических и политических структур, сохраняя традиционный уклад в других сферах общественной жизни. Но под воздействием процессов глобализации трансформации подвергается сфера повседневной жизни, получившая освобождение от власти и влияния традиций. Но традицион-

[1] [Электронный ресурс]. Режим доступа. - http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=27567#.WL0XkoVOKM8 . (Дата обращения 06.03.2017).

[2] См.: *Самойлова Ю.Б. Самойлова Ю.Б.* Генезис уголовной ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. №3 (82). С.112-114.

[3] *Ершов Ю.Г.* Традиция // Социальная философия. Словарь. Под общей ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Кемерова. Екатеринбург: Деловая Книга, 2006. – 624 с. С. 550.

ный образ действий не исчезает бесследно, он перерождается согласно логике развития массовой культуры.

Как указывает Э. Гидденс: «Традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушку сувенирного магазина в аэропорту. В исполнении туристской индустрии наследие – это традиция, превращенная в спектакль. Возможно восстановленные и заново отделанные здания, посещаемые туристами, и выглядят великолепно, и, возможно, они до мельчайших деталей соответствуют первоначальному облику. Но сохраненные таким образом исторические памятники лишаются плоти и крови – традиций, связи с опытом повседневной жизни»[1].

С «детрадиционализацией» современной жизни связана проблема кризиса идентичности. Получив невиданную ранее свободу и самостоятельность в повседневной жизни, человек остался один на один перед лицом необходимости постоянного самоконструирования своей идентичности. Некогда отвечавшая за процесс идентификации пространственная и социальная принадлежность индивида к той или иной социальной группе, сменилась обособлением индивидуального Я, освобождением от сложившихся связей. Получив свободу перемещения, индивид встал перед необходимостью выбора.

«Когда традиции теряют силу, и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность»[2].

Однако потенциальная бесконечность равноценных образов жизни, предлагаемых глобализируемой культурой, оставила человека в полном одиночестве в выборе ценностных ориентиров, не имеющих под собой прочного основания. Оборотной стороной индивидуализации личности становится потеря ею укорененности в бытии, утрата целостной идентичности и растущее чувство тревоги и неуверенности.

Беспорядочность равноценных смыслов обернулась ситуацией культурного синкретизма, разомкнув территориальные границы и сделав общедоступными плоды экзотических культур.

В основе доминирующего в культуре синкретизма стилей лежит идея постоянного самоконструирования и самореализации Я, отрицающая какие-либо ограничения.

---

[1] *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 120 с. С. 60-61.

[2] Там же. С. 63.

Утрата идентичности как осознания ощущения себя в своей уникальности и неповторимости, является характерным для современного человека. Вместе с утратой переживания целостного Я, пропадает и переживание тождественности.

Выбор самого себя, своей идентичности становится отличительной чертой современности.

Новые социальные условия способствуют фрагментации Я и формированию отчужденной идентичности. Отчужденную идентичность можно определить как идентичность, утратившую целостность своих сущностных характеристик, лишенную осознания собственных границ.

Возникает человек нового типа, человек, освобожденный от социальных и моральных ценностей, поглощенный самим собой, своим телом, утративший чувство традиции и исторической преемственности. Фрагментации и распаду целостного Я способствует распространение гедонистических воззрений, как отмечает Ж. Липовецки, «усилия больше не в моде; все, что является принуждением или жесткой дисциплиной, обесценивается в пользу культа желаний и их немедленного удовлетворения»[1].

Под воздействием безудержного роста массового потребления в эпоху глобализма, индивидуум принимает потребление как образ жизни. Выработка собственных вкусов и предпочтений не поспевает за меняющейся модой и требует постоянной модернизации в соответствии с заданными стандартами.

Происходит уравнивание самости с возможностью играть множество ролей и принимать бесконечное разнообразие свободно выбранных отождествлений.

Новый тип мировоззрения сосредотачивается исключительно на пропаганде заботы о себе, при которой индивидуальная сущность утверждается в качестве единственной пользы.

Этика самопоглощения и самоудовлетворения определяет духовную атмосферу современного общества, в котором личность, ведомая гедонистическими идеалами потребления, занята бесконечным конструированием самоидентичности и поиском самореализации.

[1] *Липовецки Ж.* Эра пустоты. - Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2001. – 317 с. С. 88.

Лихотинский В.А.,
канд. полит. наук, доц.,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

КРИПТОИДЕОЛОГИЯ АНГЛОСАКСОВ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Расизм как направление в обществоведческой мысли, имеет длительную историю. Изначально он был связан с колониальной политикой западных держав и развитием капитализма. С первого взгляда, может показаться, что в современном мире политическая значимость этого явления ничтожна, однако диссонанс либеральной демагогии западных элит и их политической практики в международных отношениях очевиден, даже для поверхностного наблюдателя. По нашему мнению, в основе политики англосаксонских элит лежат идеи, уходящие корнями в XIX или даже XVIII век, некая скрытая «криптоидеология», существование которой официально не признаётся никогда. В этой связи, весьма показательно недавнее заявление бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра, заявившего, что несмотря на то, что у Саддама Хусейна не найдено оружия массового уничтожения, после его казни «мир стал лучше». Получается, что политические убийства представителей не западных стран рассматриваются здесь как легитимное средство «совершенствования» мира.

Англосаксонский расизм, как направление мысли, уходит корнями в работы выпускника университета Эдинбурга лорда Манбоддо (1714-1799). Задолго до Чарльза Дарвина он назвал обезьяну «братом человека», а так же выделил «получеловеческие расы». К развитию теории расового неравенства имеют отношения труды профессора политической экономии Томаса Мальтуса, который говорил о нецелесообразности приобщения к цивилизации «диких племён в силу того, что они являются конкурентами в борьбе за контроль над исчерпаемыми ресурсами.

Кузен Ч. Дарвина психолог и антрополог Гальтон нашел расологии практическое применение. Он предложил селекционировать людей подобно животным. Взглядов Гальтона придерживались президент США Теодор Рузвельт, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, писатель-фантаст Герберт Уэллс[1].

[1] *Перетолчин Д.* Мировые Элиты и Британский рейх во второй мировой войне. – М.: Книжный мир, 2015, С.45

Можно с уверенностью сказать, что расовая теория, в возникновении которой обвиняют Третий Рейх, изначально сформировалась в среде британских интеллектуалов. Бурное развитие расовая теория получила в конце XIX века благодаря англосаксонской интеллектуальной элите. Перенесение эволюционной теории на человеческое общество позволило создать теорию социального дарвинизма. Безжалостная борьба за существование, согласно такой теории, в несколько изменённом виде происходит в человеческом обществе.

Согласно такому мировоззрению, разделение общества на элиту и массы – процесс нормальный и неизбежный. Естественная борьба всех против всех неизбежно порождает людей физически и умственно наиболее сильных к тому же беспощадных, жестоких, стремящихся к власти и богатству.

Социальный дарвинизм несёт в себе объяснение как механизма социального отбора в обществе, так и механизма конкурентной борьбы рас, культур и цивилизаций. Отечественный исследователь Дмитрий Михеев называет это культурным дарвинизмом (КД). Согласно теории КД расы, этносы, борются за жизненные ресурсы и доминирование. Эта борьба аналогична той, которая происходит внутри отдельных обществ между разными социальными слоями.

Экономическая конкуренция в рамках такого мировоззрения предстаёт как форма эволюционной борьбы. Война здесь предстаёт как стадия обострения такой борьбы, а насилие, террор и пропаганда как инструменты эволюции, с помощью которых отбираются наиболее жизнеспособные народы и цивилизации. В итоге сильнейшая цивилизация становится «естественным лидером человечества».

Англосаксы уверены, что в жестокой эволюционной борьбе именно их ветвь белой расы доказала своё превосходство. Именно они являются носителями наиболее совершенной цивилизации в религиозном, экономическом и политическом отношении. Цивилизационное неравенство предполагает иерархическое мироустройство – как иерархическую модель отдельно взятого общества, так и право цивилизации-лидера на привилегии в мировом масштабе. Это естественно и справедливо с точки зрения англосаксонских элит. «Пальму первенства» англосаксов пытались оспорить немцы и французы, однако были побеждены (трижды руками русских солдат) и загнаны на третью и четвёртую позиции в иерархии[1].

[1] *Михеев А.И.* Американская идеология / Хозяева и бенефициары глобального хаоса. Как победить в битве за будущее. А.И. Фурсов, С.А. Правосудов, общ. редакция и составление – М.: Книжный мир, 2016. С. 242.

На рубеже XIX-XX веков расистскими идеями была пропитаны политическая экономия, естествознание и философия англо-саксонских стран. Английский философ Карл Пирсон в своих работах доказывал справедливость социального неравенства, превосходство англичан над другими народами. Он был убеждённым приверженцем создания «крепкой и владычествующей нации» – нации, которая, по его мнению, обладает бесспорным правом властвовать над остальным человечеством. Расистская демагогия была присуща многим политическим деятелям англо-американского мира рубежа XIX–XX столетий. Убеждённым расистом был Теодор Рузвельт – президент США в 1901 – 1909 гг. Он считал, что необходимо принять меры к «расовому укреплению» англо-саксонской нации. Американцы, по его мнению, должны стать «борцами и властителями», «сильными людьми», претендентами на «мировое владычество». Расисты, руководствуясь мальтузианскими идеями, стремились доказать, что борьба между «высшими» и «низшими» расами является следствием перенаселённости мира. Отсюда следует вывод, что уничтожение «низших» рас «высшими» естественно и оправдано. Расы различаются в отношении интеллектуальных способностей. Вследствие этого необходимо всячески отстаивать её чистоту, потеря которой якобы ведёт к интеллектуальному и физическому упадку. Черчилль не скрывал своих расистских взглядов. По его мнению, только нации говорящие на английском языке являются полноценными, призванными быть хозяевами всего мира[1].

Весьма откровенны и красноречивы следующее высказывания Черчилля: «Я не считаю, что собака на сене имеет какое-либо право на сено, хоть она и долго на нем лежала. Я не признаю за ней такого права. Я не признаю, что великая несправедливость была совершена по отношению к красным индейцам Америки или чёрным аборигенам Австралии. Я не признаю, что несправедливость была совершена по отношению к этим людям, потому что более сильная раса, более чистая раса, более мудрая раса, скажем так, пришла и заняла их место»[2].

У «цивилизованных» британцев и развлечения были соответствующие их взглядам. В 1904 году антрополог Уильям МакГи организовывал модные тогда в мире развлечений – человеческие зоопарки

[1] *Ойземман Т.И., Трофимов П.С.* Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма. http://bookish.link/filosofskih-ucheniy-istoria/rasizm-ideologia-amerikano-angliyskoy-22492.html

[2] *Перетолчин Д.* Мировые Элиты и Британский рейх во второй мировой войне. - М.: Книжный мир, 2015. С. 96.

«Human Zoo», в которых экспонировались представители архаичных племён[1].

Расизм был изначально свойственен американской элите. В скрытом виде он существует до сих пор. В настоящий момент W.A.S.P. в США составляют ничтожное меньшинство – 7% от общей численности населения. Несмотря на свою малочисленность, они играют особую роль в американском обществе. Именно они являются авторами американской идеологии, контролируют экономику и политику этой страны. За всю историю США было только два президента не англосакса это ирландец по происхождению Джон Кеннеди и афроамериканец Барак Обама.

Англосаксы США видят мир как расово-культурную иерархию. Народы северной Европы занимают в ней высшую ступень, далее следуют народы южной Европы, а после них – смешанные расовые группы, затем азиатские народы, а на самом дне – народы Африки. Англосаксонская концепция расовой иерархии, была модифицирована в 1920-е годы, согласно последней «редакции» она включает всех белых**.**

Более половины населения США уверено, что на их страну возложена особая историческая миссия. Многие искренне верят в то, что американские цивилизационные ценности носят универсальный характер. На смену хаотичному, раздираемому противоречиями миру, по мнению американской элиты, придёт новое мироустройство, основанное на свободе и демократии. Логичным выводом из этого является мысль о том, что народ, избранный Богом для столь масштабной миссии как преобразование мира, должен быть наделён особыми правами и привилегиями.

Неизбежным следствием представлений англосаксов о естественности иерархического устройства мира является вера в элитарность – разделение человечества на элиту и массу. Они убеждены, что значительная часть человечества глупа, пассивна и покорна. И только меньшинство активно, энергично и умно. Элита формируется стихийно, в процессе конкуренции. Роль элиты состоит в том, что она ведёт, мотивирует, контролирует и эксплуатирует массы. Англосаксонская интеллектуальная элита сумела убедить не только западный мир, но и значительную часть человечества в том, что вопиющее социальное неравенство не только справедливо, но и является двигателем прогресса[2].

---

[1] *Перетолчин Д.* Мировые войны и мировые элиты. - М.: Книжный мир, 2014. С. 149.

[2] *Михеев А.И.* Американская идеология / Хозяева и бенефициары глобального хаоса. Как победить в битве за будущее. А.И. Фурсов, С.А. Правосудов, общ. редакция и составление – М.: Книжный мир, 2016.С. 252.

Английский фантаст Герберт Уэллс стал автором термина «новый мировой порядок», под которым понималась глобальная политическая система предполагавшая ликвидацию национальных государств и полный контроль над рождаемостью. Новый мировой порядок – так называлось малоизвестное приложение к книге Гитлера «Mein Kampf» изданное в 1928 г. В своё время, протеже Герберта Уэллса – писатель Олдос Хаксли стал автором крайне интересного, на наш взгляд, романа-антиутопии «О дивный новый мир». Хаксли доводит идею расистского иерархически организованного общества до «совершенства». Такое общество, по его мнению, может состоять из людей созданных искусственным путём с заранее заданными физическими и психическими характеристиками необходимыми для выполнения строго определённых производственных функций. «Расово неполноценные» живут вне такого общества, в отвратительных условиях резерваций[1].

Расизм как политическая практика теснейшим образом связан с внешней политикой англосаксонских государств. Средством грабежа «нецивилизованных» стран является, в частности, изощренная финансовая политика подконтрольного англосаксам МВФ.

Глобалистские олигархические группы создали систему, которую известный российский экономист Валентин Катасонов называет «новый мировой финансовый порядок». Суть её состоит в том, что доллар в современном мире практически занял место золота и стал мировой валютой. Доллар является обеспечением ряда современных национальных валют. В случае, если какое-либо национальное государство примет решение выпускать национальную валюту под другое обеспечение, тогда США могут объявить такую страну «недемократической» и осуществить в ней «цветной» переворот, или прямое военное вторжение.

Центральные банки многих стран накопили значительное количество американской валюты, которая на деле является не более чем «зелёной бумагой», так как не имеет практически никакого обеспечения и выпускается Федеральной резервной системой США в неограниченных количествах. Зато США в обмен на свои «фантики» получают огромное количество природных ресурсов и других товаров[2].

Созданные и контролируемые англосаксонскими элитами транснациональные корпорации и неправительственные организации почти беспрепятственно пересекают границы государств и практически подчиняют их своим интересам.

---

[1] *Хаксли О.* О дивный новый мир – М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 85.

[2] *Катасонов В.Ю.* Мировая кабала. Ограбление по…- М.:Алгоритм, 2016. С. 134.

Апологеты идеи форсированной глобализации объявляют её средством сближения богатой части мира с бедной. По их мнению, экономически отсталые страны смогут найти своё место в мировом производстве опираясь не на «костные» национальные правительства, а на более гибкие и чутко реагирующие на изменения рыночной конъюнктуры частные компании. Идеологи глобализации расценивает государственное планирование как абсурдную экономическую архаику. «Вашингтонский консенсус», который справедливее было бы назвать Вашингтонским заговором, резко отрицательно относится даже к намёку на государственное планирование или защиту национальной промышленности[1].

Представители англосаксонских олигархических элит и их идейные сторонники совершенно уверены, что перспектива глобализированного мира с единым центром власти не имеет альтернатив. Поэтому национальный суверенитет является историческим пережитком и обречён на исчезновение. На сегодняшний день, по их мнению, необходимо сосредоточиться на создании нового мирового прядка, неизбежно грядущего на смену институту национального государства.

В конечном итоге, по нашему мнению, может сформироваться единая глобальная политико-экономическая система с жёсткой иерархией, где привилегированное меньшинство и его ближайшее окружение будет контролировать все жизненно важные ресурсы планеты, большинству же населения достанется роль промышленных рабов, а то и вовсе сырья.

[1] *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века – М.: Издатель Соловьёв, Алгоритм, 2001. С. 63.

Сорокин Г.В.,
канд. филос. наук, АСА ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Проблема: Размытость критериев «благополучного» общества. Несовершенство критериев социального прогресса. Необходимость «изобретения» новой парадигмы гуманизма.

Маркс был не первым разработчиком теории прибавочной стоимости, однако он разработал её наиболее глубоко. К. Маркс показал, откуда капиталист «черпает» прибыль.

Современное западное общество представляет собой симбиотическое сочетание капитализма и социалистических механизмов. Доминирующим способом производства является капиталистический, в то же время как управление обществом, механизмы распределения материальных и духовных ценностей, в той или иной степени, подчинены социальным целям.

Несмотря на явные успехи наиболее передовых обществ, представляется необходимым нахождение более адекватных и глубоких критериев путей социального прогресса. Мы не можем в коротком исследовании анализировать все критерии, рассмотрим только Индекс Развития Человеческого Потенциала. Хотя он один из главных критериев, применяемых ООН, он критикуем. Человек, действительно, главная ценность. Но в случае, например, сырьевой нефтяной экономики ИРЧП может быть большим, но не указывать на необходимое развитие экономики. Необходим критерий, который будет указывать на фактор необратимый и существенный для устойчивого количественного и качественного социального и сопутствующего коэволюционного прогресса.

Марксов критерий – повышение производительных сил должен неукоснительно соблюдаться в практике социального прогресса. Он должен органично сочетаться как с другими критериями, как развития, так и показателями социального благополучия. Но то, что мы тратим сейчас, должно сочетаться в разумном балансе со средствами развития. В качестве таковых традиционно укажем науку и НТП, гуманистические ценности, инструменты целеполагания (утопическое народное и авторское творчество) и т.п. То, что может быть изъято в процессе производства, прибавочная стоимость, должна иметь общественный статус, контролироваться и аргументировано вкладываться в «рост» всего общества.

Иванова Л.Л.,
канд. полит. наук, доц.,
Дасаева Д.Ф.,
студ., ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

«Если мы будем разумны и позаботимся об окружающем мире, то нам не придется ничем жертвовать для нашего благополучия в будущем... Когда заходит речь о среде для жизни человека, то здесь нет никакого индивидуального будущего – ни для людей, ни для наций. Будущее – одно на всех. Нам вместе предстоит его разделить. Вместе мы создадим его»

У. Пальме[1]

Вторая половина XX века была ознаменована рядом катастроф техногенного характера, которые обусловили интерес мирового сообщества к экологическим проблемам. Последствия хозяйственной деятельности человечества зачастую оказываются губительными для природы и являются серьезным сигналом для мирового сообщества в пересмотре вопросов, связанных с мировой экологической политикой.

Ведущим институтом взаимодействия мировых держав в области предотвращения экологических проблем является Организация объединенных наций (ООН). Политика ООН в области охраны природы была определена 18 декабря 1962 года принятием резолюции Генеральной Ассамблеи «Экономическое развитие и охрана природы». Резолюция декларирует необходимость заблаговременной охраны природы одновременно с экономическим развитием на основе эффективного внутреннего законодательства и международного права[2].

[1] Statsminister Olof Palmes anförande i plenarmötet 6.6. 1972 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/720606b_fn_miljo.pdf

[2] Принятие резолюции - не первое мероприятие в сфере экологии и охраны окружающей среды, которое было организовано под эгидой ООН. Ещё в конце 1940-х гг. состоялось два события международного масштаба: 5 октября 1948 г. в Фонтенбло (Франция) прошла Учредительная ассамблея Международного союза охраны природы (МСОП) (англ. UCN, International Union for Conservation of Nature), а 22-29 августа 1949 г. была проведена первая Международная научно-техническая конференция по охране природы (Лейк-Саксесс, г. Нью-Йорк, США). Ассамблея положила начало работе МСОП, который можно считать старейшей экологической международной организацией на данный момент.

Позднее, в 1968 году в Париже на Межправительственной конференции по проблемам биосферы была разработана и принята к реализации крупнейшая научно-исследовательская программа экологический направленности – программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера». А в 1972 году в итоговых документах Конференции ООН по окружающей человека среде в Стокгольме была выражена воля международного сообщества по важнейшим вопросам международного сотрудничества в области природоохраны. Государства получили возможность привлекать силы ООН для поиска решения первостепенных экологических проблем в разных точках планеты. Отметим, что хотя решения Стокгольмской конференции имели рекомендательный характер, но именно они явились детерминантами формирования международно-правовых норм, регулирующих многообразие аспектов в области охраны окружающей среды. Решением Стокгольмской конференции была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП, United Nations Environment Programme), работа которой ведётся в семи направлениях, в том числе: экологическое право и защита окружающей среды на глобальном уровне.

Многолетняя природоохранная деятельность Программы ЮНЕП нашла свое продолжение в итоговых документах второй Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая состоялась в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. В отличие от рекомендательного характера Стокгольмских документов, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, принятая по итогам бразильской конференции заложила международные основы контроля за выбросами парниковых газов. Суть данной конвенции состоит в сокращении и стабилизации промышленных выбросов и парниковых газов передовых и развивающихся стран в атмосферу. Страны – участницы Конференции были разделены на три группы: страны Приложения I, страны Приложения II и развивающиеся страны[1].

[1] К странам Приложения I относятся члены организации экономического сотрудничества и развития и страны с переходной экономикой: Австралия, Беларусь, Бельгия, Болгария, Венгрия, Португалия, Словения, Украина, Финляндия, Хорватия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Канада, Латвия, Литва, Польша, Россия, Эстония, Испания, Монако, Нидерланды, Турция, Швеция, Норвегия, Новая Зеландия, США, Великобритания, Франция, Германия, Чехия, Япония, Автрия и др. К странам Приложения II – страны, приявшие на себя особые обязательства финансового характера в помощи развивающимся странам и странам с переходной экономикой: США, Великобритания, Франция, Германия, Швейцария, Израиль (с 2010 года), Чехия, Япония, Австрия и др. К развивающимся странам относят: Алжир, Египет, Марокко, Тунис, Южная Корея, Сингапур, Таиланд и др.

Спустя два с половиной года бурных переговоров в рамках данной конвенции произошло расширение. 11 декабря 1997 года в Киото (Япония) был подписан «Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата», особенность которого в механизме регулирования торговли квотами, стабилизирующими и контролирующими выбросы парниковых газов промышленными предприятиями развитых и развивающихся стран в атмосферу, с целью сдерживания глобального потепления. Таким образом, Киотский протокол стал первым глобальным международным соглашением по охране окружающей среды на основе современного рыночного механизма. Ратификация, и соответственно вступление в силу данного документа оказалась под угрозой, поскольку для вступления Киотского протокола в силу была необходима ратификация государствами, на долю которых приходилось бы не менее 55 % выбросов парниковых газов. Доля выбросов стран, ратифицировавших документ (Норвегия, Чехия, Румыния и др), оказалась ничтожно мала – 2,7% от общего объема выбросов. Отказ США участвовать в Киотском протоколе, несмотря на большую долю мировых выбросов углекислого газа в атмосферу (36,1%) явился явной угрозой того, что документ не сможет вступить в силу. Однако переломный момент произошел в 2001 году после ратификации протокола Евросоюзом, на долю которого приходится 24,2% выбросов, и Японией (8,5%). Ратификация протокола Россией могла бы поставить точку в геоэкономическом противоборстве США с Евросоюзом и Японией, поскольку доля России в общемировом объеме выбросов составляет 17,4%. Таким образом, России была отведена центральная роль для вступления протокола в силу, что, согласимся, для постсоветского периода в истории нашего государства редкость. Россия подписала данный документ в феврале 1999 года, а ратифицировала в ноябре 2004 г. Таким образом, Киотский протокол вступил в силу, спустя 7 лет (16 февраля 2005 года).

Отказ США от ратификации протокола можно с одной стороны объяснить позицией ученых, предварительно рассчитавших долю выбросов парниковых газов в атмосферу: при отсутствии Киотских соглашений с 1990 по 2010 гг. выброс вырос бы до 41%, а в случае подписания и соблюдения условий протокола всеми странами участницами – 40%. Как видим, разница несущественна. С другой стороны, причина принципиального нежелания США совместно с передовыми развитыми странами включиться в совместную международную работу по охране окружающей среды лежит на поверхности: нежелание терять или сокращать высокие экономические показатели. Широкое

применение энергосберегающих технологий и очистных сооружений несут в себе слишком большие издержки для производства. Попросту говоря, они не выгодны, при условии, когда страна пытается «удержать» лидерство, среди высокоиндустриальных стран. Кроме того, в оправдание своих действий, Америка ставит под сомнение саму идею влияния углекислого газа на изменение климата. Американские ученые выдвигают гипотезу: при условии допущения факта, что скопление углекислого газа приведет к таянию ледников, а это, в свою очередь, приведет к изменению климата в целом, это даст возможность исследовать отдаленные территории Сибири и Канады, а также полярных морей. Однако упускается факт возможного затопления некоторых европейских государств, например, Голландии, которая окажется стертой с лица земли.

В противовес Киотскому протоколу по инициативе США было создано Азиатско-тихоокеанское партнерство по экологическому развитию и климату. В него, помимо США вошли Австралия, Индия, Южная Корея и Китай. Это партнерство в мировом сообществе иногда называют «антикиотским соглашением», делающим ставку не на квотировании выбросов, на передаче «чистых» способов производства развивающимся странам, что никаким образом не ограничивает количество выбросов вредных веществ.

Накануне окончания действия первого периода обязательств по Киотскому протоколу, в декабре 2011 года Канада официально вышла из соглашения[1]. Канадский министр Питер Кент, поясняя причины выхода, отметил: «Действие Киотского протокола не распространяется на двух мировых лидеров по выбросам парниковых газов – США и Китай. Это значит, что соглашение не работает». В том же году на конференции ООН по изменению климата в Дурбане (Южная Африка) была достигнута договоренность о продлении действия Киотского протокола до принятия нового соглашения, получившая название «Дурбанская платформа». Обязательства в рамках Киото-2 приняли ЕС, Австралия, Казахстан, Украина, Белоруссия, Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн и Монако. О своем отказе участвовать в нем заявили Россия, Япония и Новая Зеландия.

Накануне международной конференции по климату на саммите Глобального развития в рамках Генеральной Ассамблеи ООН (27 сентября 2015 года), глава МИД РФ Сергей Лавров заявил о перевыполнении Россией своих обязательств по Киотскому протоколу, приводя

[1] Киотский протокол. [Электронный ресурс – РИА Новости]. Режим доступа: https://ria.ru/spravka/20150216/1047544621.html

данные об уменьшении выбросов от энергетического сектора в России за последние 20 лет на 37 %[1]. При этом Россия заявила, что в рамках нового соглашения по климату готова принять обязательства по ограничению к 2030 году выбросов парниковых газов на уровне 70-75 % по отношению к 1990 году.

Соглашение по климату, принятое на парижской международной конференции 12 декабря 2015 года стало новым витком в усовершенствовании международного природоохранного законодательства. На конференции с более чем 10-минутной речью выступал бывший лидер США Б. Обама, по словам которого, одобренный 195 странами проект всемирного пакта о борьбе с глобальным потеплением может стать отправной точкой в координации мировых усилий в этом направлении. Несмотря на то, что в парижском соглашении не прописаны конкретные количественные обязательства по снижению или ограничению выбросов парниковых газов, а также механизм контроля или меры принуждения по исполнению документа, с приходом к власти Д. Трампа Соединенные Штаты объявили о выходе из соглашения, что вызвало довольно резкую реакцию в мировом сообществе.

Отношение нового хозяина Белого дома к вопросам экологии значительно отличается от подхода его предшественника, который поддерживал развитие альтернативных источников энергии, уделял особое внимание инициативам, касающимся борьбы с глобальным потеплением, и активно участвовал в подготовке Парижского соглашения по климату. По мнению Трампа, защита окружающей среды – важная задача, но ее выполнение не должно сопровождаться ненужными затратами, которые становятся финансовым бременем для американских граждан[2]. Выход государства из договора был обусловлен «перераспределением американских богатств пользу других стран» и при выполнении положений соглашения возможностью потери до 3 млн рабочих мест уже к 2025 году.

Отказ США от продолжения работы в формате, предусмотренном парижскими договоренностями, означает сокращение на четверть средств на климатические программы фондов ООН, направляемых наименее развитым странам, а также замедление процесса сокращения выбросов парниковых газов в самих США. Подобные действия за-

[1] Лавров: Россия лидирует в мире по снижению выбросов парниковых газов. [Электронный ресурс – РИА Новости]. Режим доступа:
https://ria.ru/earth/20150927/1285988505.html

[2] Что нужно знать о Парижском соглашении по климату. [Электронный ресурс – ТАСС]. Режим доступа: http://tass.ru/obschestvo/3637582

труднят достижение поставленных конференцией целей, поскольку Соединенные Штаты являются крупнейшим источником финансирования и технологий для развивающихся стран в их борьбе с последствиями изменения климата, но при этом они, несомненно, играют на руку России, поскольку ее голос в мировой дискуссии по изменению климата станет более веским[1].

Таким образом, современная мировая природоохранная дискуссия разделила мир на два лагеря. С одной стороны, страны, концентрирующие усилия на сокращении промышленного производства, либо постепенном переходе на «чистое» производство с защитой окружающей среды, и страны, не готовые играть не по «своим правилам» и отказываться от первенства в мировом экономическом пространстве. Требуется продолжение политического диалога в этом направлении.

Лобова Л.А.,
мл. научн. сотр. Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ(РИНХ) (г. Ростов-на-Дону),
Губарев П.Ю.,
аспирант, ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ПРОЦЕСС КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Образование суверенных государств стало важнейшей составляющей политического развития, как на ранних, так и на современных этапах истории человечества.

Хотя, в мировой политике и международном праве критерии и механизмы легитимации процесса государствообразования и его итогов не выработаны, политическая карта мира продолжает меняться не только качественно, но и количественно.

Феномен государствообразования представляет собой волнообразный процесс, который можно свести к трем основным этапам:

После первой мировой войны, когда образовались новые государства и политические союзы, сформировались новые зоны геополитического влияния, произошло перераспределение колоний[2].

[1] Чем грозит России и миру выход США из Парижского соглашения. [Электронный ресурс – РБК]. Режим доступа:
https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/5931353c9a794742bc8a5777

[2] *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Аннексионные и сецессионные конфликты как угрозы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС.2015. № 3. С. 241.

Вторая мировая война, по окончании которой, поток сецессионных конфликтов привел к образованию многих десятков новых государств.

Третья сецессионная конфликтная волна сформировалась в начале 90-х гг. XX века – вследствие распада социалистических федераций Югославии, Чехословакии и СССР – 27 стран[1]. В итоге, Хельсинская декларация, подписанная 35 государствами, закрепившая политические и территориальные итоги Второй мировой войны, а также изложенные принципы взаимоотношений между государствами – участниками, в том числе принцип нерушимости границ; территориальной целостности государств; невмешательства во внутренние дела иностранных государств, – навсегда утратила силу.

На современном этапе формы государствообразования, претерпели некоторые изменения и отличаются богатым разнообразием, в том числе и внутри этих форм: аннексия, ирредентизм, сецессия, цессия, концессия, адьюдикация.

Наиболее распространена такая форма государствообразующего процесса, как сецессия. Сецессионный политический процесс выступает как политическая деятельность, связанная с взаимодействием субъектов политики и направленная на отделение от данного государственного образования, возникающая в территориально неоднородных (этнически, конфессионально, культурно, экономически) государствах. Основная цель сецессии – создание нового независимого государства.

Хотя в некоторых случаях процесс сецессии может быть основан на стремлении территории к былой ее принадлежности другому такому образованию. Такой процесс характеризован ирредентой – особой формой сецессии, где цель отделение части одного государства и вхождение в состав другого[2].

Проф. Старостин А.М. и проф. Швец Л.Г., анализируя тенденции аннексионных и сецессионных конфликтов (А-конфликты, С-конфликты), делают предположения о рукотворном характере данных процессов и обращают внимание на геополитические притязания[3].

Анализируя современные тенденции глобализации, А.С. Панарин призывает отойти от методологии науки классического периода – «объ-

[1] Государства-члены ООН.//Официальный сайт ООН. Режим доступа: http//www.un.org/ru/members/

[2] *Осипова С.* Процесс государствообразования в современном мире: примеры политической практики// с.173

[3] *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Аннексионные и сецессионные конфликты как угрозы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 242.

ективности и непреложности», вскрыть субъективное своеволие и своекорыстие там, где нас призывают видеть только предопределенность[1].

Но относительно государствообразующих процессов «А-конфликт – С-конфликт» степень рукотворности действенна в условиях созревших геополитических противоречий.

На сегодняшний день существует реальное противоречие двух фундаментальных принципов международного права – нерушимости границ и права наций на самоопределение. Данные разнонаправленные принципы являются основанием для ангажирования основными мировыми тяжеловесами в решении проблем самоопределения.

Политическая история XX века показывает нам, насколько применение прав народов на самоопределение и оформление собственных национальных государств обусловлено геополитически, непосредственно зависит от констелляции глобальных сил, могущества и влияния великих держав, их политических, военно-стратегических и других интересов (Югославия и т.д.).

Югославский пример демонстрирует геополитическую обусловленность прав народов на самоопределение. Политика США и Германии несколько раз в XX–XXI веке показала, что действия с позиции силы выше действий, основанных на общепринятых международных документах.

Существующий глобальный порядок, как и все остальное в мире, имеет альтернативные варианты и сценарии; наше человеческое достоинство состоит в том, чтобы по возможности отстоять наиболее гуманные и справедливые из них и отбить поползновения нового хищничества, стремящегося прибрать мир к рукам под лозунгом «иного не дано»[2].

По словам президента Академии геополитических проблем, генерал-полковника Л.Г. Ивашова, мир сегодня стоит на пороге переустройства от однополярного миропорядка к многополярному. США уступают гегемонистские позиции китайскому лидерству в экономике, китайский золотой юань теснит пустой американский доллар, Россия активизировала внешнюю политику и теснит американцев в международном политическом пространстве, инициирует наднациональные и надцивилизационные структуры миропорядка, Европа и Латинская Америка полнятся антиамериканскими настроениями[3].

---

[1] *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. С. 10.
[2] Там же.
[3] http://www.sovross.ru/articles/1478/28191

Подытожим сказанное выводом И. Валлерстайна «Современная миросистема вступила в эпоху «перехода», она стоит перед точкой бифуркации и перед периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса, в течение следующих 25-50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку»[1].

Другой вопрос: какую действительно роль будет играть в этом структурном порядке Россия? Думается, будет зависеть от компетенций в области владения геополитическим искусством и геополитическими технологиями со стороны высшего руководства современной России.

Индыло В.С.
(г. Ростов-на-Дону)

БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

Согласно декларации, принятой по итогам саммита БРИКС в г. Санья на о. Хайнань в Китае еще в 2011 году, отмечается, что страны-участницы намерены добиваться продолжения устойчивого экономического роста, поддерживаемого углублением сотрудничества в вопросах экономики. С тех пор позиции стран-участниц объединения и их совместные усилия в области устойчивого развития экономики только увеличились, основной упор в которых приходится на взаимодействие в области промышленности, энергетики, инвестиции, инженерные проекты в области инфраструктуры и банковский сектор.

На сегодняшний день рынок стран БРИКС самый быстрорастущий и емкий в мире, особенно это важно отметить в условиях посткризистного периода для большинства развитых стран и их перехода на новую посткризисную модель выстраивания экономических связей и взаимоотношений. На долю стран БРИКС уже сейчас приходится более 45% населения планеты и естественно рост их доходов и ВВП стран БРИКС будет значительно превышать среднестатистические показатели в мировом масштабе, в первую очередь за счет развития отраслей промышленности и сектора производства товаров потребления населением.

Однако помимо развития ключевых отраслей промышленности у стран БРИКС ведущую роль в экономике занимает доход от эксплуатации минерально-сырьевой базы, в том числе углеводородов. Считаю,

[1] *Vallerstain I.* Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. Perevod s angl. P.M. Kudyukina. Izd-vo «Universitetskaya kniga». SPb., 2001. 416 s.

что подобная тенденция сохранится и в перспективе как минимум до 2030 года. Согласно данным BP Energy Outlook, опубликованном в 2017 году, во всех странах БРИКС наблюдается значительный рост объемов производства и потребления энергии в среднем от 3-7% ежегодно в зависимости от страны и вида энергии. Это выше, чем у многих других стран, и говорит о динамичном развитии реального сектора производства в экономике как индикатор потребления на нужды производства и в качестве локомотива в устойчивом развитии страны.

Основной упор сделать на взаимодействие стран БРИКС в углеводородной, прежде всего угольной промышленности, значение которой в экономике сильно недооценено.

БРИКС становится и в перспективе лишь упрочит свои позиции как прообраз нового глобального мироустройства, в котором каждая страна – участник возьмет на себя особую гармонизирующую роль. Подтвердить сказанное возможно на примере общих интересов в минерально-сырьевом секторе экономики и недропользовании. Развитие мировой экономики в XXI в. сопровождается общим ростом потребления всех минеральных ресурсов и особенно топливно-энергетических, соответственно, растет дефицит минерального сырья, в том числе угля. Например, мировое потребление нефти с 1997 г. увеличилось в 1,7 раза, природного газа – в 2,6 раза, угля – в 1,9 раза, урана – в 1,5 раза. По мере развития процессов глобализации обостряется ситуация в минерально-сырьевом комплексе мира, в том числе в странах БРИКС.

Около 94% угольных ресурсов России сосредоточено в районах Сибири и Дальнего Востока. Развитая портовая инфраструктура в последние годы демонстрирует значительный ежегодный рост объемов перевозки «черного золота», особенно это заметно в условиях инвестиционного развития портов Дальнего Востока компанией ОАО «Мечел» (порты «Посьет» и «Восточный»). Развитие Якутского месторождения коксующегося угля марок КС, КО, Ж и других, а также законтрактованные объемы поставок через указанные порты в страны АТР (Япония, Китай и др.) – способно качественно развивать инфраструктуру Дальнего Востока и отношения со странами БРИКС. Этому также будет способствовать развитие сети железных дорог и транспортных развязок, угольных складов и перегрузочных терминалов. Согласно транспортной стратегии России до 2030 года, развитие дорожной и транспортной инфраструктуры предусмотрено, в том числе и для нужд угольной отрасли. Отдельными положениями рассмотрены подобные механизмы взаимодействия стран БРИКС и в проекте «Один пояс – один путь».

Индия же, в свою очередь, ежегодно импортирует порядка 10 % необходимого ей угля, в том числе 11–13 млн. т коксующегося угля, 2–2,5 млн. т кокса, до 10 млн. т энергетических углей. В этой связи имеется колоссальный потенциал для сотрудничества со странами добытчиками коксующихся углей – членами БРИКС. Крупнейшая индийская металлургическая компания «Tata Steel Limited» проявляет большую деловую активность, приобретая предприятия за рубежом, в том числе перспективным является инвестирование в угольную промышленность стран БРИКС. Ряд российских компаний уже имеют долгосрочные контракты на 10-15 лет вперед с компаниями Индии о сотрудничестве в сфере машиностроения, металлургии, атомной промышленности и энергетики (Ростсельмаш, Росатом, Русгидро и др.)

Предполагается, что потребление угля в Китае будет расти и дальше. Рост потребления угля вызовет увеличение его импорта, причем не только коксующегося, но и энергетического. Перспективы развития угольной промышленности Китая основываются на ее модернизации и реструктуризации. В результате к 2020-2025 годам появится ряд крупных угледобывающих предприятий, с ежегодным производством более 50 млн. т угля каждое. Угольная промышленность Китая очень привлекательна для иностранных инвесторов, так как она отличается высокой прибыльностью за счет дешевой рабочей силы. В этой связи открывается возможность инвестирования стран БРИКС в угольную отрасль Китая.

ЮАР в ближайшем будущем сохранит свое место в мировом экспорте, так как до середины XXI в. спрос на уголь будет расти за счет его потребления странами с развивающимися экономиками (Китай и Индия в первую очередь) и странами Юго-Восточной Азии. Экспорту в эти страны будет способствовать экономико-географическое положение ЮАР по отношению к этим странам. Сохранится и экспорт угля в Европу, для которой импортируемый уголь обходится значительно дешевле собственного, добыча которого постоянно снижается.

Отдельной мыслью в развитии угледобычи стран БРИКС хотелось бы обозначить возможность создания на территории центров угледобычи предприятий по глубокой комплексной переработке угля и созданию продуктов с высокой конечной надбавочной стоимостью. Технологически возможна переработка угля в жидкое состояние с последующей его переработкой до получения пластмасс, резинотехнических изделий и продуктов на основе полиэтилена, полипропилена и прочих. В дальнейшем из данных продуктов возможно производство

различных видов изделий и продажа их как на территории угледобывающей страны производителя, так и экспорт в другие страны БРИКС и по всему миру. Такая схема производства: угледобывающее предприятие + углеперерабатывающий комбинат + предприятие по производству резинотехнических и полиэтиленовых и др. изделий, лежит в основе Кластерного образования производства. В последние годы во многих отраслях развития промышленности в России стало экономически выгодно и целесообразно размещать и увязывать по кластерному принципу.

Поскольку в таком виде между предприятиями создаются прочные и устойчивые во времени и пространстве производственные и экономические связи, можно с уверенностью говорить о высокой экономической эффективности кластерных образований, что неоднократно себя уже зарекомендовало и показало на других отраслях в стране и за рубежом, а также в угольной отрасли во многих других странах (США, ЮАР, Китай и пр.).

ЮАР стала первой страной в мире, производящей синтетическое жидкое топливо из низкосортных углей. Компания «SaSol» разработала и внедрила свою технологию на заводе в Сасолбурге в Западно-Капской провинции. Этот завод обеспечивает 35 % потребностей страны в жидком топливе. Построен аналогичный завод в городе Секунда в провинции Мпумаланга.

В современных условиях глобализации страны БРИКС имеют взаимодополняющие минерально-сырьевые ресурсы, которые позволят решать вопросы дефицита минерального сырья и продуктов их переработки в рамках взаимовыгодных международных торгово-экономических связей БРИКС.

Несмотря на все существующие проблемы, угольная промышленность в современном мире сохранила роль важнейшей базисной отрасли экономики. Значение угля как одного из основных типов энергоносителей на рубеже третьего тысячелетия обуславливается действием следующих ведущих рыночных факторов:

1. Энергетика остается самой приоритетной отраслью экономики. Потребители заинтересованы в безусловном сохранении стабильности энергетической базы и разнообразии альтернативных источников энергетического сырья.

2. Стабильная и обширная ресурсная база. Показатель обеспеченности текущего уровня потребления готовыми к эксплуатации запасами угля – один из наиболее высоких среди всех полезных ископаемых.

Ведущими потребителями угля в Азии и мире по-прежнему останутся Китай и Индия. До 2020 г. на долю Китая и Индии будет приходиться 33% прироста мирового энергопотребления и 90% увеличения использования угля в мире. Уголь останется конкурентоспособным по сравнению с другими видами топлива благодаря низким издержкам добычи и тарифам на его транспортировку. Ожидается также заметный прирост потребления в Бразилии. В связи с этим, развитие угольной промышленности примет мировые масштабы. Несомненно, также возрастут и цены на уголь, а следовательно его производство станет рентабельным, при этом ведущую роль в области угольной промышленности на мировом рынке предстоит играть странам БРИКС.

Несомненно, экономическое сотрудничество стран БРИКС имеет огромный потенциал в будущем во многих отраслях экономики, не только угольной промышленности и энергетике, от различных видов промышленности и банковского сектора до сельского хозяйства и продуктов потребления населением. В каждом из направлений у нас есть взаимные точки соприкосновения и роста, но локомотивными считаю именно промышленность и энергетику, опираясь на которые, совместно развивая которые и помогая друг другу, как техникой и технологиями, так и обмениваясь опытом и специалистами, возможно выстраивание весьма прочных экономических связей на долгие годы и устойчивое развитие каждой из экономик стран БРИКС.

III
СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ

Альбеков А.У.,
докт. экон. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, ректор РГЭУ (РИНХ),
Старостин А.М.,
докт. полит. наук, проф., директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

ГЛОКАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

В современных исследованиях глобальных процессов важна не только разработка новой картины глобализации, но и то, как данные процессы проявляются в различных пространственно-временных масштабах.

Важнейшим аспектом современной глобалистики выступает исследование проекции глобальных процессов на макрорегиональные и локальные системы, что получило название глокализации[1].

Основной смысловой посыл макрорегиональной проекции глобальных процессов должен быть прежде всего связан с сотрудничеством. Естественно, что конкурентные начала в экономическом и политическом взаимодействии государств, отдельных регионов и крупных корпораций никто не отменял. Но они должны развиваться в русле цивилизованных отношений, основанных на правовых и договорных началах[2].

Между тем, современный этап глобализации, да и предшествующие ему, показывают, порой, преобладание других начал: когда конкуренция выходит на уровень конфликтов – сначала низкой интенсивности, а потом – и с использованием жесткой силы, включая военное принуждение.

---

[1] Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.-СПб.-Н.-Й.: Издат. центр «Елима», издат. дом «Питер», 2006. С. 243-244.

[2] См. подробнее: *Альбеков А.У., Резников С.Н.* Глобализация vs регионализация цепей поставок. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2014.

Череда таких ситуаций в мире сменяет друг друга: на рубеже XX – XXI веков и по сей день – это Югославия и Ближний Восток, Афганистан, Кавказ и Украина. Ныне – это рождающиеся макроконфликтные ситуации в Европе и на Корейском полуострове.

Естественно, что нас в первую очередь интересует наш Южно-Российский регион, раскинувшийся от Черного до Каспийского моря. Прежде всего в его пограничье ныне сходятся непосредственно серьезные интересы полутора десятков государств, в том числе новых, образовавшихся в результате распада СССР (Россия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Молдавия, Украина, Южная Осетия, Абхазия и самопровозглашенная Новороссия) и, конечно «старожилов» (Турция, Болгария, Румыния, Иран).

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов – две чеченские войны, Карабахский и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

Глокализационный облик Южно-Российского региона складывался в зависимости от тех основных функций, наметившихся во взаимодействии глобальной динамики и государственно-суверенного развития России.

В геополитическом аспекте Юг России, Северный Кавказ, в Новое время – XVIII – XX в. формировался как потенциально лимитрофная зона, периферийный пояс безопасности для государственно-территориального ядра России. В принципе и поныне данная функция

сохраняется и роль ее даже усиливается в связи с отпадением части прежних республик СССР и выдвижением на их территорию сил глобального влияния и вторжения.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В ***макроэкономическом аспекте*** регион нацелен на решение рекреационных задач, сельскохозяйственного производства и переработки (зеленой экономики), транспортно-связывающей и перевалочной инфраструктуры и логистики[1].

В перспективе регион может быть значительно больше нагружен топливно-добывающей и энергетической инфраструктурой и созданием транспортных магистралей Север–Юг и Восток–Запад для оптимизации глобального транзита больших потоков товаров, энергоносителей (новый Шелковый путь, новые трубопроводы). Следует подчеркнуть, что потенциал рекреационных услуг за следующие 25-30 лет может быть увеличен в 3-4 раза, а в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции возможности макрорегиона позволяют ему стать основной производственной и экспортной базой страны в этой части (ныне – не более 30 %).

В ***цивилизационном аспекте*** Южно-Российский макрорегион выступает как площадка сопряжения наиболее крупных цивилизационно-религиозных комплексов современного мира: христианско-православного, исламского и буддийского.

Управление отношениями в таком формате на государственном и местном уровне прошло апробацию, образно говоря, в трех изданиях: Российско-имперском, советском и постсоветском. В каждом «издании» со временем удавалось оптимизировать столь сложные отношения между макрогруппами населения. Данный опыт многообразен

[1] См. подробнее: *Альбеков А.У.* Характеристика экспортного потенциала Ростовской области // Концепция международного, межрегионального сотрудничества и поддержки экспортной деятельности в Ростовской области. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2016. С. 9-73.

и имеет не только государственно-национальное, но и глобальное значение. Но потенциал этот имеет дальнейшие перспективы развития и возможности использования в других макрорегионах Европы и Азии. Мы полагаем, что изучение южно-российского опыта государственного и регионального кросс-культурного управления заслуживает отдельного внимания.

Для более углубленного и детального исследования описанных проблем, а также для координации научно-экспертной деятельности недавно создан в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации под руководством профессора А.М. Старостина, и можно надеяться на продвижение новых знаний о глобальных процессах не только в науке, но и в системе высшего образования.

Если перейти теперь от описательного дискурса к аскрептивному (предписывающему), то исходя из проделанного анализа, можно прийти к следующим выводам и рекомендациям:

1.1 Рассмотрение среднесрочных и долгосрочных тенденций развития и, тем более, индикативного планирования изменений Южного макрорегиона требует вписывания в контекст глобального развития и учета перспективных направлений и противоречий глобализации на ее новом этапе – многополюсного характера с центрацией на ведущих цивилизационных центрах.

1.2 Можно полагать, что Южный макрорегион, как и в предшествующие периоды своего развития, скорее всего сохранит свои геополитические, геоэкономические, локально-цивилизационные характеристики, которые требуют более глубокой привязки к тем глобальным проектам, которые могут быть органично сопряжены с макрорегиональными характеристиками (высокий лимитрофно-геополитический, рекреационный потенциал, возможности развития зеленой экономики и соответствующей транспортной инфраструктуры и логистики).

1.3 Необходимо изучить и обобщить тенденции формирования эволюционного потенциала межцивилизационного и кросскультурного взаимодействия в Южном макрорегионе, а также выделить факторы, способствующие его деградации и разрушению.

1.4 Следует продумать и обсудить возможности создания в Южно-Российском макрорегионе особой экономической зоны по типу оффшорной, основанной не только на финансовых началах, но и с особым льготным режимом налогообложения, кредитования, землеотве-

дения, таможенной регуляции и паспортного режима для жителей других, прежде всего дружественных, государств. Цель – создание условий для эффективного привлечения инвестиций, реализации международных инновационных проектов.

Необходимый опыт по ряду указанных направлений уже сложился во взаимодействии России и некоторых ее регионов с приграничными дружественными государствами и партнерскими макрорегионами.

1.5. Как показывает анализ, наиболее перспективные объяснительные и прогнозные возможности в понимании глобального и глокального развития демонстрируют междисциплинарный и полидисциплинарный подходы, разработки соответствующих алгоритмов и дискурсов, которым следует уделить самое пристальное внимание.

1.6. Следует включить в образовательные программы и курсы высшей школы те новые области знаний, касающиеся глобальной и глокальной безопасности, угроз и рисков данной природы, которые основаны на новых, порой альтернативных концепциях глобализации и апробированы в ходе международных научных диалогов.

Вовченко Н.Г.,
докт. экон. наук, проф., проректор по научной работе и инновациям, РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)
Андреева Л.Ю.,
докт. экон. наук, проф., зав. кафедрой «Экономика и финансы», РГУПС (г. Ростов-на-Дону)
Оробинский А.С.
канд. экон. наук, доц., Воронежский ГАУ,
зам. финансового директора ООО «Агротех-Гарант» (г. Воронеж)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И САНКЦИИ КАК ФАКТОРЫ ДИСБАЛАНСОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время российская экономика перешла к восстановительному росту на инвестиционной основе, однако реальные перспективы дальнейшего развития национальной экономики ограничиваются усилением секторальных санкций со стороны США и других западных стран, направленных против крупных предприятий, коммерческих банков и их иностранных контрагентов.

Формирование международных предпосылок для возобновления экономического роста в России ограничивается усилением финансовых дисбалансов развития и геополитических рисков.

Низкие темпы роста экономики и неустойчивое положение российского бизнеса, прежде всего, связаны с тем, что только незначительная часть российских компаний разрабатывает карты рисков, переосмыслив свой подход к инструментам риск-менеджмента после череды финансовых кризисов.

Мощные экономики развитых стран ускорили рост, например, ВВП США вырос на 3% в годовом выражении во II квартале 2017 г., но этот рост больше не сопряжен ускорением инфляции. По оценке аналитиков, годовой темп роста экономики Японии во II квартале 2017 г. составил 4%, однако уровень инфляции в Японии близок к нулю уже длительный период времени, а в экономиках стран Евросоюза уровень инфляции составляет 1,5%, несмотря на завершение посткризисного этапа восстановления[1].

В современных условиях мировой финансовый рынок рискует столкнуться с нестабильностью, которая может быть вызвана ужесточением денежно-кредитной политики ФРС США в 2018 г. Д. Трамп определил, что США требуется крепкая монетарная политика и разумный надзор над банками. Новому главе ФРС США придётся работать в непростых условиях и ужесточать денежно-кредитную политику в большей мере, чем ожидает глобальный финансовый рынок, чтобы предотвратить ускорение инфляции. В этом случае переоценка потенциала повышения ставки будет способствовать коррекции цен на финансовые активы и, вероятно, вызовет волатильность на глобальных рынках.

Сочетание низкой безработицы и низкой инфляции, которое в 2017 г. наблюдается в американской экономике, сохранится недолго. При этом, российская экономика в последние годы стала устойчивее к внешним изменениям, благодаря структурным преобразованиям в макроэкономической политике. Речь идёт о достижении цели по инфляции (на 2017 г. 4%, в сентябре в годовом выражении этот показатель составил 3%), возобновлении бюджетного правила и операций на внутреннем валютном рынке. Благодаря этим мерам российская экономика адаптировалась к глобальным вызовам.

Валюты нескольких стран Африки и соседних с еврозоной государств сильно зависят или привязаны к евро. Поэтому Центробанки зоны евро часто вынуждены повторять действия Европейского центрального банка (ЕЦБ). «Главный фактор для них – курс евро, –

[1] *Синдреу Дж.* Почему рвется связь между экономическим ростом и инфляцией [Электронный] // Ведомости =- 2017 от 6 сентября https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/06/732671-rvetsya-svyaz-ekonomicheskim-inflyatsiei (Дата обращения: 27.10.2017).

отмечает валютный аналитик Rabobank Петр Матис. – Мы будем пристально следить за реакцией валюты. Это задаст тон всем этим рынкам»[1].

В большинстве экономик мира глобальные изменения на финансовом рынке привели к тому, что динамика курса любой валюты с рыночным механизмом ценообразования в значительной степени стала определяться двумя основными ставками: ключевой ставкой Центробанка и среднесрочной ставкой по государственным облигациям (например, на 5 или 10 лет). Ставка Центробанка определяет краткосрочную цену денег, а ставка по госдолгу – средне- и долгосрочную.

В результате этого, валюты развитых стран остро реагируют на ожидания поднятия или снижения ключевой ставки их центральных банков. Труднее наблюдать влияние на курс второго, более медленного механизма – состояния дефицита бюджета и связанного с ним изменения ставок по государственным облигациям. Государственные облигации – это инструмент финансирования государственного долга, привлечения инвесторов: чем слабее экономические показатели страны, тем выше должны быть ставки по облигациям, чтобы компенсировать риски. Обратная сторона растущей доходности – снижение номинальной стоимости бумаг. Падающая доходность, наоборот, повышает их стоимость.

Зависимость курса валюты от состояния государственного долга можно проследить на примере США. При Клинтоне дефицит бюджета непрерывно снижался и вместе с этим рос доллар, затем Буш после событий 11 сентября 2001 г. начал войну в Ираке, резко увеличил дефицит бюджета, и все эти траты привели к снижению доллара вплоть до кризиса 2008 года. Затем, пережив кризис 2008-2009 гг., Б. Обама добился улучшения состояния бюджета к 2014 г., что привело к началу резкого роста курса доллара. Сейчас на ожиданиях больших бюджетных трат курс доллара готовится к снижению, несмотря на прогнозируемый рост ставки ФРС.

По прогнозам аналитиков, ЕЦБ начнет сокращать программу покупки облигаций (60 млрд евро в месяц). От этого факта будет зависеть начало периода повышения процентных ставок. По-видимому, многие страны ждут, чтобы Центробанк еврозоны сделал это до них. Во многих странах Восточной Европы ставки по-прежнему находятся

[1] *Берд М.* Ужесточение политики ЕЦБ может отразиться на многих рынках [Электронный ресурс] // Ведомости – 2017 – от 24 октября https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/10/24/739098-uzhestochenie-politiki-etsb (Дата обращения: 27.10.2017).

на минимальном уровне со времен финансового кризиса. Венгрия и вовсе является единственной развивающейся страной с отрицательными процентными ставками.

Низкая инфляция в еврозоне способствует медленному росту цен на ее экспорт, что препятствует ускорению инфляции в странах-импортерах. Рост процентных ставок в этих странах, вероятно, приведет к укреплению их национальных валют и побудит импортировать еще больше товаров из еврозоны. Это окажет дополнительное понижательное давление на инфляцию. Как уверен М. Берд, инвесторы уже приняли в расчет намерение ЕЦБ ужесточить денежную политику. Но для некоторых сигналы центробанка в четверг будут означать, что пора ставить на укрепление валют стран Восточной Европы, в частности польского злотого.

По степени влияния на зарубежные рынки ЕЦБ уступает только американской Федеральной резервной системе (ФРС). ЕЦБ должен следить за тем, чтобы инфляция в еврозоне была немного ниже 2%, учитывая состояние экономики региона. ЕЦБ не несет ответственности за последствия своей политики для других стран. Более 2 трлн долларов облигаций, выпущенных эмитентами не в своих странах, номинированы в евро. В 2016 г. развивающиеся страны провели 121 эмиссию облигаций, номинированных в евро, что является максимум с 1999 г., когда появилась единая валюта[1].

Наиболее уязвима перед сворачиванием денежного стимулирования ЕЦБ Румыния, которой будет сложнее выполнять долговые обязательства, если курс евро к румынскому лею вырастет. Около половины долга этой страны номинировано в иностранной валюте, в основном в евро.

Даже страны, опережающие еврозону по темпам экономического роста, вынуждены не повышать процентные ставки. В противном случае курсы их валют к евро наверняка вырастут, что сделает экспорт менее конкурентоспособным и поспособствует низкой инфляции.

Например, экономика Швейцарии выросла примерно на 11% в реальном выражении с начала 2008 г., а еврозоны – только на 4%. Однако у центробанка Швейцарии ставка по депозитам даже ниже, чем у ЕЦБ, – минус 0,75% против минус 0,4%[2].

В глобальной экономике появились риски, на рост активности которых влияют как экономические, так и геополитические факторы. Среди этих глобальных рисков можно выделить: во-первых, переори-

[1] *Берд М.* Указ. соч.
[2] Там же.

ентацию антикризисной политики развитых стран на внутреннюю экономику, во-вторых, рост темпов повышения ставок ФРС США, в-третьих, рост финансовых пузырей на рынках, ужесточение финансовых условий ведения бизнеса в странах с формирующимися рынками, связанное с возрастающей уязвимостью финансовой системы Китая.

В развитых странах сохраняются структурные проблемы: низкая производительность труда и растущее неравенство доходов. Вследствие этого увеличивается значимость программ управления рисками и актуальность мер, ориентированных на поддержку внутренней экономики, что, в свою очередь, замедляет динамику глобализационных трендов.

Глобальные риски, возникшее в последнее время в мировой экономике, требуют многостороннего регулирования, например, риски дестабилизации открытой торговой системы, риски применения неравнозначных налоговых инструментов, ограничивающие создание справедливых налоговых систем. Сложными для регулирования являются риски развития стран с низкими доходами, вызывающие необходимость принятия мер для достижения их целей устойчивого развития, а также о смягчении последствий изменения климата и адаптации к ним.

Волна распродаж активов прошла по долговым рынкам развивающихся стран в ожидании ужесточения политики ФРС США и в условиях сохраняющихся геополитических рисков. При высокой динамики роста экономики спрос на товары обычно увеличивается, а компании вынуждены привлекать новых сотрудников более высокой зарплатой, поэтому, по мнению Дж. Синдреу, растут и цены. Но в последние годы появились признаки, что связь ростом экономики и ускорением инфляции нарушена. Этот факт может сильно повлиять на политику транснациональных регуляторов и изменить динамику развития глобальных финансовых рынков.

Факторами нарушения тесной связи ростом экономики и ускорением инфляции могут выступать усиливающиеся глобализационные тренды, и попытки транснациональных корпораций захватить рыночную долю на основе инструментального удержания цен на низких уровнях.

Поддержание имманентной связи между темпами экономического роста и уровнем инфляции выступает основной задачей национальных финансовых макрорегуляторов, которые устанавливают целевое значение инфляции (обычно около 2%), а затем снижают процентные ставки, чтобы помочь скорректировать цены при падении спроса. Этот механизм оказывает непосредственное влияние на экономическую

активность и вектор предпочтений инвесторов. В связи с тем, что в условиях глобализирующихся финансовых рынков стоимость акций и облигаций быстро меняется в противоположных направлениях, не является постоянной величиной и доходность ценных бумаг, которая отличается вариативностью.

Внешний шок продолжает быть важным фактором для развивающихся экономик, особенно это касается государств со значительной долей углеводородов в общем объёме экспорта. Нестабильная ситуация с ценами на нефть (несмотря на успешное сокращение добычи сырья в рамках договорённостей стран ОПЕК+) также выступает фактором риска для российской экономики. В ближайшие 20 лет главная роль в энергетике будет отведена углеводородам, несмотря на активное развитие возобновляемых источников. Новая фаза экономического роста России также связана с увеличением цен на нефть и их стабилизацией на уровне свыше 50 долларов.

Таким образом, по мнению исследователей, внутренние риски для российского бизнеса уменьшились, однако внешние риски, связанные с ростом политической напряженности, растут[1].

Россия вошла в новую фазу экономического роста. Инфляция в годовом выражении составила 3% и преодолела рекордное значение за весь постсоветский период, которое отмечалось месяцем ранее. Темпы роста ВВП в настоящее время превышают 2%. Внешний шок остаётся важным фактором для развивающихся экономик, особенно это касается государств со значительной долей углеводородов в общем объёме экспорта.

Несмотря на готовность Российской Федерации поддерживать сотрудничество с западными странами в зонах совпадения интересов, несколько лет Россия находится на этапе конфронтации международных взаимоотношений с США, практически в эпицентре геополитических рисков. Новая концепция взаимодействия нашей страны с США и странами Европейского союза не предполагает дальнейшего сближения и исключает интеграцию России в Запад. Приоритетными задачами российской политики являются разработка и реализация новых подходов к решению важнейших международных проблем, связанных с недопустимостью односторонних силовых действий западных стран для свержения неугодных режимов и вооруженной поддержки оппозиции в ходе «цветных революций».

[1] *Andreeva L.Yu.,* Balanced Budget System: Organizational and Financial Tools / *L.Yu. Andreeva, E.O. Mirgorodskaya, I.V. Sugarova, R.A. Sichev* // European Research Studies Journal. – 2017. – Vol. XX. – Issue 3B. – P. 300-319.

Обновленная стратегическая модель геополитического позиционирования России направлена на формирование современной внеблоковой системы международной безопасности. Это означает, что акторы стран США, Евросоюза и страны-члены НАТО не должны вмешиваться в суверенную экономическую политику и пытаться решать за другие государства, какие формы обеспечения безопасности следует выбирать и в какие региональные блоки интегрироваться. Усиление геополитических рисков для нашей страны связано с ростом американской санкционной активности.

Объявленный госдепартаментом США санкционный перечень российских компаний определяет необходимость поиска новых информационных и экономических инструментов, обеспечивающих финансовую устойчивость и экономическую безопасность отечественных промышленных корпораций. В качестве ответа на утвержденные госдепартаментом США новые санкции должна выступить риск-ориентированная система финансового управления развитием компаний, обеспечивающая надежный механизм привлечения финансовых и технологических инструментов для развития бизнеса с учетом вводимых ограничений на инвестиционные ресурсы и технологии.

Организационно-экономический хаос, наблюдающейся в современной глобальной экономике, можно определить как достаточно глубокий кризис международных экономических отношений, связанных с возникновением структурных дисбалансов в правилах контрактаций и рисков существующей модели хозяйственного поведения экономических агентов. Усиливающиеся финансовые и технологические санкции делают неизбежным изменение модели конкурентного поведения большинства экономических агентов на мировом рынке и существующего формата взаимоотношений крупных российских компаний с контрагентами.

Секторальные санкции (экономические и технологические) неизбежно подталкивают российские корпорации к поиску новых партнеров и гарантий для реализации инвестиционных проектов. Негативными последствиями санкций могут выступить снижение инвестиционной активности контрагентов и уровня доверия к российскому бизнесу при реализации стратегически значимых международных проектов. Возникновение финансовых и операционных рисков при поставке турбин немецкой корпорации «Siemens» подтверждает этот факт.

Известно, что вследствие падающего спроса на энергетическое и газовое оборудование компания «Siemens» приняла решение сократить производство турбин и почти 7 тыс. рабочих мест по всему миру.

Спрос на продукцию компании снижается, так как эпоха индустриальной экономики под давление глобализационных трендов уходит в прошлое. В связи с этим, безусловно, корпорации «Siemens» с экономической точки зрения выгодно сотрудничать с российскими инфраструктурными компаниями и принимать участие в разработке инвестиционных проектов глобального уровня. Однако геополитические риски, которые продуцируются странами Запада, создают сложности и ограничения для международного взаимодействия российских компаний с европейскими технологическими корпорациями.

По мнению аналитиков, международная политика Российской Федерации в отношении США будет выстраиваться на базе принципа «дружба с Трампом, война с Америкой», при этом на политическом уровне антизападная направленность российской политики усилится; это следует, например, из вектора работы временной комиссии Совета Федерации по защите суверенитета России от внешнего вмешательства[1].

Усиливающиеся санкционное давление со стороны западных стран и, прежде всего, американского правительства приведет, с одной стороны, к развитию инструментов хеджирования рисков и систем риск-менеджмента, а, во-вторых, к появлению новых финансовых институтов, инвестиционных инструментов и безрисковых форм привлечения капитала. После финансового кризиса немногие российские компании разработали системы риск-менеджмента, изменившие механизмы управления рисками.

Руководители компаний не выявили и оценили риски, наиболее сложные для управления и разрушительные для деятельности компаний. Например, негативное влияние финансового риска на деятельность компаний отмечают менее 50% крупных компаний, а опасность валютных рисков выделяют только 46% российских корпораций[2].

Такие выводы свидетельствуют о недостаточном понимании роли риск-менеджмента в процессе финансового управления бизнесом и плохой информированности менеджеров компаний о последствиях воздействия рисков на финансовую устойчивость корпораций. Сложившаяся система менеджмента российских компаний не позволяет выделять и снижать внутренние риски, при этом, что очень важно, такими рисками, как правило, стремятся управлять менеджеры линейного

[1] *Становая Т.* Холодный мир и гибридная война: как Россия ответит на новые санкции [Электронный ресурс] // Republic – 2017 – от 27 октября https://www.republic.ru/posts/87302 (Дата обращения: 27.10.2017).

[2] Неэффективные госкомпании обяжут продавать профильные активы [Электронный ресурс] // Официальный сайт интернет-журнала Republic.ru/ 2017 от 8 февраля. https://republic.ru/posts/79421 (Дата обращения 09.10.2017).

уровня, которые, к сожалению, не всегда информируют об этих рисках руководство компаний.

Важно отметить, что сложные риски менеджмент компаний не стремится выделять в отдельную систему управления. Такая ситуация с идентификацией рисков препятствует созданию эффективной системе риск-менеджмента в коммерческих банках и корпорациях, причиной таких дисфункций выступает ограниченная взаимосвязь между функциональными подразделениями корпорации в части управления рисками.

В целом общий эффект влияния санкций на российскую экономику нельзя назвать значительным, но влияние финансовых и технологических ограничений негативным образом повлияло на динамику развития российской экономики. Действие санкций определило необходимость разработки финансовых инструментов стимулирования и поддержки российских предприятий, чтобы снизить риски, связанные со снижением темпов роста экономики.

Антироссийские санкции со стороны западных стран сохранятся, вероятно, на продолжительный период времени. Несмотря на то, что российское правительство разработало институциональный антикризисный механизм, направленный на преодоление спада и повышения темпов роста экономики, российским компаниям еще предстоит разработать комплексные инструменты управления рисками в период установленных финансовых и технологических ограничений для развития.

Расширение санкций должно быть учтено в инвестиционных программах компаний, прежде всего, с целью проведения реструктуризации инвестиционной составляющей развития стратегических проектов. Российские корпорации и коммерческие банки находят способы работать под санкциями, несмотря на то, санкционные ограничения усложняют работу промышленных компаний и финансовых организаций.

Западные санкции оказали определенное влияние на развитие отечественного рынка в части стимулирования импортозамещения. Несмотря на определенное приспособление российских корпоративных структур к действию технологических санкций, влияние финансовых санкций на развитие российского корпоративного сектора ощущается заметно.

Стабилизация темпов роста ВВП в третьем квартале 2017 г. обеспечена принятыми ограничениями в рамках сделки «ОПЕК+», которые повлияли на рост цен на нефть и нефтепродукты. Позитивные тенденции в российском агропромышленном комплексе сохраняются, значительный рост экспорта зерна и минеральных удобрений внес

важный вклад в сохранение положительного сальдо счета текущих операций.

Вместе с тем, для российской банковской системы наступил период органического наращивания достаточности капитала. Пик роста проблемной задолженности и основные убытки от формирования резервов позади, а темпы роста активов пока достаточно умеренные, что снижает давление на капитал. Почти у половины из 30 крупнейших коммерческих банков России можно отметить проблемы с генерацией нового капитала.

В мае 2017 г. рейтинговое агентство АКРА подготовило исследование способности российских коммерческих банков генерировать капитал. По прогнозу АКРА, при условии отсутствия внешних макроэкономических и геополитических шоков достаточность основного капитала банковского сектора (Tier-1 по МСФО) вырастет с 11,5% до 13,9% к концу 2020 г.; уровень регулятивной достаточности (Н1.2) будет находиться в диапазоне 11,4-11,8% за счет более консервативного подхода к расчету взвешенных по риску активов относительно Базельских требований (минимальный уровень – это 6% без эффекта надбавок)[1].

Финансовая устойчивость экономических агентов зависит от выработанной антикризисной стратегии и инструментов финансово-кредитной политики. Наиболее распространенным способом реализации этой политики является формирование эффективной модели использования банковских ресурсов. Особенно остро проблемы финансовой устойчивости и надежности коммерческих банков и их контрагентов проявляются во время кризиса и в посткризисной экономике, поэтому задачи обеспечения устойчивости и надежности банков требуют жесткого регулирования.

Бюджетные кредиты на финансирование дефицита достанутся лишь тем регионам, находящимся в сложном финансовом положении (не получающим дотаций на выравнивание и с суммы госдолга более 50% доходов – в России таких 54), которые оценили эффективность налоговых льгот и утвердили программу отмены неэффективных уже с 2018 г.[2]

---

[1] *Смирнов С.* Как не следует использовать кредитные рейтинги [Электронный ресурс] // Ведомости – 2017 от 7 сентября
https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/08/732913-ispolzovat-kreditnie-reitingi (Дата обращения 09.10.2017).

[2] *Andreeva L.Yu.,* Balanced Budget System: Organizational and Financial Tools / *L.Yu. Andreeva, E.O. Mirgorodskaya, I.V. Sugarova, R.A. Sichev* // European Research Studies Journal. – 2017. – Vol. XX. – Issue 3B. – P. 300-319.

Также регион должен будет согласовать параметры проекта регионального бюджета, ограничить бюджетные расходы на государственное управление и оптимизировать число бюджетников.

Изменился институциональных механизм предоставления кредитов субъектам Российской Федерации. Минфин ужесточил условия получения кредитов для регионов, которые находятся в сложном экономическом положении и имеют суммы коммерческих кредитов больше 80% доходов.

Изменение правил предоставления кредитов состоит в следующем. Для права получения бюджетного кредита администрация регионов должна сократить коммерческую задолженность на 10 п. п. ежегодно, до уровня не менее 50% к январю 2021 г., а государственный долг – на 5% ежегодно с 2018 по 2021 г. Если у региона есть просроченная задолженность по обязательствам из перечня первоочередных расходов (социально значимые расходы), то этот регион не сможет проводить выплаты по другим расходам[1].

Вместе с тем, сокращение бюджетных кредитов может привести к росту коммерческих займов. В 2016 г. банки сократили финансирование регионов и регионы нарастили займы в виде ценных бумаг.

В связи с активными действиями Центробанка по «зачистке» финансового рынка России, следствием которого стало закрытие ряда крупных игроков как федерального, так и регионального уровня, по оценке рейтингового агентства Fitch, на общероссийском уровне чистка затронула 25% банковского рынка. Эксперты считают, что теперь банковский сектор будет развиваться в сторону повышения качества обслуживания клиентов[2].

По оценке рейтингового агентства Fitch, с 2013 г. по 1 сентября 2017 г. 346 российских банков лишились лицензии, 35 банков были «санированы».

Аналитики агентства считают, что сокращение числа банков и рост конкуренции будет способствовать консолидации в банковском секторе и благоприятствует крупным банкам и банкам с государственным участием. Нервозность на рынке, связанная с отзывом лицензий, сохраняется, а волатильность клиентской базы ощущается преимущественно в сегменте юридических лиц. В настоящее время у корпора-

[1] *Базанова Е.* Регионам станет трудней получать бюджетные -кредиты [Электронный ресурс] // Ведомости – 2017 от 19 июля
https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/07/19/724482-regionam-byudzhetnie-krediti (Дата обращения: 27.10.2017).

[2] *Мартинсон Р.* Финансово-кредитные организации формируют новые системы управления рисками // Финансовые известия – 2017 – № 36 – С.23

тивных клиентов в приоритете надежный банк, который может предоставить удобные сервисы и выгодные тарифы при обслуживании[1].

Рейтингового агентства Fitch снизило рейтинг банка «Восточный» с B – до CCC, рейтинг CCC в классификации Fitch означает, что у банка возможен дефолт. Причиной снижения рейтинга является заметное ухудшение качества капитала банка после его слияния с «Юниаструм банком», у которого были значительные вложения в инвестиционную собственность.

В будущем эти активы могут быть скорректированы или обесценены, полагает агентство. Банк убыточен, а требования к капиталу очень жесткие, поэтому соблюдать их банку может оказаться сложно без внешней поддержки с учетом надбавки к минимальным требования по капиталу в следующем году. Норматив достаточности капитала банка составляет 9,7%, что, начиная с 2018 г., будет ниже минимального уровня (9,875%), а убыток «Восточного» с начала года составил 0,67 млрд руб.[2]

«Юниаструм банк» присоединился к «Восточному» в конце января 2017 г. Основные акционеры объединенного банка: фонды под управлением Baring Vostok (44,5%) и Артем Аветисян (32%). Объединению предшествовала проверка Центробанка в конце 2016 г. Это действие было в рамках регулярного пересмотра рейтингов розничных банков.

К этому моменту была отчетность по МСФО по итогам первого полугодия, которая позволяет более полно оценить результаты деятельности объединенного банка, плюс мы получили всю необходимую дополнительную информацию.

В дальнейшем рейтинги банка «Восточный» могут быть снижены, если кредитной организации придется создавать значительные резервы по высокорискованным и непрофильным активам, а также в случае дальнейшего ухудшения их качества. Улучшение показателей рентабельности и качества активов банка, а также рост коэффициентов по капиталу будет положительным с точки зрения оценки кредитоспособности банка.

---

[1] Fitch: количество банков в России может сократиться вдвое [Электронный ресурс] // РИА «ФЕДЕРАЛПРЕСС» - 2017 – от 9 октября 2017 https://news.rambler.ru/business/38101570/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 27.10.2017).

[2] Fitch увидело угрозу дефолта банка «Восточный» [Электронный ресурс] // Рамблер – 2017 – от 10 ноября https://news.rambler.ru/business/38378374/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 27.10.2017).

Менеджмент банка считает оценку агентства излишне консервативной, так как качество розничных активов улучшается, что отражает усилия менеджмента банка и всех сотрудников. Корпоративные кредиты сосредоточены в сегменте российских крупных производственных компаний, решающих задачи импортозамещения. Банк верит в успешность этих проектов, что подтверждается оценками перспектив этих компаний от независимых экспертов.

Для снижения возможных рисков в российской банковской среде продолжались также более естественные, эволюционные процессы: переформатирование организационной структуры банков, закрытие нерентабельных офисов, процедуры банкротства. Эксперты Fitch ожидают, что «число российских банков может упасть до 300 с нынешних примерно 600 и выражают уверенность, что и 50 банков было бы достаточно для обслуживания российской экономики»[1].

Разработанный Банком России сценарий стабилизации банковских институтов предусматривает в себе отрезок времени, когда ключевые риски на рынке уже существенно снизились. Ситуация на отечественном финансовом рынке во второй половине 2017 г., видимо, будет соответствовать этой части траектории. «Обзор финансовой стабильности» за два первых квартала 2017 г., представленный 26 мая 2017 г. первым зампредом Банка России К. Юдаевой, достаточно оптимистичный.

В последние годы произошло множество изменений в развитии российских и иностранных банковских институтов: появились новые финансовые технологии, новые услуги и новые виды финансовых операций.

В карте рисков всего финансового рынка ключевыми теперь являются чисто курсовые риски, которые оцениваются Центробанком ниже, чем риски дефицита валютной ликвидности. Все оцениваемые Банком России показатели рисков финансового сектора находятся в зоне роста.

Среди рисков чисто банковского сектора единственным показателем в «желтой» зоне являются кредитные риски. Они также специфичны, согласно оценкам Центробанка, на 1 марта 2017 г., единственной отраслью, где с возвратом кредитов существуют проблемы, является строительство. Просрочка по кредитам в рублях строительного

[1] Fitch: количество банков в России может сократиться вдвое [Электронный ресурс] // РИА «ФЕДЕРАЛПРЕСС» - 2017 – от 9 октября 2017 https://news.rambler.ru/business/38101570/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 27.10.2017).

комплекса составляет 22,1% всей проблемной задолженности (в валюте 4%), доля ссуд проблемных IV и V категорий по классификации Центробанка в отрасли составляет, согласно экспертным оценкам, 27,5% в рублях и 26,5% в валюте[1]. Сложности торговли и сельского хозяйства с возвратом кредитов гораздо меньше.

В «Обзоре финансовой стабильности» Центробанк выделил в качестве приоритета анализ макропруденциальных рисков как аналог нестандартного сочетания небольших стандартных рисков. Регулятор пояснил, что не видит больших рисков для российской валюты со стороны «carry trade», в краткосрочной перспективе локальный пик этих операций пройден, и приток средств ощутил только сектор государственного долга.

В перспективе дефицит бюджета в 2018–2019 гг. будет сокращаться, и даже при укреплении рубля «массовость» прихода нерезидентов в российские Облигации федерального займа (ОФЗ) ограничена.

Реализация стрессового сценария грозит российской банковской системе существенным ростом просроченных ссуд и убытками. Подавляющая часть возможных потерь банковского сектора Российской Федерации, снижающих финансовую устойчивость и надежность коммерческих банков, связана с кредитным риском. Об этом свидетельствуют результаты стресс-тестирования, проведенные Центробанком в 2016 г. Макрорегулятор отмечает, что этот риск возрос по сравнению с показателями тестов 2015 г.

Сложным геополитическим риском для российских компаний и коммерческих банков выступили поправки к санкциям США против России, которые были опубликованы 31 октября 2017 г. Эти санкции расширены на некоторые проекты отечественных компаний за рубежом.

Введенные поправки содержат два определения: под санкции теперь подпадают не только проекты на территории России, доля участия российских компаний, находящихся под санкциями, в которых превышает 33%, но и проекты подобного толка за рубежом; также эти проекты должны быть инициированы не ранее 28 января 2018 г.[2]. Во-первых, реализуемые в настоящий момент проекты под санкции не попадают, в том числе проекты корпорации «Лукойла» на шельфе Румынии и Ганы, проекты «Роснефти» в Венесуэле. Ограничение доли

[1] *Бутрин Д.* Правила игры » [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2017. № 93. С. 9. – от 29 мая https://www.kommersant.ru/doc/3292718 (Дата обращения: 27.10.2017).

[2] *Маринченко Д.* В Fitch не увидели ничего революционного в правках к санкциям против России вдвое [Электронный ресурс] // РИА новости – 2017 от 1 ноября https://news.rambler.ru/economics/38304903/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylin (Дата обращения: 27.10.2017).

российских госкомпаний на уровне 33% оставляет возможность для участия даже в новых проектах. Порог 33% не является критическим. Этот закон, по мнению аналитиков, ограничивает, но не делает невозможным участие российских компаний в новых нефтегазовых проектах за рубежом.

В своем прогнозе экономические параметры развития России международное рейтинговое агентство Fitch оценивают более позитивно. Например, прогноз по долгосрочным рейтингам дефолта России, выраженным в иностранной валюте и в рублях, агентством пересмотрены в позитивном направлении. Сам рейтинг пока остается на уровне «BBB-», что означает достаточный уровень кредитоспособности, однако прогноз по его изменению агентство поменяло со стабильного на позитивный уровень. Темпы роста ВВП России в 2017 г. международное рейтинговое агентство Fitch также пересмотрело в сторону повышения с 1,6% до 2 %[1].

Ситуация на кредитном рынке в настоящее время хуже ожиданий. Согласно стресс-тесту Центробанка, доля плохих ссуд может вырасти с 11% до 17,8%, но по оценкам экспертов АКРА, реальная доля плохих кредитов составляет на сегодняшний день уже 15%, и с такой долей просрочки российские коммерческие банки сохраняют финансовую устойчивость.

В связи с этим, даже при реализации стрессового сценария, по мнению экспертов, количество банков, которые получат убытки, не будет очень большим. Банк России не видит существенных рисков для курса рубля, отметил директор департамента денежно-кредитной политики Центробанка, И. Дмитриев в рамках круглого стола «Основные направления денежно-кредитной политики в 2018-2020 годах» в НИУ ВШЭ, подчеркнув, что каких-либо существенных рисков для курса регулятор е видит[2].

Центробанк оправдал ожидания участников рынка и в своих комментариях дал определенный сигнал инвесторам снизил ключевую ставку с 8,5% до 8,25% годовых 7 октября 2017 г. Регулятор оправдал ожидания участников рынка и в своих комментариях дал чёткий

[1] Fitch повысило прогноз по российской инфляции в 2017 году вдвое [Электронный ресурс] // Российская газета – 2017 – от 11 октября https://news.rambler.ru/business/38101602/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 27.10.2017).

[2] *Дмитриев И.* Центробанк не видит существенных рисков для курса рубля вдвое [Электронный ресурс] RAMBLER NEWS SERVICE – 2017 от 9 ноября https://news.rambler.ru/economics/38377219/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylin(Дата обращения: 27.10.2017).

сигнал инвесторам. Несмотря на значительное снижение инфляции в августе и сентябре от 4-процентной цели Центробанка, риски разгона темпов роста потребительских цен сохраняются, следовательно, не осуществлен переход от умеренно жёсткой денежно-кредитной политики к нейтральной стратегии.

Для роста кредитной активности экономических агентов отечественный бизнес и российский банковский рынок стратегически ожидал снижения ключевой ставки Центробанка, потому что в России зафиксирован низкий уровень инфляции. Участники рынка в своих прогнозах ожидали снижение ключевой ставки на 25-50 базисных пунктов с уровня 8,5%.

Со снижением ключевой ставки будет снижаться и доходность по депозитам и по российским государственным облигациям, что весьма неплохо для бюджета. Потому что снижение дохода по российским облигациям приводит к снижению расходов на обслуживание государственного долга, который напрямую финансируется из казны.

По мере стабилизации экономики, инфляции, инфляционных ожиданий курс рубля, по мнению директор департамента денежно-кредитной политики Центробанка, естественным образом тоже стабилизируется. В странах со стабильной макроэкономической ситуацией курс ведёт себя, как правило, тоже достаточно стабильно.

Определяющая роль в сдерживании инфляции принадлежит Центробанку, который разработал и реализовал комплекс мероприятий, направленных на снижение инфляции. В сентябре 2017 г. Центробанк повысил прогноз прироста ВВП на конец года до 1,7%-2,2%. В Министерстве экономического развития ожидают, что в 2018 г. этот показатель будет на уровне 2,1%, а в 2019 и 2020 годах составит 2,2% и 2,3% соответственно[1].

В связи с тем, что российская инфляция опустилась ниже целевого значения, следовательно, у макрорегулятора появилась надежда на возобновление экономического роста. На снижение инфляции позитивно повлияла взвешенная бюджетная политика, а именно: законодательное закрепление бюджетных правил и формирование в соответствии с ними параметров бюджета на 2018-2020 гг.

Таким образом, российская экономика вошла в новую фазу экономического роста, при этом, темпы роста ВВП в настоящее время

[1] *Цегоев В.* Битый рекорд: почему инфляция в России достигла минимальных исторических значений / [Электронный ресурс] / Russian.rt. – 2017 от 17 октября https://russian.rt.com/business/article/436890-inflyaciya-vvp-ekonomicheskii-rost (Дата обращения: 27.10.2017).

превышают 2%. Стабилизация ключевых показателей экономики повысила кредитную активность предприятий и населения, что позволяет говорить о необходимости разработки новых, нацеленных на рост отечественных компаний, стратегий развития российских кредитных организаций.

Восстановление экономики России объясняется не только особенностями экономической политики последних лет, но и более глубинными процессами. В первую очередь, специалисты отмечают окончание переходного процесса в российской экономике от плановой к рыночной экономике.

Новая фаза роста обоснована тем, что в экономике постепенно утихают негативные процессы, снижение доходов населения замедлилось. Проявляется вероятность начала роста доходов, плюс выравнивается спрос на товары широкого потребления. Признаки оживления российской экономики наблюдаются с начала 2016 г. на основе положительной динамики в сельском хозяйстве, а также восстановления роста промышленности после 2014 г.

Сложившаяся ситуация носит устойчивый характер, что обеспечивает регулятору возможность новой концепции развития финансово-кредитного сектора, который непосредственным образом влияет на экономический рост.

В настоящее время в России, как и в других странах со свободным рыночным курсообразованием, уже неактуальна жесткая связь курса валюты с состоянием текущего счета – балансом экспорта и импорта. Еще 30 лет назад, когда колебания валютных курсов были ограничены привязками к другим валютам или золоту, основные проблемы с курсом возникали из-за дисбалансов в международной торговле. Когда какая-либо из стран начинала импортировать больше, чем экспортировать, у нее возникала нехватка твердой валюты, нарастали валютные заимствования, и это вело к валютно-долговому кризису и девальвации.

Похожую ситуацию Россия пережила в кризис 1998 г. Тогда курс рубля из-за политики «валютного коридора» был необоснованно завышен по отношению к «фундаментальному» уровню, и его резкая девальвация до определенной степени помогла восстановлению экономики.

Приток спекулятивных денег на рынок ГКО и последующая их попытка к бегству также имели место, но по сравнению с проблемами неуплаты налогов, невозврата экспортной выручки и вывоза капитала это была не главная причина кризиса.

В настоящее время, когда валютное регулирование ушло в прошлое, вместе с ним потеряло смысл и понятие «фундаментального»

курса, определяемого в процессе международной торговли. Это произошло потому, что любой экспортер, продав товар и получив валютную выручку, становится финансовым инвестором. Экспортер может вернуть валюту на внутренний рынок, а может работать с ней ее на рынках Лондона или Сингапура.

Сегодня импортеру для финансирования своих контрактов совсем не обязательно приходить на внутренний рынок с рублями и покупать необходимое количество долларов или евро. Экономический агент может занять эту валюту, в том числе на внешнем рынке. В последние годы лет влияние текущего счета на курс национальной валюты непрерывно снижалось, а влияние счета капитального в той же степени возрастало.

В России курс рубля также во многом повторяет поведение бюджета – падает, когда растет дефицит, и растет, когда бюджетная ситуация начинает улучшаться. Но, существенные коррективы вносит поведение ставки Центрального банка. В отличие от большинства других стран она у нас сохраняется на высоком уровне. Как следует из официальных и неофициальных заявлений представителей Банка России, если ключевая ставка и будет снижаться, то медленно. В итоге оба фактора подталкивают рубль вверх. То, к чему приводит такая ситуация на финансовых рынках России, описывается термином «керри трейд».

Выгоду этого инструмента сейчас легко недооценить, она неочевидна из простого сравнения ставок. Механизм «керри трейд» (Carry trade) состоит в том, что инвестор заимствует на западном рынке доллары под 2% годовых, продает их за рубли, хеджирует риски обратной покупки на год; согласно оценке экспертов, итог может составлять –3%[1].

Такие финансовые ресурсы не являются долгосрочными инвестициями. Они стремятся уйти с российского рынка, зафиксировав прибыль, при любом неблагоприятном сигнале или просто по достижении ключевой ставкой определенного уровня. Приведенные выше цифры показывают: этого можно ждать при ключевой ставке 5-6%. Основой российского керри трейд выступает медленное и предсказуемое снижение ключевой ставки, что является современной стратегией Центробанка.

В марте 2017 г. макрорегулятор обозначил политику «мелких шагов» – впервые за полгода снизил ключевую ставку на 0,25 процентного пункта, дав понять, что дальнейшее снижение будет идти так же плавно – намного медленнее, чем снижается инфляция.

[1] *Корищенко К.* Рублевый пузырь. Почему Центробанк перегревает российскую валюту [Электронный ресурс] // Republic - 2017 от 30 марта https://republic.ru/posts/81233 (Дата обращения: 27.10.2017).

Вместе с тем, если регулятор за короткое время снизит ставку до уровня, когда керри трейд потеряет смысл, произойдет бегство спекулятивного капитала, рост процентных ставок и ощутимую девальвацию рубля. Этот вариант для Центробанка в его нынешней логике действий не приемлем, так как за падением рубля неизбежно последует всплеск инфляции и новое ужесточение ключевой ставки. Это будет воспринято рынком как неудача антиинфляционной политики Центробанка.

При всей своей надежности и целенаправленности такая стратегия Центробанка привлекает, по мнению аналитиков, притоки спекулятивного капитала и приводит к росту курса рубля до того периода времени, пока ставка не достигнет 5-6%, после чего начнется отток «горячих денег».

Керри трейд создает риски для развития экономики. Но если при быстром варианте развития под вопросом оказалась бы антиинфляционная политика Центробанка, то при медленном цена вопроса – сохранение высокой кредитной ставки для бизнеса и замораживание инвестиционного процесса в экономике, а также отложенная резкая девальвация рубля.

Таким образом, геополитические риски и внешние шоки являются важными факторами возникновения дисбалансов на формирующихся финансовых рынках развивающихся стран, а нестабильная ситуация с ценами на нефть и расширяющиеся санкции выступают рисковыми факторами для устойчивого развития российской экономики. Вместе с тем, после введения антикризисного инструментария регулирования рисков ситуация в российской экономике становится более позитивной. В 2017 г. отечественная экономика вышла из кризиса и стабилизировалась, курс рубля в реальном и номинальном выражении вырос, произошло снижение инфляции до целевого уровня и отмечается рост потребительского спроса. Следовательно, российская экономика уверенно вошла в новую фазу экономического роста.

Склярова Е.А.,
докт. филос. наук, проф.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Концепции глобализации несомненно отражают тенденции современного мира на пути создания единой системы финансово-экономических, социально-политических и культурных связей, образующихся благодаря новейшим средствам коммуникации и информационным технологиям.

Сорос Дж.[1] отмечает, что на смену уходящей в прошлое системе враждующих государств и их блоков приходит новая многоярусная глобальная система регулирования общественных процессов, где доминируют не столько могущественные государства, сколько транснациональные корпорации, международные правительственные и неправительственные центры, международные средства массовой информации. «Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Незаметно мы вползаем в новый общественный уклад»[2]. Общество становится «открытым». Открытое общество – это такая форма организации, которая обеспечивает наибольшую степень свободы личности в соответствии с правилами и нормами, необходимыми для функционирования общественных структур.

Однако возникает вопрос: «Кто определяет данные правила и нормы?» Транснациональные корпорации с полиэтническим персоналом, международные профессиональные сообщества, неправительственные организации, неформальные группы по интересам играют значительную роль в мире. Национальное государство, являясь носителем социально-культурной самобытности, национально-исторической идентичности народа, хранителем языка, традиций, национального сознания и духовно-культурных ценностей, теряет непроницаемость собственных границ. Создание глобальных форм организации человеческой деятельности, выход за национальные границы предвещает кардинальные изменения условий бытия человечества. Глобализация, формируя новую мировую стратификацию, постепенно превращает одни страны в центр мирового развития, отодвигает другие страны

[1] *Сорос Дж.* Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. № 2. С. 14.
[2] *Горбачев М.С. и др.* Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М. 2003. С. 85.

на периферию мировой истории, кардинально меняет основы, сложившиеся в ходе культурно-исторического развития цивилизаций и культур, систему национально-государственного устройства, международную систему, суверенитет отдельных государств. «Глобализация ставит под сомнение и само государство как неизменную клеточку построения нового глобального мира»[1], естественным образом нарушает его целостность, базируясь на финансовых, информационных, ценностных обменах.

В связи с этим, следует отметить заинтересованность в глобализации, прежде всего, мировых экономических лидеров во главе с США, которые обладают возможностью вмешиваться в дела в любой точке земного шара, обеспечивая потребности существования капитала в виде «общества потребления», с его массовой культурой, унифицированным стилем жизни и стилем мышления.

В сложившихся условиях западноевропейская культура «утратила роль лидера общественного прогресса, перестала быть просветителем и учителем нравственности и вкусов общества»[2]. Западноевропейский социальный порядок с трудом сдерживает натиск глобализации, стирающей границы самобытности.

Понятие социальный порядок[3] здесь используется для обозначения комплекса взаимосвязанных социокультурных, политических элементов, обусловленных неповторимостью стилевых характеристик (стиля жизни и стиля мышления). Порядок выступает как структурность, упорядоченное единство, определенность, оформленность, стройность и закономерность социальных процессов и явлений культуры в противовес хаосу – беспорядочному, бесформенному, неопределенному, деструктивному состоянию вещей. В нашем понимании: стиль жизни – проявление бытия эпохи, ее обыденно-практических свойств, раскрывающихся в утилитарной ситуативной жизни; стиль мышления – способ отражения и осмысления действительности, включающий категориальный аппарат эпохи, особенности духовной жизни, систему общественных ценностей и стиль мышления индивида.

Современный западноевропейский социальный порядок сформировался в процессе преобразований, осуществлённых буржуазно-демократическими революциями XVII о – XVIII вв. Идея данного

[1] *Романова Л.М.* Национальный суверенитет и глобализация: грани соприкосновения // Гуманитарные и социальные науки. 2007, № 3. С. 149.
[2] *Зиновьев А.А.* Запад: избранные сочинения. М., 2010. С. 304.
[3] *Склярова Е.А.* Западноевропейский социальный порядок: от «Старого» порядка к современности // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3

порядка оттачивается в рамках идеологии европейского Просвещения (теория общественного договора, естественно-правовые концепции, теория разделения властей), однако ее содержание претерпевает существенную трансформацию в ходе Французской буржуазной революции 1789г, имеющей общеевропейское значение, и отражается в первых революционных документах, проектах Робеспьера, Сен-Жюста, правовой системе XIX. Демократизация и эгалитаризация становятся главными характерными чертами данного социального порядка, изменив в целом стиль жизни людей: направленность деятельности, быт, манеру поведения, общения, внешний вид людей, костюм.

Эгалитаризм, индивидуализм, либерализм, прагматизм, рационализм, эгоцентризм превращаются в доминирующие ценности эпохи. А оперирование такими категориями как *свобода, равенство, естественное право, демократия, собственность, гуманизм* и на сегодняшний день является характерной чертой западноевропейского стиля мышления.

Безграничная вера в торжество идей Прогресса, Просвещения, Свободы, интеграции народов, консенсуса между различными культурами и цивилизациями актуализировалась в западноевропейском общественном сознании в послевоенный период (40-е – 60-е гг. XX века).

Европа открыла доступ для представителей других народностей и цивилизаций. Германия и Франция, движимые чувством вины (Германия – за трагедию II Мировой войны, Франция – за последствия колониальной политики), Норвегия – стремлением решить свою демографическую проблему.

В связи с данной ситуацией, в центре внимания оказываются процессы изменения материальной культуры, обычаев и традиций западноевропейской социокультурной системы, происходящие при непосредственном контакте и взаимовлиянии. Для обозначения этих процессов можно использовать термин аккультурация, введенный в употребление в конце XIX века Ф. Боасом, У. Холмсом, Р. Лоуи, У. Мак-Джи. Аккультурация как совокупность явлений, свидетельствовавших о взаимодействии группы-реципиента и группы-донора (групп индивидов, обладающих разными культурами), по Редфилду, Линтону, Херсковицу, может вызывать три типа реакции группы-реципиента: принятие нового культурного паттерна, адаптацию как частичное изменение традиционных паттернов и реакцию как полное отторжение культурных паттернов донорской группы.

Либерально-демократическая политика, декларирующая идеи конвергенции и консенсуса, в значительной степени подвергла незыб-

лемость оснований самого западноевропейского порядка. Актуальной становится проблема сохранения французской культурной идентичности (изменился облик Парижа, его составляют замкнутые «миры в мире» – обилие арабских кварталов, китайских, индийских, попадая в которые, сложно понять, что не находишься на Востоке). Здесь сложно констатировать полное «принятие» западноевропейских культурных паттернов. Более того, трагические последствия террористических актов в Париже продемонстрировали уязвимость политики «открытых дверей», создав прецедент угрозы безопасности и стабильности.

В Европе возрастает сопротивление данному политическому курсу, усиливаются сепаратистские настроения (Каталония в Испании). Ориентация на сохранение национально-культурной самобытности, исторической идентичности народа, традиций, национального сознания и духовно-культурных ценностей, с одной стороны, и «универсальная» капиталистическая система отношений, рыночный образ жизни, либеральная демократия, глобальная политика и глобальный человек с потребительским стилем жизни и стилем мышления, – с другой, отражают противоположные тенденции развития современного мира.

Аствацатурова М.А.,
докт. полит. наук, проф.,
Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СУВЕРЕНИЗАЦИИ: СМЫСЛЫ И ПРОЕКЦИИ[1]

Глобализация и суверенизация являются важнейшими трендами развития человечества, которые определяют практически все направления развития человеческого сообщества в их коллективных и индивидуальных проекциях. Они являются контекстом самоопределения групп и индивидов в разных векторах, которые все больше дифференцируются вместе с усложнением жизнедеятельности граждан и усложнением функционирования государства.

[1] Статья подготовлена в рамках исполнения проекта по Государственному заданию № 31.9430.2017/НМ Пятигорскому государственному университету по теме «Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов на Северном Кавказе, в Крыму в условиях упрочения гражданского единства российской нации».

Со своей стороны, глобализация в ее позитивном выражении определяет такой контекстуальный тренд развития групп и индивидов, как межкультурная коммуникация, приобретение навыков широкого социального взаимодействия и эффективного функционирования в разной среде, освоение компетенций общечеловеческой общепланетарной социальности и общественно-политической активности. Также глобализация в ее позитивном выражении предусматривает самоопределение групп и индивидов на базе общих принципов гуманизма, уважения основополагающих прав человека и гражданина, а также сближение интересов и обеспечение прав народов и сообществ в целях мироустойчивости, коллективной безопасности, поступательной эволюции человечества, решения глобальных проблем современности. Глобализация катализирует полиэтничную и мультикультурную среду, которая характеризуется множеством привлекательных свойств общечеловеческого, общепланетарного масштаба.

Со своей стороны, суверенизация в ее позитивном выражении определяет такой контекстуальный тренд развития групп и индивидов, как сохранение этнокультурной самобытности, поддержание традиционных духовных ценностей групп и индивидов, уважение уникальности и обеспечение интересов каждого индивида и каждого сообщества. Суверенизация в ее позитивном выражении предполагает самоопределение групп и индивидов в их стремлении сохранить особенный социальный облик и своеобычный социальный потрет, поддерживать культурные, ментальные отличия от иных групп и индивидов. Суверенизация катализирует моноэтничную и монокультурную среду, которая является средой жизнедеятельности конкретного сообщества и конкретного индивида и также характеризуется множеством привлекательных, но также и проблемных, и противоречивых свойств, извлекаемых из этнической культуры[1].

Самоопределение групп и индивидов осуществляется во многих нишах – социально-возрастных, социально-гендерных, социально-профессиональных, социально-досуговых. Самоопределение групп и индивидов обусловлено сложностью и многоуровневостью комплекса идентичностей, которые в современных условиях характеризуются большим разнообразием. В этом самоопределении для современного индивида и для современных групп важным и знаковым идентификационным процессом является национально-культурное самоопределение.

[1] Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Пер. с анг. и нем. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Как это ни парадоксально, глобализация и суверенизация, несмотря на разнонаправленное содержание, имеют многие общие детерминанты и вместе с тем дифференцированные факторы. В их контексте выпукло проявляется национально-культурное самоопределение как институционализация этнических интересов индивидов и групп, которые – содержательно и формально – проявляются, как в глобализационном, так и в суверенизационном контексте на уровне государств, регионов, территорий[1].

С одной стороны, такое самоопределение является результатом ***каждодневного личностного плебисцита,*** который индивид проводит наедине с собой, основываясь на собственных представлениях о самоценности этнической принадлежности и о необходимости или нецелесообразности национально-культурного самоопределения, так как ***никто не обязан быть этничным.***

С другой стороны, такое самоопределение является результатом ***группового референдума***, необходимость которого осознается этническим сообществом, как в связи с внутренними историко-культурными, культурно-языковыми и социокультурными императивами, так и в связи с внешними общественно-политическими, геополитическими и политико-управленческими факторами.

Национально-культурное самоопределение в его смыслах и проекциях – это не столько результат, сколько процесс и движение в силу подвижности, как социальной среды, так и социокультурных установок индивида и группы, которые могут меняться и трансформироваться в контексте глобализации и суверенизации. При этом национально-культурное самоопределение индивидов и групп осуществляется в ходе глобализации и суверенизации либо в рамках гражданской нации, либо в противовес ей. Соответственно, это либо укрепляет гражданские сообщества и государства в том случае, если государства обеспечивают оптимальные условия для смыслов и проекций национально-культурного самоопределения (Россия, США, Швейцария), либо, напротив, расшатывает крепость гражданского сообщества и государственного устройства, если государства не учитывают смыслы и проекции национально-культурного самоопределения (Великобритания, Грузия, Испания, Украина)[2].

---

[1] Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия. 2013. 485 с.

[2] *Соблиров Х.Х.* Общие принципы прав человека, прав народов на самоопределение и территориальная целостность государства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 2 (58). С. 148-154.

Национально-культурное самоопределение катализируется, во-первых глобализацией, во-вторых, суверенизацией, а именно: внутриполитическими и геополитическими реалиями, проблемами и успехами межгосударственных отношений – революциями, гражданскими и межгосударственными войнами, конфликтами, этноцидами, геноцидами, распадами и образованием государства, *«собиранием земель»,* которые порождают «*национальные вопросы»,* проявляющиеся в разных регионах: Балканы, Кавказ, Балтия, Черноморско-Каспийский регион и др.[1]

В то же время национально-культурное самоопределение при использовании нелегитимных левых форм само может стать источником и причиной этнических (территориальных, политико-властных, религиозных, экономических, бытовых) конфликтов, которые в силу многофакторности и мультиплицирования во все сферы жизни общества трактуются как многосоставные – блоковые.

Национально-культурное самоопределение сопровождает человечество практически на протяжении всего исторического пути, меняясь не столько сущностно, сколько формально и технологически, а также развиваясь в правовом и политическом поле, так как его легитимация является неизбежной и необходимой. Глобализация, создающая информационное общество, общество четвертой промышленной революции, общество социального инжиниринга и социального экспериментирования, наконец, общество управления идентичностями, актуализирует смыслы и проекции национально-культурного самоопределения. Также и суверенизация, создающая условия для дифференциации общественной, политической, экономической, духовной, материальной и нравственной жизни индивидов и групп, формирующая основы для конкуренции, конфликтов и даже войн идентичностей, выводит на повестку дня новые требования к национально-культурному самоопределению в плане его смысла и проекций, как в традиционном, так и в инновационном плане[2].

Значимость национально-культурного самоопределения при многих успешных и многих конфликтогенных воплощениях, как и при оптимальных, конфликтогенных и дискриминационных реакциях на него, побуждает к исследовательским инициативам. В этой связи выделим очевидную методологическую проблему, а именно – ***проблему***

[1] *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Конфликт цивилизаций в региональном преломлении: Кавказ и Балканы // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 146-157.
[2] *Паин Э.А.* Волновая природа подъема традиционализма на рубеже 19-21 веков // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 43-56.

смыслового отождествления национально-культурного самоопределения[1] и предложим три возможных толкования.

Первое: под национально-культурным самоопределением можно понимать ***процесс институционализации самоорганизующихся и самодостаточных субъектов гражданского общества – национально-культурных автономий, национально-культурных и религиозных организаций и движений.***

Очевидными проекциями национально-культурного самоопределения в данном понимании являются такие, как численность и иерархия национально-культурных НПО, НКА и религиозных организаций, их практическая деятельности, расширение их социального служения. Особым аспектом выступает деятельность НПО, НКА, НКО коренных народов и диаспорных групп, религиозных организаций в профилактике межэтнических противоречий и конфликтов, а также в упрочении единства гражданской нации и государства. Эта деятельность имеет прямое отношение не только к национально-культурной, но и к общечеловеческой и национальной безопасности, что подтверждают современные этнополитические реалии[2].

Второе: под национально-культурным и этнорелигиозным самоопределением можно понимать ***групповые стратегии и целевые тактики народов и этнических групп (коренных и диаспорных) как целостных сообществ в агрегировании и элевировании своих интересов.***

В проекциях национально-культурного самоопределения в данном понимании проявляется стремление народов и этнических групп к образованию территориальной автономии, ведется манифестная борьба за самостоятельность в выборе государственного устройства и за национальное (этническое) единство. Также типичны требования полной реабилитации, противодействие этноцидам и геноцидам, «*ответный национализм*», в том числе «*ответный национализм меньшинств на национализм большинств»* и наоборот и др.[3] Отмечаются апелляции к СМИ, к международным организациям и правовым институтам,

---

[1] *Аствацатурова М.А.* Этноконфликтология и этнополитология: новые реакции на старые и новые запросы северокавказского регионального ландшафта // Этнические проблемы современности. Вып. 20 / Научн. ред. В.А. Авксентьев. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 252 с. С. 40-52.

[2] *Баранов А.В.* Индикаторы национальной безопасности России в Крыму (этнополитический аспект) // Новые контуры социальной реальности: материалы Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. С. 50-52.

[3] Европа меньшинств. Меньшинства в Европе / Отв. ред. и сост. М.Е. Кавицкий, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016. 302 с.

поиск союзников, сторонников и симпатизантов – экономических, политических, персональных. Также отмечаются практики создания транснациональных этнополитических, этнорелигиозных корпораций для лоббирования интересов и продвижения коллективных идей.

Третье: под национально-культурным самоопределением можно понимать ***процесс самоидентификации конкретного индивида в отношении собственной этнической (национальной) и религиозной принадлежностей, который является глубоко личным и непубличным.***

В данном понимании определение индивида в плане его национально-культурного самоопределения является его личным делом. Внешнее экспертное фиксирование национально-культурного самоопределения применительно к конкретному человеку и гражданину может быть основано только на базе личных заявлений индивида о собственной этнической (национальной) принадлежности (непосредственно), либо из соответствующего целевого дискурса индивида, например в системе PR и GR-отношений. Также определить содержание национально-культурного самоопределения конкретного человека можно на основе данных, полученных экспертами путем включенного наблюдения за деятельностью то или иного индивида (опосредованно). В отдельных случаях этническая (национальная) принадлежность некоторых персоналий (прежде всего, работников органов власти и управления, политических и общественных деятелей, этнических активистов, референтных лиц сообщества) фиксируется на сайтах организаций и учреждений, в интернет-ресурсах, а также в публикациях СМИ, в агитационных материалах, в видовых рядах (вероятно, с согласия самих граждан) и др.

Все три семантических отождествления национально-культурного самоопределения не гарантируют универсальной достоверности исследовательского процесса и полной корректности его результатов, так как существует две очевидных методолого-аксиологических опасности.

Первая – однозначная идеализация национально-культурного самоопределения во все трех смыслах, преувеличение значимости этнических параметров, как индивидуумов, так и групп. Данная опасность провоцирует отождествление содержания и форм жизненных и общественных процессов с этничностью, как в позитивных, так и в негативных стереотипах. Преувеличение значения национально-культурного самоопределения может порождать опасные иллюзии относительно его универсальности, обязательности и, тем более, необходимости.

Вторая – примитивное пренебрежение смыслами и проекциями национально-культурного самоопределения, отрицание наличия специфических этнокультурных, как у коллективов, так и у отдельных граждан. Данная опасность провоцирует изъятие проблем межэтнических отношений и этнических конфликтов из сферы политико-управленческого воздействия и социально-экономического и социокультурного обеспечения. Недооценка смысла и проекций национально-культурного самоопределения порождает близорукость общества и упрощенный (спрямлённый, формальный, вульгарный) подход государства в отношении этнической идентификации граждан.

В связи с этим отметим, что достоверное понимание смыслов и проекций национально-культурного самоопределения индивидов и групп дает широкие возможности для его оптимизации в контексте глобализации и суверенизации.

Вартумян А.А.,
докт. полит. наук, проф., зам. директора по научной работе и инновационной деятельности,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказского федерального университета
в г. Пятигорске (г. Пятигорск)

ФРОНТИР В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ

История покорения Кавказа – это история непрерывных контактов, постоянного процесса столкновений и применений, поиска компромиссов, обмена духовными и материальными ценностями. Территориально Российский фронтир не был единым пространством – это была Сибирь, Кавказ, Нижняя Волга, Дальний Восток и т.д. В научных обществах обозначенных территорий сложились свои научные школы, исследовательские центры по изучению названного феномена (фронтира)[1].

[1] См.: *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки.- Краснодар Эдви, 2015.-272 с.; Личности российского фронтира. Словарь. - Астрахань: Изд-во Сорокин Р.В., 2016. – 250 с.; Нижневолжский фронтир. Культурная память и наследие. – Астрахань: Изд-во Сорокин Р.В., 2014. – 236с.; *Шебзухова Т.А., Бербекова Е.Г.* Северо-Кавказский фронтир Российской империи (1722-1864 г.г.): Монография.- М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. – 224с.; *Агеев А.Д.* Сибирь и американский запад: движение фронтиров.- М.: Аспект – Пресс, 2005.-334с.; *Вартумян А.А., Бербекова Е.Г.* Северо-Кавказский фронтир как объект изучения политической географии // Современная наука и инновации.-2014.-№4.-с. 78-90.

Первоначальным приближением российского мира к Северному Кавказу было самостоятельное движение частных лиц, пускавшихся на свой страх и риск на поиски лучшей доли, которой они не могли получить в рамках существовавшей государственности. Этими людьми были те, кто впоследствии получили название вольных казаков, выступивших в роли пионеров-колонизаторов, расселявшихся по левому берегу Терека.

Без государства и вне государства казакам пришлось испытать немало превратностей на первоначальном этапе их контактов с кавказским миром. Кроме того, окружавшая новопоселенцев климатогеографическая и социальная среда северокавказского «фронтира», где переселенцы пытались строить своё новое сообщество, оказались настолько враждебными и незнакомыми, что поставили перед казаками вопрос об их адаптационных возможностях.

Экологическая обстановка в пространстве Северного Кавказа обладала столь большим и неожиданным для пионеров-поселенцев разнообразием, преподносила столько сюрпризов, что новопоселенческая масса пережила своеобразный шок привыкания. В этой связи надо согласиться с Т.М. Барреттом в том, что «в мире насчитывается лишь несколько регионов с такой контрастной и разнообразной природой: бесчисленные микроклиматические зоны вершин и подножий гор, смена циклов наводнений и засух в долинах, контрастные сочетания гор со степью – почти что пустыней вдоль Каспийского моря – и болотистыми низинами Терека»[1].

Как в своё время для Америки отмечал Ф. Тёрнер, вся обстановка фронтира на первых порах оказывала слишком сильное воздействие на колониста: он должен был либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть[2].

В северокавказских реальностях вольная казачья масса, предоставленная самой себе, вырабатывала самостоятельно жизненные практики, черпая многое из механизмов быта горских народов. Кто-то, как те, кто поселился в непролазной глуши низового течения Терека, недосягаемой ни для какой погони, «нашли себе стоянки, с обильными угодьями для рыбного и охотничьего промысла»[3].

---

[1] *Барретт Т.М.* Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – М., 2000. – С. 169.

[2] *Тёрнер Ф.* Фронтир в американской истории. – М.: Весь мир, 2009. – С. 15.

[3] *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной ориентации. – Махачкала, 2007. – С. 98.

Специфические условия существования нижнетерских казаков привели к выработке в их среде специфических адаптационных инструментов. Необходимость вынудила их вступать в постоянные контакты с местным кавказским населением, что привело к зарождению особого типа отношений – куначеству. Как отмечает исследователь истории Северо-Восточного Кавказа Н.Н. Гарунова: «Кунаки были взаимно связаны долгом гостеприимства, и в каждой казачьей станице можно было встретить семьи, которые заводили друзей в горских аулах из числа местных жителей и называли друг друга кунаками. <…> Они часто приезжали друг к другу в гости, дарили подарки, а в случае надобности оказывали взаимную помощь во время сельхозработ. Кунаки гордились своей дружбой и передавали её детям»[1].

Ещё одной адаптационной специфичностью терских казаков, которые представляли собой преимущественно мужское население, было умыкание невест у горских племен. Такие браки «составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путём смешения образовался могучий тип гребенского казака и казачки»[2]. С другой стороны, заселение казачьих городков представителями и представительницами горских этносов способствовало сближению казаков с горским миром, «переимчивости» у горцев полезных навыков в укладе жизни.

Длительный исторический период сосуществования, частые контакты и метисация оказали заметное влияние на формирование психического склада терско-гребенского населения. В.И. Козлов по этому поводу отмечал, что «психический склад терских казаков, считающихся частью русского народа, был более близок к психическому складу народов Северного Кавказа»[3].

В.А. Потто также отмечал это влияние горской жизнедеятельности и жизнеустройства на русских. Он писал: «Казаки скоро позаимствовали <…> не только боевую привычку и тактику, но приняли их вооружение, посадку и даже одежду, которая с тех пор и осталась народным костюмом кавказского казака. <…> Не довольствуясь этим, казаки постарались усвоить себе горские наречия и многие черты характера и домашнего быта»[4].

[1] *Гарунова Н.Н.* Указ. соч. – С.99.
[2] *Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б.* Нижне-терское и гребенское казачество на территории Дагестана: поиск путей выживания // Дагестан: Нижне-Терское казачество. Научные доклады. – М., 1995. – С.6-7.
[3] *Козлов В.И.* Динамика численности народов. – М.,1969. – С.40.
[4] *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб., 1885. – С.101.

В связи с этим, можно согласиться с теми, кто считал, что в столкновении с Кавказом русский элемент не только не поборол кавказский дух, но сам заражался особым его звучанием и часто превращался если не в чуждого России субъекта, то делался субъектом, сильно «отравленным» Кавказом[1]. Грань, разделявшая казаков и горцев, была зыбкой. «Казаки испытывали немалое влияние горских соседей как в организации общинного управления и власти, так и в военном быту, вплоть до методов ведения войны, набегов и одежды»[2].

С другой стороны, пространства Северо-Западного Кавказа, особенно Черноморское побережье и территории вдоль течения реки Кубань, дикая, с точки зрения казаков-пионеров, местность вносила коррективы не только в систему их бытования. В непривычной и жестокой для них обстановке казаки-колонисты сделались жертвами множества болезней, поджидавших их в своеобразных условиях кавказской среды.

Особенности освоения новых территорий требовали от казаков новых поселенческих практик, которых не было в их арсенале, поскольку не все из них предполагали встретить в пространстве северокавказского «фронтира» столь жестокого инобытия. Кроме того, их культурный код не предполагал механизмов настройки к существованию в средах, выходивших за рамки их исторически обозримого существования. В связи с этим экологическое своеобразие кавказского пространства можно зачислить в ряд тех причин, которые воспрепятствовали быстрому освоению русским населением Черноморского побережья Кавказа. Данная территория сопротивлялась не только прежним, принесенным из иной некавказской среды способам взаимодействия с землей, но и наносила бедственные удары по иммунной системе казачьего населения.

Казачьи поселения в Черномории располагались вопреки традиционным горским, экологически выверенным схемам. Новопоселенцы, в подавляющей массе своей – степняки, оказались лицом к лицу перед незнакомыми картинами и свойствами ландшафта: кругом были горы и дремучий лес. Они стали ставить свои хаты и балаганы по низменностям вдоль рек, где никогда не селились черкесы, занимавшие своими жилищами возвышенности над болотистыми низинами, зараженными малярийными лихорадками. Казаки, напротив, поставили свои хаты и

[1] *Лазарян С.С.* Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2009. – С. 216.

[2] *Баддели Дж.* Завоевание Кавказа русскими.1720-1860. – М.: Центрполиграф, 2007. – С.27-28; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 60.

курени в самых низких местах, ниже даже уровня моря и, разумеется, в массе своей стали болеть лихорадками, которые быстро сводили их в могилу. По замечанию С.И. Васюкова, от лихорадок страдали главным образом первые поселенцы, усадьбы которых находились в ямах, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Он приводит статистику, когда из 888 человек, населявших одну из станиц, в течение двух лет умерли 200 человек взрослых и детей[1].

Казаки, кроме низин и впадин, располагали свои поселения на открытых местах вдоль морского побережья, часто попадавших в объятия густых туманов, пагубно влиявших на людей, домашних животных и на садовые культуры[2].

Побережье также отличалось исключительным обилием дождей, но это обилие осадков само по себе не было недостатком в силу того, что «южное солнце выпивало влагу весьма энергично, а естественные покатости горного рельефа отводили весь избыток влаги в реки, ручьи и море. С обилием влаги надо было научиться ладить, принимать в расчет при культивировании растений, примениться к этому новому и резкому для русских условию климата»[3].

Но новоселы мало стремились приспосабливаться к местным условиям существования, предпочитая сетовать на природу, обзывать её «казнью египетской»[4]. Переселенцы-степняки не любили ни моря, ни гор. В горном побережье продолжали вести степное хозяйство, а расчищенные в горах места под посевы зерновых называли «степью». Поселяне были совершенно глухи к естественным требованиям природы края, не занимались ни плодовыми, ни многолетними культурами, сосредоточив все свои интересы «в степи», где находилась их пшеница и их баштаны[5].

Приверженность к своим культурным координатам и традиционным способам жизнедеятельности не позволяла новопоселенцам первого поколения не столько понять экологических особенностей северокавказского края – они их не могли не видеть, сколько выйти за рамки привычного опыта, который был бесполезен в новой среде

[1] Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.60; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими.1720-1860. – М., 2007. – С.27-28.
[2] *Васюков С.И.* Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. – №6. – С.563-564.
[3] Там же.
[4] Цит. по: *Казначеев А.В.* Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). – Пятигорск: Изд-во «Технологический университет», 2005. – С.139.
[5] Кавказ и его герои. – СПб., 1903. – Кн.1. – С.109.

обитания. Они предпочитали раз от разу терпеть фиаско в попытках навязать свои способы и методы природопользования совершенно чуждому им климатогеографическому пространству, чем отказаться от традиции, вне которой они не чувствовали твёрдой почвы естественного для них мира в чужеродном пространстве «фронтира».

Эта «странная» глухота к импульсам осваиваемой среды имела большую временную протяженность, прежде чем новопоселенцы научились подчиняться требованиям элементарной адаптивности и самосохранению. Глухота данного рода тиражировалась в крепостях Черноморской кордонной линии, устроенной военными властями с 1830 по 1842 гг. Из-за лихорадок и других уже ранее перечисленных неблагоприятных обстоятельств только экологического происхождения в крепостях наблюдалась огромная по своим размерам смертность людей.

Большое количество казаков и солдат умирало от чумы, малярии тифа цинги и холеры. Даже в 40-х гг. XIX века в Черномории ежегодно умирало много людей. Г.И. Филипсон свидетельствовал: «В летние жары и осенью больных лихорадкою очень много <…> Зимою болезни вообще ожесточаются, а весной имеют несчастный исход. <…> Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица <…> в Сухуме мы ежегодно посылали 16% штатного числа нижних чинов на укомплектование, т.к. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет[1].

Войска, находившиеся в Мингрелии и Имеретии, были подвержены ужасным лихорадкам, происходившим от непривычного для русских людей чрезвычайной сырости климата. Массовые заболевания и вереница похорон скончавшихся от болезней приводили солдат в депрессивное состояние[2].

В другой части Северного Кавказа – Дагестане – ситуация была не лучше. Горы пепельного цвета и отсутствие растительности, низкие серо-черные облака, частые туманы угнетающе действовали на психику солдат и офицеров. Природа Дагестана внушала отвращение. Солдат захватывала тоска по родине[3].

Российское правительство, активно подключившись со второй половины XVIII века к колонизационным процессам, стремилось придать ему организованный характер и усилить оборону Терской линии,

[1] *Васюков С.И.* Указ. соч. – С.567-568; Казначеев А.В. Указ. соч. – С.140.
[2] *Филипсон Г.И.* Воспоминания // Русский архив. -1884. – №1. –С.203-204, 211.
[3] *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. – С.118.

с которой оно намеревалось впоследствии продвигаться дальше на юг. Казачья колонизация Кавказского края становится важнейшим и наиболее часто употребляемым средством военно-политической активности имперских властей в данном регионе.

Этот путь заселения края диктовался, прежде всего, военно-стратегическими задачами, а потому и способствовал определяющей роли в первоначальном освоении данной территории военно-казачьим первопроходцам, на плечи которых было возложено решение не только военных задач, но им предстояло решать также задачи хозяйственно-экономические и культурные, имевшие тесную связь с назначенной целью – сделать Кавказ частью российского мира.

Начиная активную колонизацию Кавказа, правительство использовало казака-колонизатора, уже привыкшего к своей роли первопроходца всем прежним своим существованием на пограничье, в авангард своего движения на юг и всячески его поддерживало, видя в нем необходимую, а часто, единственную силу, способную продвигать и удерживать имперские цели в регионе.

Кокин А.В.,
докт. геол.-минералог. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХ и ГС (г. Ростов-на-Дону)

ВЫЗОВЫ ГЛОКАЛИЗАЦИИ. УПРАВЛЯТЬ ИЛИ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ? И ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ РАТИФИЦИРОВАТЬ РФ ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КЛИМАТУ?

Глобализация, как вызревшие условия международного сотрудничества в различных областях экономической, финансовой, ресурсной и экологической политики, отражающие состояние, динамику и проблемы мирового социокультурного развития, вскрыла ряд проблем, связанных с возможностью как стирания, так и усиления региональных отличий, которые иногда превращаются в вызовы для государств с развивающейся экономикой, вступивших на путь собственного развития и в рамках своего в*и*дения его устойчивости. И если развитые в социально-экономическом плане государства видят устойчивое развитие в достижении лучшего качества жизни (потребление + экология+возникший дефицит природных ресурсов), то развивающиеся страны ориентированы, главным образом, на решении насущных социально-экономических проблем в части удовлетворения потребления.

При этом развитые общества, понимая, что глобальные экологические проблемы не могут быть решены отдельно взятым государством в силу существующих обменных процессов в биосфере, навязано инициировали ряд мировых соглашений по охране озонового слоя (Монреальский протокол) Земли, борьбе против потепления климата (Киотский протокол) и других, в рамках разработанной мировым сообществом стратегии устойчивого развития. При этом не было достигнуто полной научной ясности причин глобальных изменений в биосфере. Поскольку одна часть учёных настаивала на том, что эти современные изменения напрямую связаны с антропогенной причиной, другая полагала их естественное квазипериодическое изменение[1]. Разнопонимание источников возникших глобальных экологических проблем, тем не менее, стимулировала мировую управленческую элиту к желанию управлять глобальными экологическими процессами, не оценив предельный возможности самой природы[2] восстанавливать качество среды, осуществлять воспроизводство природных ресурсов. При этом самые крупные из мировых экономик (США, Китай) не пылали желанием ратифицировать основные международные соглашения. Поэтому «конфликт между традиционными локальностями и универсалистическими тенденциями казался очевидным и закономерным»[3]. Но, например, Канада, вышла из Киотского протокола, усмотрев в его ратификации ущемление собственных интересов в рамках продажи прав на загрязнение углекислым газом. Некоторые развивающиеся страны видят в глобализме манипулирование ими со стороны развитых стран, превратив развивающиеся страны в источник дешевых природных ресурсов, оставив последним всегда идти в кильватере догоняющих процветающий западный мир. Но и мощные из экономик (США и Китай) начинают сомневаться в необходимости, целесообразности и возможности управлять биосферными процессами.

Так 1 июня 2017 года президент США Д. Трамп официально объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату[4], заявив

[1] *Кокин А.В., Кокин А.А.* Современные экологические мифы и утопии.- СПб: Бионт. 2008. 252с.

[2] *Кокин А.В.* Ассимиляционный потенциал биосферы.- Ростов-на-Дону: СКАГС, 2005. 187с.

[3] *Robertson R. Mike Featherstone, Scott Lash.* Global Modernities. – SAGE, 1995-01-01. – 306 с.

[4] Соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению углекислого газа в атмосфере с 2020 г. Соглашение было подготовлено взамен Киотского протокола в ходе Конференции по климату в Париже и принято консенсусом 12 декабря 2015 г., а подписано 22 апреля 2016 г.

следующее: «...не выходить из соглашения от нас требуют те же страны, чьи торговые ограничения обходятся Америке в триллионы долларов, и которые во многих случаях небрежно относятся к своему вкладу в наш критически важный оборонный альянс»… Прозрение? – возможно… Лицемерие? – слишком категорично. Давление на другие страны по необходимости расплачиваться за альянс? Пожалуй, очевидно. Но самым очевидным могло быть то, что американцы, вероятно, давно поняли, что процессы в биосфере связаны по большей части с естественными явлениями, но это не афишируют явно.

Этот демарш по отношению к большинству европейских стран, да и всему мировому сообществу, некоторым аналитикам (особенно политологам) показался странным в связи с тем, что СМИ постоянно как мантру повторяют о том, что глобальное потепление ставит под угрозу не только развитие мировой экономики, но и существует реальная угроза глобального изменения обменных процессов в атмосфере и гидросфере, которые для одних стран будут выражаться систематическими засухами, для других – подтоплением огромных территорий. И США, как великая экономическая держава, могла бы стать примером общемировой озабоченности, поддержав международный проект. Но в том и состоит проблема, что реально наметившееся потепление климата ещё в XX столетии учёными трактуется по-разному. И это хорошо понимают американцы.

Точки зрения на причины потепления климата.

Первая. В подавляющем большинстве экологов (кроме небольшой части естественников в области конкретного исследования динамики обменных процессов в биосфере) потепление климата связывается *с антропогенным фактором*. А именно – сжигание углеводородного топлива для получения электроэнергии связывается с возрастающей антропогенной эмиссией углекислого газа в атмосферу Земли, который почему-то признан основным парниковым газом в биосфере, в то время, как самый большой вклад в парниковый эффект вносят пары воды, а в совокупности с метаном и другими газами эти компоненты доминируют над углекислым газом. Однако под давлением специалистов Римского клуба и огромным влиянием СМИ (неосознанно раскручивающими проблему) антропогенная составляющая глобального потепления климата оказалась основной в сознании обывателя, далёкого от необходимости анализировать разные источники потепления, и, в том числе, в сознании разного уровня властной элиты. Люди оказались по существу заложниками подобной интерпретации глобального потепления.

В этой доминирующей концепции есть три главных изъяна. Первый связан с необходимостью доказывать влияние парникового эффекта на потепление климата с учётом вклада углекислого газа и других, в сумме не менее парниковых газов. Второй заключается в том, что на сегодня нет механизма приемлемой и точной количественной оценки влияния естественных источников эмиссии углекислого газа (естественного углекислотного «дыхания» Земли под влиянием современной вулканической наземной и подводной деятельности, естественных эндогенных газовых эманаций с участием диссипации парникового метана и других газов) по отношению эмиссии CO_2 топливно-энергетическими системами. Третий, углекислый газ является основным источником потребления растениями в процессе фотосинтеза при производстве биомассы. Балансовые расчёты связывания углекислого газа органическим веществом также наталкиваются на ряд трудностей необходимости количественного учёта производства биомассы и её минерализации в процессе разложения и круговорота органического вещества в природе. Выдвинутый ранее В.И. Вернадским принцип постоянства биомассы в биосфере, который в последствии был подвергнут сомнению, не может быть аргументированно опровергнутым за счёт растущего производства агробиомассы, поскольку механизм избыточного накопления биомассы (в рамках закона неустойчивого динамического равновесия) должен сопровождаться, с одной стороны, уменьшением кислорода (этого не происходит), с другой – возрастанием CO_2, с третьей – повышением скорости разложения органики. В последнем случае, если бы этого не происходило, человечество давно задохнулось бы в собственных отходах производства органического вещества. Это тоже не происходит. Т.е. пока никем не дан строго количественно обоснованный вариант согласованного прироста и утилизации биомассы, а их авторские оценки чаще всего сомнительны.

Вторая. Потепление есть *следствие естественных квазипериодических процессов изменения климата* в геологической истории Земли. Этому посвящены глубокие исследования, в том числе связанные с квазипериодической сменой колебания температуры поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана[1], имеющее заметное влияние на климат (Эль-Ниньо) и Ла-Нинья (глобально-атмосферно-океаническое течение в южной части Тихого океана). Тёплые или холодные массы воды периодически формируют течения, опоясывающие практически всю акваторию мирового океана.

[1] http://www.avkokin.ru/okeanologiya/index.html; *Бондаренко А.Л.* Эль-Ниньо – Ла-Нинья: механизм формирования // Природа. №5. 2006. С. 39 – 47.

Третья. Наложение естественных квазипериодических процессов (наступление и отступление похолодания, наблюдаемые в недавней человеческой истории) изменения климата на антропогенный эффект, связанный со сжиганием углеводородного топлива в различных тепловых системах, включая автомобильный, авиационный транспорт, ракетно-космические системы.

Так всё же стираются или усиливаются противоречия в условиях глобализации? На этот вопрос пытаются ответить разные представители науки, исследующие глобализм[1]. К тому же сам глобализм пытаются представить как некоторую новую парадигму в старых одеждах глобализма, объявив о признаках перехода глобализации в системное превращение **глокализации**…, как процесса экономического, социокультурного развития, характеризующегося сосуществованием разнонаправленных тенденций. Т.е. на фоне глобализации вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий могут происходить как их сохранение, так и усиление[2]. Но главной проблемой глокализации представляется необходимость обоснования тех же глобалистических проблем, с которыми столкнулось человечество ещё в прошлом столетии. Хотя глобализм, как явление необходимости осознания места человека в биосфере, подтверждает другую необходимость – перехода человека в новое состояние – ноосферы, в которой разум способен хотя бы не вмешиваться в естественные процессы, происходящие в системе обменных явлений в биосфере, а концентрировать свое внимание на разумном ведении хозяйственной деятельности в рамках поддержки ассимиляционной функции биосферы по поддержанию жизни на Земле на уровне воспроизводства качества окружающей среды и биологического разнообразия.

В рамках существующих проблем глокализации и вовлечения в ноосферные преобразования всего мирового сообщества возникает насущная необходимость реакции мирового сообщества на экологические и ресурсные вызовы, но не в рамках опять-таки попытки управлять обменными процессами в биосфере, влиять на их изменение непосредственно созданием международных финансово-экономических механизмов путём снижения антропогенной эмиссии парниковых газов, а **приспособлением хозяйственной деятельности к изменяющимся условиям окружающей среды вне зависимости от причин (естественных или антропогенных) их изменения,** но в пределах

[1] *Bek U.* Was ist Globalisierung? Der Fehler des Globalismus – die Antworten auf die Globalisierung. Bonn, 2001.304s.

[2] *Robertson R. Mike Featherstone, Scott Lash.* Global Modernities. – SAGE, 1995-01-01. – 306 с.

минимизации давления на окружающую среду. Одним словом внедрять в сознание мировой и региональной элит управления необходимость перехода к сбалансированному природопользованию[1] вместо попыток принятия решений о снижении эмиссии CO_2, точно не представляя себе причин потепления климата и динамики, происходящих обменных процессов в атмосфере, мировом океане.

Минимизация давления на окружающую среду реальна при переходе на всех уровнях производства к системе экологического менеджмента, способного не только предотвратить экологические риски, но и превратить их в реальные шансы воспроизводства качества окружающей среды на основе внедрения новейших существующих технологий (НСТ) по переработки отходов. Тем самым использование вторичных ресурсов и сырья, внедрение энерго-и ресурсосбережения, широкое использование нетрадиционных источников энергии уменьшит расточительное использование природных ресурсов. А ресурсы непрерывного расходования позволит заменять на новые с лучшими качествами, ибо их дефицит в обозримом будущем также сомнителен[2] в условиях стремительного развития НСТ и нанотехнологий. **Приспособительность к изменяющимся природно-экологическим условиям, таким образом, окажется дешевле затрат на мифическую борьбу с неясными причинами изменения климата и будет соответствовать естественному закону эволюции всего живого на Земле.**

В рамках изложенного РФ не стоит торопиться ратифицировать Парижское соглашение по климату, а направлять средства на дальнейшее внедрение системы экологического менеджмента. В связи с огромной территорией государства, незначительной средней плотностью населения, а отсюда в целом с низким удельным антропогенным давлением на окружающую среду, большой её залесённостью (в том числе способностью поглощать растениями CO_2) в сравнении с другими странами (США, Китай, Европа) выдвигает РФ в одно из государств, которое способно самому поддерживать свой ассимиляционный потенциал территории.

---

[1] *Игнатов В.Г., Кокин А.В.* Пути обеспечения региональной экологической безопасности в сбалансированном природопользовании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2000. № 2. С. 17-27; *Кокин А.В.* Сбалансированное природопользование как основа построения инновационной модели развития России и новой цивилизации // Тр. VIII международн.научно-практич. конференции 31 мая-1 июня 2012 г. Ч.1. - М.,2012. с.83-85.

[2] *Саймон Д.* Неисчерпаемый ресурс / Перев. с англ. – Челябинск, 2009. 430с.; *Кокин А.В., Кокин В.Н.* Природоресурсная база мировой экономики. Состояние. Тенденции. Правовые аспекты: С-Пб – М.: Бионт. 2003. 303 с.

Коновалов В.Н.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

СУВЕРЕНИТ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Целью данной работы является анализ динамики взаимодействия государства, обладающего суверенитетом и состоянием толерантности в международном сообществе в условиях современных глобализационных процессов. Это взаимодействие основывается на неразрывной связи толерантности и суверенитета, неотъемлемой частью которого она (толерантность) является.

Современное государство интернализирует международные нормы и правила, что ограничивает традиционный государственный суверенитет, и одновременно, приобретает новые функции государства-члена международного сообщества, что увеличивает власть государства в решении внутри- и внешнеполитических задач.

Процессы глобализации безусловно оказывают решающее воздействие на функционирование нации-государства и, следовательно, на его базовые институты, включая суверенитет.

Существует масса концептуальных схем мирового развития и нового мирового порядка, построенных на разных основаниях: от классовых до цивилизационных. Вышеприведенные оценки становления нового миропорядка тяготеют к последним. На этом основании покоятся и самые известные модели будущего миропорядка, связанные с концепциями «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «конца истории» Ф. Фукуямы, «столкновения фундаментализмов» Тарика Али. К ним можно отнести положения Э.Тоффлера, который еще в 1990 году отметил возвращение в мировую политику «глобальных воителей» типа религий, что может привести к возрождению гетерогенной мировой системы, т.е. той системы, которая существовала еще в доиндустриальную эпоху и др.

Можно согласиться с точкой зрения, распространенной среди теоретиков, согласно которой расширение, экспансия мирового общества на планете стало главной тенденцией международной жизни в 90-е годы, продолжающейся и сегодня.

Субъекты нового миропорядка естественно претендуют на реализацию своих когнитивных моделей мироустройства в условиях экспансии (глобализации).

Исламский миропроект является такой когнитивной моделью.

Следующая задача – исследовать характер взаимоотношений исламского и западноцентристского по своей сути нового миропорядка.

Представляется, что специфика глобализации может быть понята только в связи с глубоким кризисом нации-государства, а значит, и суверенитета. Понятие «суверенитет» традиционно вводится в качестве одного из сущностных при определении самого государства-нации. Суверенитет органично включает в себя территорию. Территория, государство-нация – неразрывно связанные категории, исторически сформировавшиеся в тесной связи друг с другом. Вспомним французского государствоведа Л.Дюги, который отмечал: «коллективность может быть государством только тогда, когда она осела не территории с определенными границами. Без этого нет государства»[1].

Основополагающий признак суверенитета – территориальное верховенство государства, а важнейшим принципом является неотчуждаемость государственной территории.

Рассуждая о проблемах сегодняшнего доминирующего типа глобальной общности, известный российский ученый Чешков М.А. приходит к выводу о наличие моносубъекта, в роли которого выступает макросоциальное образование, называемое Западом, сущность которого проявляется в особом типе цивилизации, религии, общества. Запад есть творец, субъект такого культурно-исторического, или – шире – мироисторического, развития, где объектом выступают все те образования, которые назывались в разное время Востоком, Третьим миром, Югом и т.д.

Современные теоретики глобализации отмечают, что в процессе глобализации территориальность перестает быть организующим принципом социальной и культурной жизни; глобализирующиеся социальные практики соотносятся с миром как целым, а не с его локальным или национальным сектором, начинают свободно пересекать пространственные границы. В этом глобальном пространстве происходят сдвиги «в сторону трансконтинентальных или межрегиональных рамок действия, взаимодействия и осуществления власти» (Д. Хелд). В глобальном обществе интенсификация мировых отношений связывает отдельные территории таким образом, что на местное развитие влияют события, происходящие на расстоянии многих миль и наоборот (Э. Гидденс).

Известные теоретики глобализации Р. Робертсон, А. Аппадураи, М. Уотерс определяют процесс формирования глобального общества

[1] *Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908, с.128.

как «сжатие мира», «преодоление границ», «расщепление территориальности», проявление экстерриториальных сфер социальной жизни.

Аржун Аппадураи констатирует, что в позитивном плане глобализация означает, прежде всего, становление транснациональных сфер публичной жизни людей, ранее связанных территориально определенными публичными сферами соответствующих наций. Аппадураи в статье «Разъединение и различие в глобальной культурэкономике» (1990г), в. книге «Современность в полный рост: культурные измерения глобализации» (1996г) сфокусировал внимание на примате культурного – символического и феноменологического. При этом локальное как выражение этнокультурной идентичности, религиозный фундаментализм, общинная солидарность не предшествует исторически глобальному, а производится / конструируется из тех же культурных потоков образов, которые конституируют глобальное. Это пять культурно-символических пространств-потоков: этнопространство; технопространство; финанспространство; медиапространство и идеопространство. Современное локальное столь же детерриториализовано, как и глобальное.

В теоретической модели Аппадураи первоначальная дихотомия «локальное / глобальное» замещается, по сути, дихотомией «территориальное / детерриториализованное», а глобальность и локальность выступают как две составляющие глобализации, аналогичные структурной гомогенности и социальной гетерогенности в модели Робертсона[1].

Логика замещения дихотомии «локальное/глобальное» дихотомией «территориальное / детерриториализованное» обнаруживается также в работе Малькольма Уотерса «Глобализация» (1995). Глобализация трактуется как совокупность тенденций, ведущих к детерриториализации социального, обусловленной экспансией символических обменов. По М. Уотерсу глобализация – это «социальный процесс, в котором ограничения, налагаемые географией (территорией – В.К.) на социальное и культурное устройство, ослабевают и в котором люди это ослабление все в большей мере осознают[2]. Для Уотерса глобализация общества – процесс, определяемый преобладанием культуры над экономикой и политикой. Экономика и политика глобализируются в той мере, в какой «пронизаны» символическими обменами.

«Глобальное» у Аппадураи и Уотерса, означающее что-то непространственное, нематериальное, символическое, гетерогенное и т.д.,

[1] См.: *Иванов Д.В.* Императив виртуализации. Издательство С.-Петербургского университета. 2002.
[2] *Waters M.* Globalization. L.,N.Y.,1995, p.3.

позволило создать модели, учитывающие новые тенденции в мире, связанные с ростом сепаратизма, культурного и религиозного фундаментализма и др. Новые тенденции описываются/объясняются при помощи дихотомического различения «территориальное / детерриториализованное», которое предстает как модификация дихотомии «локальное / глобальное».

Можно согласится с мнением Д.В. Иванова, что парадигму изменений, посредством которой Аппадураи и Уотерс соединяют разнородные тенденции в единый процесс глобализации, можно свести к формуле «структурная диффузность + социальная фрагментарность». Описываемая ситуация чревата конфликтами, разобщенностью социокультурных ориентаций индивидуальных (и добавим от себя – коллективных) действий.

В логическую структуру теории глобализации в представленной выше постмодернистской интерпретации вполне вписывается такое явление как исламский фундаментализм (исламизм). Вышеуказанные исследователи включили в понятие глобализации рост сепаратизма, культурного и религиозного фундаментализма, антиглобализационные социальные движения.

Не случайно процессы глобализации и исламизации в мусульманском мире совпали по началу своего развертывания.

Исламский миропроект в пункте организации социума принципиально противоположен западному миропорядку. Из двух подходов к организации социума: доминирование территориального или сферодеятельностного начал – исламистский миропроект выбирает последнее.

Один из теоретиков современного исламизма С. Кутб, намереваясь развенчать идею нации-государства и национализм как идеал, оперировал двумя концептами, придуманными видным теоретиком Маудуди (1903-1979): «суверенитетом» («хаки-мийя») и «поклонением» («убудийя»), которые, с точки зрения Кутба, были самодостаточными критериями различения ислама и не-ислама, Добра и Зла, Справедливости и Несправедливости. В исламе один лишь Аллах обладает суверенитетом и является единственным объектом поклонения для людей. Единственный справедливый правитель – тот, кто правит в соответствии с откровениями Аллаха. Но когда суверенитетом обладает «идол» (нация, партия, армия, народ и т. д.) и когда он является объектом поклонения толпы (которым умела прекрасно манипулировать пропаганда авторитарных режимов), тогда воцаряются Зло, Несправедливость, Ложь – анти-ислам, джахилийя[1].

[1] Взято из Жиль Кеппель. Джихад.Экспансия и закат исламизиа.М.2004,с.31.

Исламисты осуждают современную политическую конструкцию – государство-нацию как наиболее репрессивное политическое образование в истории человечества, вторгающееся во все сферы человеческой жизни.

Ислам несовместим с современным государством, ибо воля Бога воплощена в общине, а не в государстве. «В исламской политической модели, – заявляет турецкий социолог Бюлач, – община наделена большими правами и обязанностями, чем государство, что дает больше свободы индивиду»[1]. Видимо, становление ислама как религии пришлось на период существования еще родовых общественных отношений у коренных жителей Аравии – кочевых арабских племен. Прав российский историк государства и права И. Исаев, утверждающий, что с оседлостью и увеличением численности населения родовая община «перерастает в сельскую (соседскую) – территориальный принцип (основополагающий в процессах государствообразования) побеждает принцип родовой.

Отечественный исламовед Н.В. Жданов отмечает, что исходя из вселенского характера религии, исламское право было персонифицированным, а не территориальным, поскольку территориальная ограниченность не соотносилась с целью создать исламское государство на территории всего мира. Это, по его мнению, одно из противоречий концепции исламского права реалиям современных международных отношений[2].

Концепции глобализации дают возможность объяснить исламизм и постмодернизм как «параллельные последствия глобальных процессов».

Можно также привести множество примеров, иллюстрирующих становление «постнационального политического порядка». В контексте данной темы можно заменить последнее равноценным понятием «постсуверенного или интолерантного мирового порядка».

В своей известной работе «О терпимости» (1997) американский теоретик Майкл Уолцер рассматривает толерантность в условиях существования множественности этнических групп и религиозных общин, или того, что называется мультикультурализмом.

«Предметом моего рассмотрения, – пишет он, – является толерантность в отношении культурных, религиозных различий и различий в образе жизни, то есть таких, при которых разнящиеся друг от друга люди не являются партнерами в каком-либо деле или начинании

[1] *Гюлальп Х.* Глобализация постмодернизма: исламистская и западная социальные теории// Арабо-мусульманский мир на пороге XX1 века. М., 1999, с.124.
[2] *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М.1991, с.29.

и существовании между ними различий не является неотъемлемой частью какой-либо игры или иной объединяющей их и культивируемой ими необходимости»[1].

Уолцер различает пять толерантных режимов или пять типов политического устройства, допускающих терпимость: многонациональные империи, образчиками которых являются система миллетов османской империи и Советский Союз; международное сообщество; консоциативные (со-общественные) устройства типа Бельгии и Швейцарии; национальные государства типа Франции, где в ранге меньшинств находятся все, кроме одной, доминирующей группы, и иммигрантские общества (примером последнего является США).

В международном сообществе, отмечает автор, самом толерантном из всех сообществ, объектом толерантности являются отдельные государства, обладающие суверенитетом. Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета. Все те, кто находится по ту сторону границы, не смогут вмешаться в происходящее на эту сторону, и суверенитет служит гарантией этому.

Уолцер замечает далее, что суверенитет, особенно в современных условиях, имеет свои пределы, четко обозначенные в правовой доктрине гуманитарного вмешательства. Когда государство не способно контролировать гуманитарный конституционный порядок и внутригосударственный конфликт угрожает международному миру и безопасности, международное сообщество вмешивается во внутренние дела государства и ограничивает государственный суверенитет.

Следовательно, если суверенитет в условиях глобализации ослабевает – возрастает опасность усиления интолерантности.

[1] *Майкл Уолцер.* О терпимости. М., 2000,с.24.

Баранов А.В.,
докт. полит. наук, докт. ист. наук, проф.,
КубГУ (г. Краснодар)

СЕЦЕССИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАТАЛОНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

Глобализация коренным образом изменяет условия развития государств. Принципы национального суверенитета и территориальной целостности государств подверглись эрозии. Государство передает часть полномочий и ресурсов власти на транснациональный уровень, часть – на субнациональный и локальный уровни политий. Развитие в нарастающей мере зависит от внешнеполитических, а не внутренних факторов.

Сецессионизм проявляется и в постиндустриальных (Канаде, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Бельгии и др.), и в развивающихся странах. Прямой зависимости между качеством жизни, уровнем обеспечения прав человека и территориальной целостностью государства нет. Ведущими факторами фрагментации государств выступают: незавершенное нациестроительство; слабость общенациональной идентичности в сравнении с региональными, этническими и конфессиональными; «повестка дня» территориальных конфликтов – т.е., субъективное измерение кризиса.

Цель статьи – выявить особенности сецессионистского движения в Каталонии как проявления глокализации.

Каталония – это 16% населения, 23% ВВП, 24% промышленной продукции, 28% экспорта Испании. Регион обладает одним из наиболее высоких уровней жизни среди автономных сообществ. Каталония больше отдает центру, чем получает в виде государственных субсидий на 16 млрд. евро в год, 8% регионального ВВП. Но мировой экономический кризис с повышенной силой сказался в Каталонии. Внешний долг Каталонии за 2011–2012 гг. вырос с 15,776 до 50,948 млрд. евро (с 17,8 до 23% ВВП сообщества) Выросла безработица[1]. Отказ центральных властей субсидировать бюджетный дефицит автономных сообществ стал «спусковым механизмом», приведшим к росту сепаратизма. Каталония возглавила блок регионов, потребовавших увеличить свою долю в распределении налогов.

[1] *Хенкин С.М.* Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 117-138; *Волкова Г.И.* Испания и регионы: политические вызовы и приоритеты XXI века. М., 2014. С. 107, 130-131.

Партийная система Испании, как и других стран Евросоюза, испытывает процесс европеизации – взаимопроникновения субнационального, национального и транснационального уровней деятельности, организации и идентичности. Европейская интеграция образовала единый надгосударственный центр принятия политических решений, а нормы европейского права подлежат имплементации в странах ЕС[1]. Участвуя в выборах в Европарламент и работая в его фракциях, а также в органах Совета ЕС и Европейского совета, ведя дискуссии на общеевропейские темы, вырабатывая программы и лозунги в соответствии с европейской повесткой дня, партии Испании теряют идеологическую определённость. Внутри партий повышается роль лидеров, экспертов и активистов, вовлечённых в деятельность европейских институтов. Европеизация достаточно выражена в общественном мнении Испании. Так, при опросе Королевского института Элькано (ноябрь 2015 г.) 44% респондентов поддержали превращение Евросоюза в федерацию (характерна повышенная поддержка именно сторонниками левых партий – 49% против 40% правых; лицами с высшим образованием – 51%)[2]. При этом важно, что испанское общество, в отличие от греческого и итальянского, остаётся еврооптимистичным, надеясь на получение новых инвестиций от Брюсселя.

Но стирание принципиальных различий между политикой системных партий (ситуация «постполитики») расширяет влияние новых, использующих протест, партий и движений. Поскольку новые субъекты политики полностью лояльны европейской интеграции и довольно авторитарно проводят свою линию внутри партий, усиливается конфликт между партийными элитами и массовой базой поддержки партий, особенно – основных, «традиционных»: НП и ИСРП. Протестные настроения выражаются и в экономическом аспекте – недовольстве монетаристскими антикризисными мерами, так и в политико-территориальном измерении – в росте популярности регионалистских и сецессионистских партий. Кроме этого, налицо общественный запрос на прагматические движения, которые бы не позиционировали себя в качестве партий.

---

[1] *Прохоренко И.Л.* Проблема европеизации национальных политических партий в государствах – членах Европейского союза // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2014. № 3. С. 32-34.

[2] *González Enríquez C.* Los españoles ante el Estado de las autonomías y una posible reforma federalista. Modo de acceso: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana/comentario-gonzalezenriquez-espanoles-ante-estado-autonomias-posible-reforma-federalista (fecha de referencia: 09.08.2017).

В Каталонии сформирована обособленная партийная система. Региональные партии вовлечены в два конфликта: с центральными властями и «происпански» настроенными организациями внутри региона. Партии Каталонии делятся на три направления. Представители первого выступают за независимость (распавшаяся правоцентристская коалиция «Конвергенция и союз» (КиС), и Левые республиканцы Каталонии – ЛРК образовали коалицию «Вместе в поддержку «да» ("Junts pel Si"). Второе направление предлагает федерализм (Испанская социалистическая рабочая партия, "Podemos" – «Мы можем»). Третье направление отстаивает общеиспанскую идентичность и сохранение унитарного государства (Народная партия), "Ciutadans" – «Граждане».

В 2006 г. парламент Каталонии добился принятия новой редакции Статута автономного сообщества. В нём каталонцы впервые названы нацией; закреплено обязательное знание и употребление в сообществе двух языков (кастильского и каталанского), качественно расширены полномочия автономного сообщества в международных отношениях, судебной системе и финансах. Опираясь на Статут, правительство Каталонии (Женералитат) инициировало проведение незаконных референдумов о независимости в 2015 и 2017 гг.

Каталонское сообщество имеет высокоразвитую идентичность, в том числе – историческую память о борьбе за независимость. В Каталонии сложилась сложносоставная идентичность сообщества – симбиоз и конкуренция национального, этнического, регионального, местного самосознания. Следует учитывать весомые особенности соотношения идентичностей в Каталонии в сравнении со всей Испанией. В 2008 г. из 7519 тыс. постоянных жителей сообщества 65% считали себя каталонцами[1]. По данным Центра социологических исследований (2012 г.), в Каталонии 25% респондентов считали себя только жителями региона (по всей стране – 6%). Ещё 26% жителей Каталонии назвали себя в большей мере уроженцами региона, чем испанцами (среди всех жителей страны – 11%). В одинаковой мере ощущали себя уроженцами региона и испанцами 35% жителей Каталонии и 54% – респондентов по всей стране. В большей мере считали себя испанцами по 5% опрошенных в Каталонии и Испании, а только испанцами – 6% жителей Каталонии и 18% жителей всей страны[2].

[1] *Кирчанов М.В.* Националистическая модернизация (каталонский опыт). Воронеж, 2010. с. 73, 83, 107, 124.

[2] Estudio 2667. La Identidad Nacional en España. Resultados para el Total, Cataluña, Comunidad Valenciana, Comunidad de Madrid y Pais Vasco. Modo de acceso: http://www.cis.es/cis/

Опрос, проведенный Центром изучения общественного мнения Женералитата (июнь 2015 г., выборка 1050 чел., погрешность 3,0%), выявил: считают себя «как испанцами, так и каталонцами» 36,2%, «больше каталонцами, чем испанцами» 23,3%, «только каталонцами» 24,9%, «только испанцами» 5,3%, «больше испанцами, чем каталонцами» – 3,0% респондентов[1]. Х.М. Ривера и Э. Хараис на основе данных Центра социологических исследований утверждают, что в 2016 г. исключительная региональная идентичность жителей Каталонии снизилась до 23,6%, но тренд долгосрочного роста данной идентичности (с 14,4% в 2010 г.) сохраняется[2]. По данным Института статистики Каталонии, родным каталонский язык является для 31,0% жителей сообщества старше 15 лет, языком идентификации – для 36,38%, а языком повседневного общения – для 36,29% (2013 г.)[3]. Двуязычие глубоко укоренено. Итак, каталонская идентичность в большей мере конструируется, а не наследуется.

Другой опрос, проведенный службой «Метроскопия» 24-26 июня 2015 г., выяснял проективную оценку референдума о независимости. Если бы в бюллетенях была возможность выбрать федеративное устройство, то поддержали бы независимость 29%, статус субъекта федерации с «новыми, гарантированными, исключительными правами» Каталонии – 46%, сохранение нынешнего статуса Каталонии – 17%[4]. Представляет интерес сравнение электората партий. Сепаратизм поддерживают 74% сторонников ЛРК и 75% – левой партии «Кандидатура народного единства», 56% – правоцентристской «Демократической конвергенции Каталонии». Напротив, унитарное государство с автономиями отстаивают 63% избирателей Народной партии. «Третий путь» – федерализм предлагают 70% сторонников ИСРП, 66% – «Подемос», 62% – «Инициатива за Каталонию – зеленые и Объединенные левые», 50% избирателей «Ciutadans»[5].

---

export/ sites/default/-Archivos/Marginales/2660_2679/2667/Es2667_ mapa.htm (fecha de referencia: 01.10. 2017); *Коваль Т.Б.* Современная Испания: в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 73.

[1] Valors Socials i Polítics a Catalunya. 2015. Barcelona, 2015. P. 30.

[2] *Rivera J.M., Jaraiz E.* Modelos de Explicación y Componentes del Voto en las Elecciones Autonómicas Catalanas de 2015 // Revista Española de Ciencia Política. Madrid, 2016. № 42. P. 17.

[3] Població de 15 Anys i Més Que Té el Català com a Llengua Inicial, d'Identificació i Habitual. 2013. Mode d'accés: http://www.idescat.cat/economia/inec?tc=3&id=da01&dt=2008 (data de referència: 11.10. 2017).

[4] Situación electoral en Cataluña. Modo de acceso: http://elpais.com/elpais/2015/08/16/media/1439737226_707890.html (fecha de referencia: 11.10.2017).

[5] Ibid.

Анкетный опрос, проведенный службой «Метроскопия» 20-22 июля 2015 г., прояснил отношение каталонского сообщества и испанцев в целом к независимости региона. Если в самой Каталонии 47% считают, что независимость принесет добро сообществу, то в остальной Испании так думают 10%. Называют независимое государство более-менее определенным проектом 32% в Каталонии и 13% – в остальной Испании. В Каталонии 60% опрошенных полагали, что возможность договориться с Испанией нереальна. В остальной части страны 55% респондентов назвали договор, который предотвратит распад государства, реальным[1].

Важным размежеванием идентичности является отношение к территориальному устройству и его коренной реформе. Судя по опросу Королевского института Элькано (пропорциональная выборка 1002 чел. старше 18 лет, ноябрь 2015 г.), в Каталонии федерализацию Испании поддержали 63% опрошенных. Поддержка федерализации отчётливо сосредоточена среди сторонников левых партий (61%) и молодёжи (51%)[2].

Незаконный референдум о независимости Каталонии 1 октября 2017 г. подтвердил шаткое равновесие между сторонниками и противниками сецессии в региональном сообществе. По официальным данным Женералитата, явка составила 2286217 чел. (43,03% имеющих право голоса). В числе явившихся проголосовали за независимость 2044038 чел. (90,18%), против – 177547 (7,83%), а 1,98% бюллетеней были признаны недействительными. Подтвердились различия в уровне поддержки независимости между жителями равнинных и горных местностей; самая низкая поддержка сецессии отмечена в Барселоне[3].

Характерно, что европейские институции (Еврокомиссия, спикер Европарламента и др.) публично отвергли независимость Каталонии и декларировали, что кризис центр-региональных отношений – это внутреннее дело Испании. Из Каталонии произошёл масштабный вывоз капитала, крупный бизнес осудил провозглашение независимости. Но в долгосрочной перспективе технология провозглашения независимости внутригосударственного региона может стать модельной для стратегий сепаратистских сил в Шотландии, Фландрии, Северной

[1] Díez A. El Planteamiento Soberanista de Cataluña. La Opinión de Catalanes y el Resto de Españoles sobre la Indepedencia. Modo de acceso: http://elpais.com/elpais/2015/07/24/media/1437762916_096268.html (fecha de referencia: 11.10.2017).

[2] González Enríquez C. Op. cit.

[3] Referèndum d'Autodeterminació de Catalunya. Resultats Definitius. Mode d'accés: http://premsa.gencat.cat/pres_fsvp/docs/2017/10/06/14/43/64cb2841-373e-46da-af51-e5c4a847cc97.pdf (Data de referència: 12.10.2017).

Италии и др. Проект «Европы регионов» в радикальном варианте демонтажа государств устраивает транснациональные корпорации, и следует ждать продолжения процесса[1].

Исход политического кризиса 2017 г. в Каталонии ещё неясен. Только в конце октября 2017 г. испанские институции власти сделали сложный выбор, распустив парламент Каталонии и Женералитат, проведя аресты лидеров сецессионистской коалиции. Роспуск органов власти Каталонии, приостановка действия Статута автономного сообщества и аресты активных участников сецессионистского движения приведут к переформатированию политической системы Каталонии, вынудит радикальные партии и общественные движения действовать вне правового пространства.

В любом варианте развития событий, конфликт не разрешён и требует кардинальной реформы политической системы Испании на основе диалога и конституционной реформы. На наш взгляд, продуктивным выходом из кризиса стала бы осторожная федерализация Испании по административно-хозяйственному, а не этнолингвистическому принципу наделения автономий полномочиями.

Дзахова Л.Х.,
докт. полит. наук, проф.,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

БОРЬБА ЗА «АЛАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»: РИСКИ ОБОСТРЕНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В эпоху глобализации сохранение безопасности становится все большей проблемой для любого государства. В связи с ростом рисков и угроз в последние годы расширяется контент базового понятия «безопасность» и оно превращается из термина в концепт. Каждая новая угроза безопасности требует особого пути реагирования. Надо отметить, что в последнее время изменилось и процентное соотношение внутренних и внешних угроз национальной безопасности. Вектор смещается в сторону увеличения внутренних угроз, а они, прежде всего, связаны именно с этнополитическими и конфессиональными проблемами. Тема аланского наследия стала активно подниматься на уровне научных изысканий в нашей республике еще в 80-е годы XX века.

[1] *Четверикова О.Н.* Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекройки карты Европы. Режим доступа: www.fondsk.ru/articlelist.php?author_id=128 (дата обращения: 21.05.2011).

Однако партийный диктат заглушил всяческие попытки ее популяризации в зародыше. Достаточно вспомнить, как вышедшая в 1983 году книга В. Кузнецова «Очерки истории Алан» была изъята из обращения по указке партийного руководства республики.

Как оказалось, тема не была исчерпана и к ней снова вернулись на волне гласности к концу 80-х – началу 90-х годов.

Не помогли ни протесты видных ученых историков, занимавшихся этой темой на профессиональном уровне, ни возражения политиков. Против стремления отождествить себя с аланами выступил и автор книги «Очерки истории Алан» В. Кузнецов.

В последующие годы появился целый ряд трудов как профессиональных ученых, так и дилетантов от науки, которые стали подчеркивать исключительную принадлежность осетин к аланам. Появление в прессе неофициальных карт «Великой Алании», как средневекового государства, «равновеликого» с российским, также никого не насторожило.

Если в последние десятилетия ученые еще допускали, что балкарцы и карачаевцы так же имеют право называться потомками алан, то в недавней публикации *российский историк-кавказовед, доктор исторических наук,* профессор Р. Бзаров заявил, что одни осетины и только осетины являются аланами: «Мы не потомки аланов, а сами аланы»[1].

По мнению некоторых осетинских ученых, слово «осетин» и все производные от этого слова должны полностью исчезнуть из лексикона всех сфер научной и общественной деятельности, из устного обихода. Поэтому появились труды, где осетинское посольство в Санкт-Петербурге с просьбой о принятии осетинского общества в российское подданство уже называется аланским посольством.

К данной проблеме активно подключились ингуши и несколько вяло чеченцы. Так, некоторые ревностные сторонники аланского происхождения заявили об исключительном праве ингушей на аланское наследие, или как минимум на совместное право, чем вызвали неоднозначную реакцию со стороны осетинских ученых, политиков, интеллигенции и маргинальной части общества. В качестве иллюстрации отметим состоявшийся 5 марта 2017 года в центре города Владикавказ несанкционированный митинг. Около 300 молодых людей собрались в знак протеста против инициативы о переименовании республики

[1] *Руслан Бзаров:* «Принятая формулировка «Государство Алания» наиболее перспективная» / URL: http://south-ossetia.info/ruslan-bzarov-prinyataya-formulirovka-gosudarstvo-alaniya-naibolee-soglasovannaya-perspektivnaya-i-konstruktivnaya-forma/

Ингушетия в Аланию. Поводом послужил вброс 1 марта в социальную сеть некого молодого никому не известного ингушского парня Алихана Цороева инициативы переименовать Ингушетию в Аланию. Питерский блогер в своем «Письме из далека» разрешил всем быть аланами, за исключением осетин: «исторически территория занимаемая сегодня Чечней, Ингушетией, Кабардино-Балкарией, частично Дагестаном и Северной Осетией называлась Аланией. Крупными сообществами, оставшимися после падения государства Алания, являются чеченское, ингушское, карачаевское и балкарское. На сегодняшний день стоит вопрос исторического единения нашего поколения с многими поколениями наших предков... Это не вопрос желания это вопрос необходимости для нашего аланского народа разделенного на чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев»[1]. Данная инициатива была воспринята осетинской молодежью как попытка переписывания истории. Молодежь во Владикавказе обвиняло руководство Северной Осетии в бездействии по этому случаю, так как это, по их мнению, ничто иное, как стремление «украсть нашу аланскую историю, нашу территорию»[2].

Многие аналитики, с чем согласилось и руководство Северной Осетии, увидели в митинге стремление оппозиционных сил внутри республики использовать молодежь для того, чтобы расшатать позиции действующего Главы. Однако, политически грамотный, выверенный ход В.З. Битарова, который вышел к молодежи, попросил их не накалять обстановку и разойтись по домам, несколько остудил накал митингующих. Позднее Глава республики так прокомментировал ситуацию вокруг провокационной петиции о переименовании Республики Ингушетия в Аланию: «Я не позволю раскачивать ситуацию. Провокации нам не нужны. Обладая теми полномочиями, которые вы доверили мне в статусе главы республики, даю слово, что буду предпринимать все меры для защиты наших интересов… У нас достаточно возможностей и политической воли, чтобы защитить интересы нашего народа. Те сообщения, которые распространяются с помощью разных источников, носят исключительно провокационный характер. Еще нужно выяснить, кто стоит за подобным призывом. Скорее всего, это провокаторы, которые пытаются дестабилизировать и так непростую обстановку на Кавказе. Считаю, что это делается специально, чтобы сорвать в Южной Осетии проведение референдума по переименованию

[1] *Цороев А.* Петиция: Переименовать нынешнюю Республику Ингушетию в Республику Алания / URL: www. change.org

[2] Молодежь Владикавказа протестовала против переименования Ингушетии в Аланию / URL: onkavkaz.com

республики в «Государство Алания». Официальные структуры Ингушетии не имеют никакого отношения к инициированию данной темы. Ни в каких официальных кругах этот вопрос не рассматривается»[1].

Заверения Главы республики дорогого стоят, однако, предыдущие официальные решения по аланской топонимике столицы Республики Ингушетия, начиная с его названия «Магас» и кончая «Аланскими воротами», площадью «Алания», задуманными скульптурами алана и амазонки, дают повод для опасения, что идея безвестного парня из Санкт-Петербурга может воплотиться в жизнь, если не сегодня, то завтра.

Также и в Ингушетии ученые, вначале отрицавшие принадлежность ингушей к аланам в прошлом, вскоре стали утверждать обратное. Создается впечатление, что присвоение внутренним объектам Магаса аланских названий было скорее бравадой в противовес осетинским, чем осознанным и аргументированным явлением. По располагаемой мною информацией большинство здравомыслящего ингушского населения довольно скептически отнеслось и относится к идее аланского наследия и не приемлет ее. Вот несколько комментариев на эту тему: «Нет у меня доверия к нынешней власти! И до Алании мне нет никакого дела, а свою республику я буду называть только Ингушетией!» – заявляет пользователь с ником «Старшина». «Что за бред с этим переименованием? Я был и станусь ингушом, и аланом становиться не собираюсь! Придет же в голову такое. Вы еще монголо-татар пригласите сюда» [2].

А вот мнение видного ученого, ингушки, проживающей во Франции Марет Цароевой : «Осетины, да и ингуши, не имеют никакого отношения к Алании, у нас гораздо более древняя история».

Но их попытки высказать свое мнение по этому поводу натыкаются на обвинения со стороны своих же соплеменников. Такая же картина сложилась и после выступления в соцсети осетинского ученого Р. Бзарова, когда попытка нескольких лиц не согласиться с мнением ученого вызвала огромный шквал гневных выступлений в их адрес в отсутствии патриотизма.

Эксплуатация мейнстрима об аланском происхождении осетинскими учеными, подхваченная их ингушскими и карачаево-балкарскими коллегами способна не только заморозить с таким трудом

[1] Молодежь Владикавказа протестовала против переименования Ингушетии в Аланию / URL: onkavkaz.com

[2] *Кувырко М.* «Спор вокруг Алании» угрожает возрождением старых кавказских конфликтов / URL: https://vz.ru/society/2017/3/7/860929.html

налаживаемые добрососедские отношения между осетинами и ингушами, но и повернуть этот процесс вспять вплоть до крайней точки. Все зависит от того, насколько этот триггер может быть востребован для власти в ее коллективном или персональном выражении. Случаи, когда прежде не согласные с идеей аланизации политики соглашались с такой постановкой вопроса, говорят что «тема престижного первопредка» может быть использована для разжигания межнациональной розни при всяком удобном случае, например, в борьбе за власть или ее удержании.

Политически трезвая часть общества полагает, что «аланская тема могла быть, напротив, объединяющей для северокавказских народов – все мы, мол, из одной семьи вышли».

Мнения официальных лиц РСО-Алания и на «Аланские ворота» также не однозначны.

С.М. Кесаев – председатель Конституционного Суда республики, в недавнем прошлом первый вице-спикер: «Республика Ингушетия самостоятельный субъект РФ? Да. Где-то сказано, что все действия, которые предпринимают муниципальные и республиканские власти Ингушетии должны согласовываться с Северной Осетией? Нет. Я до этого говорил о том, что если людям хочется открыть «Аланские ворота», то это их, извините меня, проблемы... А если кто-то в Ингушетии считает, что они аланы, пусть делают символы аланского воина. Это из области географически-туристической экзотики, но не более этого... Мы все ковыряемся в мифах прошедших дней, а надо взять и на себя посмотреть. Если бюджет Ингушетии позволяет им ставить «Аланские ворота» и памятники, пусть делают, а нам надо позаботиться о социально незащищенных, о ветеранах, будет не хуже. Так что у каждого свои заботы, давайте решать свои»[1].

Что касается Р. Бзарова, то он достаточно неохотно дал оценку данной новости, считая ее политической провокацией: «К сожалению, никакого отношения к истории этот пиар-проект не имеет и иметь не может. Мы имеем дело с некорректным и беззастенчивым использованием соседней республикой чужого бренда. Достаточно открыть энциклопедию или нажать на кнопку Интернета, чтобы прочесть о том, что «Аланские ворота – это древнее название Дарьяльского ущелья по имени аланов, владевших этим важным проходом через Главный Кавказский хребет в эпоху раннего средневековья... Политико-идеологическая провокация имеет цель обмануть народ Ингушетии и поставить под угрозу отношения двух соседних республик. Понятно,

[1] *Галачиева Арина.* Да, скифы - мы!/ / URL: http://gradus.pro/da-skify-my-2/

кому это нужно в современной ситуации, когда в открытую борьбу с Россией вступила целая коалиция международных сил, давно сделавшая Северный Кавказ своей главной мишенью внутри страны. Не вполне понятно, почему на это идет ответственное политическое руководство соседней республики. Почему там не пресекается вакханалия фальсификаций и информационного провоцирования? Думаю, «Аланские ворота» вполне могут и должны послужить поводом для серьезнейшего разговора, как минимум, на уровне глав субъектов СКФО, а желательно – и на высшем федеральном уровне»[1].

Батраз Кучиев убежден, что «Аланские ворота» с архитектурной точки зрения – очень интересный и качественный объект и вполне органично вписывающийся в общеисторическую архитектуру Ингушетии и всего Кавказа[2].

Как видите, мнения разные и весьма неоднозначные, также как и в ингушской среде.

Вернемся к отправной точке «политического» конфликта, т.е. к установлению «Аланских ворот». Как считает один из известных экспертов в сфере конфликтологии Ариф Юнусов, во избежание пагубных рецидивов конфликта, следует вообще свернуть любые дискуссии по «аланскому вопросу» на общественном уровне, оставив эти вопросы профессиональным историкам. Согласимся с мнением эксперта, что опираться на историческое прошлое при решении современных проблем, особенно этнических довольно опасно. В тоже время считает Ариф Юнусов, такая болезненная реакция осетин говорит только об одном: осетино-ингушские отношения еще очень и очень напряжены. Если бы отношения были доброжелательными, если бы при этом экономическая ситуация была нормальной, то все эти разговоры об «аланском наследстве», открытие «Аланских ворот» и вброс о переименовании Ингушетии вызывали бы гораздо более спокойную реакцию[3].

В этой части позволим не согласиться с мнением эксперта. Выше была обозначена реакция С.М. Кесаева и подобный взгляд разделяют многие жители республики. Но в этнических конфликтах история, в том числе борьба за чье-то наследство и топонимику, часто выступает просто фоном, следствием, а не причиной. В данном случае мы явно

[1] Врата раздора? / URL: http://osetiatimes.ru/vrata-razdora/
[2] *Галачиева Арина.* Да, скифы - мы! / URL: http://gradus.pro/da-skify-my-2/
[3] *Приймак Артур.* Эксперт: спор об «аланском наследстве» нельзя переносить на современность / URL**:** https://eadaily.com/ru/news/2017/03/09/ekspert-spor-ob-alanskom-nasledstve-nelzya-perenosit-na-sovremennost

имеем дело с типичным «замороженным» конфликтом – таких полно на планете, они просто ждут своего часа для перехода в «горячую стадию». Такой переход, однако, отнюдь не обязателен, но при важном условии, что властные структуры (в первую очередь), а также представители гражданского общества (политики, интеллигенция, журналисты) займут более взвешенную позицию.

Следует отметить взвешенную позицию руководства обеих республик, ни глава РСО-Алания В.З. Битаров, ни глава республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров не занимают радикальных позиций и не призывают к каким-то действиям против другой стороны. Тем не менее, Евкуров, опровергал информацию о желании властей региона переименовать Республику в Аланию, отметив, что такие решения не принимаются в одностороннем порядке: «Мы не планируем переименовать республику в Аланию. У нашего региона есть хорошее, красивое название «Ингушетия». Но при этом, он также упомянул, что «ингушский народ знает свое происхождение, историю, где проживали их предки и что они являются потомками алан. А столицей древней Алании был Магас. И это самое главное» – заключил он[1]. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Нужно работать как со своим народом, так и налаживать контакты с другой стороной, причем как на административном уровне, так и на уровне гражданского общества. Ясно одно: надо гасить конфликт в зародыше, и если что-то вызывает болезненную реакцию у другой стороны, значит, не стоит эту тему дальше разжигать.

В этом конфликте, разгоревшемся на базе «аланского наследия», главное это проблема урегулирования современных территориальных споров. Надо исходить из наличия очень хорошей базы: соглашение, подписанное в 2009 году между Юнус-Беком Евкуровым и тогдашним главой Северной Осетии Таймуразом Мамсуровым, привело к тому, что Ингушетия, по сути, отказалась от территориальных претензий к Северной Осетии. А последняя согласилась на поэтапное возвращение ингушей в Пригородный район. Этот процесс уже идет, и надо только продолжать двигаться в этом направлении.

Если эту тему сейчас не остановить, то обязательно появятся с обеих сторон горячие головы, и пролитие крови – вопрос времени. Поэтому именно сейчас следует приостановить этот опасный процесс дискуссий на исторические темы. Эти дискуссии, в том числе вопросы с переименованием, следует вести только после урегулирования этни-

[1] http://ingnews.ru/index.php?Itemid=7&catid=5:2009-01-28-06-44-03&id=13911

ческого конфликта. В противном случае это будет неизбежно вызывать раздражение у другой стороны. Это – азбука конфликтологии.

Следует затронуть еще один момент – это состоявшийся в Южной Осетии референдум о переименовании республики в государство Алания. Именно в связи с референдумом в осетинском обществе стали вновь вести дискуссии на тему аланского наследия, и это не могло не затронуть ингушей. А в условиях не самых лучших отношений двух этих народов эта тема стала во многом носить провокационный характер.

Таким образом, борьба за политический бренд «Алания», за своего рода «аланское первородство» формирует одну из главных тем этнополитической повестки дня в Северо-Кавказском федеральном округе. В условиях, когда экономическая конкуренция в субъектах РФ СКФО сводится во многом к умению лоббировать региональные интересы перед федеральным центром и бороться за получение большей финансовой помощи, политическая конкуренция приобретает этноисторические, этнотерриториальны, этногосударственные интерпретации. Чтобы заручиться поддержкой населения, отдельные чиновники и общественные деятели апеллируют к этническим и конфессиональным идентификационным параметрам граждан.

Такие апелляции могут иметь конфликтогенные проекции. Они чреваты серьезными последствиями не только для прямых интересантов ситуации, но и для соответствующих субъектов северокавказского сообщества.

Спорный вопрос «аланского наследия» может стать триггером новой фазы обострения межэтнических отношений. Однако ни опытные политики, ни более молодые общественные активисты, зачастую не осознают риски раскручивания «аланской тематики».

Соловьев А.К.,
докт. экон. наук, заслуженный экономист РФ, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, Пенсионный фонд России (г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Российская пенсионная система во все времена своего существования испытывала проблемы. Сейчас они, в основном, связаны с невозможностью полного пенсионного обеспечения граждан, застрахованных в системе обязательного пенсионного страхования, финансируемого из бюджета ПФР. В связи с этим его зависимость от трансфертов из федерального бюджета сохраняется и даже растет. Кроме этого, остается низкой эффективность накопительного компонента и др.[1]

С учетом сохраняющейся тенденции, связанной с высокими темпами старения населения страны и сокращения его трудоспособной части, становится очевидным, что проблемы дальнейшего развития пенсионной системы будут только нарастать.

Глобальные макроэкономические и демографические процессы, происходящие в мире, подвергают отечественную систему пенсионного страхования постоянным вызовам и рискам, что обусловило необходимость разработки и принятия Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (далее Стратегия), ключевой задачей которой стало определение приоритетных целей и направлений, обеспечивающих на государственном уровне дальнейшее развитие пенсионной системы.

Пенсионная система России подвергается реформированию по различным основаниям уже более 20 лет. За это время прошли три достаточно радикальные реформы, но до сих пор страховые принципы, на которых должна быть построена пенсионная система в рыночных условиях современной России, не сформулированы. И главная задача, которая актуальна и по сей день, – это реализация в полном объеме тех страховых механизмов, на которых должна основываться системы обязательного пенсионного страхования, чтобы соответствовать мировым стандартам.

[1] *Гурвич Е.* Реформа 2010 г.: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 78.

Стратегия ставит своей главной целью построение в России такой системы обязательного пенсионного страхования, которая соответствовала бы современному уровню развития экономики страны и высоким международным стандартам. Документ установил на период до 2030 года ключевые приоритеты и ориентиры социальной сферы, а также направления государственной пенсионной политики на отдельных этапах ее реализации[1].

Среди целей пенсионной системы в Стратегии закреплены: гарантия социально-приемлемого размера пенсий, достижение баланса и финансовой стабильности пенсионной системы в долгосрочном периоде. При этом должна быть обеспечена непосредственная связь и взаимозависимость основных характеристик пенсионной системы с базовыми макроэкономическими и демографическими показателями.

Для достижения этих целевых ориентиров предусмотрены меры по дальнейшей модернизации главных институциональных параметров пенсионной системы. Необходимо сохранить преемственность сформированных на сегодняшний день фундаментальных основ функционирования системы, базирующихся на социально-страховом принципе, в соответствии с которым страховая пенсия должна компенсировать утраченный заработок работающего гражданина по достижении пенсионного возраста, наступлении инвалидности или в случае смерти кормильца (для его нетрудоспособных иждивенцев).

Исходя из целей Стратегии, определены основные направления дальнейшего развития пенсионной системы: оптимизация тарифной политики; реформа системы досрочного пенсионного обеспечения; развитие накопительного компонента пенсионной системы.

Особое место в реализации целей и задач Стратегии занимает совершенствование тарифной политики. В рамках реализации этой меры необходимо модернизировать накопительную пенсию, принимая во внимание долгосрочные последствия мирового финансового кризиса, в т.ч. путем переориентирования высокодоходных групп работников на формирование пенсионных накоплений в страховой системе (у государственного страховщика – ПФР). Это позволит высвободить в распределительную систему около 0,3 трлн. руб., не нарушив при этом сформированные застрахованными лицами права на пенсионное обеспечение[2].

[1] Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1, глава 6: Реформа пенсионной системы / Под науч. ред. В. Мау, Я. Кузьминова // М.: Издательский дом «Дело», 2013. С. 202.

[2] *Соловьев А.К.* Реформа пенсионной системы Российской Федерации: проблемы решенные и нерешенные // Налоги и финансы. 2014. № 2. С. 17-20.

При реализации мер государственной тарифной политики необходимо учитывать и слишком низкие показатели продолжительности страхового стажа, дающего право на страховую пенсию по старости – 5 лет. Результаты актуарных расчетов свидетельствуют о том, что страховые взносы по установленному тарифу должны уплачиваться застрахованными лицами в течение 30 лет. Только такой объем пенсионных прав будет для застрахованного лица достаточен для установления и получения пенсии в течение всего периода жизни пенсионера. Очевидно, что на сегодняшний день в течение этих предусмотренных законодательством 5 лет работы нельзя обеспечить формирование пенсионных прав даже на часть фиксированного базового размера пенсии (ФБР), а не только на всю страховую пенсию.

Второй по значимости проблемой отечественной пенсионной системы, которую необходимо оперативно решать, остается высокая степень присутствия в ней досрочных пенсий, унаследованных из старой «советской» патерналистской системы социального обеспечения. Изначально система досрочных пенсий создавалась в целях социальной защиты граждан, работающих в производствах с тяжелыми и вредными для здоровья условиями труда, путем сокращения времени нахождения на работах в этих условиях труда, которые могут нанести ущерб здоровью в виде профессионального заболевания, утраты трудоспособности или получения инвалидности.

До сегодняшнего дня эта мера защиты проявляется в том, что и действующее пенсионное законодательство позволяет лицам, занятым на работах с такими условиями труда, выйти на пенсию по старости до достижения общеустановленного пенсионного возраста (раньше на пять или десять лет). В силу известных экономических и социальных причин (низкие размеры пенсии и заработной платы, особенно в так называемых «дотационных» регионах) пенсионное законодательство позволяет пенсионеру продолжать трудовую деятельность. Такое положение дел обусловлено слаборазвитой системой переобучения новым профессиональным навыкам на других рабочих местах в обычных условиях труда; материальной заинтересованностью работника в связи повышенной оплатой труда на вредных производствах в виде материальной компенсации за работу на этих производствах.

Решение этой проблемы возможно в рамках предусмотренных Стратегией программах профессионального пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения. Началом реализации упомянутой трансформации может считаться предусмотренное в Стратегии стимулирование работодателей в виде освобождения работода-

телей, использующих рабочие мета с вредными и опасными условиями труда, от уплаты страховых взносов по повышенному тарифу страхового взноса, если на предприятии создана система дополнительных социальных гарантий для работников, занятых на производствах с такими условиями труда[1].

Рассмотренные проблемы действующей пенсионной системы являются лишь частью всего комплекса проблем, которыми предстоит решить в ходе практической реализации мероприятий Стратегии. Безусловно, проведение эффективной тарифной политики, преобразование досрочных пенсий, формирование системы дополнительных социальных гарантий для застрахованных лиц возможно только при паритетном участии в этом процессе всех заинтересованных сторон и государства как социального партнера.

Пупыкин Р.А.,
канд. полит. наук, доц., зав. кафедрой теоретической
и прикладной политологии Института философии
и социально-политических наук,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ 2016 ГОДА

30 ноября 2016 г. была утверждена новая Концепция внешней политики РФ, которая более четко формулирует основные задачи в сфере обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов России. В соответствии с документом РФ сохраняется «ориентация на уважение суверенитета, транспарентность, предсказуемость, многовекторность и не конфронтационное отстаивание национальных интересов во внешней политике»[2].

Среди наиболее важных уточнений общих положений – дополнения, посвященные укреплению позиций российских СМИ в глобальном информационном пространстве и необходимости доведения до мировой общественности российской точки зрения по вопросам актуальной геополитической повестки. Кроме того, по сравнению

[1] *Соловьев А.К.* Актуарный анализ условий формирования досрочных пенсий по старости // Экономическая наука современной России. 2017. № 2 (77). С. 60.

[2] *Сургуладзе В.Ш.* Концепция внешней политики Российской Федерации - целеполагающий документ государственного стратегического планирования // Власть. 2017. №1. С. 84.

с текстом Концепции 2013 г., происходит значительное усиление акцента на повышение роли силового фактора в международных отношениях[1].

В части выводов уточняется, что «на передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные»[2].

В новой редакции конкретизированы многие из положений, намеченных, но не получивших развития в Концепции 2013 г. В частности, подчеркивается необходимость объединения усилий мирового сообщества на базе «формирования ценностных основ совместных действий с опорой на общий духовно-нравственный потенциал основных мировых религий», а также «ответственности» и «трудолюбия».

Вновь подчеркивается стабилизирующая роль России в международных отношениях, но акцентируются угрозы, исходящие от запрещенного в России ИГИЛ и киберпреступности. В документе подчеркивается особая роль инструментов «мягкой силы». «От констатации возможной пагубной и противоправной роли «мягкой силы», используемой в целях политического давления на суверенные государства и вмешательства в их внутренние дела, авторами Концепции 2016 г. был сделан переход к актуализации роли информационных ресурсов и закреплению акцента на действиях»[3].

В ходе сравнительного анализа документов невозможно не обратить внимание на часть 26 II раздела Концепции 2013 г., в которой утверждается, что «Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне… Россия будет работать на опережение и упреждение событий, оставаясь готовой к любому варианту развития международной обстановки»[4].

---

[1] Концепция внешней политики РФ. Утв. Президентом РФ 12.02.2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 15.11.17).

[2] См. здесь и далее: Концепция внешней политики РФ. Утв. Президентом РФ 30.11.2016 г. URL: http://www.mid.ru/ foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.11.17).

[3] *Сургуладзе В.Ш.* Концепция внешней политики Российской Федерации - целеполагающий документ государственного стратегического планирования // Власть. 2017. №1. С. 85.

[4] Концепция внешней политики РФ. Утв. Президентом РФ 12.02.2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 15.11.17).

В отличие от «пассивной констатации» практики прикрытия военных интервенций принципом «обязанность по защите», в новой Концепции позиция России формулируется в более активном ключе: РФ намерена «не допускать осуществления под предлогом реализации концепции «ответственность по защите» военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства, нарушающих нормы международного права, в частности принцип суверенного равенства государств»[1].

В документе подчеркивается, что Россия будет «эффективно реагировать на недружественные экономические действия иностранных государств, ущемляющие права Российской Федерации и российских хозяйствующих субъектов», то есть на антироссийские санкции.

В Концепции также отражены изменения ситуации на украинском направлении, актуализированы приоритеты развития ЕАЭС, фиксируется кризис двусторонних отношений с ЕС и США как результат экспансии НАТО и политики сдерживания России, уточнены императивы внешней политики России на американском направлении: отмечается, что РФ «оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия, в том числе путем укрепления национальной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер».

Таким образом, наряду с другими документами государственного стратегического планирования, Концепция внешней политики РФ является важным звеном в системе информационной безопасности российского общества. Важно, что данный документ был утвержден почти одновременно с новой Доктриной информационной безопасности РФ[2]. Эти документы государственного стратегического планирования свидетельствуют об осознании «критической важности» обеспечения информационной безопасности и «ценностного суверенитета российского общества», поддержания в нем «консолидирующей ценностной базы» и проведения «осмысленной государственной информационной политики», нацеленной на патриотическое воспитание граждан нашей страны[3].

---

[1] См. здесь и далее: Концепция внешней политики РФ. Утв. Президентом РФ 30.11.2016 г. URL: http://www.mid.ru/ foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.11.17).

[2] См. здесь и далее: Доктрина информационной безопасности РФ. Утв. указом Президента РФ от 5.12.2016 № 646. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1036728/ (проверено 15.11.17).

[3] См.: *Сургуладзе В.Ш.* Концепция внешней политики Российской Федерации – целеполагающий документ государственного стратегического планирования // Власть. 2017. №1. С. 86.

Сравнительный анализ этих документов стратегического планирования демонстрирует повышение уровня их проработки, а также своевременность их обновления с учетом современных геополитических реалий.

Стратегии России на Ближнем Востоке

В связи с текущей контртеррористической операцией в Сирии был усилен блок, посвященный принципам поддержки Россией борьбы с терроризмом за пределами территории РФ. Особо отмечается, что «в борьбе с международным терроризмом взаимодействие должно вестись только на уровне государств и их компетентных органов, с согласия государств, на территориях которых ведется борьба с террористическими группировками и организациями». Данное уточнение подчеркивает намерение России осуществлять контртеррористическую борьбу с опорой на легитимную государственную власть.

В Концепции зафиксированы конкретные шаги по противодействию террористическим угрозам, отмечена необходимость ликвидации источников финансирования терроризма, выявления лиц, занимающихся поддержкой террористических организаций, сдерживания и ослабления исламского экстремизма и радикализма, влияние которых может распространиться на территорию РФ и ближайших соседей из числа республик бывшего СССР.

Стратегические приоритеты России лежат в сфере поддержки «дружественных сил» и режимов в регионе и создания долгосрочных геополитических и социально-экономических альянсов, направленных на расширение российского присутствия на региональных рынках вооружений, нефти и газа, ядерного топлива, продовольствия и т. д.

Еще одной стратегической задачей становится привлечение в Россию инвестиций и поддержание цен на энергоносители путем скоординированных действий с ключевыми поставщиками нефти и газа их стран Персидского залива.

Таким образом, политика РФ на Ближнем Востоке строится, прежде всего, на основе геополитических и экономических стимулов. Важнейшую роль здесь играет фактор укрепления внутренней стабильности.

Стратегия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Базовая стратегия России в АТР состоит в налаживании дружеских отношений и контактов по всем направлениям с основными региональными представителями с целью организации мощного геополитического блока, способного противостоять агрессии Запада, с одной стороны, и ИГИЛ, с другой. «Основной стратегической задачей РФ

в регионе является развитие диверсифицированных торгово-экономических связей и налаживание продуктивного политического процесса со всеми крупными игроками АТР»[1].

Россия избегает вовлечения во внутрирегиональные конфликты. Особое значение приобретают отношения с Японией, единственной в регионе экономикой, способной по значимости соперничать с китайской. При этом российско-китайские отношения характеризуются как высокой динамикой развития, так и прочной правовой базой, а также активными связями на всех уровнях. «Подходы России и КНР к принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Украине, на Корейском полуострове, Ближнем Востоке и в Северной Африке совпадают или близки»[2].

Таким образом, основные стратегии развития отношений с АТР состоят в преодолении потенциальных угроз конфликтов с крупными державами, такими как Китай, Япония и КНДР; поэтапном расширении сотрудничества в сфере безопасности, подразумевающего выстраивание каналов связи между вооруженными силами и другими структурами, ответственными за национальную безопасность.

Стратегия России в отношении стран ЕС

Россия ориентирована на развитие всестороннего партнерства с ЕС «на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и паритетного уважения интересов друг друга»[3].

На сегодняшний день отношения между партнерами значительно ухудшились, в связи с политикой санкций и взаимных ограничений, вызванной русско-украинским конфликтом. «Серьезный удар по отношениям был нанесен односторонними санкционными решениями Европейского союза, принятыми в ущерб обоюдным экономическим интересам во имя продвижения сомнительных геополитических схем».

В данном контексте базовая стратегия России состоит в совместной выработке действенных алгоритмов взаимоотношений в регионе, который обеспечил бы учет интересов всех сторон конфликта и явился бы не источником «раздражителей», а инструментом углубления и расширения геополитического взаимодействия. «Необходимо извлечь

[1] *Баранов Н.* Современные международные отношения. URL: http://nicbar.ru/politology/study/kurs-sovremennye-mezhdunarodnye-otnosheniya/145-lektsiya-5-evropejskoe-napravlenie-vo-vneshnej-politike-rossii (дата обращения: 15.11.17).

[2] Межгосударственные отношения России и Китая. URL: https://ria.ru/spravka/20160904/1475893374.html (дата обращения: 15.11.17).

[3] См. здесь и далее: Краткий обзор отношений. URL: https://russiaeu.ru/ru/kratkii-obzor-otnoshenii (дата обращения: 15.11.17).

уроки из очевидных ошибок, допущенных при реализации Евросоюзом инициативы «Восточное партнерство», односторонний характер которой в значительной мере обусловил нынешний кризис. В этом контексте многое будет зависеть от готовности ЕС к проведению реального содержательного диалога по проблематике сопряжения процессов европейской и евразийской интеграций».

Таким образом, в условиях распространения транснациональных вызовов и угроз Россия заинтересована в укреплении взаимоотношений с ЕС в сферах противодействия терроризму, нелегальной миграции, организованной преступности, торговли людьми, распространения наркотиков, а также в сфере борьбы с проблемами экологии. Основная стратегия РФ в отношении ЕС состоит в стремлении к поддержанию диалога по основным политическим проблемам современного мира, таким как конфликты на Ближнем Востоке и в других регионах, а также в вопросах предотвращения распространения технологий и оружия массового поражения.

Стратегии России в отношении США

За сравнительно короткий срок российско-американские отношения прошли непростую эволюцию – от готовности России и США к сотрудничеству, до взаимных разочарований и дистанцирования друг от друга. В этих условиях особую значимость приобретает политический диалог на высшем и высоком уровнях.

В 2017 г. состоялись несколько встреч министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и госсекретаря США Р. Тиллерсона, в ходе которых были выявлены основные стратегии стран-партнеров в отношении актуальных международных и региональных проблемам, включая ситуацию на Ближнем Востоке, в Афганистане и на Корейском полуострове. Основные направления геополитической активности России и США включают противодействие международному терроризму и др. вызовам. Одним из наиболее проблемных в военно-политической плане остается вопрос о развертывании ПРО.

Таким образом, на настоящий момент Концепция внешний политики РФ является отражением тех геополитических стратегий, которые она притворяет в жизнь. Это принципиально важный момент, поскольку как в нашей стране, так и зарубежом документы стратегического планирования не всегда учитывают актуальные геополитические реалии.

Узнародов Д.И.,
канд. полит. наук, Южный научный центр РАН,
лаборатория казачества (г. Ростов-на-Дону)

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

В настоящее время в науке существуют различные трактовки понятия глокализация. В научный оборот данный термин был введен английским социологом Роландом Робертсоном в 90-е годы прошлого века. Слово «глокализация» возникло вследствие слияния двух понятий – «глобальный» и «локальный». Если глобализация находит свое проявление при формировании единого политического, экономического и информационного пространства, то локальные процессы отличаются стремлением этнических, территориальных и цивилизационных сообществ к обособлению и автономизму, а также усилением их притязаний на самодостаточность и уникальность[1].

Одной из наиболее распространенных трактовок является понимание глокализации в качестве модели глобализации, для которой свойственна тенденция ее проявления на местном – локальном уровне[2]. Согласно данному подходу, глокализация представляет собой процесс, отражающий специфику изменений глобализационных тенденций, обусловленных региональной спецификой. Это означает, что глобальные тенденции, концентрируясь в условиях конкретного региона, привносят в региональное развитие свои уникальные особенности, в результате чего различные процессы в регионах становятся глокальными[3]. Глокализация также часто рассматривается в качестве своеобразного регионального сценария глобализации, при котором происходит взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций, но, в то же время, существует и определенный риск их столкновения[4].

Автор термина глокализация Роланд Робертсон не противопоставляет друг другу феномены глобального и локального и определяет глокализацию как процесс, которому одновременно свойственна как универсализация партикуляризации, так и партикуляризация универ-

[1] *Лубский А.В.* Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. №2. С. 65.
[2] *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. С. 162-163.
[3] *Шинковский М.Ю.* Глокализация как предмет научного исследования // Вестник ТГЭУ. 2007. № 4. С. 74.
[4] *Штепа В.* Глокализация // ИНАЧЕ. 2004. №5.

сализации[1]. Изначально данный термин должен был совместить в себе значения таких понятий, как «интернациональное», «транснациональное», «трансрегиональное», «транскультурное», зафиксировав при этом взаимодополняемость и взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций[2]. Схожего взгляда придерживался и немецкий социолог Ульрих Бек, который, как и Робертсон, отстаивал точку зрения о взаимодополняемости глобального и локального, а также о сочетании таких процессов, как глобализация, регионализация, централизация и фрагментация[3]. Как считал Ульрих Бек, глокализация – это «процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия»[4]. Аналогичной позиции придерживались также социологи Джордж Ритцер и Зигмунт Бауман. Джордж Ритцер определял глокализацию как взаимопроникновение глобального и локального, результатом чего являются процессы гомогенизации[5]. По мнению Зигмунта Баумана, глокализация как процесс, органично соединяющий в себе глобализационные и локализационные тенденции, состоит в перераспределении богатства и нищеты, свободы и принуждения и является «началом новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия»[6].

Наиболее близкой нам является трактовка глокализации как регионального отклика на процессы глобализации[7], своего рода реакции сопротивления на глобализационные процессы, которая выражается посредством интерпретации глобального через локальное[8]. В современном мире различные локальные культуры стремятся к возрождению своих традиций, подчеркивая тем самым свою самобытность

---

[1] *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAEG Publications, 1992. P. 100.

[2] *Россошанский А.В.* Глобализация и глокализация: соотнесение понятий // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Выпуск 3. С. 90-91.

[3] *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001. С. 53.

[4] Там же. С. 103.

[5] *Ритцер Д.* Макдональдизация общества 5. Пер. с англ. – Лазарев А.В. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

[6] *Бауман З.* Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–61.

[7] *Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л.* Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестник ЯГУ. 2005. Т. 2. №3. С. 112.

[8] *Rulyova N.* Domesticating the Western Format on Russian TV: Subversive Glocalisation in the Game Show Pole Chudes (The Field of Miracles) // EUROPE-ASIA STUDIES. 2007. Vol. 59. №. 8. P. 1368.

и уникальность в противовес глобализации как унифицирующему и нивелирующему процессу[1]. Активное развитие локальных (региональных, национальных) идентичностей также можно рассматривать в качестве альтернативы глобализационных тенденций унификации культурного пространства[2]. Как справедливо отмечает британский социолог Энтони Гидденс, «локальное» является ответом «глобальным силам»[3].

В настоящее время феномен глокализации находит свое проявление в виде таких процессов, как регионализация и автономизм, производными которых являются такие актуальные для многих современных государств проблемы, как этнический национализм и сепаратизм. На сегодняшний день одним из наиболее подверженных влиянию глокализации регионов мира является Европа. Если, начиная со второй половины XX века, Европа была охвачена процессами глобализации, что нашло свое отражение в реализации проекта Европейского Союза как политического сообщества и подписании Маастрихтского договора 7 февраля 1992 года, то уже в XXI веке можно наблюдать совсем другие тенденции. Происходит переход от процессов многоуровневой интеграции и надгосударственной федерализации в рамках Европейского Союза к процессам внутригосударственной регионализации и децентрализации на уровне суверенных государств. Ключевая особенность проявления процесса глокализации в современной Европе состоит в том, что проводимая на надгосударственном уровне политика федерализации проходит параллельно с процессами внутригосударственной дезинтеграции в государствах.

Первое десятилетие XXI века было ознаменовано для государств Европы усилением интеграционных тенденций. 1 мая 2004 года сразу десять стран пополнили состав Европейского союза: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. Спустя три года, 1 января 2007 года, в Европейский союз вступили еще два государства – Болгария и Румыния. В начале 2000-х годов на повестке дня европейских стран оказался вопрос о федерализации Европы. Поскольку вступивший в силу в 1993 году Маастрихтский договор не создавал полноценную систему федеративных центральных органов Европейского союза, а лишь официально закреплял предостав-

[1] *Хлыщева Е.В.* Феномен глокализации в транскультурном пространстве современного мира // Известия ВГПУ. 2009. № 8. С. 28.

[2] *Можейко В.А.* Глокализация *versus* глобализация: проблема сохранения культурной идентичности // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2016. №2. С. 71.

[3] *Giddens A.* Runaway World. New York, 2000. 124 p.

ление надгосударственным структурам определенных полномочий, Германией и Францией были предложены проекты по созданию единой Конституции Европейского союза[1]. Если Германия выступала за федерализацию Союза и формирование влиятельных наднациональных институтов управления, то Франция занимала более умеренную позицию, выступая в поддержку принципа суверенитета государств как основополагающего для Европейского Союза, при этом, признавая необходимость создания общеевропейской правовой системы, единой внешней и оборонной политики, а также общей финансовой системы[2]. В итоге, разработанный и вынесенный на обсуждение проект конституции Европейского союза принят не был. Для вступления Конституции в силу ее должно было ратифицировать большинство государств-членов Европейского Союза. Ратификация осуществлялась либо голосованием в парламенте страны, либо по итогам голосования на всенародном референдуме. 16 государств-членов Европейского Союза проголосовали в поддержку предложенного варианта Конституции, в Нидерландах и Франции проект не получил поддержку.

В октябре 2007 года в Лиссабоне государствами Европейского союза вновь был поднят вопрос о целесообразности принятия единой конституции. Новый вариант конституции представлен не был, альтернативой ему послужил проект Лиссабонского договора (официально – «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»). Основная цель международного договора состояла в том, чтобы заменить собой не вступившую в силу Конституцию Европейского союза и внести изменения в действующие соглашения о Европейском союзе в целях реформирования системы управления ЕС. Проект договора получил поддержку всех государств-членов ЕС и 1 декабря 2009 года официально вступил в силу. В результате принятия Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества в качестве отдельного института был официально закреплен такой надгосударственный орган, как Европейский совет, состоящий из глав-государств или правительств государств-членов, его председателя и председателя Комиссии. Специфика состоит в том, что Лиссабонский договор посредством принятия положений о квалифицированном большинстве в Совете, установленных Протоколом о переходных положениях на основе

[1] *Азанов Б.К.* Наднациональные органы и вопросы суверенитета в Европейском союзе // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3. С. 82.
[2] Там же. С. 83.

системы так называемых «взвешенных голосов», усилил надгосударственную компоненту Европейского совета[1]. Протокол о переходных положениях устанавливает, что представляющие различные государства члены Совета не располагают одинаковым числом голосов[2]. Голосование в Совете осуществляется посредством системы «взвешенных голосов», согласно которой «вес» каждого государства определяется численностью населения и размером территории[3].

Кроме того, Лиссабонский договор закреплял расширение такого надгосударственного политического института, как европейский парламент: данный орган наделялся равным статусом с Европейским советом в отношении вопросов бюджета, на равных с Советом в рамках общей законодательной процедуры мог вотировать поступающие от Европейской комиссии законопроекты, а также наделялся правом избирать председателя Комиссии[4].

В отличие от первого десятилетия XXI века, второе десятилетие отличается преобладанием регионалистских и дезинтеграционных тенденций. Европейский Союз все больше трансформируется в Европу регионов, стремящихся к превращению в самостоятельных субъектов международной политики. Во многих государствах Европы регионы все активней и активней выдвигают требования центральным властям по расширению своей автономии и прав при принятии решений по различным вопросам, начиная от культуры и заканчивая экономикой. Во втором десятилетии XXI века подобные процессы проходят особенно интенсивно. Референдум о независимости Шотландии 2014 года, референдум о независимости Каталонии 2017 года и референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе 2016 года отчетливо свидетельствуют об интенсификации процессов регионализации и автономизации на европейском континенте. Остается риск усиления процессов автономистского характера и в других регионах Европы – Фландрии, Валлонии, Стране Басков, северных областях Италии. Остается неясным, чем в итоге закончится ситуация с провозглашением независимости Каталонии и непризнанием этого решения со стороны центральных властей Испании.

Говоря о возможных перспективах развития автономистских процессов на европейском континенте, следует отметить, что при

[1] *Мещерякова О.М.* Расширения функций институтов Европейского союза: проблемы и перспективы // Юстиция. 2014. № 4. С. 29.
[2] *Кашкин С.Ю.* Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора. М., 2011. С. 414.
[3] *Мещерякова О.М.* Указ. соч. С. 29.
[4] *Кашкин С.Ю.* Указ. соч. С. 220.

сохранении определенных рисков, касающихся усиления процессов дезинтеграции в некоторых странах, ожидать массового выхода регионов из состава государств все же не стоит. Подобный вывод можно сделать на основе данных недавних референдумов о независимости – в Шотландии 2014 года и Каталонии 2017 года. Может показаться, что проводить параллели в данном аспекте между обозначенными референдумами не совсем корректно (в Шотландии 55,3% населения высказались против отделения, в Каталонии 90,18% населения проголосовали за независимость), однако определенные любопытные выводы сделать можно. Результаты референдума в Каталонии выглядят однозначными лишь на первый взгляд. В отличие от референдума о независимости Шотландии, в Каталонии явка составила всего лишь 43,03% (в Шотландии – 84,59%), что ставит вполне логичный вопрос о степени легитимности проведенного волеизъявления граждан региона. Если в Шотландии население региона высказалось против провозглашения независимости, то в Каталонии низкая явка на референдуме свидетельствует пусть и не об однозначно отрицательном отношении жителей региона к выдвигаемой каталонскими националистами идее провозглашения своего суверенного государства, но в некоторой степени об индифферентном отношении точно.

Можно сделать вывод, что начало XXI века характеризуется для Европы сочетанием глобализационных и глокализационных процессов, что нашло свое проявление как в расширении Европейского союза и усилении роли надгосударственных политических институтов и структур в течение прошлого десятилетия, так и в усилении процессов регионализации и дезинтеграции на уровне суверенных государств за последние 5-7 лет. В ближайшей перспективе можно говорить об усилении процессов глокализационного характера, но говорить о кардинальной трансформации структуры европейских государств и появлении новых субъектов международной политики вследствие этих процессов пока что преждевременно.

Тованчова Е.Н.,
канд. полит. наук, мл. научн. сотр. Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации,
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)
Савинов А.С.,
канд. с/х наук, нач. отдела пищевой и перерабатывающей промышленности Министерства сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОКАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНО-РОССИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мировая политическая обстановка, вектор развития глобализационных процессов в условиях политических кризисов и конфликтов, а также необходимость стратегического развития российской экономики, рассматриваемые рядом ученых как ответная реакция на внешние геополитические угрозы, базируются на признании продовольственной безопасности одним из основных приоритетов национальной политики.

Задачи обеспечения продовольственной безопасности тесно связаны и взаимообусловлены со многими внутригосударственными проблемами социально-экономической области и глобализационными тенденциями, что выражается следующими обстоятельствами:

1. В 2012 году Российская Федерация стала членом Всемирной торговой организации. Оценка экспертов и научного сообщества о целесообразности и необходимости вступления России в ВТО весьма неоднозначен: одни прогнозировали экономический крах (в особенности упадок сельскохозяйственного сектора), другие предвещали светлое будущее и расцвет промышленности и других областей экономики.

Одним из главных опасений – проблема «открытая» конкуренции с развитыми зарубежными компаниями и организациями. Отечественные производители попросту окажутся неконкурентоспособными.

Еще одним весьма важным моментом является то обстоятельство, что участие России в ВТО существенным образом подрывает отечественное сельское хозяйство, так как оно не готово конкурировать с дешевыми иностранными сельхозпродуктами. Усугубляет по-

ложение и тот факт, что одним из условий вступления в ВТО было снижение дотаций сельскому хозяйству более чем в два раза: если в 2012 году они составляют 9 млрд. долларов, то в 2018 году это будет всего 4.4 млрд. долларов.

2. В настоящее время в Российской ситуации в связи с введением антироссийских санкций сложилась сложная экономическая обстановка. Поэтому государственные власти вынуждены искать пути минимизации последствий иностранных санкций. В первую очередь необходимо решить проблему с дефицитов некоторых видов товаров. Чтобы предотвратить развитие этой неблагоприятной ситуации в российской экономике встал вопрос о развитии импортозамещения.

Политика импортозамещения, проводимая нашими государственными структурами, не является ни реактивной, ни упреждающей, так как связана со сложившейся уникальной ситуацией в современной отечественной экономике. Вопрос импортозамещения обсуждался в России и ранее, так как избыток импорта тормозит развитие нашей экономики, делает её зависимой, подавляет отечественного производителя. Но в настоящий момент эта проблема более актуальна, так как обусловлена в первую очередь антироссийскими санкциями и ответным эмбарго.

Осложняет экономическую ситуацию факт, который упомянут выше, то Россия является членом Всемирной торговой организации. После установления Правительством РФ запретов и ограничений на допуск определенных групп иностранных товаров, при госзакупках представители западных стран заявили, что такая политика России вступает в противоречие с принципами Всемирной торговой организации. В рамках ВТО существует такой документ, как Соглашение о государственных закупках, предусмотренное Всемирной торговой организацией, основанное на принципе недопущения дискриминации[1]. Страны, подписавшие Соглашение о государственных закупках, при проведении конкурентных процедур закупок обязаны предоставлять поставщикам из других стран-участниц соглашения условия, идентичные отечественным участникам государственных закупок. Между тем оно является добровольным Российская Федерация это соглашение не подписала и на данный момент является лишь наблюдателем. Таким образом, с юридической точки зрения наша страна не нарушает правила ВТО в отношении государственных закупок.

[1] Правомерность импортозамещения в рамках ВТО: соглашение о госзакупках [Электронный ресурс]. URL. http://www.progoszakaz.ru/article/101556qqe-15-12-pravomernost-importozameshcheniya-v-ramkah-vto-soglashenie-o-goszakupkah

3. Системные проблемы, которые сейчас преобладают в отечественном агропромышленном комплексе (далее – АПК), связанны с низким инновационным потенциала отрасли и при этом высоким физическим и моральным износом фондов, неэффективностью использования экономического потенциала. Специфика инновационного развития хозяйствующих субъектов АПК, будучи сферой общественного производства, имеет ряд структурообразующих особенностей, которые ограничивают возможность напрямую использовать более эффективные модели развития и адаптации хозяйствующих субъектов к изменяющимся условиям функционирования, в частности, увеличения конкурентной напряженности. Процесс развития и использования Инноваций ведет к стратегическим изменениям в материально-технической базе АПК и, следовательно, требуют долгосрочных финансовых вложений.

Но для большей части сельских товаропроизводителей характерен довольно мелкий масштаб производства, не позволяющий эффективно использовать современную высокопроизводительную технику, а относительно небольшая масса прибыли и низкий уровень концентрации капитала не позволяют обеспечить приобретение всего комплекса технических средств для реализации инновационных технологий[1]. Низкая восприимчивость абсолютного большинства хозяйствующих субъектов аграрной сферы к инновациям обусловлена целым рядом объективных факторов.

Достигнутые результаты в сфере развития АПК являются недостаточными в условиях все более возрастающего геополитического напряжения и связанных с этим существующих и новых внешних вызовов. Задачи обеспечения продовольственной безопасности подразумевают гарантию устойчивого продовольственного обеспечения населения независимо от внешних и внутренних угроз. Задача обеспечения продовольственной безопасности подразумевает гарантию устойчивого продовольственного обеспечения населения независимо от внешних и внутренних угроз.

Ряд масштабных экономических санкций стран Запада и незамедлительные ответные шаги правительства Российской Федерации привлекли внимание к проблеме продовольственной безопасности страны. Возник вопрос о том, что важнее сегодня: развитое собственное производство и независимость от импорта или налаженная логистика и высокая конкуренция импортных поставщиков.

[1] *Климов А.В.* Инновационное развитие аграрной сферы АПК. Автор.дис. на соискание уч. ст.: к.эк. н. Воронеж – 2012.

Таким образом, продовольственная безопасность выступает одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности государства и в большей степени определяется региональной политикой в отношении поддержания определенного ее уровня.

Уровень региональной продовольственной безопасности можно оценить на основе таких показателей, как: коэффициент самообеспечения, индекс собственного производства, показатель превосходства экспорта. Проведенный анализ уровня продовольственной безопасности ЮФО показал значительное недоиспользование экономического потенциала АПК в обеспечении существующего спроса на продовольственную продукцию. Необходима детальная проработка направлений и инструментов обеспечения продовольственной безопасности как базис стратегического развития АПК опирается на принципы рационального потребления, в основе которого положена идеология здорового образа жизни. Исходя из данных позиций определены основные стратегические направления развития АПК Юга России[1].

[1] *Чернова О.А., Климчук В.В.* Императивы продовольственной безопасности АПК Юга России // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 3 (13). С. 71-78

IV
ГЛОБАЛЬНЫЕ И ГЛОКАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Танделаты Х.А.,
асп. кафедры философии и социально-политических наук, СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

В начале 2015 года в Европе обострился миграционный кризис, связанный непосредственно с многократным увеличением потока беженцев из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии. Данный миграционный кризис уже признан Еврокомиссией крупнейшим со времен Второй мировой войны. Размеры и одномоментный характер кризиса вызвали в мире неоднозначную реакцию. Ситуация с мигрантами стала проявлением неэффективности европейских институтов и организационных структур, созданных для регулирования миграционных потоков, символом провала политики «управляемой миграции». По мнению многих специалистов, миграционный кризис представляет собой аккумулятивный эффект взаимодействия целого ряда факторов, таких как мировой экономический кризис; углубление социального неравенства во многих странах; последствия военных конфликтов и гражданских войн; дестабилизация этих стран и т.д.

Одной из отличительных черт сегодняшнего кризиса является слияние нескольких миграционных потоков – легальной, нелегальной экономической миграции и беженцев – в один мощный поток. Отсюда и такой пестрый национально-этнический состав: сирийцы, египтяне, ливийцы, нигерийцы, афганцы, пакистанцы и др. Немаловажным будет отметить, что основная масса мигрантов изначально нацелена на наиболее развитые страны Западной Европы. Современные мигранты, в отличие от своих предшественников, действуют исходя из информации не только СМИ, но также формальных и неформальных информационных сетей этнических диаспор, возникших благодаря распространению Интернета и средств мобильной связи[1].

Одним из факторов, предшествующих миграционному кризису в Европе, стал Мировой экономический кризис 2009 года, в результате

[1] *Капица Л.М.* Миграционный цунами в Европейском союзе // Университет МГИМО – 21.09.2015. – URL: http://old.mgimo.ru/news/experts/document277067.phtml

которого сотни тысяч людей во всем мире остались без работы и средств к существованию. В этом смысле в большей степени пострадали беднейшие страны, которые располагаются на Африканском континенте и на Ближнем Востоке.

Таким образом, Европа стала центром притяжения беженцев, поскольку внутри ЕС не существовало пограничного контроля на внутренних границах согласно Шенгенскому соглашению. Иными словами, мигрантам достаточно было попасть в любую страну ЕС, чтобы затем перемещаться свободно по Евросоюзу. Стимулирующим фактором стала и политика предоставления социальных пособий, возможности устроиться на работу. Ситуацию осложнило и то, что согласно Дублинскому соглашению наибольшая ответственность за беженцев возлагается на страны, в которые въехал мигрант, то есть пограничные государства Европы – Италию, Грецию, Македонию, Венгрию.

Все эти предпосылки привели к ряду факторов, которые и спровоцировали кризис.

Во-первых, за чрезвычайным притоком беженцев и мигрантов в Европу, безусловно, стоит война в Сирии, ставшая, можно сказать, спусковым крючком всего механизма. Начавшиеся на волне арабской весны антиправительственные выступления в марте 2011 г. привели к массовым беспорядкам в различных сирийских городах, а уже к лету того же года переросли в полномасштабный вооруженный конфликт. Множественные дипломатические попытки завершить кризис так и не увенчались успехом. Количество жертв военного конфликта превышает 330 тыс. человек. Можно сказать, что в этом кроется основная причина массового бегства людей. Как раз сирийцы и составляют примерно половину беспрецедентного миграционного всплеска 2015 г., который в свою очередь в два раза больше в сравнении с 2014 г.[1]

Первое время беженцы из Сирии направлялись в соседние страны: в Иорданию и особенно в Турцию. Однако затем их стало очень много, и та же Турция уже не способна была принимать такое количество бежавших от гражданской войны. К тому же, кроме сирийцев к миграционному потоку в Европу присоединяются беженцы из Афганистана, Северной Африки, в частности из Ливии, где тоже продолжается гражданская война, и даже из стран, расположенных южнее Сахары. Положение дел обострило появление террористической организации «Исламское государство».

[1] 8 Reasons Europe's Refugee Crisis is Happening Now // The Washington Post. – 18.09.2015. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-whyeuropes-refugee-crisis-is-happening-now/

Неудивительно, что подобное обострение ситуации спровоцировало массовый отток населения из опасных регионов. По информации Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, подавляющее число этих людей составляют так называемые «лица, нуждающиеся в защите и помощи». Прежде всего, это вынужденные мигранты, покинувшие регионы, отличающиеся особенно нестабильной военно-политической обстановкой, включая Афганистан, Сирию, где идет гражданская война, и Эритрею, страну с жестким диктаторским режимом.

Во-вторых, немаловажную роль сыграла безответственность европейских политиков, а также несогласованность их действий для предотвращения миграционного кризиса. Между членами ЕС не было солидарности в принятии совместных правил решения проблемы расселения беженцев, это привело к чрезмерной нагрузке на миграционные службы отдельных стран.

Экономические показатели Европейского Союза не были готовы к такому наплыву: совокупная первоначальная квота на беженцев составляла около 66 тысяч человек, но не 500-600 тыс. человек. В отличие от Ближнего Востока, где за жилье идут палатки в лагерях в силу мягкого климата, Европе приходится представлять отапливаемое жилье.

Следует отметить, что еще одной немаловажной причиной современного миграционного кризиса является достаточно свободный и простой способ попасть в европейские страны. До недавнего времени морская перевозка из Ливии в Италию была наиболее предпочтительным путем для всех мигрантов и беженцев, направляющихся в Европу. За первые шесть месяцев 2015 г. в Европу по Средиземному морю прибыли 137 тыс. мигрантов и беженцев – на 83 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, когда это число составило 75 тыс. человек. Число утонувших и пропавших без вести в результате кораблекрушений в Средиземном море мигрантов и беженцев достигло пика в апреле 2015 г. – 1308 человек[1].

Сокращение гуманитарной помощи в регионе, отсутствие финансирования, а также отсутствие единой концепции по приему и распределению беженцев по странам ЕС сыграли свою роль в ухудшении положения. Следует отметить, что бюджеты европейских стран составлялись без учета расходов на содержание беженцев, что в дальнейшем привело к дефициту жилья для мигрантов. Если в таких странах, как Турция, Ливия и Иордания, где для поселения беженцев достаточно было построить палаточные лагеря, в ЕС, в связи с более низкой тем-

[1] Проблема беженцев: ООН бьет тревогу // ТАСС. URL: http://tass.ru/spec/refugee

пературой, беженцев необходимо размещать в отапливаемых жилых помещениях.

В частности, сокращение на 30 % деятельности Всемирной продовольственной программы из-за недостатка финансирования. Верховный комиссар добавил, что приток мигрантов в Италию также спровоцирован многими причинами, в числе которых «африканские конфликты, хаос в Ливии, но также несбалансированность экономических и демографических трендов для Африки и Европы»[1].

Эксперты подсчитали, что в 2015 г. на оказание помощи беженцам и принимающим их странам региона потребовалось 5,5 млрд. долл. По состоянию на конец июня было получено от доноров лишь 24 % необходимой суммы. Факты таковы, что более 4 млн. сирийцев уже бежали в соседние страны. Турция, которая оказалась на первом месте в мире по числу беженцев на ее территории, приходится 45 % бежавших из Сирии, т. е. более 1,8 млн. человек. В июне туда прибыли еще 24 тыс. сирийцев. Более 1,17 млн. граждан Сирии находятся в Ливане, около 630 тыс. – в Иордании, 250 тыс. – в Ираке, 132 тыс. – в Египте, 24 тыс. – в других странах Северной Африки. Помимо этого, свыше 270 тыс. сирийцев подали просьбы о предоставлении убежища в странах Европы[2].

Положение осложняется демографическим взрывом в странах Африки и Ближнего Востока, превысившим возможности экономики этих стран обеспечивать трудовую занятость, усиливающаяся бедность, углубление социального неравенства, являющиеся почвой для распространения экстремистских течений[3].

К внешним факторам стоит отнести процессы, протекающие за пределами Европейского Союза. К таковым следует причислить войны и вооруженные конфликты, дестабилизирующие ситуацию в различных регионах мира, в том числе: гражданские войны в Сирии и Ираке, войны в Афганистане (2001–2014 и 2015), гражданская война в Ливии, военная операция против ИГИЛ, кризис в Сербии и в Косово, вооруженный конфликт на востоке Украины, религиозные столкновения в Нигерии, конфликты в Йемене и Пакистане.

---

[1] УВКБ: сокращение гумпомощи САР - одна из причин миграционного кризиса // РИА Новости. – 05.10.2015. – URL: http://ria.ru/world/20151005/1297177679.html

[2] Проблема беженцев: ООН бьет тревогу // ТАСС. – Режим доступа: http://tass.ru/spec/refugee

[3] *Коробатов Ярослав.* На Европу идет демографическое цунами (9 февраля 2016) /Сайт «Комсомольской правды». Проверено 22 сентября 2016. Архивировано из первоисточника 23 февраля 2017.

Мышьякова Д.В.,
асп., РАНХ и ГС (г. Москва)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СОВЕТОВ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анализируя значимость развития общественно-государственных и государственно-общественных отношений в современных российских международных процессах, следует четко структурировать основные составляющие этих процессов.

Общественный совет – образование с участием представителей общественности, которое имеет внутреннюю формализованную структуру, за которым государственные органы закрепляют определенные полномочия и с которым консультируются по вопросам принятия исполнения государственных решений. Общественные советы являются одним из большинства механизмов общественного участия. Главным отличием общественных советов является большая вовлеченность граждан в работу руководящих органов, это могут быть органы местной, законодательной или исполнительной власти.

Общественные советы могут быть созданы в различных целях:

- Консультации с экспертами по специальным вопросам;
- Помощь в разработке законодательства, государственного бюджета;
- Мониторинг за выполнением решений властей;
- Осуществление некоторых государственных функций, которые были делегированы государственным органом.

Необходимые условия для деятельности общественных советов

1. Заинтересованность государства учитывать общественное мнение. Эта заинтересованность может выражаться в консультациях с общественностью по широкому кругу вопросов, предоставлении гражданам всей информации и образовательной деятельности, необходимой для того, чтобы помочь гражданам разобраться в вопросах государственной политики и дать компетентные рекомендации, а также получить мнение разных слоев населения. Основным показателем заинтересованности государства, является использование в своей работе тех рекомендаций, которые они получили от общественных советов.

2. Функция по лоббированию общественными советами. Общественные советы, которые участвуют в разработке законодательных актов, плана деятельности государственного органа или бюджета, ча-

сто могут лоббировать интересы различных общественных групп. Это делается для того, чтобы помочь заинтересованным группам влиять на государственные органы по вопросам, которые их интересуют.

3. Роль законодательств в обеспечении деятельности общественных советов. Вопросы общественного участия в деятельности государственных органов могут использоваться на различных уровнях: в конституции, административных законах или кодексах, а также в специальном законодательстве об общественном участии.

Развитие гражданского обществ в современной России осуществляется в контексте общего демократического процесса, который продолжается после состоявшегося политического демократического транзита и который привел к многим инновационным явлениям, институтам, тенденциям политической жизни. Результаты этого транзита позволили на определенном этапе – практические с середины 2000-х гг. – обозначить принципы и формы и методы модернизации не только политической системы, но и всех сторон жизни российского общества. Модернизация общества (которая гораздо шире, чем просто модернизация политической системы) предполагает дальнейшее развитие и качественную эволюцию гражданского общества, в целом, и его конкретных институтов, в частности.

В связи с этим современная российская политическая наука важным объектом определяет функционирование институтов гражданского общества в модернизационных процессах[1], так как модернизация всех сторон жизни общества во многом может быть отождествлена с упрочением гражданского общества[2]. Такое отождествление может быть объяснено такими факторами, как:

- модернизация предполагает социальный прогресс, который невозможен без активного участия граждан как социальной базы модернизационных преобразований, без органической солидарности, социальной мобильности[3] и целевой и рациональной деятельности граждан[4];

---

[1] См.: Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: современные исследования / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.- ииформ. исслед. отдел политической науки. Росс. Ассоциация полит, науки. — М., 2003. 248 с.

[2] См.: *Поляков Л.В.* Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3.

[3] См.: *Сорокин П.А.* Социальная мобильность / Под общей редакцией В.В. Сапова. - М. LVS, 2005.

[4] См.: *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем./общ. ред. Ю.Н. Давыдова. - М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М., 1995.

- модернизация предусматривает качественный прогресс во всех сферах жизни общества – экономика, политика, культура, мораль, нравственность, отношения собственности, отношения социально-классовых групп и страт[1] – что может быть осуществлено только при широких инициативах граждан и групп граждан;

- модернизация предусматривает повышение эффективности взаимодействия государства и граждан в направлении упрочения демократии согласия, открытости, публичности, субсидиарности, конвенциональности, что, собственно, и является важнейшими направлениями развития гражданского общества.

В общем плане можно отметить, что модернизация детерминирует такой процесс, как социальная самоорганизация, гражданское ассоциирование, общественную самопомощь, а, в целом, ***общественно-гражданскую синергетику.***

Данная синергетика применительно к современной России тем более важна, чем более значима роль государства в развитии гражданского общества. Именно Российское государство в период функционирования новой – демократической – политической системы и новых – демократических – принципов политического управления играет решающую роль в обеспечении гражданской активности, в стимулировании гражданского ассоциирования. Поэтому некоторые эксперты выражают опасения в том, что гражданское общество в современной РФ, несмотря на модернизационный процесс, имеет «огосударствленный характер»[2].

В этой связи большое значение имеет взаимосвязь между политико-административным процессом гражданского ассоциирования и социальным управлением, функционированием основных субъектов гражданского общества[3].

Заметным проявлением данного ассоциирования стало в современной РФ прежде всего развитие основных функций их основных субъектов:

- стимулирование качества и открытости государственных услуг гражданам и гражданскому обществу сервисности (услуговости) государства;

---

[1] См.: *Федорова В.Г.* Типология модернизаций и способов из изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 4-8.

[2] См.: *Гельман В.* Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. 2009. Сентябрь – декабрь.

[3] См.: Социальное управление. Вопросы теории и методологии / Отв. ред. А.М. Старостин, В.И. Струковский. – Ростов /нД: Изд-во СКАГС, 2009. С. 111-112.

- поддержка дифференциации социальных образов, стилей трендов и стилей жизни, свободу политических и социальных ориентаций,

- обеспечение новой политической культуры и разнообразия общественно-политической жизни и общественно-политического дискурса, информационного[1];

- сглаживание противоречий между политическими элитами, которые стоят на разных позициях – консервативных и либеральных, что отмечает С.Ф. Черняховский[2].

Очень важной функцией является также популяризация идей, принципов модернизации, а также разъяснение ее целесообразности, эффективности, перспективности необходимости.

Очень важно – обеспечение участия в модернизационном процессе многих субъектов[3]. К этому следует добавить необходимость противодействия «оранжевым» движениям, саботирования, принуждения. В то же время – аудит промежуточных резудьтатов, социальной цены, призыв к ответственности элиты, политических партий.

Реализуемые реформы вызывают одобрение или неодобрение населения, экспертов, лидеров политических партий и общественных движений и организаций[4]. Очевидно, что неодобрение модернизационных усилий и мероприятий гражданами является существенным тормозящим фактором, что, как отмечает С.В. Мареева, рождает внутренние конфликты[5].

Это в полной мере относится к модернизации современной политической системы РФ. Здесь необходимо акцентировать как позитивные, так и негативные промежуточные результаты модернизации российской политической системы (см. табл. 1).

---

[1] См.: *Самсонов К.М.* Проблемы модернизационного процесса в современной России // Власть.- 2011.- № 11.- С. 59-62.

[2] См.: *Черняховский С.Ф.* Модернизационные противоречия идеологического концепта в современной России // Власть. 2012. № 5. – С. 9-13.

[3] См.: *Ляхов В.П.* Противоречия и ограничения в процессе реализации политической модернизации в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014 . № 2. – С. 77-80.

[4] См.: *Сергеев М., Куликов С.* В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. 2010. – 16 сент.

[5] См.: *Мареева С.В.* Цели и задачи модернизации страны в восприятии населения: консенсус или конфликт? // Власть. 2011. № 10. – С. 84-89.

Позитивные результаты	Проблемные и негативные проявления
• совершенствование принципов и формата формирования корпуса законодательной власти на федеральном и региональном уровнях; • упорядочение нормативно-правовой и организационной базы формирования органов МСУ; • оптимизация законодательной базы партогенеза и функционирования многопартийной системы; • повышение эффективности нормативно-правовой и организационной основы деятельности институтов гражданского общества – общественных объединений; • структурирование отношений государства и оппозиционных движений и организаций; • повышение открытости деятельности государства, власти, МСУ для граждан и гражданского общества; • расширение демократического общественного пространства, площадок публичной политики, консультативно-совещательных структур; • повышение авторитета главы государства – Президента РФ В. Путина как общенационального лидера; • обеспечение безопасности и неподконтрольности СМИ в организации общественно-политического дискурса.	• практическое отсутствие идеологического обеспечения идеи модернизации политической системы РФ; • слабое понимание населением сути и необходимости модернизации вообще и модернизации политической системы, в частности; • отсутствие эффективных альтернативных проектов модернизации политической системы РФ у разных политических партий и движений; • оторванность магистральной цели модернизации политической системы от насущных социально-экономических интересов населения; • невысокий авторитет политиков и чиновников как реализаторов модернизационного проекта у граждан; • равнодушие к модернизационным тенденциям интеллектуальной элиты и молодежи; • недостаточность кадрового и профессионального обеспечения (содержательного, организационного) модернизации политической системы РФ; • слабость инновационного сектора и отсталость техник и технологий, не только промышленно-производственных, но и социально-гуманитарных и общественно-политических; • противоречия и конфликты между разноориентированными общественными силами и движениями по поводу магистральной цели, вектора, стратегии и тактики модернизации; • существенная дифференциация техник и технологий модернизационных процессов в разных регионах РФ

Гусова И.К.,
асп. кафедры философии и социально-политических наук, СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

ВЛАСТНАЯ МИССИЯ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Главной целью современного государства выступает создание и функционирование эффективной, адаптивной и адекватной решаемым проблемам системы обеспечения реализации потребностей и интересов граждан и общества.

В идеале властная миссия государства – это служение обществу, защита прав и свобод личности как высших ценностей, обеспечение высокого уровня и качества жизни людей, развитие общества[1].

Демократически устроенное государство заботится о всеобщем благе, авторитарный политический режим обслуживает интересы узкого круга лиц.

Властная миссия государства реализуется через совокупность выполняемых им функций. Функции государства – это его социальное назначение внутри и за пределами страны, в них проявляется та реальная роль, которую оно играет в решении основных вопросов общественного развития и прежде всего в удовлетворении разнообразных интересов масс.

Задачи и функции, возникающие перед государством, во многом бывают обусловлены политическими особенностями и спецификой управления обществом, что ставит перед ним проблему определения основных направлений его внутренней и внешней деятельности[2].

Соответственно, *функции органов сильного государства должны быть обширны и многообразны.* Среди них: установление норм и правил и обеспечение их соблюдения, обеспечение безопасности общества (включая обороноспособность, поддержание устойчивости природной и технологической среды), стратегическое планирование (государство – мозг и руки общества) и организация социальной помощи[3].

Сфера влияния государства естественным образом сужается по мере развития общества: последнее берет на себя все больше функций,

---

[1] *Byazrova D.B.* Religious tolerance as the principle of cross-cultural interaction // Научный альманах стран Причерноморья. 2016. № 2(6).

[2] *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х.* Партийность как фактор модернизации политической системы современной России. Ростов-на-Дону,2011.

[3] *Керимов А.Д.* Некоторые проблемы теории сильного государства // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. С. 4.

однако не только установление норм и правил, а также социальная помощь, но и стратегическое планирование останутся в его преимущественной компетенции. Чем слабее гражданское общество, тем шире сфера деятельности государства.

Анализ миссии государства в политической динамике власти и влияния неизбежно связывается в политологической мысли с категорией «власть». При этом важно учитывать сущность и особенности различных способов властвования, привлечения и использования властных ресурсов; производство технологий власти; проблемы трансформации властных связей в условиях индустриального, постсовременного, информационного общества. Так, одни авторы подают ее как особый тип поведения, для других – это способ организации деятельности, для третьих же власть – способность к силовому воздействию и контролю[1]. Мы согласны с точкой зрения Г. Лассуэлла и вслед за ним интерпретируем власть как причину и конечный результат всех политических действий.

Тем самым, властная миссия государства – есть его предназначение и целевая установка, отраженные в практиках как совокупности конкретных действий власти и навыков ее целесообразной деятельности.

В свете вышеизложенного для нас представляет интерес концепт «сильного государства», под которым мы понимаем эффективное государство, выполняющее свои базовые функции. Для В.А. Затонского и М.П. Петрова сильное государство – это эффективное, полноценное, авторитетное и уверенное в себе государство, четко выполняющее все свои функции и свое социальное предназначение[2].

А.М. Старостин отмечает, что концепт «сильного государства» рассматривается как доминантная характеристика потенциала государства во внешних (межгосударственных) и во внутренних отношениях[3].

Следуя подходу Я.В. Коженко, сила государства является его пусковым механизмом, «нормой управляемости» и динамической силой, что обусловлено новыми задачами совершенствования государства. Именно динамический фактор – центральный вопрос при обосновании концепции сильного государства, способного решать проблемы

[1] Теория политики / Авт.-сост. Н.А. Баранов, Г.А. Пикалов. СПб.,2003 // http://nashaucheba.ru/

[2] Затонский В.А., Петров М.П. Концепция сильного государства в контексте модернизации власти в России // Право и государство: теория и практика. 2006. № 12. С. 32.

[3] *Старостин А.М.* Базовые аспекты стратегического целеполагания в многосоставном обществе (проектирование, планирование, управление развитием) / Сборник научных трудов конференции «Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности». Ростов н/Д., 2013. С. 52.

переходного периода, а не превращающегося в «служанку по исполнению общественных желаний»[1].

Сильное государство отличают также: обширная сфера влияния государственно-властных структур; умение мобилизовать все население, составляющие его социальные классы, слои и группы, а при необходимости и отдельных граждан для активного, осознанного и добровольного участия в решении возникающих общественно значимых проблем[2].

Соглашаясь с видными политологами, мы исходим из того, что следует различать силу государства и его эффективность.

Таким образом, в заключение статьи хотелось бы привести цитату одного из виднейших ученых современности Ф. Фукуямы который считает, что «построение сильного государства – одна из наиболее важных проблем мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служит источником многих наиболее серьезных мировых проблем»[3].

Гусов З.Ю.,
асп. кафедры философии и социально-политических наук, СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Россия стоит перед множеством новых глобальных вызовов. Сегодня как никогда ранее необходимо утвердить в новой форме приоритеты, цели, константы пути России и соотнести их с контурами того нового мира, в котором нам предстоит жить»[4].

Наличие такого рода вызовов определяет необходимость развития в стране институтов гражданского общества, которые способны стать тем социальным ресурсом, который поможет вывести страну на инновационный вектор социально-экономического и политического развития. Именно институты гражданского общества, как показывает опыт западных стран, являются основой инновационного развития общества. Можно согласиться с мнением австрийского ученого

[1] *Коженко Я.В.* Концепция сильного государства в контексте модернизации государственной власти в России: историко-правовой аспект // Философия права. 2010. № 4.
[2] *Бязрова Д.Б.* Проблема прогресса в социальной философии XX века // Философия и общество. 1999. № 4. С. 3.
[3] *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. М: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 5.
[4] *Матвеенко Ю.И.* Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. 2014. № 4. С. 110.

Э. Гленка, что «инновации являются ответом на экономические и социальные вызовы, но не единственным ответом. Если мы не изменим способ мышления, наши рутинные привычки, инновации не сработают»[1].

Осознание значимости гражданского общества в различных сферах социальной жизни обусловлено наличием новых вызовов, вставших сегодня перед нашей страной. Гражданское общество может стать действенным механизмом, контролирующим не только государство, но и все сферы общественной жизни, в том числе и сферу бизнеса, который зачастую игнорирует общественные интересы. Наличие такого механизма является насущной необходимостью для инновационного развития страны. Мы полагаем, что гражданское общество представляет собой мощный социальный ресурс инновационного развития России.

В настоящее время понятие «инновация» распространяется практически на все сферы жизнедеятельности социума, характеризующиеся появлением новых социальных практик. Как отмечает российский автор В.П. Щербакова «социальная инновация является изменяющимся процессом и механизмом, связанным с целенаправленным или стихийным изменением форм и способов жизнедеятельности, созданием новых или преобразованиям имеющихся социальных условий жизни, формированием и реализацией иных социальных практик»[2].

Рассматривая инновационные процессы в политической жизни страны, ряд авторов обращает внимание на то, что реализация стратегии инновационного развития России возможна только при условии «возрастания роли и влияния институтов гражданского общества»[3].

По мнению Л.И. Гордеева, «инновационное развитие социально-политической сферы детерминировано активным влиянием институтов гражданского общества, действием политических элит, внедрением информационно-коммуникационных технологий в современный политических процесс»[4].

---

[1] *Гленк Э.* Гражданское общество как катализатор инноваций / Инновации: вызовы и перспективы / Под научной редакцией В.И. Супруна. Новосибирск, 2013. С. 185.

[2] *Щербакова В.П.* Инновационный потенциал студенческой молодежи как показатель ее социальной адаптации / Инновационные процессы в современной политике: опыт, проблемы, приоритеты: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 17 декабря 2010 г. М., 2010. С. 335.

[3] *Авцинова Г.И.* Гражданское общество в современной России и проблемы легитимного политического участия / Конвенциональные и неконвенциональные технологии политической деятельности в условиях глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 23 сентября 2011 г. М., 2011. С. 17.

[4] *Гордеев Л.И.* О некоторых инновациях в социально-политической сфере / Мегаполис - территория инноваций: политика, экономика, культура, репутационный капитал: Материалы научно-практической конференции. М.,2014. С. 36.

Можно отчасти согласиться с тем, что рост гражданской инициативы и ответственности действительно является залогом успешной модернизации страны на основе внедрения различного рода инноваций.

Специфика формирования и функционирования гражданского общества в России тесно связанная с деятельностью политических элит, предполагает их доминирующую роль в процессах модернизации российского общества. В связи этим, на наш взгляд, вполне правомерен подход И.А. Батаниной и Е.В. Бродовской, которые акцентируют внимание на доминирующую роль политических элит в процессах модернизации российского общества. Авторы отмечают, что «существенная роль в посткоммунистической трансформации России принадлежит политическим элитам, оказывающим целенаправленное и институционализированное воздействие на развитие социума. Деятельность элит образует содержание инновационно-реформаторского потенциала общества»[1].

Роль элит в инновационном развитии общества также освещен в работах А.М. Старостина, который считает, что в основе инновационного развития общества лежит взаимодействие различных элит – политической, экономической (бизнес-элиты) и интеллектуальной. Причем главная роль в этой триаде отводится интеллектуальным элитам, «которые и выступают источниками и носителями нового знания, включая и прикладной уровень»[2].

Можно согласиться с данной точкой зрения, что формирование институтов гражданского общества в России должно опираться не на представления политической элиты, а учитывать экспертное мнение представителей интеллектуальной элиты страны, которые более адекватно судят о должных параметрах гражданского общества. Тем более что институты политической власти чаще всего не заинтересованы в реальной гражданской активности населения и контроле над своей деятельностью со стороны общественных организаций[3].

По мнению большинства специалистов, «российская политическая элита не заинтересована в создании гражданского общества.

---

[1] *Батанина И.А., Бродовская Е.В.* Методология и методика исследования ценностных ориентаций элит / Конвенциональные и неконвенциональные технологии политической деятельности в условиях глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 23 сентября 2011 г. М.,2011.

[2] *Старостин А.М.* Политологические инновации в контексте социально-гуманитарной инноватики // Конфликтология. 2013. № 188.

[3] *Дзахова Л.Х., Бязрова Д.Б.* Идеология как необходимый фактор жизни современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1.

Представители элиты вполне справедливо видят в нем главную угрозу для сложившейся системы взаимоотношений между властью и обществом. Логика функционирования сложившейся политической системы современной России и логика формируемого гражданского общества не только не совпадают, но зачастую находятся в антагонистическом противоречии»[1].

В целом, следует отметить, что проблемы, вставшие сегодня перед Россией, требуют серьезных институциональных изменений в политической и социально-экономической сферах жизни страны. В настоящее время, сложилось понимание того, что инновационное развитие страны невозможно без действенных институтов гражданского общества, выступающих в роли медиаторов между структурами государственной власти и интересами, как частных лиц, так и общественных объединений. Это определяет необходимость всестороннего исследования гражданского общества в России в контексте культурно-исторических условий его формирования, влияния на него глобализационных тенденций, а также выявление его роли в инновационном развитии страны.

Гусов М.Ю.,
асп. кафедры философии и социально-политических наук, СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

ПОНЯТИЕ «ЛИМИНАЛЬНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Анализ маргинализации элитных групп в условиях лиминальной социально-политической динамики в современной России предполагает рассмотрение понятия «лиминальность» в контексте современных политических процессов, затрагивающих элиты и условия их становления и развития. В современных справочных изданиях лиминальность (от лат. limen – «порог») рассматривается как стадия перехода той или иной системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов[2].

Необходимо отметить, что первоначально концепция лиминальности появилась в рамках науки антропологии, где она использовалась в целях описания состояние перехода человека в новое качество посредством ритуала инициации.

[1] *Андронова И.В., Белова О.В.* Гражданское общество в современной России и тенденции его эволюции // Вестник СамГУ. 2006. №8 (48). С. 5-6.
[2] Проективный философский словарь. СПб., 2002. С. 7.

В настоящее время содержание концепции лиминальности, как справедливо отмечает Л.В. Сморгунов, вышло за рамки антропологии и сегодня активно применяется в рамках исследований различных социально-политических феноменов современного сложного общества. Что касается собственно политической науки, то в ней понятие «лиминальность» в настоящее время применяется в целях исследования тех аспектов политики и политических отношений, которые связаны с властью и властным позиционированием политических акторов и феноменов[1].

Функционирование современного государства характеризуется возникновением особых зон чрезвычайности, или своеобразных лиминальных пространств, формирующихся вследствие террористических актов, стихийных бедствий, техногенных катастроф и т.д.[2] Концепция лиминальности находит активное применение при описании современных этнических проблем, возникающих в современных западноевропейских государствах: миграционные потоки, в частности, создают лиминальную ситуацию в Германии, Франции, Великобритании и других странах.

Концепция лиминальности оказывается плодотворной в рамках анализа социально-политической динамики в различных государствах мира, переживающих последствия современных экономических кризисов, создающих «пространства неопределенности и неразличимости», которые требуют применения смешанных стратегий в политической сфере[3]. Как справедливо отмечает Л.В. Сморгунов, различные сложные политические явления и процессы, происходящие в современных государствах, не могут быть поняты и адекватно интерпретированы с использованием традиционных концепций, пригодных для описания строгих и упорядоченных политических процессов, социально-политической динамики и развития, характеризующихся такими чертами как устойчивость, системность и упорядоченность. Именно концепция лиминальности как интегративная концепция является наиболее пригодной для описания переходных состояний общества, позволяя давать адекватную оценку тем сложным социально-политическим процессам, которые имеет место в рамках переходного общества, от-

[1] *Сморгунов Л.В.* Сложность в политике: некоторые методологические направления исследований // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6. Вып. 4.
[2] *Бязрова Д.Б.* Современные интерпретации теории общественного прогресса. Дис. канд. философских наук. М.,1999.
[3] *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х.* Партийность как фактор модернизации политической системы современной России. Ростов-на-Дону, 2011.

личающегося неустойчивостью и неопределенностью развития различных его подсистем.

Концепция лиминальности приобретает актуальность применительно к научному анализу современной политической действительности, отличающейся синтезом, тесным переплетением различных элементов: традиционных и современных политических институтов, западных и восточных политических традиций, а также таких диаметрально противоположных ценностей и политических практик как насилие и слабость, свобода и подчинение и т.д.[1]

С точки зрения Л.В. Сморгунова, лиминальность в настоящее время следует рассматривать как новую парадигму политического познания сложной социально-политической реальности. В современную политическую науку данная концепция привносит представления о сложности, экстраординарности, случайности и неустойчивости различных политических институтов и процессов. Существуют такие политические события, которые априори обладают лиминальной природой: к ним относятся в первую очередь государственные перевороты, войны, политические революции, кризисы и конфликты, получившие широкое распространение в современном обществе и ставшие неотъемлемой составляющей современной социально-политической динамики[2].

Лиминальность представляет собой «некоторое отношение «между» полюсами состояний, процесс некоторого перехода между различными порядками социальности (по этой причине она, в частности, активно использовалась в рамках постколониальных исследований, где выдвигался тезис о генезисе новой политической реальности формирующейся под воздействием ценностей и культуры третьего мира, т.е. всего того, что ранее было вытеснено из политического дискурса, формирующегося вокруг идеи доминирования западной политической культуры). Современность характеризуется «культурной гибридностью», поддерживающей различия, присущие современным политическим ценностям и институтам[3]. Как уже отмечалось выше, концепция лиминальности особенно продуктивна в случае с анализом политических явлений и процессов, происходящих в переходном обществе, характеризующимся определенным разрывом с предшествую-

[1] *Сморгунов Л.В.* Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Политические исследования. 2012. № 5. С. 159.

[2] *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х.* Государственная стратегия в отношении партогенеза и партийного строительства: некоторые обобщения // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 3.

[3] *Сморгунов Л.В.* Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Политические исследования. 2012. № 5. С. 160.

щим социально-политическим состоянием, однако, рассматриваемый переходный процесс здесь не является завершенным.

По мнению Л.В. Сморгунова, лиминальное время представляет собой «период необычного времени», характеризующийся существованием маргинальных зон человеческого бытия, которые не могут характеризоваться определенными особенностями, социальными, политическими, культурными, гендерными, национальными и т.д., а, напротив, отличаются крайней неопределенностью, смешением различных черт. Важно отметить, что лиминальность имеет и так называемые социально-моральные параметры, предполагающие утрату отдельными индивидами и группами, в том числе, и элитными, социально-морального статуса, социальной, национальной, культурной идентификации и признания. В соответствии с итоговым выводом, сделанным Л.В. Сморгуновым, концепция лиминальности современного политического развития позволяет ответить на ряд вопросов в политической науке, которые описываются категорией «сложного мышления»: данная концепция характеризуется тем, что «разрывает одномерные и линейные трактовки происходящего», отличается «чувствительностью к несоизмеримости», включая в себя «проблемы неустойчивости, многообразия и неопределенности»[1].

На наш взгляд, концепция лиминальности может быть использована в рамках анализа процессов маргинализации элитных групп в условиях российского переходного общества, социально-политическое развитие которого характеризуется неопределенностью и неустойчивостью, что не может не отражаться на функционировании указанных элитных групп.

[1] *Сморгунов Л.В.* Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Политические исследования. 2012. № 5. С. 162.

Аксенов М.И.,
бакалавр, РГУПС (г. Ростов-на-Дону)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ ИЛИ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ И ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Реальный процесс глубинной радикальной трансформации жизни человечества в современном мире обусловлен глубокими подвижками в способах и типах деятельности, общения и передачи информации в планетарном охвате. Научно-техническая, а также информационная революции, преобразовали в реальность идею единого взаимозависимого и взаимосогласованного мира, который обрел черты «глобальной деревни». Внедрение компьютерной техники, распространение сети Интернет, спутниковые способы передачи информации объединили во едино такие сферы человеческой деятельности как: экономику, культуру, науку, образование, и т.д., создав глобальную взаимозависимую систему. Создалась ситуация коммуникативной прозрачности, когда информация свободно проходит благодаря информационным потокам по всему миру и не знает никаких границ. Сеть Интернет образовала новую искусственно созданную реальность – «VR» – виртуальную реальность. Это новая «империя» со своими уже состоявшимися законами и нормами. И уже никто и ничто не в силах противостоять этому объективному процессу, иначе он останется на задворках мировой истории.

Глобализация, в основе которой лежит информационная революция, оказывает главное и решающее воздействие на все сферы человеческой деятельности – политику, культуру, образование, экономику, язык, духовно-нравственное развитие, межэтнические и межконфессиональные отношения. Данные сферы, включаясь в ускоряющийся темп обработки и передачи информации, обретают новые черты.

Русский ученый В.М. Межуев утверждает, что глобализация – это «усиливающаяся взаимосвязь национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения[1]».

Если же обратить свой взор на высказывания М.Г. Делягина (российского экономиста, публициста, разработчика теории глобализации), то он характеризует процесс глобализации как: «разрушение

[1] *Межуев В.М.* Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. №3. 2015. С. 102-115.

административных барьеров между странами, планетарное объединение финансовых рынков, приобретение финансовыми потоками, конкуренций, информацией и технологиями всеобщего мирового характера. Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово – информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества[1]».

Глобализация стала главным цивилизационным процессом современности, она вбирает в себя большое количество общемировых процессов, являясь принципиально новым явлением в истории человечества, а не просто продолжением прежде существовавших процессов мировой интеграции.

Особенность глобализации состоит не в её масштабах или сферах влияния, они колоссальны, а в явной сознательно приданной направленности. Только на первый взгляд глобализация кажется неуправляемым процессом, сложившимся естественным путём и не зависящим от воли и намерений людей. Подобные процессы не возникают случайно, сами собой, они всегда имеют инициаторов и своего субъекта. О том, кто и для чего инициирует, разрабатывает, поддерживает, направляет подобные процессы остается только догадываться.

В своей основе глобализация – это, прежде всего культурная стратегия Запада, основным направлением которой является покорение и порабощение всего, что противоречит западной идеологии. Глобализация – это навязывание норм, ценностей, бытия всему человечеству в качестве «веления времени». Согласно этой стратегии – всё своеобразное, национальное, самобытное, другое должно исчезнуть или влиться в новую систему ценностей, потеряв свою идентичность.

Очевидным фактом остается то, что глобализация приводит к обогащению одних стран за счёт других. В современных реалиях население стран является объектом управления и манипулирования. Поведение больших масс и отдельных индивидов заблаговременно планируется и программируется (проявляясь зачастую в немотивированных действиях и поступках). Практически при всех типах государственного устройства культивируется пассивность современного человека, при сочетании с предельной внешней активностью, что препятствует процессу личностного роста и развития, с всё большим устранением человека от управления ситуацией.

[1] Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.Г Делягин, 2000. С. 133-134.

Основным негативным аспектом глобализации является продуцирование пассивного человека во всемирном масштабе. Она угрожает самой сущности человека – «быть творцом своей жизни». Процессы современности, синтезированные глобализацией, оставляют человеку лишь примитивные перспективы развития. Человек всё более стандартизируется, становится противником глубокобытийственного многообразия, являющегося условием обретения человеком своей сущности. Таким образом, глобализация включает в себя отрицательные процессы и последствия.

Важно понимать, что глобализация несёт в себе и позитивные возможности, главная из которых – возможность выгодно интегрироваться в мировое сообщество той или иной стране. Реальна ли такая возможность, довольно болезненный вопрос для большинства стран мира, но сама возможность вынуждает стать на сторону глобализации, что даёт ей возможности к росту и большему углублению в мировые процессы.

Рассмотрим сущности и особенности глобализации. В сентябре 2000 года главами государств и правительств была принята Декларация Тысячелетия ООН, в которой главной задачей провозглашалось «Обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира[1]». Такое заявление связано прежде всего с несправедливым и неравномерным распределением благ и издержек, принесённых глобализацией. В более выгодном положении оказываются конкурентоспособные постиндустриальные страны западного мира.

Глобализация способствует сосредоточению и накапливанию богатства и власти в руках политической элиты мира. В подтверждение указанного обстоятельства, приведём некоторые факты. В руках трёх богатейших людей мира сосредоточенны богатства, превышающие богатства сорока семи бедных стран мира. Всего 475 богатейших лиц контролирует свыше половины достояния человечества. Соотношение 20% богатого населения Земли к 20% беднейшего населения достигло 1:75[2].

В результате роста уровня нищеты и разрыва в неравенстве распределения благ, под угрозу была поставлена национальная безопасность стран. Для сохранения и процветания человечества необходимо поощрять и поддерживать гуманистический подход к глобальным проблемам современности.

[1] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций" (Принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 Резолюцией 55/2 на 8-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)

[2] http://libr.msu.mogilev.by:8888/opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:2553/Source:default#

Согласно Хартии Земли, провозглашенной ООН – «Наше культурное разнообразие является ценным наследием, и различные культуры найдут пути к реализации своего видения устойчивого образа жизни»[1].

Человечеству необходимо развивать глобальный диалог, которому положила начало Хартия Земли и достичь гармонии между разнообразием и единством, индивидуальными свободами и интересами общества.

Глобализация является системным явлением, ориентированным на экономическую сферу, что вполне естественно, в экономическом плане ожидаются выгоды от интеграции, но следует отметить, что перенос ценностного акцента в экономическую сферу влечёт негативные последствия для моральных норм и ценностей мирового сообщества. Культура должна быть решающим аспектом глобализации, а не реакцией на экономическую интеграцию. Конфликты и столкновения культур и цивилизаций определяют главную тенденцию многополярного мира. В процессе глобализации необходимо разработать новую философию взаимопонимания, выстроить диалог между Западом и Востоком.

Отсюда следует, что сохранение специфических национальных культур возможно и должно стать безусловно значимой целью мирового сообщества. Необходимо наполнить интеграционные процессы общечеловеческим содержанием, позволяющим смотреть сквозь призму национально-культурного восприятия. Необходимо акцентировать внимание на общечеловеческую составляющую в той или иной культуре, что бы она смогла обеспечить преодоление специфических национальных форм выражения.

На данный момент глобализация не является средством взаимообогащения культур, в процессе их равного диалога, а превратилась в процесс обезличивания, благодаря своему особому содержанию.

Главной опасностью современных реалий становится создание мировой культуры, о которой никто не сможет сказать: «Это моя культура». Именно этот аспект даёт возможность такой культуре быть сколь угодно разрушающей, бездуховной, низкой и злобной. Происходит процесс разрушения культуры, превращая её в набор формализованных реакций на проблемные ситуации.

Культура является внешней оболочкой личностного ядра ценностей человека, разрушая культуру, глобализация влечёт ряд последствий для ценностного ориентира человека и общества в целом. Главный конфликт возникает между традиционно и либерально-

[1] http:www.earthcharter.org/draft/charter.htm.

демократически ориентированными частями общества, при котором традиционные ценности трансформируются в новые, соответствуя новым мировым реалиям.

Главную угрозу несут конфликты, возникшие на ценностном уровне и перерастающие до политических, военных, и религиозных столкновений. Возникающее противоречие ценностей не позволяет им укорениться ни в личностной, ни в общественной сфере. Именно такое положение дел приводит к отсутствию какой-либо целостной системы человеческих ценностей в современном обществе, как на Западе, так и на Востоке.

На практике это можно увидеть на ближнем Востоке, где радикально настроенные члены общества, апеллируя к своей системе религиозных ценностей, сознательно оправдывают и совершают подмену религиозных понятий актуально их политическим интересам. На Западе разрушение семейных ценностей привело к деградации и утрате ведущей роли в становлении системы ценностей такого института, как семья, что привело ещё к более серьезным разногласиям в обществе среди приверженцев традиционных ценностей и либерально-демократически настроенными членами общества.

Всё это, убедительно демонстрирует ценностную анархию в современном мире, которая для удобства и оправдания именуется плюрализмом, но означает только одно: современный мир утратил ценностные основания своей жизнедеятельности. Отсюда фрагментарность и непоследовательность; условность союзов и региональных объединений; волюнтаризм; отсутствие стабильности и критериев в политике; абсолютная манипулятивность гигантскими массами людей; чрезвычайная и неоправданная власть СМИ и т.д.

Глобализация сделала эти процессы повсеместными и всеобщими. Опыт прошедших десятилетий позволяет сделать очень важный и значительный вывод: как таковые войны в их прежнем понимании не нужны, если к военным действиям прибегают, то совсем с другими целями, чем прежде; те результаты, которым раньше приводили войны, сейчас вполне достигаются разрушением системы ценностей противника, и последний превращается при этом даже в союзника.

Ковалев А.В.,
РГУПС (г. Ростов-на-Дону)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ: ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

С каждым годом происходит неминуемое развитие многих вещей: такими фрагментами развития являются реформы в международном праве, государственных делах, науке, экономических процессах, культуре, в том числе и образовании. Развитие образовательной системы нашего отечества вызвано большим количеством факторов, начиная с большой нужды совершенствования подготовки специалистов с высокой квалификацией и заканчивая тенденциями, происходящими в мировом образовательном процессе. Сталкиваясь с препятствиями, которые возникают в наше время, образовательные системы должны находить логичные и правильные ответы на вызовы и тенденции, характеризуемые развитием образования в мировом масштабе, на данном этапе развития общества. Одним из главных пунктов в этом вопросе является создание высокоуровневой программы для отечественной системы образования. Большое стратегическое значение для страны как государства является потребность в разработке такой программы, а актуальность исследований развития системы образования считается наиболее обоснованной в наше время.

Прежде чем более углубленно рассматривать исследования конкретного характера, обосновывающие и проясняющие поставленную проблему, необходимо обратиться к трудам отечественных и зарубежных ученых.

Многоплановое рассмотрение различных аспектов модернизации системы образования в масштабе всего мира и влияния тенденций на систему образования Российской Федерации осуществлялось обширным количеством ученых, и было отображено в работах. Несмотря на множество трудов обращенных на решение проблем в этой сфере, существует обширное количество направлений для развития отечественного образования, заложенные как историками, социологами, педагогами, так и публицистами.

В данной статье мы попытались их выявить и сформировать своеобразный обобщенный список основных тенденций модернизации отечественной системы образования. Чтобы это осуществить нужно решить исследовательские задачи:

- Изучение основных направлений модернизации и трансформации образовательного пространства во всем мире.
- Нахождение главных вызовов мировых тенденций в системе образования современности.
- Определение ключевого влияния мировых направлений в сфере развития образования на систему российского образования.

Исходя из перечисленного, основной целью рассматриваемого вопроса становится изучение мировых тенденций в развитии современного образования. Нужно сказать, что очевидные изменения в образовании произошли в конце 20 века, и основным фактором этого послужил процесс глобализации, косвенно влиявший на образование, которое в свою очередь было вызвано нуждами мирового рынка. Главной задачей модернизации мирового образования считается снижение уровня влияния национальных и региональных систем образования с помощью введения общих стандартов. Такой процесс обусловлен переходом образовательной системы в мировое пространство, где существуют свои стандарты и рамки. Вследствие всех этих явлений возникает рынок, лоббирующий образовательные услуги по экономическим принципам. Рассмотрев эту информацию, можно сказать, что система образования должна быть конкурентоспособной и способна продавать свои услуги, что вследствие ведет к большей привлекательности на международной арене.

Первостепенными направлениями модернизации в области высшего образования в масштабе всего мира являются:

- Процесс современного развития образования.
- Увеличение манёвренности и усвоение информации студентами в масштабах всего мира.
- Создание образования на платной основе.
- Увеличение качества образовательных программ запросам рынка.

Совокупность этих аспектов сказывается напрямую на востребованность в практической деятельности. Главный процесс, происходящий в этот момент, направлен на переориентацию с академической составляющей на практическую. Как показывает практика, традиционная система образования отходит на второй план, а на первое место становится рыночная, так как она более ориентирована на рыночные потребности существующие в данный момент.

Студенты, изучившие дисциплины, востребованные рынком труда, легче трудоустраиваются, владея знаниями действующей ситуации. Таким образом, образовательные учреждения постоянно улучшают

образовательные программы, для того чтобы оставаться рентабельными и свободно конкурировать в этой отрасли.

Мобильность образования с каждым годом становится более выраженной, следуя за студентами и преподавательским составом. В свою очередь преподаватели мигрируют для нахождения наиболее адекватных условий труда. Перспективность преподавателя определяет его способность свободно перемещаться между вузами и приспосабливаться к изменению рыночной конъюнктуры. Параллельно с этим студенты также мигрируют, только в отличие от преподавательского состава, они выбирают более престижные вузы, способные выпускать специалистов, направленных на потребности международного рынка труда.

Рассмотренные тенденции в образовательном пространстве встречаются также и с вызовами; в первую очередь, это упадок качества образовательной системы, следствием чего является коммерциализация, во-вторых, ориентированность системы на требования рынка труда и потерю устоев в образовании, которые складывались веками.

Эти риски вытекают из желания подстроить вузы под мировой рынок, а желания, которые актуальны в текущую минуту, могут легко измениться завтра.

Современное образование бесспорно имеет плюсы, такие как гибкость, но не стоит забывать, что у любой системы есть как положительная сторона, так и отрицательная. Такой стороной современного образовательного процесса является плохое освоение академических знаний и направлено все на приобретение профессиональных навыков, востребованных в конкретный момент. Рынок – очень нестабильная платформа; его изменения очень сильно сказываются на специализациях, и то, что сегодня было актуально и востребовано, завтра станет второстепенным, что в свою очередь потребует совершенствования своих навыков. Казалось бы, постоянное обучение и повышение профессиональных навыков является показателем отличного работника, но существует вероятность получить специалиста с поверхностными знаниями не имеющего фундаментальных основ. Еще одним негативным фактором коммерческого образования является двойственная загруженность студентов, разрывающихся между работой и обучением, что также негативно сказывается на усвоении образовательной программы. Тем более, что основная часть студентов не может работать по профессиональному направлению, в связи с отсутствием знаний и документа, удостоверяющего его компетентность.

Второй опасностью, как указано ранее, считается снижение национальных образовательных традиций. Данная проблема напрямую связана с унификацией образования, переходом в единое образовательное пространство. Унификация является усреднением, ориентируя на средние стандарты, вследствие чего теряются сильные стороны национальных образовательных систем, но и сильные стороны других национальных систем, вливающих в общую массу, не дает гарантий высокоэффективного наполнения в образовательном пространстве.

Унификация сводит все индивидуальные черты образовательных систем на нет, связанно это в первую очередь с национальными образовательными традициями. Как считал В.И. Панарин, единство разнообразия, богаче и эффективнее, упрощенного однообразия.

Способность сочетать национальное образование с образованием глобальным, является на сегодняшний день важнейшим из задач поставленным в образовательном пространстве, и в тот же момент одним из проблематичных. Связано это с тем, что интернационализация заставляет отечественное образование разделяться на массовый сегмент и элитарный. Вузы, находящиеся в крупных городах, пользуясь более развитой интеграцией в образовательное пространство, становятся на ступень востребованной, нежели образовательные учреждения, находящиеся в провинциальных регионах. Вызван этот феномен тем, что провинциальные образовательные учреждения менее интегрированы, обладают малым финансированием и различаются по количественному составу как преподавательского состава, так и студенческого.

Актуальность проблемы для России колоссальна. С одной стороны, увеличение роста абитуриентов спровоцировало количественный рост вузов в глубинке, а в свою очередь многие из этих вузов малоинтегрированны. С другой стороны, закрытие этих учреждений повлечет за собой большой экономический кризис, так как исчезнет кузнеца большинства квалифицированных специалистов массового уровня.

Для России очевидна потребность в развитии отечественного образования, повышая ее уровень конкурентности, страна закрепляет за собой привлекательность в качестве лидера мировой политической и экономической конъюнктуры.

Создание Россией конкурентной системы образования для мирового пространства считается одной из главных задач. Вместе с тем необходимо помнить о проблеме интеграции образования и создать направление для решения этих проблем или снижение влияние рисков к минимуму. Существуют следующие пункты для включения отече-

ственного образования в мировое образовательное пространство, избегая рисков:

- Увеличение финансовой базы высшего образования – как за счёт государств, так и из негосударственных источников.
- Контроль за стандартизацией и обезличиванием образования, следствием чего является упадок качества преподавателей и студентов.
- Увеличение мобильности всех образовательных учреждений.
- Нахождение ответов на решение проблем, связанных с соотношениями вузов локального и элитного характера.

Финансовая составляющая нашего высшего образования является ключевой, во многом именно фактор финансирования сказывается на оттоке наших специалистов за границу и отсутствие притока зарубежных профессионалов.

Возможность решить финансовые вопросы отечественных образовательных учреждений самостоятельно оборачивается профанацией, превращением учреждений образовательного типа в фирмы по реализации дипломов о высшем образовании.

Еще одним важным направлением в модернизации современного образования является его информатизация. Информационные технологии завоевывают большую значимость в научном поиске, что ставит на первостепенное место навык находить и грамотно обрабатывать информацию. Рассмотрев это направление, важное для отечественного образования, стоит упомянуть, что оснащение вузов интернет-технологиями позволит поднять уровень получаемого образования всеми специалистами.

Подводя итоги, необходимо сделать вывод о том, что развитие отечественной системы образования в последние 25-30 лет во многом вызвано глобальными тенденциями модернизации образовательного процесса в целом, но не стоит забывать о рисках. К таким рискам относится стандартизация всего образовательного пространства и снижение качества образовательного процесса, а также ориентир на рыночные интересы, которые оказывают огромное негативное влияние на академизм, национальные традиции, складывающиеся на протяжении веков и разделение отечественных вузов на элитарные и провинциальные. Снижение влияния рисков является ключевой задачей модернизации системы образования, следствием чего будет увеличение финансовой базы российских вузов и укрепление внутри страны.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

I. СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИСТИКА КАК НАУЧНЫЙ КОНСТРУКТ И ИДЕОЛОГЕМА. МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 7

Старостин А.М.
СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИСТИКА В АСКРЕПТИВНОЙ, ДЕСКРИПТИВНОЙ И ЭССЕНЦИАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИЯХ.....7

Урсул А.Д.
БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД И ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 13

Делягин М.Г.
ГЛОБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И РОССИЙСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ..33

Ротенфельд Ю.А.
НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И НОВЫЙ ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ И ГЛОКАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 38

Муза Д.Е.
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?.....44

Шепелев М.А.
ГЕОИСТОРИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....49

Самыгин П.С.,
Самыгин С.И.
КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 56

Белов А.В.
РАЗВИТИЕ Ю.А. ЖДАНОВЫМ ИДЕЙ УЧЕНИЯ В.И. ВЕРНАДСКОГО О БИОСФЕРЕ И НООСФЕРЕ.....61

Штомпель О.М.
ИННОВАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 67

Музыка О.А.
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....69

Рябова Л.В.
О ПРАКТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ВЫСОКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ.....75

Бязрова Дж.Б.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОГРЕССА 83

Кожевников Н.Н.,
Данилова В.С.
ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА НА ОСНОВЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ И СЕТЕВЫХ РАВНОВЕСИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИСТИКИ 88

Коротец И.Д.
НЕКОТОРЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОРАЗМЕРНОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА 93

Поцелуев С.П.
ДИЗАСТРОЛОГИЯ КАК СУБДИСЦИПЛИНА В ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК 100

Щеглов Б.С.
ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 106

Бережная Н.В.
КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАДИКАЛИЗМА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЭВОЛЫ 111

Мозговая Т.И.
ТЕОРИЯ ЭЛИТАРИЗМА И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЭВОЛЫ 114

Островский С.В.
ХОРОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 115

II. СЕКТОРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 123

Саямов Ю.Н.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СУВЕРЕНИТЕТ И МЕНЯЮЩАЯСЯ КОНФИГУРАЦИЯ МИРА 123

Швец Л.Г.
ГЕНДЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 132

Сущий С.Я.
МИР XXI ВЕКА: СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ) 139

Макаренко В.П.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 147

Минасян Л.А.
ГЛОБАЛИЗМ И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ:
ЧТО ЕСТЬ ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ И СУЩЕСТВУЮТ ЛИ
НОВЫЕ ЦЕННОСТИ 156

Папченко Е.В.
АНТРОПОГЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 162

Узнародов И.М.
ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 166

Афанасьева И.И.,
Резников С.Н.
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 175

Глухова А.В.
СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМ
ВЫЗОВОМ 179

Разумов В.И.
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ/ГЛОКАЛИЗАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ИНСЕЙФИНГА 184

Золотухина-Аболина Е.В.
ЛЮДИ-ГЛОБАЛИЗАТОРЫ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ 190

Золотухин В.Е.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ
МИРЕ 193

Попов В.В.
СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ 195

Штомпель Л.А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ
ГОРОЖАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 200

Хубулури Е.И.
ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 202

Чапны Е.В.
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР В XXI ВЕКЕ: НОВЕЙШИЕ
АНТРОПОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ... 207

Пазина Л.О.,
Миронова О.А.
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ 211

Авдулов Н.С.
ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО 217

Краснокутский П.А.
КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ДРАЙВЕР РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 224

Шепелева Ю.Л.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 228

Подшибякина Т.А.
КОНСТРУИРОВАНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 233

Рябцев В.Н.
ФЕНОМЕН «НЕСОСТОЯВШИХСЯ» ГОСУДАРСТВ И ПРИЧИНЫ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 238

Семёнов В.С.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАКРОИЗМЕНЕНИЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РИСКИ, ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ 246

Шипилова Т.В.
ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 251

Самойлова Ю.Б.,
Пайков А.Ю.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА 256

Бабахова Л.Г.
ОТЧУЖДЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА ... 260

Лихотинский В.А.
КРИПТОИДЕОЛОГИЯ АНГЛОСАКСОВ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК 263

Сорокин Г.В.
ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС 269

Иванова Л.Л.,
Дасаева Д.Ф.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 270

Лобова Л.А.,
Губарев П.Ю.
ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ПРОЦЕСС КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ 275

Индыло В.С.
БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС 278

III. СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ 283

Альбеков А.У.,
Старостин А.М.
ГЛОКАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА 283

Вовченко Н.Г.,
Андреева Л.Ю.,
Оробинский А.С.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И САНКЦИИ КАК ФАКТОРЫ ДИСБАЛАНСОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 287

Склярова Е.А.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК 306

Аствацатурова М.А.
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СУВЕРЕНИЗАЦИИ: СМЫСЛЫ И ПРОЕКЦИИ 309

Вартумян А.А.
ФРОНТИР В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ 315

Кокин А.В.
ВЫЗОВЫ ГЛОКАЛИЗАЦИИ. УПРАВЛЯТЬ ИЛИ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ? И ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ РАТИФИЦИРОВАТЬ РФ ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КЛИМАТУ? 321

Коновалов В.Н.
СУВЕРЕНИТ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ 327

Баранов А.В.
СЕЦЕССИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАТАЛОНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ 333

Дзахова Л.Х.
БОРЬБА ЗА «АЛАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»: РИСКИ ОБОСТРЕНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 338

Соловьев А.К.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 346

Пупыкин Р.А.
ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ 2016 ГОДА 349

Узнародов Д.И.
СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ ГЛОКАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ 355

Тованчова Е.Н.,
Савинов А.С.
ГЛОКАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНО-РОССИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 361

IV. ГЛОБАЛЬНЫЕ И ГЛОКАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 365

Танделаты Х.А.
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ 365

Мышьякова Д.В.
НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СОВЕТОВ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 369

Гусова И.К.
ВЛАСТНАЯ МИССИЯ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 374

Гусов З.Ю.
РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ 376

Гусов М.Ю.
ПОНЯТИЕ «ЛИМИНАЛЬНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 379

Аксенов М.И.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ ИЛИ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ И ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА 383

Ковалев А.В.
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ: ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ 388

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Монография

Подписано в печать 05.12.2017 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п.л. 25.
Тираж 500 экз. (1 завод – 100 экз.). Заказ № …….

Издательство РГЭУ (РИНХ)
344002 Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Отпечатано в типографии

400